

История европейской интеграции 1945-1994

Под редакцией А.С. Намазовой и Б.Эмерсон

Институт всеобщей истории РАН
Институт Европы РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
программы ТАСИС Европейского Союза

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1945 – 1994)

Под редакцией
А.С.Намазовой, Б.Эмерсон

Москва
1995

Под редакцией А.С.Намазовой и Б.Эмерсон

**История европейской интеграции (1945-1994 гг.) — М., ИВИ
РАН, 1995. — 308 с.**

В книге представлены итоговые материалы международной конференции "История европейской интеграции. 1945-1994 гг.", состоявшейся в июне 1995 г. в Москве. В статьях российских и зарубежных ученых из Германии, Великобритании, Италии, Бельгии и Швейцарии отражен весь спектр традиционных и новых подходов к изучению европейской интеграции, показаны главные тенденции и наиболее перспективные направления, специфика источниковой базы.

Книга рассчитана на историков, экономистов, обществоведов, студентов ВУЗов и всех интересующихся проблемами современного состояния европейской интеграции.

Фотографии Ж.Монне и Р.Шумана любезно предоставлены "Главной дирекцией информации" Комиссии Европейского Союза.

ISBN 5-201-00457-1

И $\frac{0503010000-17}{45 \text{ ж} (03)-95}$ без объявл.

© Коллектив авторов, 1995
© Институт всеобщей истории РАН, 1995
© Институт Европы РАН, 1995

К ЧИТАТЕЛЮ

Настоящий сборник представляет собой итоговые материалы Международной конференции «История европейской интеграции 1945-1994 гг.», состоявшейся в июне 1995 г. в Москве.

Конференция и публикация ее материалов организована и подготовлена Институтом всеобщей истории и Институтом Европы РАН при финансовой поддержке программы Тасис-Бистро Комиссии Европейского Союза в Москве.

Организаторы и участники конференции стремились дать объективную картину современного состояния истории европейской интеграции, ее истоки и перспективы.

В конференции приняли участие специалисты из Российской академии наук и из вузов Москвы, а также представители МИД РФ, и ряд зарубежных ученых-историков из Германии, Великобритании, Италии, Бельгии и Швейцарии. Известные историки из стран Европейского Союза представили доклады, охватывающие период от военного времени до заключения Маастрихтского соглашения. Изучение европейской интеграции в течение многих лет базировалось на западных и опубликованных советских источниках.

На конференции была представлена советская точка зрения на послевоенную европейскую интеграцию. Благодаря параллельному рассмотрению предмета российские историки смогли ознакомить западноевропейских коллег с исследованиями, основанными на неизвестных ранее архивных материалах.

Доклады, сообщения, выступления в прениях отразили весь спектр традиционных и новых подходов к изучению европейской интеграции, продемонстрировали как несомненные достижения, так и серьезные нерешенные проблемы европейской интеграции, ее главные тенденции и наиболее перспективные направления, а также наметившиеся возможности и трудности в реализации ее интегративного потенциала. Важное принципиальное место занял вопрос о специфике источниковой базы, о соотношении истории и экономики, истории и идеологии, «высокой» политики и массовой политической культуры за последние пятьдесят лет послевоенной истории. Разумеется, авторы данных статей высказывают свою собственную точку зрения на рассматриваемые в сборнике проблемы.

Ныне, в условиях кардинальных перемен в Восточной Европе и в период трудного перехода России к новой экономической и политической системе, необходимость учета и использования европейского опыта становится важной и очевидной. Сегодняшний взгляд на содержание и формы европейской интеграции особенно важен в условиях дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве и в самой России. Вот почему изучение опыта Европейского Союза — творческой лаборатории и

новой модели социального и политического развития, оказывающей существенное воздействие на мировую экономику и политику, является столь необходимым.

Предлагаемая публикация, несомненно, внесет свою лепту в оживленную дискуссию по фундаментальным вопросам изучения истории европейской интеграции и вызовет интерес у научной общественности и у студентов-историков и экономистов.

А.С.Намазова, Б.Эмерсон

ПЛАНЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ И ОБСУЖДЕНИЕ УСЛОВИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Очевидная неудача устройства мира в соответствии с Версальским мирным договором дала сильный импульс попыткам к объединению¹. Успешная ревизионистская политика и быстрый триумфальный марш национал-социалистической Германии в 1939-1940 годах открыли европейцам глаза на тот прискорбный факт, что европейские национальные государства больше не могли гарантировать безопасность своим гражданам и что даже традиционный тип союзов и межправительственных соглашений больше не был достаточной защитой от вооруженной агрессии. Это усилило осознание необходимости создания структур коллективной безопасности, благодаря которым можно было бы устранить межгосударственную анархию хотя бы на территории Европы, и сплочения стран, которые ощущали угрозу распространения германского национал-социализма. В Великобритании эта тенденция (длительное время лишь едва намечавшаяся) оформилась в общих чертах сразу после Мюнхенского соглашения, воспринятого как позорное событие. Такие авторы как лорд Лотиан и Кларенс Стрейт, выступавшие в защиту федерации демократических государств, привлекали огромное внимание. В этом контексте следует рассматривать и предложение союза с Францией, выдвинутое Черчиллем в июне 1940 г.²

Впоследствии, однако, когда во Франции заявили о себе сторонники перемирия и когда Великобритания в одиночку более года сопротивлялась германскому наступлению, желание английского народа установить долгосрочные связи со странами континентальной Европы заметно уменьшилось. Прочный мир, как теперь ожидалось, должен был быть обеспечен путем тесного сотрудничества с Соединенными Штатами, а сами англичане верили, что они играли роль одной из трех великих держав, сохраняющих мир. С другой стороны, те, кто активно сопротивлялся германской оккупации, были не только свидетелями провала Лиги Наций, но и переживали национальное унижение и развал. Вследствие этого все более радикальным становилось неприятие принципа национального государства и, как только перспектива создания национал-социалистской империи в Европе стала более вероятной, усилилась восприимчивость к идеям объединения. Леон Блюм, например, так выразил свое мнение весной 1941 г., находясь в заключении при Вишистском правительстве: "Кто-то должен сказать всему миру с глубочайшей и сильнейшей бескомпромиссной убежденностью: эта война должна, наконец, породить сильные международные учреждения и привести к созданию долговременных и эффективных междуна-

родных органов власти, в противном случае обязательно последуют другие войны”³. И так же как Блюм, десятки других авторов сопротивления, выразивших мнение подавляющего большинства групп сопротивления четко зафиксировали, что требуется для такой степени эффективности, а именно, ограничение национальных суверенитетов в пользу так называемой ”супер-государства” с его собственными учреждениями и руководством⁴.

Доводы руководителей сопротивления были сформулированы не только под воздействием войны и национального упадка, но и — чем дольше сохранялись перегрузки, связанные с войной, — потерей силы по сравнению с новыми мировыми державами. В то время как европейским ресурсам наносился серьезный ущерб, Соединенные Штаты Америки, извлекая выгоду из сложившейся ситуации благодаря своей функции основного поставщика материалов стран антигитлеровской коалиции, и в результате неучастия этих стран в мировом рынке, увеличили объем производства более чем в два раза по сравнению с довоенным уровнем. Соединенные Штаты достигли стандартов экономического производства, которые несомненно превосходили пределы, достигнутые европейскими национальными государствами, поставив таким образом под вопрос конкурентоспособность и, следовательно, независимость европейских стран. Со стратегической точки зрения, исход войны позволил Соединенным Штатам стать ведущей мировой военной державой, в то время как Советский Союз становился сильнейшей военной державой европейского континента. Это привело к тому, что старые государства Европы не только потеряли значительную часть своего прежнего влияния на международную политику, но и сами становились все менее защищенными от силы и влияния двух главных держав-победительниц.

Ускоренное развитие производственных ресурсов и очевидная потеря политической мощи и влияния европейскими национальными государствами давали основание полагать, что теперь делом первостепенного значения стала консолидация европейских ресурсов в целях самостабилизации в противоположность довоенным группировкам государств. Европейские политики, находящиеся в эмиграции, больше всего озабоченные этой целью, сначала наметили региональное объединение. Принимая во внимание относительную однородность этих стран и уже достигнутую интенсивность экономического обмена, такие региональные объединения казались легко достижимыми и могли служить исходной точкой для более обширных политических союзов. В любом случае те политики, которые тогда занимались разработкой основ региональных союзов, обычно считали ”большую” Европу самой желательной целью; однако, они сначала сосредотачивали внимание на тех вещах, которые казались осуществимым в послевоенной ситуации, отмеченной общими изменениями. Это ка-

сается эмигрантских правительств и Западной, и Восточной Европы во время второй мировой войны. Таким образом — с точки зрения настоящей ситуации — достаточно примечательно то, что большая часть конкретных планов была разработана представителями сопротивления и восточноевропейских правительств в эмиграции⁵.

Готовность к поиску наднациональных решений еще более усилилась тем, что многочисленные бойцы сопротивления рассматривали тоталитарное господство, осуществлявшееся фашистами, как крайнее проявление абсолютной природы национального принципа государственного суверенитета. В борьбе против крайних, фашистских форм этатизма и национализма они заново открыли общность традиционных европейских ценностей. К сопротивлению их побуждала не столько необходимость борьбы против иноземного ига, сколько протест против подавления прав человека. Таким образом они сплывались, преодолевая идеологические, социальные и национальные барьеры чтобы не допустить новых злоупотреблений государственной властью, основанной на национальном принципе. Летом 1941 г. Эрнесто Росси и Алтиеро Спинелли написали следующее воззвание в результате долгих дискуссий с товарищами по заключению в итальянской островной тюрьме Венготене: "Абсолютный суверенитет национальных государств дал каждому желание иметь преобладающее влияние". По их утверждению, усилия национальных государств занять доминирующую позицию неизбежно ведут к возникновению тоталитарных режимов; поэтому народы Европы будут вынуждены противостоять тем, кому выгоден старый порядок, путем ликвидации разделения Европы на суверенные национальные государства: "Свободная и объединенная Европа является необходимой предпосылкой для развития современной цивилизации, которая которая зашла в тупик в эру тоталитаризма"⁶.

Чем дольше продолжалась война и обнажались ужасы режима национал-социализма, тем очевиднее становилось, что должны быть разработаны федеративные структуры для разрешения германской проблемы. "Ненависть не может быть уничтожена ненавистью, и насилие не может быть уничтожено насилием" — писал в 1941 г. Леон Блюм. "Есть только один способ разрешить противоречия для того, чтобы сохранить целостность Германии на основе мирного и безопасного статута: а именно, включение германской нации в международное сообщество"⁷. Вместе с разоблачением реальностей тоталитарного государства все более и более очевидным становилось, что социальные корни германского империализма не могли быть уничтожены только контролируемой перестройкой германского общества державами-победительницами. Вот как писал в марте 1944 г. Клод Бурде во французской газете Движения сопротивления "Комба": "Однако такая опека может быть принята с терпением и

пониманием лишь в том случае, если европейские нации частично откажутся от своих национальных суверенных прав в пользу европейской федерации⁸. Без перспективы развития в сообществе государств европейцев, принудительные действия, предпринятые государствами-победителями будут только чреваты возникновением новых реваншистских настроений среди немцев”.

Вполне естественно, эта линия аргументации была позитивно воспринята среди тех немцев, которые задумывались о последствиях поражения Третьего рейха для их нации. Единственная реальная перспектива для Германии, приемлемая для всех европейских государств, представлялась деятелям демократического сопротивления Гитлеру только в рамках международного федеративного устройства. Когда восстание против национал-фашизма стало маловероятным, они сосредоточили свои усилия на привлечении внимания союзных держав к эффективной связи, которая должна установиться между процессами демократизации и федерализации. И консервативное сопротивление, сплотившееся вокруг таких деятелей как Людвиг Бек, Ульрих фон Хассель и Карл Герделер, отмеченное вначале определенным сходством с традиционными гегемонистскими концепциями "Срединной Европы", было вынуждено проявлять все большую и большую умеренность. Некоторые из них, например Герделер, были убеждены в необходимости экономической интеграции и контролируемого разоружения, и в конце концов объявили себя сторонниками федеративной Европы, "где ни Германия, ни какое другое государство не будет иметь преимущества”.

Опыт второй мировой войны вплоть до 1943 г. привел к широкому движению за объединение в Европе. Это движение не имело четких представлений о географических границах объединенной Европы и ее роли во всемирном послевоенном устройстве. Существовали различные концепции об отношении к Советскому Союзу и о роли Германии в объединенной Европе; кроме того имели место различные социальные цели и политические стратегии, различные уровни неприятия традиционной политики государств. Не было также единого взгляда на политическое проведение в жизнь идеалов, представленных в Европейском движении, и существовало различное отношение к необходимости создания различных региональных союзов. Тем не менее движение объединения отмечалось единодушием мнений и сходством мотивов, которые выходили за национальные и идеологические рамки, особенно в понимании неприемлемости традиционной системы национального государства и исходящей от нее угрозы миру, а также в понимании необходимости федеративного регулирования. Это единство мнений было типичным для большинства политиков в изгнании и для подавляющего большинства руководителей сопротивления в оккупированных странах от Франции до Польши, за исключением меньшинства консерватив-

ров и коммунистического сопротивления. Такого консенсуса нельзя было обнаружить в Великобритании, где исходная ориентация на федеративное решение все более сменялось верой в собственные силы страны; то же самое относится и к северным государствам, которые традиционно ориентировались на Великобританию. Для континентальной Европы, в более узком смысле, этот федералистский консенсус стал основой для развития альтернативного решения о восстановлении разрушенной системы национальных государств.

II

Представители восточноевропейских правительств в изгнании и движения сопротивления выступили в наиболее развернутом и конкретном плане.

11 ноября 1940 г. польское правительство в изгнании под руководством генерала Сикорского и временное правительство Чехословакии, возглавляемое президентом Бенешем, подготовили совместную декларацию о своем намерении сформировать "более тесную политическую и экономическую ассоциацию", к которой должны были присоединиться "другие страны этой части континента"¹⁰. 23 января 1942 г. оба правительства заключили официальное соглашение, провозгласившее создание польско-чехословацкой "конфедерации" после войны. Несколькими днями раньше, 15 января 1942 г., югославское и греческое правительства в изгнании подписали соглашение о конфедерации, обязуясь создать общие институты, чтобы обеспечить общую внешнюю, экономическую и оборонительную политику. Подавляющее большинство сил, принимавших участие в Движении сопротивления в Восточной Европе, — большей частью из политического центра и левых социалистов — считали это соглашение прелюдией к федерированию восточноевропейского региона в общеевропейском контексте. Некоторые думали о какой-то комбинации Центрально-Восточно-европейской, Дунайской и Балканской федерации, другие, как например Сикорский, хотели немедленно объединить в единую федерацию центр и юг Восточной Европы. Сам Бенеш скептически относился к идее федерации, но он, по крайней мере, принял проект конфедерации, когда ему пришлось бороться в Лондоне за признание его лондонского правительства в изгнании.

Мысль о региональной федерации в западной части континента была впервые высказана бельгийскими эмигрантами. Поль Анри Спаак, который занимал пост министра иностранных дел в бельгийском правительстве в изгнании, ратовал за федерацию Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Франции в экономической, политической и военной областях, которая позволила бы этим странам, основываясь на их колониальных владениях, сохранить свое участие в мировой политике наряду с великими

державами. Эта западноевропейская группа поддерживала бы дружеские и все более близкие отношения с другими федерациями и великими державами. Поль ван Зееланд продолжал свою политическую агитацию за таможенный и монетарный западноевропейский союз. А Луи де Брукер, бывший президент Социалистического рабочего интернационала, подчеркнул необходимость интеграции германской промышленности в европейскую экономическую взаимозависимую систему, которая должна быть организована в западной части континента¹¹. Учитывая те же аргументы, Карло Сфорца, бывший министр иностранных дел в дофашистской Италии и один из самых видных деятелей итальянской эмиграции, ратовал за центральноевропейскую федерацию от Польши до Сербии и Латинскую федерацию, объединяющую Францию и Италию, которая позднее, возможно, могла бы распространиться на все остальные страны Средиземноморья¹².

После переезда из Лондона в Алжир в начале лета 1943 г. французское правительство в изгнании под руководством генерала де Голля одобрило проект региональной федерации в Западной Европе. Де Голль весьма скептически относился к готовности Британии присоединиться к такому союзу, и он также с трудом мог представить себе равноправное участие Германии. Что касается остальных участников, он был убежден, что федерация в Западной Европе будет действительно необходима как для восстановления экономики Франции, так и для сохранения ее влияния на мировую политику. 30 октября 1943 г. он дал директиву комиссарам Временного правительства серьезно изучить "проект западноевропейской федерации". Ядро федерации должны были составлять Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург; следовало тщательно изучить возможность распространения на юг аннексии промышленного региона Рейн-Вестфалия и ассоциации с Великобританией¹³.

Первые переговоры об интеграции региональных федераций в большую Европу были организованы Сикорским в Лондоне, где в это время находилось большинство эмигрантских правительств. По его приглашению встретились представители эмигрантских правительств Польши, Чехословакии, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Греции, Югославии и комитета "Свободная Франция", чтобы обсудить организацию "Европейского сообщества". Эти переговоры продолжались весь 1942 год. Выявилось почти полное согласие по вопросу о необходимости частичного отказа от суверенитета и демократического уклада стран, потерпевших поражение в войне. Но стало также очевидно, что решения по общей структуре Европы не могли дальше приниматься без новых великих держав и что в любом случае проблемы мер по поддержанию мира не могли решаться только на европейском уровне¹⁴.

Но усилия европейцев добиться поддержки Великими державами идеи о федеративной реорганизации Европы натолкнулись на трудности. Черчилль был единственным из Большой Тройки, кто недвусмысленно одобрил инициативу объединения. В своем приветственном послании 5-му панъевропейскому конгрессу, организованному Куденхове-Калерги в Нью-Йорке в марте 1943 г., Черчилль отметил, что он "надеется", что в структуре "всемирного учреждения, олицетворяющего или представляющего Объединенные Нации, а когда-нибудь и все нации, возникнет Совет Европы, ... в ткань которого будут вплетены все лучшие силы, Высокий Суд для разрешения споров, власти, военные силы, как национальные, так и международные, в постоянной готовности обеспечить исполнение этих решений"¹⁵. Кроме Совета Азии и Совета Америки этот Совет Европы, как он выразился более конкретно на встрече с Рузвельтом в Квебеке в августе того же года, будет составлять одно из трех региональных вспомогательных учреждений будущей организации Объединенных Наций. Кроме того, он призвал к объединению малых стран — особенно в придунайском регионе, а также за его пределами — в жизнеспособные ассоциации или федерации¹⁶. Таким образом он думал держать Германию под контролем и предотвратить вакуум власти, которым Советский Союз мог бы воспользоваться в одностороннем порядке.

Сталин не отверг в принципе концепцию трех региональных организаций. Однако, на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. он настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз присоединились к Совету Европы, а также и к Совету Азии. Совет Европы без участия Советского Союза казался ему слишком ненадежным из-за германской угрозы и антисоветских тенденций в Восточной Европе, но, возможно, такой Совет казался ему также инструментом для создания агрессивного блока капиталистических стран под руководством Великобритании. С другой стороны, он категорически отвергал все планы региональной федерации в Восточной Европе. Исходя из опыта отношений Советского Союза со странами Восточной Европы в межвоенный период, он, очевидно, считал гарантии кооперации со стороны восточноевропейских федералистов недостаточными, а прямой контроль над этими территориями — необходимым; при этих условиях все попытки восточноевропейцев создать федерацию были бы только источником опасности, который следовало немедленно подавлять.

С другой стороны, Рузвельт вообще и слышать не хотел ни о каком региональном совете для Европы ни при участии, ни без участия Америки. Во-первых, как он совершенно откровенно сказал Сталину в Тегеране, он был не уверен, сможет ли он провести это через конгресс; во-вторых, Совет Европы без американского участия представлял, по его мнению, опасность отстранения Соединенных Штатов от европейских дел, что пове-

дет к новой изоляции Америки. Кроме того, региональные советы противоречили концепции его государственного секретаря Корделла Хэлла и прогрессистского крыла демократической партии, которое он возглавлял. Они ожидали только новых конфликтов от региональных подразделений организации, которая планировалась для поддержания мира во всем мире, а также возникновения барьеров против беспрепятственного проникновения американской торговли и промышленности на мировой рынок. Поэтому планы относительно Европейской федерации, подобные представленным экспертами Государственного Департамента и частными исследовательскими группами, такими как Совет по внешним связям и церковные советы мира, были недвусмысленно отвергнуты администрацией Рузвельта в августе/сентябре 1943 г.¹⁷ Что же до всего остального, то Рузвельт стремился обеспечить себе сотрудничество с Советским Союзом по окончании войны; совершенно трезво оценивая изменения в соотношении сил, он был уверен, что будущее мира прежде всего будет определяться именно этим.

В данной ситуации все перспективы осуществления проекта планов восточноевропейской федерации становились весьма туманными. Когда советское руководство выразило свое недовольство, Бенеш, который и так относился к этим планам без энтузиазма, в ноябре 1942 г. сообщил Чехословацкому государственному совету, что он считает, что время для реализации чехословацко-польского проекта "еще не настало". Затем, когда Сталин расторг отношения с польским правительством в изгнании в мае 1943 г., Бенеш полностью прекратил переговоры с польской стороной. Договор с Советским Союзом, который он подписал 12 декабря 1943 г. в качестве демонстративного контрапункта развитию польско-советских отношений, казалось, предоставляло более высокую степень безопасности для его страны, чем долговременная ассоциация с Польшей, которая отказалась пойти на уступки советским планам относительно советско-польской границы¹⁸.

Так же быстро уменьшалась поддержка проектов федерации и в кругах других восточноевропейских правительств в изгнании и в движениях сопротивления, так как, принимая во внимание советскую позицию, дальнейшая поддержка этих проектов не представлялась им ни мудрой, ни реалистичной. После трагической гибели Сикорского в авиакатастрофе в июле 1943 г. переговоры между лондонскими правительствами в изгнании больше не продолжались¹⁹. На союзническом уровне вопрос о послевоенных восточноевропейских федерациях был снят с повестки дня на тегеранской конференции. Когда Сталин отверг предложение о создании Дунайской федерации, включающей южногерманские земли, на том основании, что вскоре немцы снова будут там доминировать, Черчилль больше не настаивал на этом предложении. Рузвельт дал понять, что он считает

определенный контроль Советского Союза над восточноевропейской территорией неизбежным и, по меньшей мере, отчасти оправданным; таким образом, продолжение поддержки планов федерации в этом районе только постоянно отягощало бы союзников без малейших шансов на успех.

Другие планы федерации были оставлены нерешенными. В ходе переговоров о будущем устройстве мира в принципе говорилось о возможности образования региональных субфедераций (впоследствии это было воплощено в статье 52 Устава Организации Объединенных Наций); но не было никакой конкретизации относительно Европы²⁰. В то же время, в соответствии с ходом войны и их первоочередной задачей — ликвидации германской угрозы, союзники решили установить совместную оккупацию и управление побежденной Германией²¹. Вследствии этого автономная группировка европейцев, как вначале имел в виду Черчилль, стала в то время в принципе невозможной, так же как и общеевропейская организация. Только если державы-победительницы после оккупации Германии могли бы прийти к соглашению о вхождении Германии в европейский контекст, взяли бы на себя совместную ответственность за его осуществление, то можно было бы представить общеевропейские конструкции в рамках мировой организации на долговременной основе; но, принимая во внимание антагонистические противоречия между союзниками, это было вряд ли возможно.

И региональная федерация в Западной Европе, которая все-таки была возможна, на самом деле не получила развития. Правда, весной 1944 г. временное правительство Свободной Франции под руководством генерала де Голля выступило с инициативой объединения Западной Европы, включая Великобританию. Как сообщил де Голль британскому правительству, такое объединение обеспечило бы европейцам более высокую степень независимости и, более того, позволило бы установить совместный контроль над промышленными районами Западной Германии. В конце осени того же года Поль Анри Спаак сделал Великобританию подобное же предложение от имени бельгийского правительства. Обе эти попытки не имели ожидавшегося успеха: действительно, Форин Офис в основном отстаивал принцип более тесного сотрудничества с европейскими соседями; но соответствующие планы подробно не обсуждались, а Черчилль вообще считал проведение соответствующих переговоров в то время неуместным, принимая во внимание планы союзников по созданию всемирной организации. Следовательно, британские официальные лица не проявили особого энтузиазма по поводу планов интеграции²².

Впоследствии этот проект увяз в национальных амбициях: теперь де Голль хотел допустить Великобританию к участию в будущем европейском ансамбле только при условии, если Британия согласится на усиление Франции путем отделения Рейн-

ской области и Рурского бассейна от германского государства; что касается остального, то он сосредоточил свои усилия на "континентальной" Европе, под руководством Франции. В противовес этому Бельгия и Люксембург настаивали на британском участии не только для того, чтобы предотвратить гегемонию Франции, но и для того, чтобы усилить будущее значение Европы в мировом политическом процессе. Нидерланды совершенно отвергали любое континентальное соглашение. С другой стороны, категоричное поведение французской стороны не заставило англичан изменить свое отношение к проблеме интеграции; что же касается остального, они не видели причины принимать во внимание французские притязания к Германии. Именно поэтому провалились все дальнейшие переговоры по созданию западной федерации. Когда бельгийское правительство представило свой проект интеграции под британским руководством, в освобожденном к тому времени Париже он встретил такую же слабую поддержку, как до этого в Лондоне. И даже предложение Черчилля о создании британско-французского пакта, впервые представленное во время его визита в Париж в ноябре 1944 г. и являвшегося основой будущей западной федерации, получило со стороны де Голля прохладный прием²³.

После этого осуществление плана по созданию бельгийско-французского таможенного союза, который был совершенно очевиден после того, как северные департаменты Франции управлялись из Брюсселя во время немецкой оккупации, было снова замедлено по распоряжению самого Спаака. Он считал, что можно было заключить таможенную конвенцию только с Нидерландами и Люксембургом, так как не было достигнуто соглашения с Великобританией. И такая конвенция была заключена: 5 сентября 1944 г. правительства Бельгии, Нидерландов и Люксембурга подписали так называемое соглашение Бенилюкс, где эти страны договорились образовать таможенный союз после окончания военных действий. Переговоры представителей Бенилюкса с французским правительством о распространении союза на Францию проходили очень вяло. Когда появились разногласия из-за направлений финансовой политики заинтересованных стран, они удовлетворялись лишь принятием соглашения по экономическим консультациям между Бельгией и Францией 23 февраля 1945 г., к которому впоследствии присоединились Люксембург и Нидерланды²⁴.

Таким образом, в результате нерешительности Великобритании и французских претензий на роль великой державы послевоенное урегулирование в Европе началось в отсутствии каких-либо интеграционных элементов — даже Западом²⁵. Попытки изменить линию де Голля, которая в этом контексте была фатальной, так как он переоценивал возможности Франции, провалились, потому что сторонники федеративной реорганизации сосредоточили свои усилия на всемирной организации и

наделении ее наднациональными элементами. Однако достичь этого было еще труднее, чем создать федерацию на территории Европы; и даже многие из тех, кто первоначально поддерживали идею "новой Лиги Наций", отказались от нее и предпочли молчание из-за утопического характера этой программы. С точки зрения развития мировой политики это было просто логично: для обеспечения прочного мира в послевоенных условиях было необходимо прочное сотрудничество новых мировых держав; это был единственный путь развития федеративных структур, который не приводил к новым конфликтам. Поэтому инициативы по созданию федераций вылились в широкое движение за укрепление альянса держав-победительниц. В противовес этому другие цели отошли на задний план; и едва ли кто-нибудь захотел бы реализовать планы федераций против воли мировых держав.

Примечания

¹ Эта статья основывается на документации из: Lipgens W. (ed.). Documents on the History of European Integration, vol. I: Continental Plans for European Integration 1939-1945. Berlin, New York, 1985; vol. II: Plans for European Union in Great Britain and in Exile 1939-1945. Berlin, New York, 1986. Более подробно см.: Dumoulin M. (ed.). Wartime Plans for Postwar Europe 1940-1947. Baden-Baden, 1995.

² См. Federal Union 1939-41 в Documents, vol. II. P. 26-155; Bosco A. Federal Union and the Origins of the Churchill Proposal: The Federalist Debate in the United Kingdom from Munich to the Fall of France, 1938-1940. London, 1992.

³ Blum L. A l'échelle humaine. Paris, 1945.

⁴ См.: Lipgens W. (ed.). Documents, vol. I, passim.

⁵ Lipgens W. East European Plans for the Future: the Example of Poland. Ibid. P. 609-658; Gross F., Dziewanowski M.K. Plans by Exiles from East European Countries // Documents, vol. II. P. 353-413.

⁶ Documents, vol. I. P. 474, 479.

⁷ Blum L. Op.cit.

⁸ Bourdet C. Future Allemagne? // Combat. № 55. March 1944.

⁹ Peace plan, late summer-autumn 1943, опубликовано в Documents, vol. I. P. 430-432.

¹⁰ Текст в The Times. 1940. November 12; ср.: Lipgens W. East European Plans for the Future of Europe: the example of Poland // Documents, vol. I. P. 609-658; Gross F., Dziewanowski M.K. Plans by Exiles from East European Countries // Documents, vol. II. P. 353-413; Gross F. Views of East European Transnational Groups on the Postwar Order in Europe // Ibid. P. 754-785.

¹¹ См.: Views of the Belgian Resistance on the Future of Europe // Documents, vol. I. P. 215-243; а также Views of Belgian Exiles on the Postwar Order in Europe // Documents, vol. II. P. 414-450.

¹² Впервые в переговорах Fulton/Missouri, 1941; ср.: Landuyt A. Ideas of Italian Exiles on the Postwar Order in Europe // Documents, vol. II. P. 491-554 (p. 507-509).

¹³ Текст циркуляра в: Massigli R. *Une comédie des erreurs 1943-1956*. Paris, 1978. P. 41-42.

¹⁴ Ср. отчет Поля-Анри Спаака *Memoiren eines Europäers*. Hamburg, 1969. P. 117. Крайне желательно воспроизведение полного содержания этих переговоров.

¹⁵ *Postwar Planning*. March 21, 1943. Broadcast. London // Churchill W.S. *His Complete Speeches 1897-1963* / Ed. R. Rhodes James, Vol. 7: 1943-1949. New York, London, 1974. P. 6755-6765. Цит. P. 6757-6758. Ср.: Harrison R.V. *Winston Churchill and European Integration*. Ph.D. Thesis. University of Aberdeen, 1984.

¹⁶ Ср. это и следующее: Sainsbury K. *The Turning Point*. Roosevelt, Stalin, Churchill and Chiang-Kai-Shek, 1943. The Moscow, Cairo and Teheran Conferences. Oxford, New York, 1985; о послевоенном планировании см. также мою книгу: *Die Teilung der Welt. Geschichte des Kalten Krieges 1941-1955*. 7th ed. München, 1989. P. 27-73.

¹⁷ Ср.: Notter H.A. *Postwar Foreign Policy Preparation 1939-1945*. Washington, 1949; о самых важных текстах по планированию см.: Lipgens W. (ed.). *Europa-Föderationspläne der Widerstandsbewegungen 1940-1945*. München, 1968. P. 417-467.

¹⁸ Wandycz P.S. *Czechoslovak-Polish Confederation and the Great Powers 1940-1943*. Bloomington, 1956. Repr. Westport, 1979. P. 75-88.

¹⁹ Gross F. *Views of East European Transnational Groups* // *Documents*, vol. II. P. 759.

²⁰ Donovan F. *Mr. Roosevelt's Four Freedoms. The Story Behind the UN Charter*. New York, 1966.

²¹ Ср.: Loth W. *Teilung*. P. 83-84.

²² Ср.: Massigli R. *Comédie*. P. 48; Spaak P.-H. *Memoiren*. P. 122-125; Tyrell A. *Großbritannien und die Deutschlandplanung der Alliierten 1941-1945*. Frankfurt/M., 1987. P. 108-114.

²³ Massigli R. *Comédie*. P. 51-55; Spaak P.-H. *Memoiren*. P. 128-130; Lipgens W. *Bedingungen und Etappen der Außenpolitik de Gaulles 1944-1946* // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1973. Vol. 21. P. 52-102 (P. 82-84), а также в моей работе: *Die Europäische Integration nach dem Zweiten Weltkrieg in französischer Perspektive* // Berding H. (ed.). *Wirtschaftliche und politische Integration in Europa im 19. und 20. Jahrhundert*. Göttingen, 1984. P. 225-246 (P. 233-234).

²⁴ Kersten A.E. *Belgie en Nederland in London 1940-1944. Werken aan na-oorlogse Getrekkingen* // *Colloquium over de geschiedenis van de Belgisch-Nederlandse Getrekkingen 1815-1945*. Acta. Gent, 1981. P. 495-520; Griffith R.Th., Lynch M.B. *L' échec de la "Petite Europe": Le Conseil tripartite, 1944-1948* // *Guerres Mondiales et conflits contemporains*. 1988. № 152. P. 39-62.

²⁵ См., например, программу французских социалистов от июля 1943 г. (*Documents*, vol. I. P. 304-306) и программу бельгийских социалистов от января 1944 г. (*Ibid*. P. 232-234).

ЕВРОПА В СОВЕТСКИХ ПЛАНАХ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА

В теории исторической науки существует понятие “ошибка единичного факта”¹. Речь идет о широком обобщении, которое основывается на недопустимо узком круге источников, а порой на одном-единственном, вырванном из контекста высказываний или документе. В этом отношении уже самые первые советские разработки, касающиеся будущего послевоенной Европы, представляют собой проблему, поскольку буквальное восприятие и толкование некоторых из содержащихся там пунктов легко может повести историка по ложному пути.

Возьмем, например, последний, 19-й пункт “Дополнительного протокола” к проекту советско-английского договора, который был передан Сталиным министру иностранных дел Великобритании А.Идену 16 декабря 1941 г. во время визита последнего в Москву. Этот пункт гласил: “Признается необходимым создание Европейского Совета, как международной организации, в распоряжении которой в качестве орудия сохранения мира в Европе должно находиться определенное количество войск”². Звучит почти как манифест европеизма, вроде бы демонстрируя сталинскую заинтересованность по крайней мере в военнополитическом аспекте европейской интеграции. Это был бы однако вывод, мягко говоря, преждевременный.

Во-первых, речь шла не об инициативе, а о реакции на тот проект новой Европы, который британский премьер-министр У.Черчилль изложил советскому полпреду в Великобритании Майскому в беседе 5 декабря 1941 г. В советской записи беседы идеи Черчилля выглядят следующим образом: “Англия, СССР, Франция, Италия и т.д. остаются существовать как самостоятельные державы. Мелкие государства объединяются в федерации (Балканская, Центральноевропейская, Скандинавская и т.д.)... Над всем этим европейским конгломератом возвышался бы известный центральный орган, нечто вроде “Европейского совета”, следящего за порядком в Европе и подавляющего всякую попытку агрессии”³. Одновременно проект Черчилля предусматривал “раздробление Германии на части”.

Если говорить, во-вторых, о характере ответа Сталина на инициативу Черчилля, то нетрудно заметить определенное смещение акцентов. Идея “раздробления” Германии, правда, присутствовала, зато к федерациям отношение было гораздо более холодным⁴.

В-третьих, если говорить о том новом, позитивном и конкретном, что было в позиции советского руководства на декабрьских переговорах 1941 года и что напрямую относилось к

будущему Европы, то следует отметить идею создания системы, которую можно было бы определить как систему “разделенной безопасности”.

В этом отношении весьма характерен пункт 11-й проекта Протокола от 16 декабря 1941 г., который гласил: “В интересах организации мира и безопасности на Западе Европы устанавливается военный союз Англии с Бельгией и Голландией, с предоставлением Англии права держать свои войска и военно-морской флот в этих странах.

В этих же целях Англии предоставляется право иметь свои военно-морские базы на западном побережье Германии”.

Что касается “Восточной части Европы”, то в данном документе конкретно фигурировала только идея заключения “советско-финляндского пакта о взаимопомощи, с правом СССР держать в течение 20 лет на территории Финляндии ограниченное количество своих войск”⁵. Впоследствии однако сюда добавились идея заключения аналогичного пакта между “славянскими народами”⁶, между СССР и Румынией⁷, и, наконец, идея советской “сферы безопасности”, которая в “максимальном” своем варианте должна была бы включать “Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию”⁸.

Все эти наметки, хотя и не выходили, как правило, за пределы кабинетов планировщиков, не оформлялись в виде официальных инициатив, предложений и документов, фактически стали основой советской позиции на переговорах с западными державами по вопросам будущего мира в Европе и, более того, они в значительной степени и определили облик послевоенной Европы. В этой связи возникает ряд вопросов. Таких, в частности, как:

1. Каковы были мотивы советской позиции? Шла ли речь об обороне или об экспансии?

2. Насколько она была совместима с западной позицией, с западными представлениями и ценностями? Могла ли она принести Европе стабильность или в ней уже были корни будущей “холодной войны” и неустойчивого равновесия (если не прямого хаоса), характерного для периода после “холодной войны”?

3. Каковы были альтернативы и были ли они вообще?

Пожалуй, легче всего дать ответ на первый вопрос. Речь шла, вполне очевидно, о комбинации обоих мотивов. Во всяком случае, в качестве соредактора совместного российско-американского труда о идеях мира в истории, я не имел особенных трудностей с моими коллегами из США в выработке такой формулы: “Некоторые круги на Западе рассматривали регионализм (т.е. планы федеративного устройства в Европе — А.Ф.) как своего рода санитарный кордон против угрозы, которая, как считалось, будет исходить от России. Советские лидеры не без основания были озабочены такими планами, но среди мотивов

этой озабоченности был и тот, что они видели в них препятствие для своей великодержавной гегемонии”.

Гораздо сложнее оказалось достичь консенсуса по прочим вопросам. Выработанная формула выглядела следующим образом: “Конфликты национальных интересов в рамках военного союза повлияли на дело планирования послевоенной системы безопасности. В результате был принят принцип гегемонии великих держав, который рассматривался как производное от политического реализма... Идеалы мира, активно пропагандировавшиеся в период войны, в послевоенный период вскоре померкли в атмосфере конфликтов между СССР и другими великими державами, получивших название “холодной войны””⁹.

Очевидны недостатки этой формулы. Основные ее понятия (национальные интересы, принцип гегемонии, политический реализм, идеалы мира) должным образом не определены, что открывает простор для различных интерпретаций. Впрочем, это связано не только с характером труда, который представлял собой попытку своеобразного идеологического компромисса, но и характерным для периода, когда он создавался, дефицитом первоисточников по истории выработки внешнеполитических решений в СССР. И сейчас этот дефицит остается, но он все же стал меньше, и это позволяет кое в чем уточнить и конкретизировать старые оценки.

Прежде всего конфликт между “западными” и “восточными” представлениями о будущем мире не был так уж глубок и непримирим, как это могло казаться на основании риторики “холодной войны”. Дело обстояло вовсе не так, или, по крайней мере, не совсем так, что СССР стремился, положим, к вмешательству в дела Восточной Европы, а Запад считал такое вмешательство неким табу. Вот что говорил, например, в беседе с советским полпредом 30 декабря 1942 г. видный государственный и общественный деятель Англии С.Криппс, кстати, один из самых ярых “европеистов” в британском истеблишменте: “...Английское правительство не будет возражать против признания прибалтийских республик в качестве советских республик. Однако США, по его мнению, будут пытаться выговорить для Прибалтики если не независимость, то хотя бы известную “автономию”.

По вопросу о Финляндии Криппс заявил, что было бы хорошо создать после войны федерацию скандинавских стран, в которую вошла бы и Финляндия.

Относительно Румынии Криппс сказал, что, по его мнению, после войны она попадет под сильное влияние США. “В Англии, — подчеркнул он, — никто серьезно не интересуется тем, что станет с Румынией. Эта страна не пользуется у нас никакой популярностью”.

По мнению Криппса, решение балканского вопроса можно было бы осуществить только на базе балканской федерации, в

состав которой вошли бы Югославия, Албания, Греция, Болгария. При этом Криппс выразил твердое убеждение, что если балканские страны будут целиком предоставлены сами себе, то получится не федерация, а взаимная резня. Поэтому он считает, что после войны, в течение определенного периода, Балканы должны находиться под совместным “покровительством” СССР и Англии”¹⁰.

Поскольку никакого приглашения, либо согласия самих балканских народов на такое “покровительство”, судя по контексту, явно не требовалось, то столь ли уж это далеко от вмешательства и гегемонизма? Правда, вмешательство здесь предусматривалось коллективное, однако цель — “помочь балканским народам построить федерацию” — вряд ли была менее утопичной, чем позднейший советский официальный тезис о помощи странам народной демократии в строительстве социализма. Нынешняя ситуация в бывшей Югославии показывает, что даже гораздо более ограниченные по целям коллективные действия иностранных государств — при принципиальной согласии участников конфликтов — сталкиваются со значительными трудностями. Что же касается выраженной Криппсом “незаинтересованности” в развитии дел в послевоенной Румынии, то это было, по сути, прямое приглашение к советскому вмешательству, которое получило еще дополнительное оправдание как необходимый акт противодействия “американскому влиянию”¹¹.

Если английская позиция в вопросе о “гегемонизме” в принципе не столь уж отличалась от советской, то и советская позиция в вопросе о федерировании отнюдь не была диаметрально противоположной английской. При обсуждении в “Комиссии Литвинова” (специальном органе, созданном в сентябре 1943 г. при НКВД для разработки проблем послевоенного урегулирования) вопросов о будущем, положим, Македонии или Трансильвании в качестве одного из вполне возможных и даже желательных вариантов выдвигалось создание федераций: болгаро-югославско-македонской¹² и румыно-венгерско-трансильванской. В последнем случае сам председатель Комиссии дал такое теоретическое обоснование предложенной довольно сложной операции (вначале — выделение спорной территории /Македония и Трансильвания/ в самостоятельно государство, а затем — соединение его, вкупе со спорящими сторонами, в федерацию): “Фазис раздробления, начавшийся после первой мировой войны, очевидно, должен некоторое время еще продолжаться. Может быть, мы идем к укрупнению через раздробление... Дробление государств несомненно будет иметь своим последствием усиление движения за федерацию”¹³. По сути это — та же самая философия, которая стояла за черчиллевскими идеями раздробления Германии и создания “конгломерата” федеративных образований в Европе.

В записке Литвинова “Международная организация безопасности”, первом советском наброске проекта Устава будущей ООН, послевоенной Европе посвящен специальный раздел, носящий характерное название “Разделение на зоны безопасности”¹⁴. Он начинается с принципиального положения: “Можно представить себе известное разделение ответственности между четырьмя державами в том порядке, скажем, что США в первую очередь отвечают за безопасность стран американского континента и определенной части Тихого и Атлантического океанов, Великобритания, СССР и Китай имеют свои зоны безопасности, за которые они в одних случаях индивидуально, в других совместно отвечают и которые заранее, по общему согласию, фиксируют. Не исключена, конечно, и помощь, оказываемая Великими державами друг другу опять-таки в заранее уговоренном порядке”.

Судя по всему, глубокое впечатление на Литвинова произвела статья в газете “Таймс” от 9 марта 1944 г. с ее тезисом, что “граница Великобритании проходит по Рейну”, а граница России — “по Одеру”, и что только на этих двух державах лежит ответственность за безопасность Европы. Эта статья (как позднее выяснилось, ее автором был известный историк Э.Х.Карр) привлекла внимание Литвинова не только тем, что пропагандировала концепцию “разделенной безопасности”, но и тем, что она подразумевала “совместную ответственность” в зоне между Одером и Рейном — т.е. в Германии. Очевидно, не без влияния идей Карра Литвинов в одной из последних своих записок (пожалуй, наиболее продуманной и четкой) помимо двух “сфер безопасности” — советской и английской (в которую “безусловно могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция”) упоминает еще “третью, нейтральную сферу”, которую “образуют Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия, с которыми обе стороны сотрудничают на одинаковых основаниях при постоянных между собой консультациях”¹⁵. В этом смысле скорее можно говорить не о “конфликте” между западной и восточной сторонами по поводу будущего Европы, а о сотрудничестве.

Было ли это сотрудничество против Европы? Была ли концепция “разделенной безопасности” в Европе концепцией раздела Европы, того блокового противостояния, которое стало типичным феноменом “холодной войны”?

Однозначный ответ на этот вопрос дать пока еще трудно. Верно: в документах Литвинова, предназначенных для узкого круга посвященных, порой понятие “сфера безопасности” отождествлялось с понятием “сфера влияния”, а последнее уже предполагало определенное принуждение, насилие со стороны великих держав в отношении малых и средних. Но верно и другое: если вчитаться в то, какую дефиницию Литвинов дает формуле “разграничение сфер безопасности по принципу бли-

жайшего соседства”, то выясняется, что там вовсе не содержится, например, требование заключения военных союзов между той или иной великой державой и входящими в “его сферу” странами (о чем шла речь в 1941-1943 годах). В этой дефиниции выдвигается, по существу, принцип самоограничения в политике великих держав: “... Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности...”¹⁶.

В таком виде идея “разделенной безопасности” в Европе не предопределяла ее политического и военного раскола. Скорее в ней можно было усмотреть какое-то продолжение концепции гарантийных пактов 20-х годов — с дополнением “западного Локарно” “восточным”, как это имел в виду Барту. Не случайно, что о двух “зонах” в Европе — восточной и западной, весьма позитивно отзывался в мае 1944 г. французский политический деятель Венсан Ориоль, ставший первым послевоенным президентом IV-й Республики. Он даже добавил, что возникающая на Востоке “зона” служит не только делу безопасности, но и делу “благополучия и дружбы” входящих в нее народов. Он же сформулировал, правда, и необходимые предпосылки, без которых новое европейское устройство на основе двух “зон” не могло бы выполнить своего предназначения: это — “сохранение независимости малых государств” и сотрудничество между двумя зонами с ориентацией на создание общей, единой организации безопасности, а в перспективе — общеевропейской федерации¹⁷.

Могли ли быть созданы эти предпосылки? Другими словами, была ли концепция “разделенной безопасности” жизненной и реалистичной?

Автор не хотел бы в данной статье вступать в длящуюся уже долгое время дискуссию о том, было ли неизбежным установление диктаторских, ориентированных исключительно на СССР режимов в странах Восточной и Центральной Европы, был ли этот процесс следствием заранее имевшегося “плана” или продуктом обстоятельств, сложившихся уже после окончания войны. Его личная точка зрения ближе ко второму варианту, но, вероятно, окончательный ответ на вопрос о том, могла ли быть сохранена независимость государств в том “зональном режиме”, который имели в виду Литвинов /и Ориоль/, мы получим еще не скоро.

Что касается второй предпосылки — сотрудничества двух “зон безопасности”, то идея “третьей, нейтральной сферы” в Европе, содержащаяся в цитированной разработке Литвинова от 15 ноября 1944 г., по крайней мере, минимизировала возмож-

ность конфликта и тем самым открывала возможности сотрудничества — хотя, разумеется, и не гарантировала их. Однако в этой схеме было глубокое противоречие: нейтральный статус Германии не мог быть обеспечен на основе ее расчленения, а именно эту идею Литвинов упорно проводил вплоть до самого окончания войны, уступая лишь в мелочах.

Это противоречие было в известной степени снято работой другой комиссии, действовавшей в системе советского планирования послевоенного мира. Речь идет о Комиссии по вопросам перемирия (или “Комиссии Ворошилова”, как она обычно называется по фамилии ее председателя). В определении условий безоговорочной капитуляции Германии она однозначно исходила из перспективы сохранения центрального германского правительства и дальнейшего развития союзнического сотрудничества. Верно: эта Комиссия, особенно на первом этапе своей деятельности, особый акцент делала на точном фиксировании межзональных границ и на обеспечении полновластия каждого зонального Главнокомандующего в своей зоне. Однако, когда со стороны отдельных членов Комиссии было высказано мнение, что разграничение зон (или вернее секторов, поскольку конкретно речь шла о Берлине) должно быть произведено так, чтобы обеспечить советской стороне контроль над максимальным количеством подходящих для демонтажа промышленных объектов, председатель Комиссии занял прямо противоположную позицию.

Имеет смысл привести полностью соответствующий обмен мнениями, зафиксированный в протоколе заседания от 30 апреля 1944 года: “Тов. Ворошилов по вопросу о распределении зон оккупации указал, что намечаемые зоны являются зонами для управления, а не зонами для хозяйничанья. Нельзя рассматривать каждую из трех зон оккупации в качестве собственности той союзной державы, которая будет ее оккупировать. Если встать на этот путь, то тогда пришлось бы согласиться и с тем, что северо-западная часть Германии вместе с Рурским и Саарским бассейнами, намечаемая для оккупации британскими войсками, должна рассматриваться в качестве собственности Британского правительства, с чем ни при каких условиях нельзя согласиться.

Соображение, касающееся репараций, ... вряд ли может быть признано решающим, поскольку репарации Союзники будут получать с Германии в целом, а не с тех районов, которые каждая из Союзных держав будет оккупировать своими вооруженными силами... Необходимо принять во внимание прежде всего такие соображения, как удобство для каждой из оккупационных держав коммуникаций, по которым будет осуществляться снабжение ее войск, находящихся в Германии, и, в частности, в Берлине.

Тов. Майский: оборудование легче изъять и вывезти, если оно в нашей зоне.

Тов. Ворошилов: соображение в принципе правильное, но нельзя принимать во внимание только это соображение и размениваться на мелочи, распределяя зоны в Германии только с точки зрения того, какие заводы должны попасть в каждую из трех зон оккупации, не говоря уже о том, что мотивировать перед Союзниками распределение зон, основанное на этом принципе, будет трудно..."¹⁸.

В решении Комиссии была зафиксирована точка зрения Председателя, и сектора в Берлине было решено распределить так: американцам — юго-восток города, СССР — восток, англичанам — северо-запад. Это и стало впоследствии основой совместной договоренности союзников.

Что касается проблемы будущей структуры управления Германией, то интересная дискуссия на этот счет имела место на 35-м и 37-м заседаниях Комиссии (соответственно 5 и 10 мая 1944 г.)¹⁹. Базой этой дискуссии были предложения, представленные английским и американским представителями в Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК) — Стрэнгом (15 января и 22 марта 1944 г.) и Вайнантом (25 марта 1944 г.). Английский проект предусматривал фактическое подчинение союзных Главнокомандующих двум межсоюзным инстанциям: коллегии "Верховных комиссаров" и "Контрольной комиссии"; американский признавал верховенство Главнокомандующих, выводя однако из их компетенции управление Берлином и "вопросы общегерманского характера". Американский проект был призван более удовлетворительным, однако изъятие даже части полномочий Главнокомандующих в пользу предлагавшегося "Межсоюзного Контрольного Совета" было сочтено все равно неприемлемым. Во всяком случае такова была позиция Ворошилова, и она вошла в принятый Комиссией документ.

Характерно, однако, что эта позиция Председателя Комиссии вызвала критику — вначале со стороны адмирала Исакова, а затем — и со стороны заместителя Председателя маршала Шапошникова, который прямо заявил: "Надо создать в Германии, как это предлагает Стрэнг, Верховную Комиссию, а права Главнокомандующих в зонах ограничить лишь вопросами поддержания безопасности". В результате при сохранении принципа "полновластия" каждого Главнокомандующего в своей зоне были внесены некоторые поправки, фактически это полновластие ограничивающие: рекомендовалось создать постоянно действующий "Межсоюзный Совет по координации" (позже он получил название "Комитета по координации", причем оговаривалось, что "в последующий период" он может быть преобразован в "Межсоюзническую Контрольную Комиссию"), две Межсоюзнические комиссии — по репарациям и по делам военнопленных и интернированных, а также институт представителей каж-

дого Главнокомандующего во всех зонах. Все это создавало известный противовес стремлению к обособлению зон и указывало на желание продолжать сотрудничество союзников в послевоенный период.

Известным индикатором того, как мыслилось соотношение между зональным и общегерманским уровнями союзного контрольного механизма, могут служить представленные Комиссией 22 сентября 1944 г. "Предложения о составе и численности советского персонала в контрольных органах союзников в Германии после ее капитуляции"²⁰. В аппарате "Исполнительного органа Главнокомандующего в советской зоне" (позднее — СВАГ) должно было работать всего 130 человек, в аппарате "Совета по координации" — 100, в Межсоюзной Комендатуре Берлина — 50. Поражает не только малая численность персонала, доказывающая, что мыслился именно контроль за немецкими властями, а никак не их подмена, но и то, что в общесоюзных органах, как предполагалось, должно было быть больше сотрудников, чем в зональных.

Не следует, конечно, преувеличивать проявившиеся в работе этой Комиссии тенденции к "кооперативному подходу" в определении будущего союзнических отношений. Имелось и глубокое недоверие, и подозрительность в отношении Запада, особенно в отношении Великобритании (интересный контраст с позицией Майского, который явно предпочитал английский "консервативный" империализм американскому "динамичному", а потому, по его мнению, и более опасному, а также с позицией Литвинова, который не видел существенной разницы между ними). Порой это отрицательно сказывалось на отношении к тем западным предложениям, которые, будучи принятыми, могли бы сыграть полезную роль в послевоенном экономическом сотрудничестве — и даже интеграции, если иметь "функционалистский" подход к этому феномену²¹.

Характерный пример — обсуждение на заседаниях "Комиссии Ворошилова" (24 мая, 9 и 15 июня 1944 г.) проекта директивы о контроле Объединенных Наций над германским внутренним транспортом, внесенного в ЕКК английским представителем Стрэнгом. Несмотря на, казалось бы, частный характер проблемы, дискуссия разгорелась прямо-таки жаркая. Приведем отрывки их протокола заседания от 24 мая:

"Тов. Игнатьев сказал, что проект директивы Стрэнга... является для нас приемлемым и что поэтому его можно взять за основу.

Тов. Исаков не соглашается с мнением тов. Игнатьева...

Тов. Ворошилов также высказывается против...

Тов. Исаков указывает, что согласно директиве Стрэнга в Германии после ее капитуляции должен быть восстановлен целый ряд международных железнодорожных объединений, существовавших до войны. С этим положением нельзя согласиться

уже потому, что всякая деятельность в Германии после ее оккупации, в том числе и работа транспорта всех видов должна быть и будет подчинена каждому из Главнокомандующих в соответствующей зоне оккупации. Нельзя себе представить такого положения, при котором на территории Германии ... независимо от оккупации и помимо союзных органов оккупации осуществлялась бы деятельность международных транспортных или каких-либо других организаций.

Тов. Игнатъев, возражая против этого, указывает, что нельзя же после оккупации Германии полностью разрушить существовавшие до войны международные объединения в области транспорта.

Тов. Ворошилов... работа транспорта Германии должна быть как-то согласована с работой всего европейского транспорта; такое согласование ... необходимо уже потому, что сама Германия является центральной европейской страной. Однако, работу всего внутреннего транспорта Германии необходимо полностью подчинить контролю трех Союзных держав.

Что касается содержавшегося в британском проекте предложения — восстановить международные транспортные объединения, то с этим предложением нельзя согласиться. Надо иметь в виду, что, начиная с 1939 г., эти международные транспортные объединения прекратили свою деятельность в Европе, причем только в одном из семи названных англичанами объединений мы принимаем участие. Из этого видно, что мы отнюдь не заинтересованы в том, чтобы все эти объединения сразу же после капитуляции были восстановлены.

Вполне возможно, что предложение о деятельности этих международных органов по транспорту было внесено в британский проект по инициативе тех английских фирм, которые непосредственно заинтересованы в скорейшем возобновлении деятельности этих объединений. Между тем, вопрос об этих объединениях выходит за рамки проблем, непосредственно связанных с перемирием²².

Нетрудно заметить, что главным в довольно путаной аргументации против английского проекта был тот, кстати, никак не доказанный факт, что за ним стоят интересы неких "английских фирм". В дискуссии он повторялся трижды — сперва у Ворошилова, потом у Майского (соответствующий его пассаж просто опущен при цитировании), и потом — снова у Ворошилова — уже на заседании 15 июня, с добавлением, что речь идет об интересах "частных британских фирм", что, очевидно, еще сильнее должно было показать порочность всего проекта Стрэнга²³. Собственно, этот аргумент в более общей форме сводившийся к тому, что поскольку за европейскую интеграцию выступают "капиталисты", то она никак не может быть выгодна "социализму", стал одним из основных в борьбе против европейской идеи в послевоенную эпоху, и не только среди комму-

нистов и крайне левых. Разумеется, такой идеологизированный подход мало способствовал выработке трезвой и реалистичной программы европейского мирного порядка. Следует, правда, отметить, что этот подход был уже тогда не единственным, хотя представитель менее идеологизированной линии (Игнатьев) остался в меньшинстве.

Впрочем, жесткая идеологическая схема не всегда оставалась господствующей. На заседании "Комиссии Ворошилова" 5 мая 1944 г. ее председатель при обсуждении вопроса о контроле над послевоенной германской экономикой "указал, что система этого контроля должны полностью исключать возможность каких бы то ни было сделок между промышленниками Германии и промышленниками других стран"²⁴. Это — типично догматическая и автаркистская, антиевропейская, антиинтеграционная позиция. Однако в официальном документе, вышедшем из Комиссии 30 ноября 1944 г., фигурирует совсем иной тезис: "Германское Правительство и германские физические и юридические лица будут заключать финансовые, коммерческие и другие сделки с нейтральными странами и их физическими и юридическими лицами под контролем Правительств СССР, Соединенного Королевства и США"²⁵. Позитивная эволюция здесь налицо.

Остается один, пожалуй, самый трудный вопрос: какие рекомендации каких плановых органов брало за основу своего внешнеполитического курса советское руководство? По этому вопросу имеются разные мнения. Есть точка зрения о том, что советское руководство в принципе разделяло постулаты сторонников "жесткого мира" — пока и поскольку эта концепция господствовала, или воспринималась в качестве таковой — в западных политических кругах. Автор этих строк склонен считать многочисленные — и давно известные, и ставшие лишь недавно достоянием общественности — высказывания Сталина в пользу, положим, расчленения Германии скорее элементом дипломатической тактики, чем стратегии. Комиссия Литвинова была оторвана от деятельности оперативных подразделений НКВД и ЕКК, между тем как канал "Комиссия Ворошилова — НКВД — ЕКК" действовал непрерывно и эффективно. Соответственно, стратегическая линия советского руководства — в том числе и в отношении послевоенного порядка в Европе — эволюционировала скорее в сторону реализма. Поворот к "односторонности" и конфронтации с Западом наступил уже после окончания войны.

Верно и другое: реализм советских представлений о послевоенном будущем Европы носил ограниченный характер. Интегративные тенденции в их федералистски-наднациональном воплощении были вообще глубоко чужды мышлению сталинского типа. Большее понимание, по крайней мере, со стороны определенной части аппарата внешнеполитического планирования, находили схемы функционалистского характера, согласно кото-

рым послевоенная система международных отношений в Европе представлялась в виде комплекса межгосударственных соглашений о сотрудничестве в отдельных, строго ограниченных сферах, причем, приоритет однозначно отдавался созданию "сферы безопасности". Была ли такая концепция более жизненной и практичной, чем концепции сторонников "единой Европы", представляла ли она реальную альтернативу тому расколу континента, который был вызван "холодной войной", — эти вопросы еще предстоит исследовать более глубоко, чем это было возможно сделать в рамках данной статьи.

¹ См. L. Gaddis. *The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War*. New York, 1987. P. 147-148.

² Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45, оп. 1, д. 279, л. 147; Цит. по: Ржешевский О.А. К истории советско-английского договора. // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 149.

³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т. I. М., 1983. С. 182.

⁴ См. Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 149.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ В телеграмме Советского правительства советскому послу в Лондоне от 10 марта 1943 г. отмечалось: "...Идея конфедерации рассматривается советскими кругами не только как безжизненная, но и вредная и опасная для нашего общего дела борьбы с немецким засильем в Европе. С другой стороны, советские круги учитывают заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений и советским кругам было бы понятно, если бы это нашло свое выражение в заключении между этими народами пакта о взаимопомощи как на время войны с Германией и ее союзниками, так как и на послевоенный период" - Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ), ф. 48 "з", оп. 1 "о", д. 2, л. 22.

⁷ Майский - Молотову. Записка по вопросам будущего мира и послевоенного устройства, 11 января 1944 г. АВП РФ, ф. 06, оп. 6, д. 145, л. 4.

⁸ Литвинов - Молотову. О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества, 15 ноября 1944 г. АВП РФ, ф. 7 06, оп. 6, д. 143, п. 14, л. 83.

⁹ МИР/PEACE : Альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны. Антология. Отв. ред.: Ч. Чэтфилд, Р. М. Илюхина. М., 1993. С. 277 (русск. изд.). PEACE/MIR. An Anthology of Historic Alternatives to War. Ed. by Ch. Chatfield and R. Il'ukhina. Syracuse-New York, 1994. P. 285.

¹⁰ АВП РФ, ф. 48 "з", оп. 1 "о", д. 2, л. 4-5.

¹¹ Оценка перспектив американской политики звучала у Криспса прямо-таки алармистски: согласно той же записи беседы от 30 декабря 1942 г., "Криспс сообщил, что на основании всей имеющейся у него информации он приходит к выводу, что в Америке быстро усиливается влияние антирузвельтовских реакционных элементов. "Эти элементы, - заметил он, - раньше носили чисто изоляционистский костюм. Сейчас они несколько перестраиваются и становятся адвокатами

стремительной и глубоко бесцеремонной американско-империалистической экспансии". Криппс выразил сомнение, что Рузвельт будет избран президентом в 1944 г. По его мнению, следующим президентом вероятнее всего, будет республиканец — какой-нибудь правоверный представитель Уолл-стрита". - Там же. Л.3.

¹² АВП РФ, ф. 06, оп.6, д.141, п.14, л.71. (Протокол № 9 от 4 сентября 1944 г. Обсуждение записки "Об обращении с Италией").

¹³ Там же. Л. 53-54. (Протокол № 7 от 8 июня 1944 г. Обсуждение записки о Трансильвании).

¹⁴ Там же. Д. 144, п. 14, л. 22-27. Записка "Международная Организация Безопасности" от 25 апреля 1944 г.

¹⁵ Там же. Д. 143, п. 14, л. 83-84.

¹⁶ Там же. Л. 84.

¹⁷ См. Europa-Föderationsplane der Widerstandsbewegung. Hrsg. von W.Lipgens. Munchen, 1968. S. 242-243.

¹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп.6, д.150, п. 15, л. 102-103.

¹⁹ Там же. Л.113-118, 124-127.

²⁰ Там же. Л. 465-473.

²¹ О противоречии между "федерализмом" и "функционализмом" как различных подходах к проблеме интеграции см.: D.C.Watt. Grossbritannien und Europa 1951-1959./ Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1980. H.4. S. 393.

²² АВП РФ, ф. 06, оп.6, д. 150, п. 15, л. 141-143.

²³ Там же. Л. 154.

²⁴ Там же. Л. 121.

²⁵ Там же. Л. 361.

ПЛАН МАРШАЛЛА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Весной 1947 года правительственные ведомства США начали изучение возможностей американской финансово-экономической помощи Европе. В мае заместитель государственного секретаря Дин Ачесон публично заявил о необходимости срочной американской помощи объединению европейских государств, которые, по его словам, сами предпримут все меры для своего восстановления. "Это необходимо, если мы стремимся сохранить наши собственные свободы и наши собственные демократические институты. Этого требует наша национальная безопасность", — подчеркнул Ачесон¹. Толчком, ускорившим принятие решения, стал доклад заместителя государственного секретаря У.Клейтона, вернувшегося в конце мая из поездки по Европе. Американский дипломат нарисовал впечатляющую картину бедственного положения европейцев в условиях надвигающегося кризиса. Отмечая колоссальный платежный дефицит основных стран капиталистической Европы, он предостерегал: "Крушение Европы будет иметь драматические последствия для мира во всем мире, оно неминуемо и катастрофически отразится на американской экономике"².

Ситуация в Европе действительно была тревожной и нестабильной. В Восточной Европе складывалась система народных демократий, СССР устанавливал все более жесткий контроль над этой частью континента. В Западной Европе наблюдались симптомы возможного экономического кризиса, нарастала социальная напряженность. Миллионы людей оказались без работы, голодали и мерзли суровой зимой 1946/47 года. Ухудшение экономического положения порождало чувство безнадежности и отчаяния.

5 июня 1947 г. госсекретарь США Джордж Маршалл выступил в Гарвардском университете с программной речью, которая стала исходным пунктом осуществления комплекса экономических и политических мер, известных под названием "план Маршалла"³.

Охарактеризовав трудную экономическую ситуацию Европы и отметив необходимость крупных закупок европейцами продовольственных и других товаров в Соединенных Штатах, Маршалл выразил готовность правительства США "сделать все возможное, чтобы вернуться к нормальному экономическому положению, без которого не может быть ни политической стабильности, ни прочного мира. Наша политика, — подчеркнул он, — направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса". Однако госсекретарь тут

же предупредил, что правительства, политические партии или группы, которые попытаются использовать в своих политических целях трудное экономическое положение Европы, будут встречать сопротивление Соединенных Штатов. Основным условием американской помощи должно было стать наличие "определенного соглашения между европейскими странами в отношении их потребностей... и того участия, которое примут сами эти страны в восстановлении Европы". По словам Маршалла, инициатива должна была исходить от Европы, США только предлагали свою помощь в выработке европейской программы реконструкции и ее осуществлении.

Основные цели плана Маршалла предусматривали стабилизацию социально-политической ситуации в Западной Европе, включение Западной Германии в западный блок и уменьшение советского влияния в Восточной Европе⁴. На совещании у государственного секретаря США 28 мая было решено, что страны Восточной Европы смогут принять участие в программе восстановления Европы, только если они откажутся от ориентации их экономики почти исключительно на Советский Союз в пользу широкой европейской интеграции⁵. При этом предполагалось использовать сырьевые ресурсы Восточной Европы для восстановления западной части континента. Фактически план был представлен таким образом, что участие в нем Советского Союза и стран Восточной Европы выглядело весьма проблематичным.

Заместитель государственного секретаря США У. Клейтон 18 июня отметил в ходе пресс-конференции, что СССР не входит в категорию стран, страдающих от долларового дефицита. Он подчеркнул, что до войны Россия, наоборот, экспортировала продовольствие, ткани, уголь, горючее. По мнению Клейтона, "СССР должен был внести свой вклад в реконструкцию европейской экономики, в особенности, стран, расположенных непосредственно к западу от его границ"⁶.

Скептицизм в отношении участия СССР в плане Маршалла существовал и в правящих кругах Великобритании. По сообщению французского агента, личный секретарь Э.Бевина г-н Диксон выражал сомнения: согласится ли Советский Союз на полную и откровенную публикацию данных о своей экономике; позволит ли СССР комиссиям зарубежных экспертов изучать на месте условия реализации плана Маршалла. Общий вывод был пессимистическим: "либо отказ СССР участвовать в реализации плана Маршалла; либо согласие в принципе, которое впоследствии натолкнется на серьезные трудности по вышеуказанным причинам..."⁷.

Тем не менее министры иностранных дел Великобритании и Франции Э.Бевин и Ж.Бидо согласились сыграть основную роль в обсуждении инициативы Маршалла с Советским Союзом. Они предложили созвать 27 июня 1947 г. в Париже совещание министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР

для консультаций по плану Маршалла. Жорж Бидо отмечал в телеграмме, отправленной 14 июня в посольство Франции в Лондоне: "Вместе с тем важно не создавать ощущения, что мы сговариваемся исключительно с Западом относительно предложения, которое сделано нам господином Маршаллом"⁸. При этом Бидо и Бевин в публичных заявлениях выражали заинтересованность в привлечении СССР к осуществлению плана Маршалла, но в то же время каждый из них заверял американского посла в Париже Дж. Кэффери, что надеется на "отказ Советов сотрудничать"⁹.

В Москве первоначально восприняли предложение Маршалла с интересом, увидев в нем возможность получения американских кредитов для послевоенного восстановления Европы. Министр иностранных дел СССР В.М.Молотов дал указание серьезно готовиться к обсуждению плана Маршалла. 21 июня 1947 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило положительный ответ советского правительства на предложения британского и французского правительств провести совещание министров иностранных дел трех держав в Париже¹⁰.

Серьезность советских намерений подтверждает и телеграмма, направленная 22 июня 1947 г. советским послам в Варшаву, Прагу и Белград. Послы должны были передать руководству этих стран следующее: "Мы считаем желательным, чтобы дружественные союзные страны, со своей стороны, проявили соответствующую инициативу по обеспечению своего участия в разработке указанных экономических мероприятий и заявили свои претензии, имея в виду, что некоторые европейские страны (Голландия, Бельгия) уже выступили с такими пожеланиями"¹¹.

Вместе с тем в советских официальных кругах звучали голоса недоверия и предостережения. Так, академик Е.С.Варга в докладной записке В.М.Молотову от 24 июня утверждал: "Решающее значение при выдвижении плана Маршалла имело экономическое положение США. План Маршалла должен был в первую очередь явиться оружием смягчения очередного экономического кризиса, приближение которого уже никто в США не отрицает". Варга доказывал, что в основе плана Маршалла лежали экономические расчеты правящих кругов США: "Американская финансовая олигархия и американские политики ищут средства для смягчения предстоящего экономического кризиса. Таким средством является продажа излишних (в условиях капитализма) товаров за границей, не покупая одновременно на соответствующие суммы товаров из-за границы. Таким образом США в собственных интересах должны дать гораздо больше кредитов, чем они давали до сих пор, чтобы освободиться от лишних товаров внутри страны, даже если заранее известно, что часть этих кредитов никогда не будет оплаченной".

Исходя из рассуждений о грядущем экономическом кризисе в США, Варга делал вывод: "Смысл плана Маршалла на этом

фоне следующий. Если уж в интересах самих США нужно отдать за границу американские товары на много миллиардов долларов в кредит ненадежным должникам, то нужно постараться извлечь из этого максимальные политические выгоды"¹².

Записка Варги была направлена Молотовым членам политбюро: Сталину, Берии, Жданову, Микояну, Маленкову, Вознесенскому, а также заместителям министра Вышинскому и Малику. Думается, что она сыграла свою роль в определении позиции Советского Союза в отношении плана Маршалла. Уверенность в приближении глубокого экономического кризиса на Западе позволяла советскому руководству рассчитывать на скорое изменение всей международной ситуации в пользу СССР.

Резко негативно оценивал план Маршалла и посол СССР в США Н.В.Новиков, который подчеркивал политический аспект американской инициативы. В телеграмме Молотову от 24 июня Новиков утверждал: "При этом основные цели внешней политики США, составляющие существо "доктрины Трумэна", — приостановка демократизации стран Европы, стимулирование противостоящих Советскому Союзу сил и создание условий для закрепления позиций американского капитала в Европе и Азии — остаются без существенных изменений. Внимательный анализ "плана Маршалла" показывает, что в конечном итоге он сводится к созданию западноевропейского блока как орудия американской политики... Таким образом, "план Маршалла" вместо прежних разрозненных действий, направленных к экономическому и политическому подчинению европейских стран американскому капиталу и созданию антисоветских группировок предусматривает более обширную акцию, имея в виду решить проблему более эффективным способом"¹³.

Советское руководство всячески противодействовало усилению экономического и политического влияния США в Европе, созданию западного блока. Москва решительно отвергала любые формы международного контроля в отношении экономики СССР и стран Восточной Европы. Вместе с тем Советский Союз был заинтересован в американских кредитах для послевоенной реконструкции. Бывший сотрудник секретариата Молотова посол В.И.Ерофеев так охарактеризовал позицию советского руководства: "Надо было согласиться на это предложение и попросить, если не совсем устранить, то максимально сократить все отрицательные черты, добиться, чтобы они не навязывали нам каких-то условий. Короче говоря, что-то вроде ленд-лиза. Молотов был как раз сторонником такого подхода"¹⁴.

Однако для американской стороны подобный вариант был совершенно неприемлемым. Заместитель госсекретаря США У.Клейтон во время переговоров с британскими руководителями 25 июня 1947 г. решительно возражал против любого упоминания самого термина "ленд-лиз" в подготовленном меморандуме¹⁵.

Отношение советского руководства к плану Маршалла было изложено в директивах советской делегации на встрече министров иностранных дел трех держав в Париже¹⁰.

На первый план выдвигалась задача получения информации "о характере и условиях предполагаемой экономической помощи Европе. В частности советская делегация должна выяснить следующие вопросы: каковы формы, возможные размеры и условия, на которых эта помощь будет предоставлена". В случае отказа британского и французского министров предоставить советской делегации удовлетворительную информацию, директивы предусматривали "предложить совещанию министров запросить правительство США, в какой мере европейские страны могут рассчитывать на экономическую помощь США и об условиях американского кредита (размеры, длительность, процент и др.)..."

Советской делегации предписывалось исходить из того, что "вопрос об американской экономической помощи европейским странам должен рассматриваться не с точки зрения составления экономической программы для европейских стран, а с точки зрения выявления их экономических потребностей в американской помощи (кредиты, поставки товаров) путем составления заявок самими европейскими странами. При этом делегация не должна допустить, чтобы совещание министров сбивалось на путь выявления и проверки ресурсов европейских стран, отводя такую постановку вопроса тем, что задачей совещания является выяснение заявок европейских стран и возможностей их удовлетворения со стороны США, а не составление экономических планов для европейских стран". В директиве специально подчеркивалось: "При обсуждении любых конкретных предложений, касающихся американской помощи Европе, советская делегация должна возражать против таких условий помощи, которые могли бы повлечь за собой ущемление суверенитета европейских стран или нарушение их экономической самостоятельности".

Советская делегация на парижском совещании министров иностранных дел трех держав последовательно руководствовалась этими директивами. Их сущность делала невозможным принятие советской стороной западных предложений о согласовании усилий европейских стран по восстановлению экономики Старого Света. Советское руководство полностью исключало выявление и проверку ресурсов европейских стран, составление ими какой-то общей программы стабилизации европейской экономики. Москва стремилась трактовать предложение Маршалла как возможность получения американских кредитов для послевоенной реконструкции. Советские предложения ограничиться выявлением потребностей европейских стран в американской помощи и направить эти согласованные заявки в виде запроса США были неприемлемыми для Запада. Парижское совещание

подтвердило, что согласовать эти взаимоисключающие позиции не представлялось возможным.

В сообщениях из Парижа в Москву В.М.Молотов подчеркивал наличие принципиальной разницы между предложениями СССР и западных держав. В телеграмме, отправленной 29 июня, после второго заседания министров иностранных дел трех держав, он писал: "...Бидо, прикинувшись протачком, сказал, что ему неясно, есть ли какая-либо принципиальная разница между советским и французским проектом. Я на это ответил, что такая разница есть и заключается она в том, что советский проект ограничивает задачи совещания и комитетов, которые могут быть созданы, только обсуждением вопросов, непосредственно связанных с американской экономической помощью Европе, тогда как французский проект предусматривает также составление экономических программ, охватывающих как вопросы, относящиеся к внутренней экономике европейских стран, так и вопросы, касающиеся экономических отношений между ними"¹⁷. Подобные сущностные расхождения оставляли мало шансов на достижение взаимоприемлемых договоренностей.

По донесениям информаторов западных разведывательных служб, советские представители на парижских переговорах были настроены весьма пессимистически. Так, агенты французской разведки на основании сведений, полученных от сотрудников советского посольства в Париже, утверждали: члены советской делегации смирились с тем, что они делают "массу ничемной работы" на конференции. "Они считают, что не будет никакого практического завершения совещания, но что оно явится интересной прелюдией к другой конференции, которая состоится уже в этом году, "когда созреют условия". Эта другая конференция будет не чем иным как встречей Сталин — Трумэн... По мнению советских делегатов, Молотов прибыл с официальной инструкцией вести переговоры, но не брать никаких окончательных обязательств по существу. Отсутствие США представляет серьезное преимущество для СССР, которым он хочет воспользоваться, чтобы разоблачить политическую подоплеку предложения Маршалла: создание европейского блока под руководством англо-французского альянса.

Но в Москве не хотят быть одураченными "дипломатическими иллюзиями", которые представляли бы веру в конкретное желание американцев помочь СССР и странам Центральной Европы на тех же основаниях, что Англии, Франции и Западной Европе. Делегаты считают, что даже если СССР подпишет приемлемое для него общее соглашение, то Вашингтон в течение нескольких месяцев найдет повод для дискриминационного разделения стран, которым предполагается оказывать помощь, и исключения из их числа Советов и славянских стран"¹⁸.

В целом французская разведка довольно верно передавала настроения скептицизма и недоверия советских представителей в Париже.

Со своей стороны, советские разведывательные службы получили информацию о намерениях и акциях западных организаторов плана Маршалла. По указанию И.В.Сталина, рано утром 30 июня заместитель министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинский шифрованной телеграммой сообщил В.М.Молотову сведения, поступившие по линии советской разведки. Ссылаясь на источники информации в Лондоне, министру телеграфировали, что в результате встреч заместителя госсекретаря США У.Клейтона с британскими министрами были достигнуты следующие договоренности:

"а) Англия и США согласились, что план Маршалла должен рассматриваться как план реконструкции Европы, а не помощь Европе...

б) Англия и США согласились, что реконструкция Европы может быть осуществлена посредством создания серии функциональных комитетов по углю, стали, транспорту, сельскому хозяйству и продовольствию, во главе с одним главным комитетом...

в) Всякая организация, созданная для реализации плана Маршалла, должна находиться вне ООН. Это объясняется тем, что Германия не является членом Объединенных Наций.

г) Англия и США считают, что Германия все еще является ключом к европейской экономике. Поэтому она фактически является одной из основ любого плана восстановления континента.

д) ...Англия и Америка будут сопротивляться выплате Советскому Союзу репараций из текущей продукции"¹⁹.

В рассматриваемый период советское руководство имело хорошие источники информации в Лондоне. Основные результаты бесед Клейтона с британскими руководителями были изложены верно. В ходе первой встречи с членами британского кабинета Клейтон заявил: "Администрация США хочет получить информацию от всех заинтересованных европейских стран относительно того, почему восстановление Европы шло столь медленно, что Европа может сделать для помощи самой себе, сколько времени это займет, какая минимальная помощь со стороны США потребуется Европе, чтобы она вновь встала на ноги"²⁰. Фактически во время визита Клейтона в Лондон была достигнута договоренность об осуществлении плана Маршалла применительно только к Западной Европе, без Советского Союза. В британском меморандуме, суммировавшем результаты англо-американских переговоров, отмечалось, что "администрация США была бы удовлетворена, если бы осуществление плана началось со стран Западной Европы в качестве некоего ядра"²¹. Правда, при этом американские и британские руководители выражали надежду, что даже если Советский Союз откажется от участия

в плане Маршалла, то страны Восточной Европы не последуют его примеру — делался расчет на отрыв этих стран от СССР.

Что касается Германии, то ей действительно отводилось важное место в осуществлении плана Маршалла. В беседе 9 июля с Бидо Клейтон отвечая на тревожные вопросы французского министра признал, что "Германии не должно принадлежать первое место в реконструкции Европы. Тем не менее остается фактом, что добыча рурского угля является основным элементом европейской реконструкции. Не надо надеяться на получение репараций из текущей продукции"²².

В свете полученной из Москвы информации переговоры Молотова в Париже выглядели бесперспективными и двусмысленными. Получалось, что американские и британские руководители уже все предрешили, а Парижское совещание лишь прикрывает их двойную игру.

Следует учитывать и то, как болезненно Москва относилась к любым попыткам оттеснить Советский Союз при решении германского вопроса, ущемить его права державы-победительницы, особенно в отношении репараций. Не случайно, в директивах советской делегации четко предписывалось "возражать против рассмотрения на совещании министров вопроса об использовании экономических ресурсов Германии для нужд европейских стран и против обсуждения вопроса об экономической помощи Германии со стороны США"²³. Поэтому, выступая на заседании 30 июня, Молотов подчеркнул, что в задачу совещания "не входит составление всеобъемлющей программы для европейских стран", а "вопрос о Германии подлежит рассмотрению четырех держав: Великобритании, Франции, СССР, США"²⁴.

Это заседание подтвердило невозможность достижения согласованных позитивных решений. Оценивая ход работы Парижского совещания, Молотов телеграфировал Сталину: "Ввиду того, что наша позиция в корне отличается от англо-французской позиции, мы не рассчитываем на возможность какого-либо совместного решения по существу данного вопроса. Считаю, что англичане и французы заангажированы перед американцами, по согласованию с которыми они требуют выработки общеевропейской экономической программы, дающей возможность вмешиваться во внутренние дела европейских стран, а также в экономические отношения между ними"²⁵.

2 июля Парижское совещание министров иностранных дел трех держав завершилось отказом делегации СССР участвовать в осуществлении плана Маршалла. Думается, что тактически это был проигрышный дипломатический ход. В сентябре 1947 г. Ж.Бидо в беседе с Дж.Бирнсом так оценил действия Молотова: "Признаюсь, я никогда не мог понять причины его поведения. Либо он получил бы часть выгоды, либо, если бы все предприятие провалилось, то он все равно выигрывал бы от того, что никто ничего не получил. Оставаясь с нами, он ничего бы не поте-

рял в любом случае, но он избрал единственный способ действий, при котором он совершенно определенно проигрывал"²⁶.

Тем не менее в действиях советского руководства имелась своя логика. Жесткая неконструктивная позиция советской делегации в Париже объяснялась главным образом стремлением не позволить Западу, и в первую очередь США, получить возможности воздействовать на ситуацию в странах Восточной Европы — советской сфере влияния.

Подход к межгосударственным отношениям, как к игре с нулевой суммой, требовал сделать все возможное, чтобы не позволить США реализовать их замыслы и усилить влияние в Европе. Молотов в телеграмме Сталину в ночь с 30 июня на 1 июля так суммировал впечатления от парижского совещания: "Как Англия, так и Франция находятся в весьма затруднительном положении и не имеют в своих руках серьезных средств для преодоления своих экономических затруднений. Единственная их надежда на Соединенные Штаты, которые требуют от Англии и Франции создания какого-либо общеевропейского органа для облегчения вмешательства Соединенных Штатов как в экономические, так и в политические дела европейских стран. На использование этого органа в своих интересах рассчитывает также Великобритания и, отчасти, Франция"²⁷. На следующий день Молотов добавил еще одно общее замечание: "По ходу данного Совещания можно считать установленным, что Франция целиком вошла в англо-французский фарватер и уже не претендует на ту небольшую самостоятельность по отдельным вопросам, как это было на прежнем Совещании"²⁸.

Уже в день окончания Парижского совещания министров иностранных дел трех держав Э.Бевин и Ж.Бидо опубликовали совместное заявление: от имени правительств Великобритании и Франции они пригласили все европейские государства, временно исключая франкистскую Испанию, принять участие в Европейской экономической конференции. Предполагалось создать специальную организацию для составления в кратчайшие сроки согласованной программы европейской реконструкции, которая отразила бы ресурсы и потребности каждого государства. 4 июля официальные приглашения были направлены правительствам 22 стран Европы. Конференцию предлагалось открыть 12 июля 1947 г. в Париже.

СССР отказался участвовать в конференции и повел линию на ее срыв. Утром 5 июля советские послы в столицах ряда европейских государств получили из Москвы указание посетить министров иностранных дел соответствующих стран и сделать им заявление, в котором давалась негативная оценка предложения Маршалла. В связи с идеей создания руководящего комитета, который составил бы экономическую программу для европейских стран, в тексте заявления подчеркивалось: "Делегация СССР усмотрела в этих претензиях желание вмешаться во вну-

тренние дела европейских государств, навязать им свою программу, затруднить им сбывать свои излишки туда, куда они хотят, и, таким образом, поставить экономику этих стран в зависимость от интересов США. Понятно, что делегация СССР не могла согласиться с этим. Делегация СССР считает, что прежде всего следовало выяснить реальность кредита, его условия и размеры, потом запросить европейские страны об их потребностях в кредите и, наконец, составить сводную программу из заявок, которые следовало бы, по возможности, удовлетворить за счет кредитов США. При этом европейские страны оставались бы хозяевами своей экономики и могли бы свободно распоряжаться своими ресурсами и их излишками”²⁹.

Советская линия на противодействие реализации плана Маршалла была ясной и последовательной. Другое дело — вопрос о тактике. Как лучше саботировать англо-французскую инициативу? Советский Союз отказался участвовать в намеченном на 12 июля совещании. Должны ли были союзники СССР последовать его примеру? Наиболее четко замыслы Кремля были изложены в телеграмме от 5 июля советскому послу в Белграде. Посла обязывали от имени ЦК ВКП(б) передать И.Б.Тито следующее: ”Мы получили сообщение о намерении югославского правительства отказаться от участия в парижском совещании 12 июля, созываемом англичанами и французами. Мы рады, что Вы проявляете твердость в вопросе об американских кабальных кредитах. Однако мы думаем, что все же было бы лучше принять Вам участие в совещании, послать туда свою делегацию и дать там бой Америке и ее сателлитам — Англии и Франции с тем, чтобы помешать американцам единодушно провести их план, а потом уйти с совещания и увести с собой возможно больше делегаций от других стран”³⁰. В более мягкой и дипломатичной форме эта позиция ЦК ВКП(б) была сообщена Б.Беруту (Польша), К.Готвальду (Чехословакия), Г.Георгиу-Дежу (Румыния), Г.Димитрову (Болгария), М.Ракоши (Венгрия), Э.Ходже (Албания) и лидеру коммунистов Финляндии Херте Куусинен.

Глава болгарского правительства Г.Димитров также высказался именно за то решение, которое было принято в Москве — странам Восточной Европы участвовать в Парижской конференции и отстаивать на ней советскую концепцию реконструкции Европы. Во время приема у американского политического представителя в Софии 4 июля Г.Димитров в беседе с советским послом С.Кирсановым отметил, что ”отказ от участия в конференции таких стран, как Болгария, дал бы основание для обвинения в отсутствии у них самостоятельности в политике”³¹.

Инициаторы плана Маршалла со своей стороны стремились привлечь к участию в нем страны Восточной Европы, в первую очередь Польшу и Чехословакию, в расчете ослабить их ориентацию на Советский Союз. 3 июля французский посол в Ва-

шингтоне А.Бонне телеграфировал в Париж: "В государственном департаменте горячо желают, чтобы Польша и Чехословакия согласились на приглашение британского и французского правительства, и насколько возможно будут побуждать их дать этому делу ход"³².

Вечером 6 июля Молотов передал указания советским послам в Варшаве и Белграде сообщить Беруту и Тито о желательности неофициального приезда в Москву выделенных ими ответственных лиц, "чтобы сговориться по вопросу о Парижском совещании заранее и чтобы избежать излишних затруднений в ходе этого совещания"³³.

Однако уже через несколько часов в Москве дали отбой. В ночь с 6 на 7 июля советским послам в Белграде, Будапеште, Варшаве, Праге, Софии, Тиране, Хельсинки было направлено указание передать Беруту, Готвальду, Георгиу-Дежу, Димитрову, Ракоши, Тито, Ходже и Куусинен, что "ЦК ВКП(б) не советует давать ответ англичанам и французам до 10 июля, так как в некоторых странах друзья (то есть руководители компартий — *М.Н.*) высказываются против участия в совещании 12 июля, поскольку СССР в совещании не будет участвовать"³⁴.

Сталинское руководство колебалось. С одной стороны, хотелось не просто отказаться от участия в парижском совещании, но и сорвать его работу, устроить на совещании скандал, "хлопнуть дверью". С другой — искушение получить американскую экономическую помощь могло оказаться слишком привлекательным для правительств некоторых стран Восточной Европы. Учитывая коалиционный характер правительств Польши, Чехословакии, Финляндии и отсутствие абсолютного контроля коммунистов над дипломатическими службами этих стран, Москве было бы затруднительно диктовать конкретные шаги их представителям на парижском совещании. Так, предполагалось, что Чехословакию на совещании будет представлять ее посол во Франции И.Носек. В связи с этим посол СССР в Париже А.Е.Богомоллов обращал внимание советского руководства "на то обстоятельство, что посол Носек известен как консерватор во внутренней политике и сторонник западной ориентации во внешней политике"³⁵. К тому же участие стран народной демократии в парижском совещании весьма затруднило бы пропагандистскую кампанию западноевропейских компартий против плана Маршалла.

В итоге все эти опасения перевесили. В ночь с 7 на 8 июля советским послам в Белграде, Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Праге, Софии, Тиране, Хельсинки было дано указание немедленно передать Беруту, Готвальду, Георгиу-Дежу, Димитрову, Ракоши, Тито, Ходже и Херте Куусинен следующую телеграмму ЦК ВКП(б):

"Полученные Советским правительством последние данные о характере парижского совещания от 12 июля выявили два но-

вых обстоятельства. Во-первых, инициаторы совещания, англичане и французы, не намерены внести какие-либо изменения в свои планы хозяйственного восстановления Европы без учета интересов суверенитета и экономической самостоятельности малых стран. Во-вторых, под видом выработки плана восстановления Европы инициаторы совещания хотят на деле создать западный блок с включением в него Западной Германии.

В виду этих обстоятельств ЦК ВКП(б) отменяет свою телеграмму от 5 июля и предлагает отказаться от участия в совещании, то есть не посылать делегаций на совещание.

Мотивы отказа каждая страна может представить по своему усмотрению³⁶.

Реально мотивы решения, принятого в Москве, были изложены в записке А.Я.Вышинского. "Это диктуется уже тем, — писал он, — чтобы участием в этом совещании не создавать ему авторитета и таких условий, которые облегчили бы англо-франко-американские интриги среди участников совещания"³⁷.

Приняв решение о бойкоте парижского совещания, намеченного на 12 июля, Москва оказала жесткий нажим по этому вопросу на правительства дружественных государств. Так, в отношении Финляндии использовалось то обстоятельство, что СССР еще не ратифицировал мирный договор и в Хельсинки продолжала действовать Союзная контрольная комиссия. 8 июля заместителю председателя этой комиссии генералу Г.М.Савоненкову было отправлено следующее указание:

"Сегодня послана телеграмма посланнику для передачи Куусинен о том, чтобы она добилась от правительства отказа от участия в парижском совещании в связи с планом Маршалла.

Вам поручается повидать премьера Пеккала и с глазу на глаз сказать ему, что Советское Правительство ожидает, что Финляндия не будет участвовать в парижском совещании"³⁸.

Оказанное на правительство Финляндии давление возымело действие, и оно отказалось от участия в совещании по реализации плана Маршалла.

Однако колебания Кремля 5—7 июля осложнили ситуацию. Если правительства Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Югославии и Финляндии послушно выполнили директиву Москвы, то в Праге возникли затруднения. Правительство Чехословакии уже приняло решение участвовать в совещании по плану Маршалла, созываемом в Париже Великобританией и Францией. Когда временный поверенный в делах СССР в Чехословакии М.Ф.Бодров явился 8 июля к главе правительства К.Готвальду и передал ему телеграмму ЦК ВКП(б), последний заявил, что изменить решение чехословацкого правительства об участии в Парижском совещании уже невозможно — "правительство нас (коммунистов) не поддержит". С Готвальдом согласился государственный секретарь по иностранным делам коммунист В.Клементис, который сказал Бодрову, "что они ни-

чего не смогут изменить теперь, ибо все уже сделано, англичанам и французам ответ дан, в печати опубликовано, Носеку в Париже дано указание о том, что ему поручается участвовать в совещании"³⁹.

Разъяренный Сталин потребовал немедленного приезда правительственной делегации Чехословакии. Утром 9 июля делегация во главе с К.Готвальдом вылетела в Москву. По прибытии в официальную резиденцию для иностранных гостей Готвальд сказал членам делегации, что идет отдохнуть, а сам тайком отправился на беседу со Сталиным. Советский лидер ультимативно потребовал немедленно отменить решение правительства Чехословакии об участии в парижском совещании по плану Маршалла. Готвальд вынужден был дать согласие выполнить требование Сталина. Когда он часов через пять вернулся к своим коллегам по делегации, то сообщил им, что "он никогда не видел Сталина таким рассерженным и что у чехословацкого правительства нет другого выхода, кроме как возможно скорее пересмотреть принятое им решение"⁴⁰.

Когда Сталин поздно вечером встретился со всей делегацией Чехословакии, он был настроен более благодушно. Он утверждал, что, по сведениям, полученным советским правительством, парижская конференция призвана стать частью осуществления более широкого западного плана по изоляции СССР. При этом Сталин подчеркнул ставку Запада на восстановление германской экономики и, в частности, Рурского бассейна, призванного стать промышленной базой западного блока. Отметая все возражения чехословацких министров, Сталин заявил: "Участие в конференции выставит вас в ложном свете. Этот "прорыв фронта" означал бы успех западных держав. Швейцария и Швеция еще колеблются, а ваше участие определенно повлияло бы на их решение. Мы знаем, что вы наши друзья, у нас никто в этом не сомневается. Но своим участием в Париже вы были бы использованы в качестве инструмента против СССР. Этого ни Советский Союз, ни его правительство не допустили бы"⁴¹.

10 июля утром вице-председатель Совета министров В.Широкий и государственный секретарь по иностранным делам В.Клементис уговорили президента Э.Бенеша согласиться на необходимость отказа Чехословакии от участия в обсуждении плана Маршалла. Бенеш нехотя согласился, отметив, что, по его мнению, СССР и Чехословакия делают большую ошибку.

В тот же день в 12 часов было созвано экстренное заседание правительства Чехословакии, продолжавшееся до 9 часов вечера. Давление Кремля и вынужденное решение президента Э.Бенеша сделали свое дело — члены правительства единогласно приняли решение об отказе страны участвовать в парижском совещании по плану Маршалла, ссылаясь на неучастие союзных с Чехословакией стран, включая СССР. Возвратившись 12 июля в Прагу, министр иностранных дел Ян Масарик заме-

тил своим друзьям: "Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский лакей"⁴².

Советское восприятие плана Маршалла обуславливалось логикой разгоравшейся холодной войны. Сталинское руководство видело в США своего главного соперника на международной арене и всячески стремилось не допустить расширения американского влияния в Европе. В Москве весьма болезненно воспринимали любые попытки создания западного блока при американской гегемонии в этой коалиции.

Со своей стороны, инициаторы плана Маршалла с самого начала были настроены весьма скептически в отношении возможного участия СССР, рассматривая его скорее как потенциального донора, чем получателя американской помощи. 9 июля посол США в Париже Дж.Кэффри заметил советскому послу А.Е.Богомолу: "Жаль, что вы не участвуете, у вас хороший урожай, и вы могли бы помочь Европе продовольствием, хотя бы в порядке ваших торговых отношений со странами Восточной Европы"⁴³.

Анализ советской позиции в отношении плана Маршалла позволяет сделать вывод, что приоритетным направлением во внешнеполитической стратегии Москвы было установление и упрочение советского контроля над странами Восточной Европы. Сталин считал советскую зону влияния важнейшим результатом тяжелейшей войны. Он не собирался идти ни на какие уступки Западу в этой части Европы: для тогдашнего советского руководства контроль над сферой влияния был важен по геополитическим, стратегическим и идеологическим соображениям. Инициаторам плана Маршалла не удалось вовлечь в его осуществление страны Восточной Европы помимо воли СССР и тем самым ослабить их ориентацию на Советский Союз.

Как ни парадоксально, но реализация плана Маршалла без участия СССР и даже при его противодействии в какой-то степени устраивала обе стороны: Советский Союз сохранил и утвердил свое влияние на страны Восточной Европы; США и их партнеры по плану Маршалла получили возможность для осуществления комплекса мер по стабилизации социально-политической ситуации в Западной Европе, а затем и для создания военно-политического западного союза.

Фактически организация плана Маршалла и резко негативная реакция советского руководства означали важнейший рубеж на пути раскола Европы на сферы влияния, а сама разделенная Европа стала частью биполярного мира, характерного для периода холодной войны.

Примечания

¹ Documents on International Affairs, 1947—1948. London—New York, 1952. P. 23.

² Цит. по: Jones J. M. The Fifteen Weeks (February 21 — June 5, 1947). New York, 1955. P. 247.

³ Текст см.: Documents on International Affairs, 1947—1948. P. 23—26.

⁴ См.: Leffler M.P. The United States and the Strategic Dimensions of the Marshall Plan // Diplomatic History, 1988, t. 12, No 3. P. 283.

⁵ Hogan M.J. One World into Two: American Economic Diplomacy from Bretton Woods to the Marshall Plan. Ohio, 1987. P. 28.

⁶ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1947, vol. 3. P 260.

¹⁰ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, лист 12.

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Фонд 6, опись 9, папка 18, дело 214, лист 19.

¹² АВП РФ. Фонд 6, опись 9, папка 18, дело 213, листы 2-4.

¹³ Цит. по: Тахненко Г. Анатомия одного политического решения. Документы // Международная жизнь. 1992, № 5. С. 121.

¹⁴ Запись беседы автора с В.И.Ерофеевым 15 октября 1992 г.

¹⁵ FRUS 1947, vol. 3. P. 273.

¹⁶ АВП РФ. Фонд 6, опись 9, папка 18, дело 214, листы 4-6.

¹⁷ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, лист 55.

¹⁸ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP 20.

¹⁹ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, листы 59-60.

²⁰ FRUS. 1947. Vol. 3. P. 273.

²¹ Ibidem, p. 286.

²² Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457, Carton AP 20.

²³ АВП РФ. Фонд 6, опись 9, папка 18, дело 214, лист 6.

²⁴ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, листы 64—65.

²⁵ Там же, листы 70—71.

²⁶ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457, carton AP 80.

²⁷ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, лист 71.

²⁸ Там же, лист 74.

²⁹ Там же, листы 93—94; См. также: Тахненко Г. Анатомия одного политического решения // Международная жизнь 1992. № 5. С. 124—125.

³⁰ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, лист 96.

³¹ Там же, лист 118.

³² Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457, carton AP 20.

³³ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, лист 135.

³⁴ Там же, лист 142.

³⁵ Там же, лист 201.

³⁶ Там же, лист 158.

³⁷ АВП РФ. Фонд 6, опись 9, папка 20, дело 245, лист 9.

³⁸ Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 63, дело 270, лист 166.

³⁹ Там же, листы 183—184.

⁴⁰ Archives Nationales (Paris). Papiers privées de M. Georges Bidault. Fonds 457, carton AP 20.

⁴¹ Цит. по: Известия, 1992, 9 января.

⁴² Цит. по: Bruce Lockhart R.H. Jan Masaryk. A Personal Memoir. New York, 1951. P. 66.

⁴³ АВП РФ. Фонд 094, опись 31, папка 190, дело 3, лист 65.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНГРЕСС В ГААГЕ (8-10 мая 1948 года)

Идея Европейского союза, доказывая свою жизнеспособность, нашла выражение в двух интересных особенностях:

— на фоне очевидной динамичности исторических процессов в Европе она утвердилась как константная величина, и в ее пользу действовали зачастую диаметрально противоположные силы. В прошлом Западная Европа должна была быть единой перед монолитностью Восточного блока. Сегодня она снова стремится быть единой, но уже перед многоцветной и довольно разноликой восточной частью континента;

— все неудачи, стоявшие на пути объединения западноевропейских стран, привели к ... успеху. Парадоксально, но факт.

Идея объединения Европы родилась еще в эпоху Средневековья. Однако в течение столетий она была лишь достоянием интеллектуальной элиты: владела умами поэтов, писателей, философов, экономистов, юристов (Данте, Гюго, Кант, Сен-Симон). Гуманисты и пацифисты видели в объединении европейских народов альтернативу разьединенности и соперничеству между многочисленными европейскими державами, которые истощали себя в непрекращающихся междоусобных войнах, разрушавших европейское культурное наследие и обрекавших экономику на разрушение, а население — на нищету.

После окончания первой мировой войны по инициативе австрийского графа Р.Куденхове-Калерги родилось так называемое Панъевропейское движение (1924 г.), доктрина, носившая несколько умозрительный характер, вследствие чего многочисленные инициативы этого движения не получили широкого общественного и политического признания. Тем не менее, стоит отметить проведение в Вене в 1927 г. Панъевропейского конгресса, заключительный манифест которого призывал европейские народы взять будущее континента в свои руки и внести свой вклад в создание общей политической концепции в рамках Европейских соединенных штатов.

Известно, что именно этот манифест и тот энтузиазм, с которым он был принят, вдохновили министра иностранных дел Франции А.Бриана произнести в Лиге наций в Женеве в сентябре 1929 г. свою знаменитую речь. От имени французского правительства А.Бриан предложил создать Европейский союз в рамках Лиги наций. Это было первое в истории официальное предложение объединить Европу. Однако оно осталось без последствий. Неудача объяснялась тем, что предложение французского министра было высказано одновременно и слишком поздно, и слишком рано. Слишком поздно, потому что выборы

14 сентября 1930 г. принесли первый успех Гитлеру и война уже могла стать реальностью. Слишком рано, потому что Европа все еще не предполагала, какой ужас принесет ей новый национализм и что она обречена на разделение и соперничество¹.

Вторая мировая война сделала Европу своей основной жертвой. Европа не только перестала играть присущую ей издавна центральную роль в мировой истории, но и очень скоро после окончания войны оказалась ареной соперничества двух новых суперсил — США и СССР. Речь У.Черчилля в Фултоне в марте 1946 г., Московская конференция по германскому вопросу в марте 1947 г., отказ СССР и восточноевропейских стран участвовать в "плане Маршалла", Пражские события февраля 1948 г., блокада Западного Берлина весной 1949 г. означали конец межсоюзнического военного сотрудничества и разделения Европы на "Восток" и "Запад". Начиналась "холодная война", которая на долгое время зарядила атмосферу Европы страхом и напряжением.

Противопоставление Восточной и Западной Европы явилось одной из непосредственных политических причин того, что были предприняты практические действия по объединению западноевропейских стран. Появляются многочисленные сложные, имеющие определенную целостную структуру, европейские организации. Прежде всего, это Европейская организация экономического сотрудничества (ЕОЭС), Организация Североатлантического договора (НАТО), Западноевропейский союз (ЗЕС)*, Совет Европы, а также европейские сообщества (Европейское объединение угля и стали, ЕВРАТОМ, ЕЭС), ставшие основой "Общего рынка".

После ЕОЭС в 1949 г. был создан НАТО, военный союз основных европейских стран, США и Канады. А в 1954 г. был создан ЗЕС, целью которого было укрепление сотрудничества в сфере безопасности европейских стран, усиление политического веса Европы в НАТО и, в определенной мере, выражение европейской позиции в области обороны и безопасности. Основой ЗЕС являлся Брюссельский пакт между Англией, Францией, Бельгией, Люксембургом и Нидерландами, заключенный еще в марте 1948 г. Позже к ним присоединилась Германия и Италия.

В то время как ЗЕС и ЕОЭС явились ответом на конкретную историческую необходимость, Совет Европы — это закономерное следствие развития европейского движения за политическое объединение, усилившееся после окончания второй мировой войны.

Еще в период сопротивления немецкой оккупации в Западной Европе столь долго существовавшая идея ее объединения переросла в идеологическое убеждение. В 1942 г. премьер-министр Великобритании У.Черчилль в разосланном членам английского военного кабинета меморандуме писал, что, как ни трудно предвидеть заранее, он все же верит в объединение ев-

ропейских держав в единый Европейский Совет. Он выразил надежду, что будут созданы Европейские соединенные штаты, где барьеры между нациями будут сведены до минимума, и станет реальностью беспрепятственное движение между ними².

У.Черчилль был не единственным в то время, кто выдвигал подобные идеи. Генерал Де Голль в годы войны также призывал после восстановления мира действовать в пользу объединения западноевропейских стран.

Однако не будем забывать, что "европейская семья наций", по замыслам У.Черчилля, "могла действовать единым фронтом" прежде всего перед надвигавшейся советской угрозой. К тому же объединенная Европа в планах У.Черчилля явилась бы опорой для Англии в ее отношениях с Соединенными Штатами. Союз этих двух держав должен был обеспечить им ведущее место в послевоенном мире. После сокрушительного провала возглавляемой им партии консерваторов на выборах в мае 1945 г. и последовавшей затем отставки У.Черчилля с поста премьер-министра, он полностью посвятил себя деятельности по созданию единой Европы.

В сентябре 1946 г. У.Черчилль выступил с речью в Цюрихском университете. В ней он призывал европейские народы забыть ужасы войны, подумать о возрождении Европы и начать этот процесс с установления сотрудничества между Францией и Германией³.

В Англии У.Черчилль создает и становится лидером Движения за единую Европу. Одновременно в других европейских странах начинают действовать организации подобного типа. Совет в защиту единения Европы, руководил которым Р.Дотри, имел сильное влияние во Франции. Экономическая лига европейского сотрудничества во главе с Ван Зееландом объединяла ведущих европейских промышленников, экономистов и лидеров синдикалистских движений. Движение социалистов за Европейские соединенные штаты и Европейский союз федералистов (главой Союза был бывший нидерландский министр Х.Брюхманс) объединяли тех, кто видел в федерализме единственно правильный путь к возрождению Европы. На базе этих организаций и движений в 1947 г. в Париже был учрежден Международный координационный комитет Движения за объединение Европы. Координационный комитет должен был организовать проведение Европейского конгресса в 1948 г.⁴

Идея проведения Конгресса имела широкую поддержку в официальных кругах: одобрение было выражено премьер-министром Бельгии Спааком, министрами иностранных дел Великобритании (Бевином), Франции (Бидолом) и Италии (графом Сфорца).

В итоге 8 мая 1948 г. в Гааге начал работу Европейский конгресс, торжественное открытие которого проходило в "Рыцарском зале". Это было очень почетно, так как именно в этом за-

ле нидерландский парламент собирается для заслушивания тронной речи королевы.

В Конгрессе приняли участие 713 делегатов, представлявших 16 стран. Среди участников были бывшие премьер-министры и министры иностранных дел, члены парламента и выдающиеся личности, представлявшие культурную и интеллектуальную элиту Европы.

Самой многочисленной была делегация Франции — 185 человек; далее Великобритании — 140 человек; Нидерландов — 59, Италии — 57, Германии — 51, Швейцарии — 39, Дании — 32, Швеции — 19, Бельгии — 18, Греции — 18, Австрии — 12, Норвегии — 12, Люксембурга — 8, Ирландии — 5, Саара — 5, Лихтенштейна — 3⁵.

Конечно же, на этом фоне особенно заметна была делегация Германии, возглавляемая Аденауэром. Хотя она и должна была лишь скромно участвовать в общих дебатах, уже одно ее простое присутствие символизировало начало новой эры.

Присутствовали и многочисленные наблюдатели, присланные из 10 стран (Болгарии, Канады, Чехословакии, Финляндии, Норвегии, Польши, Румынии, Испании, США и Югославии). Восточная Европа была представлена делегациями эмигрантов, их возглавлял бывший посол Венгрии в Париже Поль де Сэр. Были и делегаты, которые находились на нелегальном положении⁶.

Почетным президентом Конгресса был избран Уинстон Черчилль. Перед Европейским конгрессом в Гааге были поставлены следующие задачи:

- показать миру истинный масштаб поддержки идеи европейского объединения;

- дать новые силы Движению за объединение Европы и сформулировать практические рекомендации по реализации его идей.

С первых часов работы Конгресса стало ясно, что существует два подхода к достижению общей цели:

- "федералисты" настаивали на немедленных действиях по созданию Соединенных штатов Европы;

- "союзисты" предлагали идти по пути постепенного расширения и углубления сотрудничества между державами на разных уровнях с последующим их объединением в Союз.

На Гаагском конгрессе были сформированы три комиссии: экономическая, политическая и культурная.

Экономическая комиссия, возглавляемая Полем ван Зееландом, стала театром длительных и острых дебатов. Предметом принципиальных дискуссий стал вопрос: будут ли включать структуры новой объединенной Европы такой орган, как, например, "Экономический и социальный Совет", хотя бы и с консультативными функциями.

Большое внимание, особенно прессы, привлекла работа политической комиссии. Участники ее очень быстро пришли к единому мнению о необходимости создания представительной Ассамблеи, в которой европейские страны могли бы обсуждать свои общие проблемы⁸. Однако оставалось неясным, как будет устроена эта Ассамблея и какова будет ее компетенция. Спорным был момент: участники Ассамблеи должны быть назначены или избраны? "Федералисты" настаивали на том, чтобы назначенные представители "живых сил нации" (профсоюзы, кооперативы, церкви и т.д.) входили бы в нее наряду с депутатами и сенаторами, в то время как бывший французский министр П.Рейне предлагал систему прямых выборов, согласно которой один делегат избирался бы от 0,5 млн. жителей⁹.

Ни первое, ни второе предложение не было принято, и Конгресс фактически лишь выступил в принципе за создание Европейской Ассамблеи. Термин "Совет Европы", который У.Черчилль впервые произнес в 1943 г., был вновь взят на вооружение, а идея подобной организации получила дальнейшее развитие.

Комиссия по культуре, руководил которой испанский профессор Мадариага, разработала план создания Европейского центра культуры (спустя короткое время открывшегося в Женеве)¹⁰. В этой же комиссии впервые заговорили о College d'Europe, открытом в 1950 г. и существующем до сих пор наднациональном научно-исследовательском и учебном учреждении, занимающемся общеевропейскими проблемами¹¹.

Следует отметить, что организаторам Гаагского конгресса, помимо прочего, приходилось преодолевать значительные трудности, связанные с различным подходом участников конгресса к степени ангажированности США в европейских делах.

С одной стороны, оставались живучими иллюзии прочного альянса между победителями во Второй мировой войне. Причем, не столько у политических деятелей, сколько в массе избирателей, и это надо было принимать в расчет.

С другой стороны, большинство европейцев негативно воспринимало ситуацию, в которой "старушка" Европа должна была просить милостыню у США, и не только деньгами, но и практическими советами, как их использовать.

Американцы в целом стремились не задевать европейскую чувствительность в этом вопросе и пытались быть как можно более тактичными. Но трудно отрицать, что в этот момент Европа, как сказал позже П.-А.Спаак, "жила в страхе перед русскими, с одной стороны, и в страхе перед американской щедростью — с другой"¹².

Все это вполне определенно находило свое отражение в поведении участников Гаагского конгресса. Налицо было стремление сторонников объединенной Европы иметь, хотя бы с финансовой

стороны, "чистые руки". Правда, это пуританство вскоре потерпело неудачу¹³.

Несмотря на многочисленные разногласия о путях, формах и темпах продвижения к единой Европе, превалирующим на Гаагском конгрессе было довольно оптимистическое общее настроение. Оно нашло свое отражение в зачитанном Д.де Ружемоном на последнем пленарном заседании 10 мая "Послании к европейцам".

В нем призывалось к:

- созданию объединенной Европы со свободным передвижением людей, идей и ценностей;
- принятию Декларации прав человека, гарантирующей свободу мысли, собраний, мнений, а также свободу выражения оппозиционных идей;
- созданию Суда, призванного обеспечить соблюдение положений Декларации прав человека;
- созыву Европейской Ассамблеи, в которой были бы представлены "живые силы" всех европейских наций;
- активной работе по продвижению идей строительства объединенной Европы, как единственного залога мира и большого будущего для нынешних и грядущих поколений¹⁴

В результате дискуссий, работы комиссий Координационный комитет Движения за объединение Европы подготовил политический доклад Гаагского конгресса, в котором были изложены предложения относительно дальнейшего развития процесса создания объединенной Европы. На основе этого доклада было принято несколько политических резолюций. Их главное содержание сводилось к следующему:

- не может быть успешным восстановление Европы на базе жесткого сохранения национальных суверенитетов;
- европейские нации должны создать экономический и политический союз в целях обеспечения безопасности, экономической независимости и социального прогресса. Ради этого они должны быть готовы поступиться некоторыми своими суверенными правами;
- без промедления должна быть созвана Европейская парламентская Ассамблея, в которую бы вошли представители парламентов заинтересованных государств;
- создаваемый европейский союз или федерация должны быть открыты для участия всех стран, где соблюдаются основные права человека;
- должен быть создан европейский суд, обладающий необходимыми правами для принятия санкций в отношении нарушений прав человека;
- должны быть сохранены существующие связи европейских стран с их заморскими территориями;
- создание объединенной Европы является важнейшим этапом на пути к "единому миру"¹⁵.

Анализ резолюций Конгресса показывает, что на нем возобладавало мнение сторонников более постепенного подхода к созданию объединенной Европы (т.с. мнение "союзистов"), в то время как "федералисты", выступавшие за более жесткую и определенно интеграционную форму сообщества европейских государств, не получили достаточной поддержки.

И все же самое главное, что выражали эти резолюции — единое желание больших социальных перемен на континенте, стремление к единой, новой Европе. Это было в сознании участников, в атмосфере самого Конгресса. Несмотря на трудности, взаимное недоверие, противоречия между организаторами, это был единый порыв, такое выражение энтузиазма и рвения, какого Европа так и не смогла больше увидеть. Тогда в Гааге, в мае 1948 г., говорили о новой эре и никогда в дальнейшем европейское движение не испытывало такого прилива сил и такого страстного желания созидать. Что же касается споров, то это было лишь потому, что каждый участник Гаагского конгресса серьезно относился к тому, в чем он участвовал.

Отсутствие конкретных решений, раскрывающих в деталях пути создания новой Европы, ее будущий облик, отнюдь не свидетельствовало о бесплодности этого Конгресса. Его участники и не ставили, судя по всему, перед собой такой задачи. Главным итогом дискуссий было формулирование ряда основополагающих идей, определивших во многом дальнейшее развитие европейской интеграции. Как писал спустя много лет (в 1968 году) один из активных участников Гаагского конгресса Д. де Ружемон, "все вышло из Конгресса в Гааге в мае 1948 года: первые европейские организации — парламентские, юридические, культурные, технические, основные принципы Общего рынка..."¹⁶.

Одним из шагов, предпринятых исходя из прозвучавших на Гаагском конгрессе предложений, явилось создание Международным координационным комитетом 25 октября 1948 г. так называемого "Европейского движения" — постоянно действовавшей неофициальной организации, главной целью которой было развитие и пропаганда идеи Европейского союза. Почетными президентами "Европейского движения" были избраны Л.Блюм, У.Черчилль, Де Гаспери, П.-А. Спаак, чем как бы подчеркивался его наднациональный характер и независимость от влияния различных партий.

Основное практическое следствие Гаагского конгресса нашло выражение в том, что по предложению французского и бельгийского правительств резолюции Конгресса были поставлены на обсуждение в Совете Брюссельского пакта. В его ходе представители Великобритании выступили с контрпредложением ограничиться лишь созданием традиционных организаций межправительственного сотрудничества. С целью примирить оба проекта был образован специальный комитет, который в конце янва-

ря 1949 г. пришел к компромиссному решению, казавшемуся будущей организации. На базе этого компромисса и была заключена 5 мая 1949 г. Конвенция, в соответствии с которой был создан Совет Европы. Кроме пяти стран — членов Брюссельского пакта ее подписали Италия, Ирландия, Дания, Норвегия, Швеция, чуть позже — Греция.

Совет Европы — политическая организация с очень широкой компетентностью (исключением являются лишь вопросы обороны), — постепенно утвердился как европейская структура с бесспорным вкладом в формирование общеевропейского сознания и согласование действий правительств и высшей законодательной власти при решении важных политических, социальных и культурных вопросов. В целом обсуждавшиеся на Гаагском конгрессе идеи и планы строительства объединенной Европы не нашли своего воплощения в том виде и те сроки, как это задумывалось. Но сама идея была настолько сильна, что дальнейшая история подтвердила тезис о том, что чем более амбициозными являются задачи неосуществленного проекта, тем более интенсивным будет движение к реализации этих идей в другом виде и в другом измерении.

Идея создания Европейского союза присутствует неизменно во всей послевоенной истории континента и до такой степени вплетена в политическую жизнь, что уже никто не ставит под сомнение ее реализацию. Европейцы убеждены, что это будет. Проблемы возникают при ответе на вопрос, каким образом это будет осуществлено. В поисках ответа появлялись различные школы и теории. В острую полемику вступали приверженцы федерализма и сторонники "Европы отечеств", были написаны тысячи страниц текстов "за" и "против" наднациональности и т.д. На этом сложном пути от призывов заменить "безвозвратно устаревшие суверенные державы" федеративным объединением, до примирительных пожеланий "рассудительно и осторожно" искать политическое объединение — идея политического союза как бы самоорганизовывалась, чтобы в итоге выкристаллизоваться на современном этапе в текстах Маастрихтского договора.

Ярко выраженное сегодня стремление восточноевропейских стран, да и России в определенном плане тоже, к вступлению в Совет Европы, ЕС, к самому тесному взаимодействию с ними показывает, что эти организации, при всех сложностях их развития, являются весьма привлекательными для европейцев и позволяют решать многие проблемы современной Европы, имеют значительные перспективы на будущее.

* ЕОЭС, НАТО и ЗЕС — первые европейские организации, появившиеся в результате возникшего после второй мировой войны союза США и стран Европы. ЕОЭС была создана по инициативе США в 1948 г. после того, как в 1947 г. тогдашний

госсекретарь Джордж Маршалл предложил европейским странам объединить свои усилия в области восстановления разрушенной европейской экономики, обещая при этом американскую помощь, ставшую реальностью в виде так называемого "плана Маршалла".

Примечания

¹ Основи на европейската интеграция. София, 1994. С. 8.

² Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968. С. 352-353.

³ Там же. С. 417-418.

⁴ Robertson A.H. Le Conseil de l'Europe. Leyde, 1962. P. 21.

⁵ Ibid. P. 21-22.

⁶ Ibid. P. 22.

⁷ Matériaux de Congrès de l'Europe. Résolutions. La Haye, mai 1948. P. 7.

⁸ Ibid. P. 5-6.

⁹ Brugmans H. L'idée européenne 1920-1970. Bruges, 1970. P. 133.

¹⁰ Matériaux de Congrès de l'Europe. Résolutions. P. 2-4..

¹¹ Le Collège d'Europe à Bruges-ses Origines. Bruges, 1957. Préface.

¹² Brugmans H. L'idée... P. 131.

¹³ Ibid.

¹⁴ Brugmans H. Vingt ans d'Europe. Bruges, 1966. P. 381-382; Rougemont D., de. L'Europe en Jeu. Neuchatel, 1948.

¹⁵ Matériaux de Congrès de l'Europe. Résolutions...

¹⁶ Preuves. 1968. < 211, octobre. P. 16.

"ПЛАН ШУМАНА" И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

"План Шумана"^{*} явился первым конкретным шагом на пути европейской интеграции. На основе этого плана было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), которое объединило тяжелую промышленность шести стран Западной Европы — ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Планы объединения угольно-металлургической промышленности западноевропейских стран имеют многолетнюю историю. Они выдвигались Францией уже вскоре после первой мировой войны. Однако условия для их конкретного осуществления возникли только после второй мировой войны.

"План Шумана" был изложен в декларации французского правительства 9 мая 1950 г., хотя основные его положения появились на свет задолго до этого. В декларации говорилось о том, что "объединенная Европа" способна внести решающий вклад в дело поддержания мирных отношений и может быть создана только путем последовательных и постепенно осуществляемых мероприятий, но это объединение европейских государств возникнет только после устранения векового противоречия между Францией и Германией. Для этого французское правительство предложило "передать все французское и германское производство угля и стали в ведение высшего органа в рамках организации, в которой могут принять участие и другие государства"¹. Решения этого верховного органа должны были иметь обязательную силу для стран-участниц. В его задачу входило обеспечение в кратчайший срок модернизации производства, повышение качества продукции, поставка угля и стали странам-участницам на равных условиях, налаживание совместного экспорта в третьи страны, уравнивание материальных условий работы производственного персонала этих отраслей промышленности.

В декларации указывалось, что создание такого производственного объединения заложит реальный фундамент экономического объединения заинтересованных европейских стран, позволит повысить жизненный уровень населения и даст возможность Европе осуществить свою важнейшую задачу — развивать африканский континент. "В противоположность международным картелям, имеющим целью раздел и эксплуатацию национальных рынков путем ограничительных мероприятий и поддержания высоких прибылей, предлагаемая организация обеспечит слияние рынков и расширение производства", — говорилось в этом документе.

Накануне своего обнародования этот план был доведен до сведения правительства США и одобрен им, поскольку американцы стремились не только сохранить потенциал промышленности Рура, но и включить его в рамки западноевропейского экономического процесса. Однако очевидно, что американцы руководствовались не только и не столько интересами европейских государств, сколько собственными расчетами. В справке о парафировании договора и соглашения, оформляющих "план Шумана", которая находится в Архиве внешней политики РФ приводятся почерпнутые из английской печати того времени данные о том, что предварительные переговоры по поводу реализации этого "плана" "проходили не между участниками создаваемого объединения, а между представителями боннского правительства и верховным комиссаром США в Германии Макклом-ем"².

20 июня 1950 г. в Париже открылась конференция, в которой участвовали представители ФРГ, Франции, Италии и стран Бенилюкса, где были выработаны общие принципы договора о создании Европейского объединения угля и стали. 19 марта 1951 г. на встрече представителей шести стран-участниц договор был парафирован, хотя основной текст его не был еще готов, а 18 апреля того же года он был подписан и в следующем году утвержден парламентами этих стран. Официально договор начал действовать с 10 августа 1952 г.

Текст договора об учреждении ЕОУС был весьма сложным и объемистым документом. В договоре говорилось, что "стороны учреждают Европейское объединение угля и стали, основанное на общем рынке, общих целях и общих учреждениях". Целью его, помимо экономического развития, провозглашалось также создание условий, при которых станут невозможными "глубокие и длительные потрясения в экономике государств-членов"³.

Договор опирался на тщательно установленное равновесие преимуществ для каждой страны-участницы, которое обеспечивало особые возможности решения отдельных проблем, специфических для каждой страны, и строго определенные гарантии по вопросам особо чувствительным для любой из стран-участниц. Он предусматривал отмену различных таможенных пошлин, а также создание единого рынка для угольной и металлургической продукции стран-участников. Была создана система совершенно новых институтов — Верховный орган с консультативным комитетом при нем, общая ассамблея, специальный совет министров и суд. Это была первая в истории система наднациональных органов, которая послужила прообразом для последующих интеграционных институтов в Западной Европе.

"План Шумана" вызвал неоднозначную реакцию общественности в странах Западной Европы. Он послужил поводом к многочисленным протестам, демонстрациям и забастовкам, прокатившимся по Западной Европе. Так, в резолюции общего со-

брения одного из крупнейших сталелитейных трестов Франции — "Узинор" выражалось опасение, что подписание договора о ЕОУС будет способствовать захвату французского рынка иностранными конкурентами. Против договора выступали и известные французские экономисты, в частности Б.Лавинь, который предрекал неизбежность германской гегемонии в единой Европе.

Ратификация договора о ЕОУС в парламентах сопровождалась бурными дебатами и разногласиями, поскольку речь шла, хотя и об очень небольшом, но о первом шаге к ограничению национальной независимости и государственного суверенитета стран-участниц. Сторонниками договора были представители предпринимательских кругов и их партии, а также большинство социалистов в этих странах. Наиболее непримиримыми противниками — представители коммунистических партий и находящиеся под их влиянием профсоюзов.

Острая реакция на "план Шумана" в странах, которые присоединились впоследствии к договору о ЕОУС, объясняется, кроме того, и сложившейся к этому времени ситуацией в Европе и мире. Уже начала набирать обороты "холодная война", конфронтация между двумя системами обретала институциональные формы. В 1948 г. был создан Западный союз, на основе которого впоследствии возник Западноевропейский союз (ЗЕС), а в 1949 г. — Организация Североатлантического договора. По другую сторону "раздела" уже появился Совет Экономической Взаимопомощи. Стремление правительств стран Запада как можно быстрее включить Западную Германию во все эти структуры болезненно воспринималось общественностью в странах, входивших в антигитлеровскую коалицию, в странах, еще совсем недавно испытывавших ужасы оккупации и массовые истребления народов, осуществлявшихся гитлеровской Германией. Пять лет, прошедшие со времени окончания второй мировой войны, были слишком коротким сроком, чтобы бесстрастно и объективно оценить будущие результаты западноевропейского объединения, куда включалась промышленность Рура — в недавнем прошлом основа нацистской военной машины. Такое объединение неизбежно рассматривалось через призму конфронтационных отношений между Востоком и Западом и той и другой стороной.

Следует сказать, что представители стран Запада и сами нередко давали повод для подозрений относительно связи "плана Шумана" с ремилитаризацией Западной Германии. Еще в ходе его подготовки М.Шуман заявил, что "план объединения ресурсов угля и стали европейских стран сможет открыть путь для военного сотрудничества между заинтересованными странами: Германией, Францией, Италией, Бельгией, Голландией и Люксембургом"⁴. А весной 1951 г. Франция выдвинула предложение о ликвидации Международного органа для Рура, мотиви-

руя это тем, что "план Шумана", предусматривающий объединение тяжелой промышленности Западной Германии и Франции, делает этот орган ненужным и излишним.

Особенно резко реагировал на появление "плана Шумана" Советский Союз, усмотревший в нем "руку Вашингтона". В своей оценке "плана Шумана" советское руководство исходило прежде всего из реалий "холодной войны". Его позиция формировалась и на основе многочисленных аналитических материалов, полученных, в частности из Академии наук СССР, и справок из советских посольств в странах Европы. Вся эта аналитическая информация страдала односторонним подходом к новой европейской реалии. К сожалению, такой подход характерен и для записки о "плане Шумана", составленной в апреле 1951 г. крупнейшим экспертом МИД СССР по экономическим вопросам А.Арутюняном для руководства этого ведомства. "Американские монополии, — говорилось в записке, — имеют в виду использовать это объединение угольной и металлургической промышленности западноевропейских стран в целях воссоздания военно-промышленного потенциала Западной Германии и приспособления экономики стран-участниц Объединения к своим агрессивным планам по подготовке третьей мировой войны и, таким образом, создать в Западной Европе под гегемонией США экономическую базу агрессивного Североатлантического блока"⁵. Единственно справедливым замечанием в этой записке было то, что "план Шумана" находился в явном противоречии с Потсдамским соглашением в части экономических принципов в отношении Германии. Потсдамские соглашения предусматривали уничтожение германского военного потенциала и развитие главным образом мирной промышленности Германии. При этом производство металла должно было быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным четырьмя державами уровнем послевоенных мирных потребностей Германии. Автор записки не без основания указывал, что "план Шумана" имеет своей целью восстановление и военного потенциала Западной Германии, что собственно не скрывали и его творцы.

Считая необходимым прореагировать на складывающуюся ситуацию, МИД СССР начал готовить текст ноты для передачи ее французскому правительству. Текст этот переделывался очень много раз, о чем свидетельствует большое количество проектов ноты, сохранившихся в Архиве внешней политики РФ. Кстати, в одном из ее первых вариантов помимо других соображений была выражена озабоченность, что обмен углем и сталью с советской зоной оккупации будет производиться только с разрешения Верховного органа ЕОУС, а это противоречило бы Потсдамскому соглашению.

В конце августа 1951 г. в секретариате заместителя министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинского был подготовлен проект совсекретной записки на имя И.В.Сталина по поводу

шагов, которые следовало предпринять в связи с реализацией "плана Шумана". (Препроводительную записку к ней и другим документам см. в Приложении I). В записке обосновывалась целесообразность направления правительству Франции ноты протеста по этому поводу с разъяснением позиции Советского Союза. Обращая внимание И.В.Сталина на опасность "плана Шумана" и "плана Плевена", означавших ремилитаризацию Западной Германии, в записке сообщалось также, что в связи с этим в ГДР проводился "ряд мероприятий, направленных против возрождения германского милитаризма в Западной Германии". Из этого варианта записки видно, что идея подписания мирного договора с Германией в качестве контрмеры была выдвинута В.Пиком, В.Ульбрихтом и О.Гротеволем, которые считали целесообразным, "чтобы Советское Правительство выступило с предложением о заключении мирного договора с Германией"⁶

В проекте этой записки содержался целый перечень мероприятий по германскому вопросу, которые МИД СССР предлагал осуществить. Помимо ноты правительству Франции предполагалось направить еще одну ноту правительствам США, Великобритании и Франции, а также "рекомендовать немецким друзьям, чтобы правительство ГДР... обратилось к правительствам СССР, США, Великобритании и Франции с просьбой о недопущении ремилитаризации Германии и о скорейшем заключении мирного договора с Германией." В ответ на это обращение правительства ГДР МИД СССР считал возможным в свою очередь направить ответную ноту советского правительства, где следовало указать, что Советский Союз отстаивал и будет отстаивать Потсдамское соглашение о демилитаризации Германии уже в течение длительного времени добивается заключения мирного договора с Германией. "Несколько позже обращения Правительства ГДР к четырем державам, — говорилось далее в проекте записки И.В.Сталину, — Президент ГДР Вильгельм Пик мог бы обратиться к президенту Западной Германии Хейсу с предложением безотлагательно созвать совещание представителей ГДР и Западной Германии для обсуждения вопроса об условиях восстановления единого, суверенного, демократического, миролюбивого германского государства. Обращение Пика целесообразно широко поддержать со стороны общественных организаций ГДР и Западной Германии"⁷

Кроме того правительству ГДР предлагалось посоветовать выдвинуть на будущем совещании с представителями Западной Германии, если оно состоится, следующие вопросы:

1. Об условиях объединения Германии и проведения для этого выборов на территории всей Германии.
2. О запрещении ремилитаризации Германии.
3. Об устранении препятствий, мешающих развитию внутригерманской торговли.

Указанные выше рекомендации предлагалось передать через главнокомандующего группой Советских войск в Германии генерала В.Чуйкова и политического советника советской контрольной комиссии в Германии генерала В.Семенова. В Архиве внешней политики РФ содержится вариант Указаний Чуйкову и Семенову, которое содержало следующее существенное добавление: "В случае, если боннский парламент (бундестаг) отклонит предложение Народной Палаты ГДР о созыве общегерманского совещания, порекомендуйте друзьям после проведения соответствующей кампании в ГДР и Западной Германии, чтобы Правительство ГДР обратилось к правительствам 4-х держав с просьбой об ускорении заключения мирного договора с Германией с последующим выводом оккупационных войск из Германии"⁸.

Однако окончательный вариант записки И.В.Сталину, помеченный 3 сентября 1951 г. (ее оригинал хранится в Архиве Президента РФ), претерпел кардинальные изменения. Из нее был целиком исключен блок предложений по заключению мирного договора с Германией и содержалось только краткое обоснование необходимости передачи ноты французскому правительству (см. Приложение II). Судя по последующим событиям, реализация этой идеи была в дальнейшем согласована с властями ГДР по другим каналам и, видимо, в более приемлемой для них форме, а не в виде достаточно жестких указаний. В заключении записки говорилось следующее: "Посылка такой ноты французам представляется целесообразной вследствие того, что правительство Франции под диктовку США проявляет в последнее время большую активность как в воссоздании западногерманской армии, так и военно-промышленного потенциала Западной Германии, что нашло свое выражение в "плане Шумана" и "плане Плевена". Наша нота могла бы оказать помощь сторонникам мира, особенно во Франции и Германии, в их борьбе против ремилитаризации Западной Германии и создала бы французскому правительству некоторые затруднения в продолжении его агрессивной политики"⁹.

Из проекта постановления ЦК ВКП(б), который прилагался ранее к записке на имя Сталина, было исключено все, что имело отношение к "советам" немецким друзьям по поводу германских дел и осталось только два пункта:"1. Утвердить представленный МИД СССР проект ноты Советского Правительства Правительству Франции" и "2. Опубликовать ноту Правительству Франции на второй день после ее вручения"¹⁰. (см. Приложение III).

11 сентября 1951 г. заместитель министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинский вручил временному поверенному в делах Франции Брионвилю ноту советского правительства, в которой давалась крайне негативная оценка "плана Шумана". В ноте указывалось, что "план Шумана", как и "план Плевена",

ведет к ремилитаризации Западной Германии, которая несовместима с интересами мира в Европе и противоречит советско-французскому договору от 10 декабря 1944 г. При этом делалась ссылка на статью договора, где говорилось, что обе страны взяли на себя обязательство "совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможными любую попытку новой агрессии с ее стороны"¹¹. Советское правительство выразило беспокойство по поводу того, что объединение рурской тяжелой промышленности с тяжелой промышленностью Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга создаст такие условия, которые обеспечат рурским магнатам преобладающее положение в производстве вооружений и военного снаряжения в Западной Европе, что, в свою очередь, якобы соответствует целям американских монополий, которые использовали режим оккупации в Западной Германии, чтобы глубоко проникнуть в германские тресты и картели и заинтересовать их в осуществлении своих агрессивных планов. В ноте подчеркивалось, что создание такого европейского объединения "еще больше усилит эксплуатацию трудящихся в этих странах". В заключении ноты говорилось, что "план Шумана" "легализует пути возрождения германского империализма, агрессивность которого известна всему миру".

В течение последующих дней на страницах ряда советских газет, в особенности на страницах "Правды", "план Шумана" и текст Договора о ЕОУС был подвергнут массовой критике. На страницах "Правды" прямо указывалось, что этот план был "детством американских монополий", а его цель — установление американского контроля над тяжелой промышленностью Западной Германии и Франции¹². К этой кампании подключились ведущие советские журналисты-международники, такие как Ю. Жуков, М. Маринин, Я. Викторов и др. В одной из своих статей, опубликованной в "Правде" 22 сентября 1951 г. Ю. Жуков писал: "Авторы "плана Шумана" наделили пресловутый "верховный орган", призванный регулировать действие плана, поистине диктаторскими полномочиями, позволяющими произвольно регламентировать размеры добычи угля и выплавки стали в различных странах, распределять сырье, регулировать сбыт продукции и ведение внешней торговли, а также заключать соглашения о займах, проводить кредитование и финансирование тяжелой промышленности, диктовать цены". Заканчивалась статья лозунгами в духе времени: "План Шумана — это война!", "План Шумана — это безработица, нищета, голод!"

Раздражение в Советском Союзе вызвало и одобрение "плана Шумана" Англией. Известный советский публицист В. Маевский писал по этому поводу, что участи Англии в "плане Шумана" грозит подчинением Англии контролю не только амери-

канских, но и рурских монополий. Он охарактеризовал позицию Англии в этом вопросе, как "очередную капитуляцию" перед Соединенными Штатами¹³.

Критика "плана Шумана" появилась и на страницах главного партийного теоретического журнала "Большевик", основным тезисом которой было утверждение, что этот план способствует созданию в Европе военно-промышленной базы для Североатлантического блока¹⁴. Упоминание о "плане Шумана" в таком же негативном тоне прозвучало в докладе Л.Берия на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1951 г. по поводу 34-й годовщины Октябрьской революции. Однако в отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), сделанном Г.Маленковым (октябрь 1952 г.), "план Шумана" уже не был даже упомянут. В нем говорилось лишь о том, что правящие круги Франции "своими руками помогают восстановлению злейшего многовекового врага Франции — германского милитаризма"¹⁵.

Что касается предложения о мирном урегулировании с Германией, то, по правде говоря, это было в то время мероприятием глубоко безнадежным и могло иметь лишь пропагандистский эффект. Как уже говорилось, в соответствии с этими проектами предполагалось восстановление Германии как единого государства, вывод из нее всех оккупационных войск, ликвидация на ее территории всех иностранных баз, проведение общегерманских выборов и заключение с Германией мирного договора. Проблема эта поднималась советской стороной и в последующие годы, но, как известно, совершенно безуспешно.

В соответствии с выработанной властями ГДР и Советским Союзом линией в середине сентября 1951 г. было проведено чрезвычайное заседание Народной палаты Германской Демократической Республики, на котором выступил с заявлением премьер-министр ГДР О.Гротеволь и было принято обращение к западногерманскому парламенту с предложением о созыве общегерманского совещания представителей с целью проведения общегерманских выборов для создания "единой, демократической и миролюбивой Германии" и ускорения заключения мирного договора с Германией. Компартии западноевропейских стран организовали шумную кампанию поддержки этого обращения. В связи с этим в советской прессе появились статьи, в которых доказывалось, что "план Шумана" является также попыткой "увековечить раскол Германии"¹⁶. О том, какими методами проводилась обработка общества в ГДР и о настроениях в нем, свидетельствует целый ряд любопытных документов, относящихся к несколько более позднему времени, которые хранятся в Архиве внешней политики РФ¹⁷.

Однако с течением времени "план Шумана" перестал быть объектом поверхностной идеологизированной критики на страницах советских средств массовой информации, которая велась

в чисто пропагандистских целях, и стал предметом серьезных научных исследований. В Советском Союзе появилась целая серия монографий целиком или частично посвященных "плану Шумана" и ЕОУС. Среди них книга Р.И.Цвылева "Объединение угольных и сталельных королей Западной Европы ("план Шумана")" (М., 1956), Д.М.Алексеева и А.П.Михайлова "Европейское объединение угля и стали" (М., 1960) и многие другие. К сожалению практически все появившиеся в 50-е и 60-е годы издания подобного рода отличаются крайне тенденциозным и не менее идеологизированным, чем газетные публикации, подходом. Монографии эти насыщены огромным количеством статистических данных. Однако весь этот мощный научный арсенал использовался не для того, чтобы объективно оценить начинающийся процесс интеграции в Европе, а лишь подтвердить заранее заданный тезис о том, что "результатом деятельности ЕОУС является углубление раскола Европы, дальнейшее обострение империалистических противоречий"¹⁸.

Более объективный подход к ЕОУС содержался в книге Н.Н.Молчанова "Внешняя политика Франции. 1944-1954", где отмечался целый ряд позитивных моментов деятельности ЕОУС, в частности для Франции. Вместе с тем в заключении раздела, посвященного этой проблеме, автор пишет, что внешнеполитические последствия участия той же Франции в ЕОУС были для нее отрицательны, т.к. "Франция утратила свой суверенитет в важнейшей области экономики, ее внешняя политика оказалась еще более связанной с системой западных блоков", и в конечном счете "создание ЕОУС привело к укреплению политических и экономических позиций Западной Германии в ущерб Франции"¹⁹.

Объективные данные свидетельствуют о том, что в результате действия договора о ЕОУС в странах-членах увеличились капиталовложения в металлургическую и угольную промышленность, были закрыты нерентабельные предприятия и угольные шахты, проведена модернизация этих отраслей, возросла их рентабельность. Таким образом, в первые годы своего существования ЕОУС позволило странам-членам укрепить позиции их тяжелой промышленности в мировой экономике.

Однако деятельность ЕОУС имела не только позитивные стороны для стран-участниц. Она сопровождалась целым рядом экономических трудностей, а также ростом франко-германских противоречий по саарскому вопросу, по вопросу о железнодорожных тарифах на перевозку рурского кокса в Лотарингию, по вопросу о налогообложении продукции сталелитейных предприятий и т.д. Но в целом она содействовала укреплению этого сектора экономики стран-участниц ЕОУС. А для преодоления противоречий, возникавших между ними, был разработан специальный механизм.

Следует сказать, что с течением времени взгляд советских ученых на процесс европейской интеграции и, в частности, оценка ее первых опытов, начали постепенно меняться. Особая заслуга в этом принадлежит ученым из Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, в частности М.М.Максимовой, Ю.В. Шишкову, П.И.Хвойнику и другим, которые посвятили этой теме ряд фундаментальных монографий.

В частности, М.М.Максимова в своем исследовании "Основные проблемы империалистической интеграции", опубликованной в 1971 г. прямо пишет: "Интеграция представляет собой тенденцию мирового развития. Ее объективный характер обусловлен общими закономерностями развития производительных сил, глубокими сдвигами в структуре общественного производства и международном разделении труда, научно-технической революцией". Вместе с тем, автор монографии делал вывод, представляющийся сегодня более, чем спорным, о том, что будущее не за империалистической, а за социалистической интеграцией.

Попытки объективного подхода к процессу европейской интеграции были сделаны и в коллективных монографиях "Западно-европейская интеграция и мировая экономика" (М., 1979) и "Европейское сообщество: регулирование интеграционного процесса" (М., 1986), выпущенных учеными ИМЭМО совместно с исследователями из других социалистических стран. При этом ЕОУС оценивалось уже совсем по-иному. Оно было названо "первым проектом экономической региональной интеграции", который создал прецедент на пути процесса интеграции²⁰.

Как свидетельствует исторический опыт, время постепенно расставляет все по своим местам, и на смену тенденциозным легковесным оценкам приходит взвешенный и объективный взгляд на события и явления. Так произошло и с "планом Шумана". Мы видим сегодня, как неадекватно был воспринят он в свое время в Советском Союзе. Цели и сущность его были по существу извращены и использованы в пропагандистской войне, сопровождавшей "холодную войну". Однако сегодня мы можем с уверенностью сказать, что это был первый и очень важный шаг в направлении осуществления европейской интеграции, которая успешно развивается, несмотря на многие трудности, и стоит ныне на пороге новых важных событий.

Морис Шуман (род.в 1911 г.) - французский политик и писатель, активный сторонник европейской интеграции. Во время войны поддерживал де Голля. С 1945 по 1949 г. - председатель МРП. С 1962 г. неоднократно занимал министерские посты; с 1973 г. - министр иностранных дел Франции; с 1974 г. - сенатор и член Французской Академии; автор многочисленных политологических эссе и исследований.

Примечания

- 1 " Le Monde". 10 mai 1950.
- 2 Архив внешней политики РФ (АВП РФ), фонд 136, опись 41, папка 242, дело 336, л. 3.
- 3 "Угроза плана Шумана", М., 1954, с. 152.
- 4 "Правда", 12 сентября 1951 г.
- 5 АВП РФ, фонд 07, опись 24, папка 33, дело 388, л. 9.
- 6 Там же, л. 69.
- 7 Там же, л. 70.
- 8 Там же, л. 133.
- 9 Там же, лл. 154-155.
- 10 Там же, л. 193.
- 11 "Правда", 12 сентября 1951 г.
- 12 "Правда", 20 августа 1951 г.
- 13 "Правда", 4 октября 1951 г.
- 14 "Большевик", 1951, № 17, сентябрь, с. 3.
- 15 "Большевик", 1952, № 19, октябрь, с. 15.
- 16 "Правда", 15 сентября 1951 г.
- 17 АВП РФ, фонд 082, опись 41, папка 275, дело 194, лл. 158-166.
18. Д.М.Алексеев, А.П.Михайлов. "Европейское объединение угля и стали", М., 1960, с. 250.
- 19 Н.Н.Молчанов. "Внешняя политика Франции. 1944-1954". М., 1959, с. 312.
- 20 М.М.Максимова. "Основные проблемы империалистической интеграции", М., 1971, с. 23.
- 21 "Западноевропейская интеграция и мировая экономика", М., 1979, с. 54.

Приложение:

Документ I

Документ II

Документ III

При перепечатке документов, содержащихся в приложениях I, II, III, ссылка на данный сборник обязательна.

РАССЕКРЕЧЕНО
19

СЕКРЕТНО.

Экз. № /

" 20 " августа 1951г.

№ 1590 /3ео

Товарищу ВЕЛИНСКОМУ А.Я.

Представляем на Ваше рассмотрение проект записки в Инстанцию, проект Постановления Инстанции и проекты нот по германскому вопросу, исправленные в соответствии с Вашими замечаниями.

Архив Внешней политики РФ	
Фонд _____	
Опись № _____	Пор. № _____
Папка № _____	

И. Семенов -
/В. Семенов/

М. Трибенов
/М. Трибенов/

Документ I

Проект.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП/б/

1. Утвердить представленный ЦК ВКП/б/ проект ноты Советского Правительства Правительству Франции /прилагается/.
2. Опубликовать ноту Правительству Франции на второй день после ее вручения.

М. Трибенов 21/8

Документ II

Дж. с. Визит Г. Трумэн.

154
СОВ. СЕКРЕТНО.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

После срыва предварительного совещания в Париже, правительства США, Великобритании и Франции всячески форсируют реиндустриализацию Западной Германии, создание германской армии и включение Западной Германии в Северо-атлантический блок.

Этим вопросам посвящается и созываемое 10 сентября с.г. в Вашингтоне совещание министров иностранных дел США, Великобритании и Франции.

В связи с этим МИД СССР считает целесообразным до 10 сентября с.г. направить ноту Советского Правительства правительству Франции относительно формирования западногерманских "вооруженных сил по "плану Плевена" и образования "Европейского угольно-стального объединения" по "плану Шумана" направленного на восстановление военно-промышленного потенциала Западной Германии.

Посылка такой ноты французам представляется целесообразной вследствие того, что Правительство Франции под диктовку США проявляет в последнее время большую активность как в воссоздании западно-германской армии, так и военно-промышленного потенциала Западной Германии, что и нашло свое выражение в "плане Плевена" и "плане Шумана".

По этим вопросам Советское Правительство до сих пор еще не делало официальных заявлений. Наша нота могла бы оказать помощь сторонникам мира, особенно во Франции и Германии, в их борьбе против реиндустриализации Западной Германии и создала бы французскому Правительству некоторые затруднения в продолжении его агрессивной политики.

Проект постановления ЦК ВКП/б/ прилагается.

Прошу рассмотреть.

М. Г. Березин

Документ III

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС С 1945 г.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Предварительные соображения

3 октября 1990 г. Германия воссоединилась. Это был день радости и счастья для Германии, которая воссоединилась после более чем 40-летнего разъединения. Однако 3 октября был также днем трезвых размышлений после захватывающих, драматических и глубоко волнующих изменений, произошедших с 9 ноября 1989 г., когда пала берлинская стена. 15 октября 1990 г. Дэвид Лоудей в своем сообщении для «ЮС Ньюз энд Уорлд Рипорт», озаглавленном «Одна Германия: время целоваться и наводить красоту»¹, весьма точно обрисовал ситуацию, возникшую 3-го октября:

«В то время как большинство германских символов все еще заставляют нас задумываться, идеи, которые они излучают, не привлекают современных немцев. В целом, народ, которым руководит канцлер Коль, приветствует объединение молча, отнюдь не в прусском духе: ничего националистического, ничего повелительного, только явная обеспокоенность, выполнили ли они свою задачу»². 3 октября 1990 г. был утвержден Договор об объединении Германии. 3 октября 1990 г. Договор о международных аспектах и условиях объединения Германии, подписанный в Москве 12 сентября 1990 г. в результате конференций «2+4», вступил в силу, вернув Германии полный суверенитет. Оба эти события показывают неразрывную связь решения германского вопроса на немецком национальном и международном европейском уровнях.

В 1988 г. никто не поверил бы, что Германия станет единой в 1990 г. Так, канцлер Коль в своем «Обращении к нации» от 2 декабря 1988 г. высказал четкую точку зрения относительно объединения Германии и иллюзий, которые существуют в некоторых национальных районах:

«Нет еще никаких причин для того, чтобы верить в разрешение германского вопроса в ближайшем будущем. Я должен предостеречь вас от таких иллюзий, которые иногда возникают в стране. Во время моего визита в Советский Союз пять недель назад всем стало совершенно ясно, что в отношении этой проблемы существуют принципиальные различия. Нынешнее состояние нашей нации — как составной части нашего континента — неразрывно связано с конфликтом между Востоком и Западом, главной точкой которого является свобода и национальное самоопределение»³.

В 1989 г. Геральд Р. Клайнфельд, один из ведущих американских экспертов по Германии, в статье по германскому вопросу «Вчера и завтра» указал на взаимосвязь между национальным и европейским аспектом германского вопроса и возможностями для его разрешения:

«Федеративная Республика Германия не нашла решения германского вопроса, но она также и не оставила его в покое. *На горизонте нет перспектив воссоединения*, но различия между немецкими государствами еще не дошли до такой черты, после которой уже нет возврата. Вопрос германской идентичности является существенной частью германского вопроса в целом. Германия миновала послевоенный период, а германский вопрос является частью новой Европы»⁴.

Когда произошло объединение Германии, это было полной неожиданностью. Как мы знаем сегодня, не существовало "генерального плана", как урегулировать эту проблему. Тем не менее немецкие политики, а потом и федеральный президент разясняли снова и снова, что не только в интересах Федеративной Республики Германии и немцев, но и в интересах всех европейцев преодолеть блоки и границы блоков, которые разделяют европейский континент. 7 июля 1987 г., выступая в Москве на обеде, данном г-ном Андреем Громыко, Ричард фон Вайцзекер заявил: "Так как мы подходим к следующему тысячелетию, нам следовало бы перестать рассчитывать на блоки и границы блоков. Важнее более четко осознать европейскую общую идентичность и перевести эту идентичность в политическое русло. Европа разделена политически, но она цельна и неделима по духу. Все народы от Атлантики до Урала внесли свой личный вклад, который обогатил европейцев в целом. Что нас связывает, так это общая история, единство в многообразии национальных культур и наша неделимая судьба в ограниченном пространстве. Мы все помним европейское Возрождение с его верой в разум и благородным уважением достоинства человека, живущего в мире и свободе"⁵.

Изменения в СССР, в Центральной и Восточной Европе, начавшийся процесс реформ, поиск людьми мира и свободы, митинги по всей Восточной Европе с требованиями свободы и демократии, подобно демонстрации в Лейпциге в понедельник, открытие границы между Венгрией и Австрией, так же как падение Берлинской стены, подготовили почву для окончания раздела Европы и Германии, и невероятное неожиданно стало возможным.

Джордж Кеннан, бывший долгое время американским послом в Москве и политическим советником американского правительства, архитектор политики сдерживания⁶, в лекции в Американском институте современных германских исследований отметил, что у объединения Германии не было выбора⁷. Он повторил это мнение в статье в «Гардиан» через четыре дня по-

сле падения Берлинской стены 13 ноября 1989 г., сказав, что «эйфория последних дней не должна заслонять тот факт, что воссоединение Германии остается нереальным делом»⁸.

Кеннан обсуждал значение безопасности такого шага. Он обратился к историческим истокам германской проблемы.

Кеннан подчеркнул важность германского вопроса, который всё ещё владел умами соседей Германии, особенно после её объединения 3 октября 1990 г.:

«Принцип, которому большинство из нас следовало, когда мы 40 лет назад столкнулись с проблемой будущего Германии: не должно снова быть объединенной Германии, в особенности милитаризованной, и она должна быть в Европе обособлена, не включаться в какую-либо широкую международную структуру — структуру, которая воспользовалась бы её силой и придала бы уверенности её соседям. Но если Германия войдет в какую-то более широкую структуру,... тогда встанет вопрос: войдет ли Германия в эту структуру как объединенный организм? Или не будет ли другим странам спокойнее, если две части этой страны, хотя и единые в культурном и экономическом плане, должны войти в него как отдельные политические субъекты, каковы бы они являются сегодня? Это именно те вопросы, ответ на которые будет зависеть от сущности более широкой договоренности по безопасности в Европе, которая должна быть разработана; и один процесс не должен быть важнее другого»⁹.

Кеннан заключил, что «следовательно, еще не время поднимать этот вопрос»¹⁰.

Как мы знаем сегодня, Кеннан и другие эксперты ошибались. Вопросы, которые обсуждал Кеннан, тем не менее, даже сейчас, через пять лет после падения Берлинской стены, стоят на повестке дня. Как объединенная Германия уместится в европейские рамки? Не будет ли она слишком большой для европейской системы, не приведет ли это к «полному контролю Германии над всей Европой и порабощению её империализмом «немецкой марки»¹¹. Как может новая Германия войти в Европейскую систему безопасности? Как насчет политических и экономических структур? Что означает объединенная Германия для дальнейшего процесса интеграции (Западной) Европы? Является ли это ступенькой для других членов Европейского Союза для ускорения углубления и расширения Европейского Союза после Маастрихта и отказа от национального подхода в решении европейских дел? Каким будет влияние изменений в Восточной и Центральной Европе на процесс интеграции в ЕС, как он влияет на проблему расширения Европейского Союза? Будет ли европейский единый рынок и создание расширенного европейского экономического пространства способствовать политической, денежной, судебной и социальной интеграции европейских демократий, и приведет ли это к европейскому поли-

тическому союзу, осуществив таким образом мечту поколений, начиная с 15-го века?

Я хотел бы сконцентрировать внимание на “проблеме Германии” и её прямом и косвенном влиянии на Европу и европейскую интеграцию, начиная с 1945 г.

В чем заключается значение процесса Европейской интеграции для Германии в целом? Оно многозначно. Я думаю, что мы поймем влияние западноевропейской интеграции и процесс дальнейшей интеграции, только если мы проанализируем историческую роль и место Германии в Европе. Это также позволит включить мотивы европейской интеграции в начале 1950-х годов и сегодня как средство для сдерживания германского национального государства. Многое конечно, будет зависеть от структуры будущего Европейского Союза или, возможно, Соединенных Штатов Европы. Будет ли объединенная Европа основываться на государствах, нациях, регионах или на традиционных национальных государствах? Как вошла бы объединенная и демократическая Германия в европейскую конституционную федеральную систему? Решит ли это германскую историческую, политическую и психологическую проблему раз и навсегда? Если мы рассмотрим эти вопросы, то окажется, что существует множество проблем и нерешенных спорных вопросов. Несмотря на то, что демократическая Германия 1995 года полностью отличается от имперской или нацистской Германии, её соседи всё ещё боятся, что её целью может снова стать гегемония в Европе. Возьмем например, словесные нападки Николаса Ридлея на Европейский Союз и Германию:

«Это всё немецкий шантаж, разработанный для распространения по всей Европе. Его надо предотвратить. Это усиленное стремление немцев с французами к перемене на возможно худшей основе, которые ведут себя, подобно пуделям, абсолютно нестерпимо»¹².

Когда же роль вновь объединенной Германии будет обсуждаться в новой и будущей Европе¹³, историческая важность германской проблемы¹⁴, особенно отрицательный образ Германии, всё ещё распространенный в среде большей части правящих элит¹⁵, снова всплывет на поверхность. Таким образом, надо будет сначала обсудить историческую значимость германского вопроса, как называют это немцы, или германской проблемы, как называют это их соседи.

Во время Второй мировой войны было опубликовано много работ, связанных с «проблемой Германии»¹⁶.

Лишь несколько авторов обсуждали вопрос о том, как преодолеть «историческую германскую опасность», учитывая международное сотрудничество новой Германии, «которая изгнала дух юнкерства из своих международных дел», обдуманно подходя к сложным проблемам»¹⁷. В большинстве работ того времени доказывалось, что «немцы промыслом божьим были наделе-

ны "двуличием первородного греха"»¹⁸. Среди самых важных публикаций был памфлет, озаглавленный «Темные факты: Немцы прошлого и настоящего»¹⁹, в который вошли семь выступлений по радио сэра Роберта Вэнсигарта. Кроме большого числа публичных речей и брошюр о Германии и немецком характере были и пространные разработки и записки ведомственных и специальных комитетов, связанные с альтернативой «разделение или объединение» в послевоенном урегулировании. С 1945 г. «проблема Германии» снова и снова привлекала внимание правительства²⁰.

Почему Германия стала проблемой? Что соседи немцев связывают с германской проблемой? Что имеют в виду немцы, когда они говорят о германском вопросе? Эти вопросы показывают, что немецкий вопрос должен быть довольно сложной и трудной темой. То, что народы связывают с германским вопросом, видимо, является вопросом оценки и подхода, которые значительно отличаются друг от друга в соответствии с национальной точкой зрения. Таким образом, кажется почти невозможным найти определение, приемлемое как для немцев, так и для их соседей, которое положило бы конец неопределенности значения германского вопроса²¹. Мои рассуждения покажут, что германский вопрос не может рассматриваться как феномен, который в 1945 г. внезапно появился на международном политическом арене. Он также не был прямым результатом политики национал-социализма, начиная с 1933 г., или немедленным последствием «политики Ялты». Германский вопрос означает больше, чем раздел Германии после войны. Рассматриваемый в исторической перспективе, он является структурной проблемой европейской истории.

Нельзя понять прошлое и настоящее германского вопроса и его решение, если не рассматривать его в историческом и европейском контексте. Мы должны обсудить его исторические условия и поместить его в исторические рамки. Отсюда мы можем проникнуть в такие немецкие исторические традиции, как немецкий федерализм и типы государственности в Центральной Европе.

При обсуждении исторической перспективы немецкого вопроса и его влияния на европейскую интеграционную политику после 1945 года и сегодняшнюю полемику я хотел бы подчеркнуть некоторые аспекты, которые, думаю, являются важными для понимания германской проблемы.

1. Что мы понимаем под "германским вопросом" или "германской проблемой" в политическом плане, что это означает в плане историческом? В более широкой исторической перспективе мы могли бы обсудить вопрос, было ли основание *kleindeutsch* германской империи в 1870/71 году единственным и неизбежным решением германского национального вопроса в 19-м веке²² и как превращение германской империи в полити-

ческую, экономическую и военную мировую державу повлияло на европейское восприятие Германии²³. Для понимания нынешнего исторического значения германского вопроса в Европе за океаном мы также должны проанализировать значение второй мировой войны, включая цели и идеи национал-социалистов по германскому вопросу и объединение Европы под германским управлением, противодействие союзников, их планы для Германии и передел Европы после войны. Однако рамки настоящей статьи не позволяют детально обсудить эти исторические аспекты²⁴.

2. Как повлияла германская проблема на процесс европейской интеграции и международных отношений и на европейскую политику с 1950-х годов и что должно было бы произойти с ГДР, если бы в ноябре 1989 г. не произошла “тихая революция”? Я специально возьму примеры из начала 1950-х годов и из периода Римского договора 1956/57 гг., что даст возможность заглянуть в основные проблемы германского вопроса в рамках Европы. Кроме значения для Европы мы сможем также обсудить восприятие интеграции Федеративной Республики Германии в западноевропейскую семью демократических государств глазами ГДР.

Мои заключительные замечания будут связаны с недавним обсуждением германского вопроса и условиями его решения на основе истории как Германии, так и Европы, и необходимыми условиями для укрепления европейской Германии в Объединенной Европе.

2. Политическое и историческое значение германского вопроса

Действительно ли термин “германский вопрос” означает именно германский вопрос? Большинство немецких граждан считает, что это так и есть. Они связывают с «германским вопросом» проблему преодоления разделения своей страны, которое произошло после войны без их согласия. Таким образом германский вопрос стал политическим термином в послевоенной истории Германии и Европы. Воссоединение Германии стало политической целью в обеих Германиях, хотя готовность её западных и восточных соседей на континенте пойти на объединение Германии из-за прошлого исторического опыта и страха во многом была только на словах. Федеративная Республика Германия, так же как Германская Демократическая Республика, образованные одновременно в 1948/49 гг., претендовала на то, чтобы быть законным представителем всего немецкого народа. В то время как Федеративная Республика Германия стремилась к воссоединению Германии в мире и свободе на основе демократической и федеративной политической системы в рамках Европы²⁵, ГДР образца 1948/49 гг. считала социалистическую

систему, основанную на демократическом централизме, лучшим строем для всей Германии и её народа. Политическая часть германского вопроса, однако, является только одним аспектом чрезвычайно сложной проблемы. Мы не сможем понять генезис и реальность двух государств в Германии без учёта исторического характера и окружения Германии. Что мы понимаем под германским вопросом как политическим термином, что мы связываем с его исторической протяженностью? Как политическая концепция германский вопрос объединяет все проблемы, касающиеся Германии с 1945 года. Несмотря на существующую взаимозависимость, мы должны установить различие между национальным, германским уровнем и международным европейским уровнем²⁶. Между 1945 и 1948/49 годами в свете германской перспективы это означает сохранение политического, правового, территориального и экономического единства Германии. С момента появления двух государств в Германии в 1949 году это подразумевает проблему — как преодолеть разделение Германии путем воссоединения или нового союза народов Германии. Федеративная Республика Германия снова и снова подчеркивала тот факт, что продолжение разделения Германии должно рассматриваться в конечном счете как угроза миру и безопасности в Европе. Таким образом, германский вопрос со всеми его гарантиями безопасности был и всё ещё остается, как показали переговоры «2+4» и специальное Парижское совещание ОБСЕ в ноябре 1990 г., важным элементом международной политики.

В свете международной политики германский вопрос — это множество проблем и вопросов, которые встали перед победителями после безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. В какой-то степени они остались неразрешенными до настоящего времени. Приведем несколько примеров этого: реинтеграция Германии в европейскую и мировую систему после войны; Германия/Германии и интересы европейской безопасности; переустройство Европы и роль Германии; решение о политическом, конституционном, социальном и экономическом устройстве Германии после войны; мирный договор с Германией, определяющий будущие международные связи всегерманского государства или государств—наследников Германского рейха; германо-германские отношения; геополитическое и геостратегическое положение Германии в Центральной Европе; политическая, военная и экономическая интеграция обеих Германий в восточную и западную системы союзов, интеграция новой Германии в ЕС, её будущая роль в Европе и на международном уровне (например, в Совете Безопасности ООН; сотрудничество в миротворческих миссиях).

Таким образом, кажется уместным говорить о германских вопросах, которые, являясь отдельным предметом обсуждения, в то же время неразрывно связаны между собой.

Проанализированный в свете исторической перспективы, германский вопрос означает гораздо больше, чем разделение Германии после второй мировой войны и право германского народа на самоопределение. Значение второй мировой войны и ее итоги придали новое качество «исторической германской проблеме» Будет правильным, если мы подойдем к этой проблеме с точки зрения национальной перспективы или международной европейской точки зрения. Альфред Гроссер совершенно обоснованно напомнил, что «чисто современный подход вводит в заблуждение, дает двухмерное ощущение»²⁷, а Луиджи Барзини заметил, что «объединение Европы было бы невозможным и бессмысленным, но присутствие Германии вызвало бы у всех членов признание германской проблемы. Германия есть, как и всегда была, изменчивая, многоликая, непредсказуемая страна, особенно опасная в несчастье»²⁸. С другой стороны, существует опасность, что мы можем переоценить историческую непрерывность и исторические традиции, чтобы пролить свет на настоящее, или что исторический подход будет использоваться как механизм для возрождения политических и/или идеологических целей. Задача профессионального историка — проявить чувство ответственности в отношении проблем и феноменов прошлого. Он должен учить народ понимать свое прошлое, так как народ, подавляющий свою прошлую историю, может оступить в настоящем²⁹. В задачу историка не входит подготовка проектов на будущее. Он должен делать выводы из своих находок, зная, однако, что исторические феномены и исторические ситуации позволяют заглянуть внутрь структур и прошлого выбора, которые, однако, нельзя перенести в настоящее. В лучшем случае такой выбор, модель или историческая структура могли послужить импульсом в рассуждениях о том, как оптимальнее разрешить проблему.

Касаясь исторического прошлого германского вопроса в его европейском контексте, мы должны отметить, что германский вопрос стал важным предметом обсуждения европейской государственной системы и европейского мирного порядка задолго до второй мировой войны. Он был европейской и международной проблемой по крайней мере с конца 18-го века, когда идея нации, как результат Французской революции 1789 г., приобрела политическое значение, положив начало эпохе классического национального государства. С точки зрения национального государства германский вопрос стал исходной проблемой европейской системы государств и ее развития. Вступление США в первую мировую войну в 1917 г. и его воздействие на мирные переговоры 1919 года показали, что германский вопрос стал мировой проблемой. Германия и другие нации должны помнить этот факт, т.е. германский вопрос был и есть не только предметом обсуждения в Германии. Таким образом, немцы не смогут разрешить его в одиночку без согласия и участия других евро-

пейских и заокеанских стран. Исторический подход только предоставляет возможность увидеть, что политическая и социальная система германской нации сегодня, и в прошлом, всегда была межевропейским делом. Таким образом, через исследование германской истории мы выясним что, для понимания германских политических целей, надо получить европейскую поддержку³⁰.

Существуют разные интерпретации германской проблемы/германского вопроса, зависящие от различных национальных аспектов. Точка зрения Германии, Франции, Британии, Америки, Австралии, Голландии, России, Польши и Италии покажет различное понимание и восприятие проблемы и противоречивые понятия. Одной из главных причин этого, как отмечал Теодор Шнайдер, может быть то, что «германский вопрос существует, так сказать, в субъективном и объективном смысле, а именно — как вопрос, который немцы должны задать сами себе, касаясь своей собственной идентичности и своего понимания прошлого. С другой стороны, это означает вопрос, который другие должны поставить перед Германией³¹. Два разных определения термина «германский вопрос» подтверждают эту точку зрения. Германский вопрос всегда был, как отмечал Лотар Галь в 1971 г., «социальной, конституциональной, внешнеполитической, а также экономической и культурно-политической проблемой... эти проблемы взаимосвязаны в каждом из изменяющихся и частично совпадающих проявлений»³².

У британского историка А.Дж.П.Тейлора «германская проблема» имеет две стороны. «Как могут народы Европы спастись от повторения приступов германской агрессии? И как могут немцы обсуждать прочную, мирную форму политического существования? Первая проблема вращается вокруг поведения других, не немцев, и поддается разрешению»³³. Чтобы решить вторую проблему, европейцы не должны забывать о «старом устройстве разделенной Германии, которое спасало Европу от беспорядка на протяжении многих веков. Это не очень хорошее решение, и оно вряд ли будет постоянным; но лучше такое решение, чем вовсе никакого»³⁴. Тейлор обвиняет «отдельные страны» в открытом признании раскаяния в разделе Германии, в официальном призыве работать для объединения Германии и сожалении о каком-либо «любом предложении, которое предостерегало бы против новой германской агрессии»³⁵.

С такой точки зрения немцы должны быть счастливы от того, что их разделили, так как «только разъединенная Германия может быть свободной Германией. Воссоединенная же Германия перестала бы быть свободной: она или стала бы милитаристским государством, готовым выступить против европейского доминирования, или ее силы были бы принудительным образом уменьшены из-за иностранного вмешательства, если бывшие союзники задумали бы когда-нибудь собраться снова... Сегодняшняя

процветающая Германия (т.е. 1961 — В.Д.Г.)... свидетельствует, что разьединение не означает упадка; напротив, разделение является причиной германского успеха»³⁶.

По Тейлору, исторические корни «германской опасности» можно найти в немецком национальном характере. Так в 1945 г. он утверждал:

«История немцев — это история экстремизма. В ней есть все, кроме спокойствия, и на протяжении тысячи лет немцы испытывали все, кроме нормальной жизни. Они господствовали в Европе, и они были самыми беспомощными жертвами при господстве других; они приветствовали беспримерную свободу для Европы, и они становились жертвами не имевшего себе равных деспотизма; они породили большую часть трансцендентальных философов, большую часть композиторов, создававших духовную музыку и самое большое число грубых политиков. Слово «немец» в какое-то время означало существо столь сентиментальное, столь доверчивое, столь благочестивое, что оно казалось слишком хорошим для этого мира; а в другое время он предстает таким грубым, таким беспринципным, таким деградировавшим, что был недостоин жить. Оба эти описания правильны: оба типа немцев существовали не только в одну эпоху, но и сосуществовали в одном человеке. Только нормальный человек, не очень-то хороший, но и не особенно плохой, здоровый, здравомыслящий, воздержанный — только он (sic!) никогда не оставлял следа в немецкой истории. Географически — люди центра, немцы никогда не ищут среднего пути жизни — ни в своих мыслях, ни во всей своей политике. Не существует определенной географической точки для германской экспансии, также как для германского противопоставления; и на протяжении тысячи лет Германия то поднималась, то опускалась, как клавиши концертино. Временами Германия ограничивалась Рейном и Эльбой; в другие времена она раздувалась до Пиренеев и Кавказа. Всякая германская граница искусственная, следовательно, непостоянная; в этом постоянство германской географии»³⁷.

Более взвешенную точку зрения представляет Джон К. Соуден. Он утверждает, что в отношении германского вопроса мнения «существенно расходятся, но можно выделить два главных направления. В историческом аспекте ее рассматривают в конституциональном, территориальном и геополитическом контексте на протяжении веков. Послевоенная (политическая) точка зрения считает его по сути сегодняшним кругом вопросов, относящихся к разделению и воссоединению, подчеркивая не только национальный фактор, но также его значение в европейской и даже мировой политике»³⁸. Определение Соудена подчеркивает, что германский вопрос всегда был вопросом международной и европейской безопасности. Таким образом, было бы обманчиво ограничиться тем, что довольно сложной проблема Германии стала только в послевоенный период. Как мы выясни-

ли из понимания Тейлором германской проблемы, он верит, что существует отрицательный национальный немецкий характер, который обусловлен центральным географическим положением германского народа. Как и другие, Тейлор пытается доказать, что отрицательная последовательность истории Германии проходит через всю более чем тысячелетнюю историю страны. Аспект политической власти германской проблемы снова и снова усиливается, начиная с Французской революции 1789 года. Несмотря на его предубежденный взгляд на германскую историю и немецкий характер в его определении германской проблемы есть некоторые элементы, свободные от фанатизма, которые дают несколько аксиом для исторического анализа германского вопроса. С моей точки зрения, мы должны считать необходимыми следующие взаимосвязанные факторы:

1. *Образ Германии*, т. е. проблема, как немцы видят сами себя и как воспринимают их соседи. Как результат немецкой высокой самооценки, образ немца за границей с середины 1850-х годов постепенно становился отрицательным. После поражения революций 1848 г. было опубликовано много памфлетов и книг о германском наследии, и подчеркивалась необходимость национального немецкого государства. Снова и снова, независимо от *kleindeutsch* или *großdeutsch* точек зрения, всегда можно найти фразы, подобные этим: Немцы «являются самой цивилизованной расой на земле»³⁹; «Немцы — это ведущая нация»⁴⁰; «Сущность государства — это сила, сила и еще раз сила»⁴¹. Положительный образ Германии был изменен. Амбивалентный образ Пруссии, ее милитаризм и действенность, развивавшиеся с конца 18-го века, сменился на «германский» после основания Пруско-Германской империи. «Прусский милитаризм» и его «синоним» «нацизм» сыграли главную роль в согласованных решениях по Германии во второй мировой войне⁴².

2. *География Германии*: В противоположность Италии или Великобритании, в Центральной Европе нет естественных географических границ. Существуют низменности, простирающиеся от северной Франции до западной России. Быть в центре Европы — это значит, что большая часть европейских коммуникаций обязательно проходит через Германию. Таким образом, с геополитической и геостратегической точки зрения «Mitteleuropa» (Центральная Европа) занимает ключевую позицию при любом европейском порядке⁴³. Это может быть одной из причин того, что немецкий синдром окружения («Einkreisungssyndrom») можно найти в географическом положении Германии уже с конца 18-го века, что вело к попыткам установить безопасные границы для Германии через территориальную экспансию.

3. *Природа германской государственности*: Концепции германской государственности колеблются между централизованным объединением и различными союзами, между распадом

и сплоченностью, между центральными и федеральными формами правления. Германский конституционный порядок, однако, чрезвычайно важен для функционирования европейской государственной системы. Таким образом, соседи немцев проявляют жизненный интерес к любому конституционному установлению германской нации с тем, чтобы оно не дестабилизировало бы европейскую систему. Осознавая этот факт, государства, граничащие с Германией, будут внимательно следить за процессом объединения Германии и интеграции, а также интеграцией Германии в европейскую политику. Переговоры «2+4» послужили для того, чтобы найти решение, приемлемое для немцев и их соседей в Европе.

После второй мировой войны французский поэт Поль Клодель обобщил эту проблему в следующих словах: «Германия существует не для того, чтобы разъединять народы, но для того, чтобы собирать их вокруг себя. Ее роль — создавать соглашения, давать различным нациям, окружающим ее, возможность почувствовать, что они не могут жить друг без друга»⁴⁴. Централизованное немецкое национальное государство могло бы иметь своей целью гегемонию в Европе, в то время как решение по федеральным направлениям могло бы показать большую тенденцию для европейского объединения. Политическая система новой Германии является демократической и федерально неотъемлемой частью европейского устройства. Большинство немцев не стремится к доминированию в Европе. Они предпочли бы, чтобы европейская Германия была частью объединенной Европы⁴⁵.

4. Демографический фактор (потенциальное население): В соответствии с численностью населения немцы являются доминирующей нацией в центральной части Европы. У них границы почти со всеми европейскими нациями. Соседи Германии обеспокоены ее демографическими возможностями. Это чувство не проявляется только из соображений безопасности.

5. Экономический потенциал: Германия⁴⁶, у которой есть только незначительные запасы природных богатств, например, угля, железной руды и поташа, все в большей степени зависит от международной торговли и состояния мировой экономики. Она должна продавать свои товары на мировом рынке, конкурируя с другими промышленными странами. Сырье должно покупаться по международной цене. Учитывая все это, положение Германии в международной экономике и мировой торговле в то же время заключало в себе силу и слабость одновременно. Знание амбивалентной экономической ситуации Германии снова и снова содействовало стремлениям к немецкой независимости.

6. Европейская безопасность: Этот фактор предполагает безопасность от Германии и безопасность для Германии, то есть, с одной стороны, «центральное государство в Европе» (А.Х.Л.Хирен) не пыталось бы подчинить европейскую систему

в Европе, где бы Германия доминировала и осуществляла контроль. С другой стороны, центр Европы не должен стать фактором риска для европейской безопасности из-за провала доминирования и контроля европейских великих держав. Она не должна быть слишком слабой и децентрализованной, чтобы из-за этого стать пустой силой, ведущей к возможной дестабилизации европейской системы.

С исторической точки зрения эти шесть решающих факторов, прочно связанных между собой, должны рассматриваться как бесспорные компоненты германского вопроса. Их необходимо учитывать в ходе данного обсуждения и отметить их важную роль в западноевропейской интеграции после второй мировой войны.

3. Германия и Европейская интеграция: опасения несмотря на политику сдерживания

С приходом Гитлера и национал-социалистов германский вопрос приобрел новое внутреннее и международное значение⁴⁷. Когда в 1939 г. началась война, военная концепция «Blitzkrieg» имела поразительный успех. К лету 1940 года германский вермахт завоевал Польшу, Голландию, Люксембург, Бельгию, Норвегию, Данию и Францию, приняв эти страны под более или менее строгий контроль Германии. Несмотря на неудачу в «битве за Британию» к середине 1942 года гитлеровская европейская империя достигла зенита, протянувшись от Норд-Кейпа до Северной Африки, от Атлантики до Кавказских гор. Мир на германских условиях, казалось, был только вопросом времени. Идеи объединения по всем линиям Европейского Экономического Сообщества или Европейского Союза обсуждались еще с 1943 г. наряду с другими идеями европейского "союза народов", несмотря на обострение военной обстановки. Притязания на гегемонию в Европе провалилось. Великий германский рейх был полностью побежден. С 1942 г. соответствующие отделы в США и Британии обсуждали будущее Германии и Европы. Будет ли Германия разделена или сохранится как единое политическое, правовое и экономическое целое? По различным причинам английские и американские эксперты были за германский союз, который был менее опасен. Было бы интересно узнать, как Советский Союз собирался преодолеть германскую угрозу в процессе мирного урегулирования. Но так же как и в случае с Советами, несмотря на отсутствие архивных документов по этому вопросу, союзники по анти-гитлеровской коалиции были настроены разрешить немецкий вопрос раз и навсегда. Есть еще одна проблема, которая снова возникла при обсуждении американцами и англичанами роли Германии в послевоенном устройстве: после окончания оккупации Германии союзниками над страной должен быть установлен жесткий международный

контроль, а немецкий потенциал должен быть использован для экономического возрождения Европы без угрозы европейской безопасности. Позвольте мне процитировать меморандум, подготовленный Джоном Мэйнардом Кейнсом в 1940 г.: «Германии в новых условиях нужно понять, что степень экономического лидерства в Центральной Европе проистекает из ее подготовленности и географических условий. Я не могу понять, как остальная Европа может ожидать эффективной экономической реконструкции, если Германия исключена из нее и остается гноящейся раной в ее центре»⁴⁸.

Одним из центральных вопросов, касающихся будущего Германии в Европе после войны, был вопрос о том, каким образом Германия может быть ведущей державой европейской экономики, не будучи политической главой Европы и, благодаря этому, не стать угрозой европейской безопасности. Для разрешения этой проблемы экономический советник Министерства иностранных дел Великобритании Фрэнк Эштон Гвоткин еще в 1941 г. предложил:

«Мое личное решение — это разделить Германию по Эльбе и создать западную и восточную экономические сферы; первая базировалась бы в угольно-металлургическом районе Рура, Эльзаса и Лотарингии, а вторая — в угольно-металлургическом районе Силезии, Южной Польши и Чехословакии»⁴⁹.

Оккупация и отсрочка урегулирования «самых нестложных» вопросов оказалась фатальной. Совету министров иностранных дел понадобилось почти два года, чтобы составить договоры о мире для Италии, Болгарии, Румынии, Венгрии и Финляндии. Растущее напряжение между западными союзниками и Советским Союзом препятствовало мирному договору для Германии и Австрии.

Основной американский меморандум, касающийся послевоенной политики в отношении Германии, заключенный в июле 1944 года, высказывался категорически против создания зон оккупации в Германии, что было бы *de facto* равнозначно разделению Германии. Сотрудники Государственного Департамента пророчили, что эти зоны попадут под контроль трех великих держав, которые «обудут вынуждены просить поддержку у Германии, обещая бороться за ее воссоединение»⁵⁰. Так Госсекретарь Корделл Халл в сентябре 1944 года предложил президенту, не принимать «никакого решения о возможном разделении Германии пока мы не увидим, какова будет международная ситуация и каким будет отношение наших основных союзников к этому вопросу»⁵¹. Ухудшившиеся отношения между Соединенными Штатами, Великобританией и Францией, с одной стороны, и СССР, с другой стороны, напряженность и разногласия между западными союзниками ускорили цепную реакцию мер и контрмер, из-за разных политических и экономических

интересов и интересов безопасности, из-за страхов и подозрительности обеих сторон при решении вопросов о разделении Германии и о Европе в целом. Разделение Германии по военной границе было неестественным и, кроме того, не историческим.

Образование в 1948/49 гг. Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республик в должно считаться не мотивом, а результатом развития биполярной международной системы, сдерживаемой двумя супердержавами, которые возникли после войны. Два государства в Германии были интегрированы в соответствующий лагерь поддерживающих его сил, то есть произошла политическая, экономическая и военная интеграция Федеративной Республики Германии в Западный союз, а Германская Демократическая Республика, соответственно, стала неотъемлемой частью Восточного блока.

Как мы выяснили, образ Германии, рассматривавшийся выше, был главным вопросом в планах военного времени и во всех соглашениях, касающихся Германии и ее будущей роли в Европе после второй мировой войны. Он был важным аспектом всех дискуссий о том, как включить Западную Германию в сообщество западно-европейской демократии в 1950 году, и он все еще играет важную роль в современной европейской политике, особенно с тех пор, как германский вопрос в ноябре 1989 года снова появился в политической повестке дня Европы, из которой "незавершенное германское дело" исчезло со времени атомного тупика середины 1950-х годов.

Конечно, существующие до настоящего времени негативные скрытые намеки, касающиеся образа Германии или образа немца, часто используются для того, чтобы отвлечь внимание от своих внутренних проблем и острых вопросов. Тем не менее, их нельзя недооценивать. Мы должны помнить исторический опыт соседей Германии, начиная с конца 19-го века и кончая второй мировой войной, который включал планы Германии в отношении нового европейского порядка, и позднее — в отношении Европейского Сообщества и Соединенных Штатов Европы под германским руководством⁵². Таким образом, в интересах всех других европейских наций было согласиться на контроль и устойчивое равновесие сил для того, чтобы сделать невозможными попытки Германии доминировать (или даже лидировать), независимо от того была бы она разделена или снова объединилась. В этом отношении интеграция является ключевым пунктом. Это означает стратегию объединения образа Германии, европейской безопасности и экономических аспектов и проблемы политического обязательства для германской нации. Путем интеграции могла быть достигнута как позитивная, так и негативная стратегия для вхождения Германии в Европу. Обе произрастают из одних корней. Проблема европейской безопасности, помимо образа Германии, была существенным фактором во всех предложениях и соображениях по интеграции (Запад-

ной) Германии⁵³. Соседи Германии в Европе знали, что объединенная Германия могла бы существовать на какой-либо стадии послевоенного развития, но несмотря на это они предпочли бы две Германии в послевоенной Европе. Всенародные дискуссии в соседних странах, при обсуждении ремилитаризации двух германских государств, могут служить тому хорошим примером. Страх, что Германия может восстановить свою военную мощь, тогда взял верх, до некоторой степени он сохранялся в начале 1980-х годов и существует и в настоящее время. Учитывая угрозу для экономического потенциала, люди из «класса политиков» считали, что это было бы угрозой для любого миролюбивого развития Европы. Споры усилились, когда после начала Корейской войны Уинстон Черчилль 11 августа 1950 г. с трибуны Консультативной Ассамблеи Совета Европы приветствовал немецкую делегацию, а потом предложил основание Европейской армии: «Я очень рад, что немцы, несмотря на свои собственные проблемы, пришли сюда, чтобы разделить наши опасения и увеличить нашу силу. Им следовало бы быть здесь год назад. Один год потерян, но еще не поздно. Нет другого пути возрождения Европы, безопасности свободы для любого из нас, кроме всеобщего решительного объединения. Я прошу эту Ассамблею уверить наших немецких друзей, что, если они свяжут свою судьбу с нашей, мы будем охранять их безопасность и свободу так же свято, как свою собственную... Сейчас мы хотели бы направить послание в поддержку доверия и мужества из Европейского Дома всему миру. Мы не только хотели бы подтвердить... нашу верность Организации Объединенных Наций, но и хотели бы сделать жест действенного и конструктивного руководства, объявив о поддержке идеи немедленного создания Европейской Армии под объединенным командованием, в котором мы все могли бы занимать достойную и почетную часть»⁵⁴.

Уинстон Черчилль отлично понимал, что возрождение Европы без Германии было невозможно и что только созданной западногерманской демократии нужны были гарантии безопасности и уверенность в признании ее другими западными демократиями. Канцлер Германии дал понять, что Федеративная Республика Германия готова внести свой вклад в систему европейской обороны. Когда западные союзники одобрили ремилитаризацию Федеративной Республики Германии с начала 1950-х годов, обсуждение милитаризации и ремилитаризации стало самым важным вопросом в дискуссиях как в самой Германии, так и в соседних государствах. Реакцией на инициативу Черчилля было появление нескольких проектов, например, план Плевена и план основания Европейского Оборонительного Сообщества (ЕОС). Договор о создании ЕОС был подписан в 1952 году, но Французская Национальная Ассамблея в 1954 году отказалась ратифицировать договор. Кроме

Франции договоренности о перевооружении Германии чрезвычайно противоречиво обсуждались в странах, которые были оккупированы Германией во время второй мировой войны, как, например, Бельгия, Нидерланды и Дания. Консультативная Ассамблея Совета Европы также обменивалась взглядами о планах и значении германского перевооружения, ЕОС и германскому вопросу. Были также расхождения по вопросу национальных партийных соглашений. В ноябре 1951 года конгресс бельгийской социалистической партии (БСП) обсудил соглашения о военном вкладе Западной Германии в западноевропейскую оборону. Двухпартийный конгресс постановил:

«Партия не против Европейской Армии в принципе, но кажется, что в случае воссоединения Германии западная оборона не будет удовлетворительной. Кроме того кадры германской армии должны были бы выйти из вермахта. Это, следовательно, говорит против любого германского перевооружения, потому что это снова вызвало бы опасения за демократию в Германии и за мир во всем мире»⁵⁵.

В своей речи на конгрессе партии вице-президент бельгийских социалистов отметил, что ремилитаризованная Германия представляла угрозу для Европы в целом. Он также ссылаясь на пакт Молотова-Риббентропа августа 1939 года, он сослался на договоры Рапалло (1922 г.) и Таурогген (1813 г.), делая вывод, что немецкие милитаристы и немецкие политики всегда были за дружеские связи с Россией. Опыт двух германских оккупаций в течение длительного времени и страх, что коммунизм может распространиться в Европе шли рука об руку. На конгрессе также высказывались против любой «стремительной организации европейского союза». Британия была бы частью любого западноевропейского цельного тела, как ЕОУС и ЕОС. Иначе говоря, была бы опасность немецкой гегемонии в Объединенной Европе; то есть существовал противовес против Германии, потому что ни одно демократическое государство не могло отрицать требования Германии снова объединиться. Поль Анри Спаак был одним из немногих бельгийских социалистов на съезде, у кого было положительное отношение к интеграции Федеративной Республики Германии в сообщество западноевропейских стран. Он говорил: «Наша политика в отношении Германии должна базироваться на надежде и доверии. Мы не должны повторять ошибок межвоенного периода, легко давшего Гитлеру в руки то, что мы отказались уступить дружеской Веймарской демократии. Единственный шанс разрешить германскую проблему — это принять ее как равного партнера в Европейскую Федерацию»⁵⁶.

Спаак также выступил против возрастающего антиамериканизма своей партии и указал на задачи объединенной Европы. Только если Европа будет выступать единодушно, если она учредит Европейскую Федерацию, США и СССР признают ее

как третью силу, как равного партнера и тогда можно говорить друг с другом на равных.

Спаак так же по опыту знал Германию, как и многие его современники, но из истории и прошлого опыта он сделал другие выводы. С его точки зрения, германская проблема могла быть разрешена раз и навсегда только в том случае, когда не было бы противодействия военной, экономической и политической интеграции Западной Германии в сообщество западноевропейских государств.

Выступая с трибуны Консультативной ассамблеи Совета Европы, итальянский представитель Ла Малфа и другие итальянские парламентарии решительно говорили о вступлении Германии в объединенную Европу. Ла Малфа даже доказывал, что только после вступления Германии мы сможем понять, является ли Европейское Сообщество настоящим и подлинным балансом сил в мире. Мир хочет знать, будет ли возможность установить союз между двумя великими мировыми державами — Россией и Соединенными Штатами — и таким объединением, которое позволит Великобритании, Германии, Франции и другим европейским странам жить в мире. Мы не знаем, будут ли необходимые условия для такого плана, и только после признания Германии мы сможем решить, возможно ли объединение Европы или нет»⁵⁷.

Эти положения, сдерживание негативной интеграции в противовес интеграции позитивной до некоторой степени преобладают в рассуждениях о настоящем положении Германии в Европе и ее будущей роли в создаваемой европейской структуре. Пример съезда бельгийской социалистической партии, таким образом, кажется симптоматичным для дискуссий по проблеме Германии в начале 1950-х годов и в дальнейшем⁵⁸.

До сих пор бытует мнение, которое сформулировал британский меморандум 1940 г., о том, что «Германия показала, что, если она достаточно сильна, никакие договоры или соглашения не удержат ее от применения силы, если бы происходило что-то, что она хотела. Таким образом, безопасность в Европе возможна, только если Германия не будет достаточно сильной, чтобы действовать подобным образом»⁵⁹.

Поэтому всегда одной из самых важных задач было сдерживание Германии, вовлечение ее в европейскую систему. До некоторой степени это также читается в декларации плана Шумана от 9 мая 1949 г. Основная статья предсказывала: «Объединение угольно-металлургического бассейна немедленно приведет к формированию общей базы для экономического развития, что будет первым шагом к объединению Европы и изменит судьбы тех регионов, которые в течение длительного времени занимались производством снаряжения для войны, жертвами которой они сами и были чаще всего... Эта продукция будет требоваться во всем мире без исключения для того, чтобы способствовать

подъему жизненного уровня и поддержке мирных инициатив... Через объединенную общую базу и установление новой верховной власти, чьи решения свяжут Францию, Германию и другие страны-члены, эти предложения станут первым реальным фундаментом Европейской Федерации, столь необходимой для сохранения мира»⁶⁰.

Когда в 1950/51 гг. Федеративная Республика Германия заключила договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС) и в 1956/57 гг. — Римский договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество и Евратом⁶¹, правительство ФРГ было заинтересовано не только во вхождении в такие транснациональные организации как ЕОУС, ЕОС, ЕЭС и ЕАСТ, чтобы завоевать суверенитет и большую независимость, но также было должно сосредоточиться на условиях Основного конституционного закона, касающихся объединения Германии и интеграции Европы⁶². Каждое правительство Западной Германии должно было работать для восстановления единства германской нации. В дополнение к этому смысл существования Федеративной Республики Германии в том, что она будет представлять всех немцев, пока все немцы не получат возможность свободно выразить свое право на самоопределение. Западные союзники поддерживали законную точку зрения Федеративной Республики Германии. Так, на переговорах, предшествовавших заключению Римского договора, было принято требование Федеративной Республики Германии о том, чтобы «советская зона оккупации» не считалась бы иностранной державой⁶³. Протокол Римского договора устанавливал, что торговля между Федеративной Республикой Германией и «советской зоной» оккупации (т.е. ГДР) считалась «внутренней торговлей Германии»:

ЕС того момента, как торговля между германскими территориями, в соответствии с Основным законом конституции ФРГ, и немецкими территориями за ее пределами становится частью внутренней торговли Германии⁶⁴, применение этого Договора об установлении Европейского экономического сообщества от 25 марта 1957 г. — *В.Д.Г.*) не требует никаких изменений в существующей системе торговли»⁶⁵.

Существовала также совместная декларация стран, подписавших договор ЕЭС по Берлину. Государства выразили согласие поддерживать все необходимые мероприятия, чтобы помочь населению Берлина облегчить экономическое и социальное положение и обеспечить развитие и экономическую стабильность⁶⁶. В декларации, которая была частью заключительного акта Римского договора, федеральное правительство сохраняло за собой право, по которому договор ЕЭС и договор ЕАСТ будут распространяться также и на Берлин⁶⁷.

Переговоры, которые привели к заключению Римского договора, еще раз показали неразрывную связь между германским вопросом и процессом западноевропейской интеграции. Внут-

ренние дебаты по Договору отмечали, что существовало различное восприятие относительно политических приоритетов Федеративной Республики Германии, несмотря на то, что с 1953 г. СДПГ сблизило свои взгляды с точкой зрения правительства Аденауэра⁶⁸. Был ли путь к более тесной интеграции западноевропейских демократий совместим с конституционным наказом «достичь, благодаря свободному самоопределению, объединения и независимости Германии»? Правительство канцлера Аденауэра подписало договоры по политическим причинам, несмотря на сильную оппозицию Министерства экономики. Устанавливалось, что договоры совместимы с Конституцией и представляют значительные возможности и перспективы, тогда как, например, либеральные свободные демократы, голосуя против Римского договора⁶⁹, подчеркивали свое убеждение в том, что правительство нарушало Основной закон конституции. 21 марта 1957 г. профессор Вальтер Халлштейн, бывший президент Правления ЕОУС, по поручению федерального правительства описал германскому бундестагу основные черты и перспективы договора ЕЭС. Он подчеркнул необходимость более тесного политического и экономического объединения европейских государств, являющегося последним и единственным шансом для Европы вновь обрести свое бывшее международное положение и обеспечить свободу, социальный прогресс и экономическое процветание. Римский договор рассматривался как главная отправная точка для достижения этих целей. Халлштейн также обсуждал влияние Римского договора на воссоединение Германии, на Берлин и на внутреннюю германскую торговлю («Interzonenhandel», т.е. торговлю между зонами (оккупации) в Германии):

«Весьма прискорбно, что Германия входит в новое Европейское Сообщество, обремененная политическим грузом насильственного разъединения. Но также правда и то, что никакое германское федеративное правительство, независимо от его состава, никогда бы не одобрило углубления германского разделения или посягательства на положение свободного Берлина, на полное прекращение или препятствование отношениям, связывающим нас с соотечественниками в другой, несвободной части Германии»⁷⁰.

Федеративное правительство подчеркивало свою политику гарантирования особых германских интересов в любой транснациональной европейской организации. Такая же политика проводилась и во время переговоров, которые привели к заключению Римского договора. Правительство уделяло особое внимание тому, чтобы вопрос объединения Германии оставался открытым, и отвергало любое предложение, которое углубляло бы искусственное разделение Германии. Во время Брюссельских переговоров Халлштайн процитировал декларацию федерального правительства, где говорится, что в случае воссоединения Гер-

мании должны быть проведены изучение и окончательный пересмотр договоров Общего Рынка и Евратома. Правительство также отмечало, что воссоединенной Германии будет предоставлена полная свобода политических действий в отношении международных договоров, включающих лишь одну часть Германии, т.е. воссоединенная Германия будет вольна сама принимать решения о присоединении к этим договорам. Халлштайн был убежден, что воссоединенная Германия не будет следовать политике, которая будет расходиться с европейским духом. Оставить германский вопрос открытым означало также, что германское федеральное правительство требовало от своих партнеров по ЕЭС таких условий, которые не усугубляли бы искусственное разделение Германии. Поэтому правительства стран Бенилюкса, Франции и Италии стремились к установлению внутренней германской торговли и связей между Берлином и ФРГ⁷¹. Халлштайн подчеркивал позицию правительства ФРГ, доказывая, что «мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы не только сохранить этот инструмент внутригерманской торговли, но и в его дальнейшем развитии. По этой причине договор *expressis verbis* Общего рынка содержит положение — цитирую, — «что выполнение договора Сообщества не повлечет за собой ни изменения в отношении существующих в настоящее время правил внутригерманской торговли, ни изменения в действительном ведении этой самой торговли. Таким образом, совершенно ясно, что настоящее положение дел, при котором внутригерманская торговля является чисто внутренним делом, останется неизменным; демаркационная линия с Восточной зоной не будет в то же время торговой границей. Правительство ФРГ сохраняет полную свободу действий в отношении внутригерманской торговли»⁷².

Несмотря на заверения правительства во время дискуссий по ратификации договоров в немецком бундестаге, некоторые члены парламента выражали сомнение в том, что торговый союз не приведет через несколько лет к углублению разделения Германии⁷³. Многие факторы требовали, чтобы воссоединенная Германия стала бы членом существовавших в то время объединений. Так, Карл Моммер подчеркнул необходимость того, чтобы воссоединенная Германия стала бы членом европейских объединений. Вопрос о членстве для воссоединенной Германии, тем не менее, зависел от решения вопроса — «до какой степени европейская политика может избегать антибольшевистских тенденций»⁷⁴.

При обсуждении в верхней палате парламента (бундесрате), которая должна была также ратифицировать Римский договор, представители земель придавали особое значение необходимости сохранить права германских земель на европейском уровне, и отметили, что связь между договорами и воссоединением Германии должна быть в центре внимания⁷⁵. Премьер-министр

Гессена д-р Зинк призывал федеральное правительство сделать все, что в его силах, чтобы не изменялись существующие экономические отношения в Германии. Мы должны дать эту «небольшую передышку остающемуся немецкому союзу». Он не подвергался бы опасности из-за Римского договора. Таким образом, федеральное правительство в будущем обращало бы особое внимание на то, чтобы события не развивались так, чтобы границы зон (в Германии — В.Д.Г.) превратились бы в таможенные границы»⁷⁶.

Конец ГДР как государства в 1990 г. и открытие архивных материалов Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) для исторических исследований позволяют обсудить некоторые аспекты отношения ГДР к протоколу договора ЕЭС и осознанию процесса западноевропейской интеграции, его влиянию на европейскую безопасность, объединению Германии и его значению для германского вопроса. С самого начала процесс интеграции западноевропейских демократий проходил за пределами сферы действия ГДР. Таким образом ГДР, равно как и СССР и другие восточноевропейские государства могли начать процесс интеграции только посредством пропаганды. Такой идеологический подход делал их совершенно слепыми как в отношении значения, так и в отношении долговременного развития интеграции в Западной Европе. Они не поняли нового качества международных отношений, которые устанавливались после Римского договора. Они не поняли, что означают «сверхдержавность» и «интеграция». Кроме того, весь процесс оценивался с «доисторических» позиций «классического национального государства 19-го века. С их точки зрения ЕЭС и ЕАС воспринимались как экономическая основа НАТО:

«Общий рынок является откровенным планом мобилизации промышленности шести государств—участников НАТО. Проект неразделимо связан с агрессивным западноевропейским военным блоком»⁷⁷.

Европейские обязательства США рассматривались как необходимое условие для достижения мирового господства. Возрожденный немецкий империализм расценивался как главный союзник США. Его целью было господство и управление западноевропейским блоком. Ханс В.Ауст привел это к общему знаменателю в утверждении: «Подлинным хозяином ЕЭС является Бонн, поддерживаемый американским капиталом»⁷⁸.

Из этой перспективы создание ЕОУС и ЕАСТ представлялось важным шагом для образования прочного блока против социалистических стран. Таким образом западная интеграция толковалась, как путь к разрушению социалистической конструкции и подавлению влияния социалистических стран»⁷⁹. Общий рынок рассматривался как система, эксплуатирующая рабочих. Политбюро СЕПГ на заседании 2 апреля 1957 г. обсуждало план действий по борьбе с империалистическими проекта-

ми стран ЕОУС. Государства—члены СЭВ согласились на меры, предпринятые против создания ЕЭС и ЕАСТ. После одобрения Советским Союзом, министры иностранных дел приняли совместную декларацию против «любой ограниченной группировки в Европе». Внимание так же обращалось на значение безопасности для Европы. Позиция СЕПГ по европейской политике основывалась на двух главных принципах: это была борьба против процесса западноевропейской интеграции, основанная на марксистско-ленинских принципах, и в то же время использовался аргумент, что интеграция Федеративной Республики Германии в западный блок будет препятствовать воссоединению Германии. С другой стороны, ГДР поддерживала процесс восточной интеграции, несмотря на недостатки СЭВ⁸⁰.

Однако на практике политика ГДР, несмотря на свой чисто идеологический антагонизм, использовала «косые связи» с Федеративной Республикой Германией⁸¹. В официальных высказываниях пресса ГДР называла Римский договор «римским заговором», «договором разногласия», «пактом против Германии» и «новым предательством национальных интересов немецкого народа»⁸².

Чрезвычайно интересно заметить, что специальные статьи договора ЕЭС по внутригерманской торговле не ссылаются на официальные документы и публикации⁸³, хотя уже тогда было понимание таможенной границы в Германии, которое положило бы конец внутригерманской торговле⁸⁴. Положения Римского договора были молча признаны. Так с 1958 г. ГДР, казалось, стала «невидимым членом» ЕЭС⁸⁵. Пока ЕС не организовался в Единый Рынок, внутри его структуры существовали лишь незначительные проблемы, проистекающие из особых отношений между ФРГ и ГДР⁸⁶. Однако, создание Единого Европейского Рынка в 1992 году должно было перевести "внутригерманскую торговлю" на новые рельсы. Необходимо было пересмотреть ситуацию, так как какого-либо пограничного торгового контроля внутри Европейского Сообщества, как нам сегодня известно, более не существует. Если бы осенью 1989 года не произошли известные драматические перемены в государствах Восточной Европы и в ГДР, что стало бы с промышленностью ГДР, вступившей в Единый Европейский Рынок? Как партнеры ФРГ и Европейской Комиссии урегулировали этот болезненный аспект германского вопроса, понимая, что правительство Западной Германии наложит вето на любые решения, ставящие под угрозу (на грань риска) процесс объединения Германии? Они всегда помнили об этом, но никому не хотелось касаться вопросов будущего статуса ГДР по отношению к Единому Европейскому Рынку. Воспользуются ли партнеры Западной Германии в Европейском Сообществе благоприятной возможностью, чтобы избавиться от очередного "энного" члена Сообщества? Будут ли они готовы прекратить особое обращение и особые отношения

между двумя государствами Германии, которые, как считают другие государства — члены Сообщества, искажают суть торговли? С другой стороны, члены правительств Европейского Сообщества определенно знали, что по политическим и юридическим причинам ФРГ не готова отказаться от своих особых экономических связей с Восточной Германией. Вопрос о том, что будет с ГДР после 1992 года более не является предметом спора. В 1990 году состоялось официальное воссоединение Германии. Как бы то ни было, если соответствующие архивные материалы Европейского Сообщества и государств-членов будут открыты для изучения, интересно будет узнать, были ли там сообщения, докладные записки о переговорах на уровне правительственной и межправительственной Комиссии, касающиеся будущих отношений ГДР, ФРГ и Единого Европейского Рынка. Каковы были проекты окончательного решения германской проблемы?

4. Европейская Германия как часть Объединенной Федеративной Европы: решение германского вопроса?

Мирное течение и дискуссии по проблеме двойного пути решения еще раз открыто поставили проблему Германии на повестку дня международной политики, возродив все опасения, надежды и предубеждения, заключая германский вопрос в исторические рамки.

Для большинства современников германский вопрос кажется уже решенным. Тема эта охотно подхватывалась для обсуждения лишь в выступлениях по особым поводам. ФРГ, казалось, была на пути к национальному самоопределению западных немцев в европейских рамках. Все же, с точки зрения конституции, проблема единства немцев оставалась нерешенной. В своей речи, произнесенной на Съезде Евангелических Церквей Германии в 1985 году, бывший президент Рихард фон Зайцекер привлек внимание к этому моменту: "Если мы должны ответить на вопрос, мы хотим быть в состоянии дать на него исчерпывающий ответ. И если на него невозможно ответить, мы лучше откажемся от вопроса. Это свойственно человеку. Но вопросы не исчезают сами собой только потому, что мы не можем ответить на них. История доказывала это не раз. Во время моего пребывания в Берлине кто-то сказал очень кстати: "Германский вопрос останется нерешенным, пока Бранденбургские ворота остаются закрытыми"⁸⁷.

Сегодня Бранденбургские ворота снова открыты, но проблемы Германии решены не полностью. В начале 1980-х годов дебаты по двойному решению и разворачиванию ракет средней дальности и Першингов-2 в Западной Германии закончилось известным подъемом общественного интереса к германскому вопросу в самой Германии, в Европе и за океаном. Немцы по обе

стороны демаркационной линии опасались, что Германия станет театром военных действий в ядерном конфликте сверхдержав. Это придавало особую важность германской проблеме.

Вопреки ожиданию, германский вопрос не был "мэртворожденным" для "нового поколения" немцев на Востоке и на Западе. Растущий интерес к проблеме Германии в конце 1970-х годов, например, требование нового левого или нового правого объединения "двух немецких государств" с целью воссоединения, путем нейтрализации Центральной Европы, часто несерьезные разговоры об "упущенных возможностях"⁸⁸, мирное развитие Германии и вступление Партии Зеленых в западногерманские парламенты и избирательные успехи Республиканцев на выборах в государственный аппарат повсюду находились под пристальным вниманием. Средства массовой информации, общественное мнение и до некоторой степени официальное мнение зарубежных государств отзывались с "сейсмографической чувствительностью"⁸⁹ на любые изменения в германской политике. Это и разговоры о возрождении "германского национализма и даже реваншизма", о "германской угрозе", о возрождении "Четвертого Рейха", об отрицательных чертах немецкого характера и о неразумном поиске пути самоопределения немцев". Под вопросом оказалась надежность Федеративной Республики Германии. То же самое относится к сегодняшней единой Германии⁹⁰.

В своем последнем выступлении в Бундестаге бывший канцлер Гельмут Шмидт напомнил своим соотечественникам о наиболее важных аспектах германской проблемы, сказав при этом: "Как следствие трагического раздела, постоянно присутствует опасная склонность к прорыву излишней эмоциональности. Поэтому нам, немцам, крайне необходимо общественное осознание, политическая рассудительность как уравнивающий фактор наших политических метаний"⁹¹.

Изменения в Восточной Европе и объединение Германии после сорока с лишним лет разделения позволяют надеяться на развитие восприимчивости и политической аргументации. Развитие событий, начиная с 9 ноября 1989 года, похоже, доказывает это. Чтобы не ставить под угрозу процесс воссоединения, спустя несколько месяцев эмоции сменились дискуссиями и общением с западными и восточными партнерами. В течение 1980-х годов единственный путь решения проблем нейтрализации и развертывания ракет, казалось, заключался в том, чтобы оба германских государства и их соседи и союзники договорились о сроках мирного разрешения взаимосвязанных европейских и германских проблем, которые позволят решить мирным путем германский вопрос. Конечно, это не было "идеальным" решением для "нерешенного германского вопроса".

В период холодной войны любое решение германского вопроса подразумевало, что оба германских государства должны будут нарушить свои соответствующие договорные обязательства.

Для Востока и Запада оптимальным вариантом была бы нейтральная Германия в границах ГДР и ФРГ. В случае воссоединения Германии по линии этих границ, оба государства должны выйти из военных и экономических блоков. Это могло бы стать причиной главных социальных и экономических проблем для объединенной Германии. Большинство людей, поддерживающих такое решение, т.е. нейтральную Германию в Центральной Европе, не учитывали скрытое значение такого решения⁹². С позиции ближайшей исторической перспективы они не могли представить себе, что германская проблема всегда была важнейшей европейской проблемой, начиная со второй половины 18-го столетия, и особенно со времени Наполеона, когда идея нации была политизирована. Расположение в самом центре Европы предполагало, что еще с конца 18-го века выбор Германией статуса государственности мог быть осуществлен только в соответствии с европейскими международными интересами и никогда — против них⁹³. Европейские интересы всегда требовали решения, которое не угрожало бы стабильности европейской региональной системы и в то же время обеспечивало бы надежную основу для преодоления «исторической германской угрозы» раз и навсегда. С другой стороны, считалось общеизвестной истиной со второй половины 19 века, что передел Европы без участия германского потенциала обречен на неудачу. Объединенное решение открыло каналы поиска вынужденного компромисса между необходимостью для европейцев безопасности и стабильности и законностью требований Германии на право самоопределения и воссоздание национального договора, как это произошло в 1989/90 гг. Эти вопросы обсуждались в переговорах «2 + 4», один из наиболее дебатлируемых из них был о будущем членстве объединенной Германии в НАТО и о численности новой германской армии⁹⁴. Решение двух германских правительств о том, что объединенная Германия должна быть федеральным государством подобно Федеративной Республике Германии, было верным выбором Германии в европейской перспективе. Сегодня это пять «земель» на территории бывшей ГДР: Саксония, Бранденбург, Мекленбург-Форпоммерн, Заксен-Анхальт и Тюрингия⁹⁵. Они приняли политическую систему подобно той, что была в Федеративной Республике Германии. Первые выборы в Ландтаг были проведены 14 октября 1990 года, придав новым государствам законный статус. 2 декабря 1990 года был избран первый бундестаг объединенной Германии. С точки зрения внутригерманского и международного права и конституции, в декабре 1990 года германский вопрос был решен⁹⁶. С точки зрения исторической и эмоциональной, вопрос остается: исчезнет ли, однако, германская проблема с политической повестки дня навсегда? Произойдет ли это, если новая Германия будет активно содействовать процессу европейской интеграции в своей повседневной политике и в предстоя-

щих межправительственных конференциях в 1996 году⁹⁷. Предложения и дискуссии на уровне федерального правительства и основных партий "Маастрихт-2" доказали, что это так⁹⁸.

Бывший президент фон Вайцекер напомнил нам в своей речи на праздновании 40-й годовщины окончания Второй мировой войны, в которой целью Германии было "воспользоваться благоприятной возможностью подвести черту под долгим периодом европейской истории, в течение которого каждому государству мир казался возможным и безопасным только при условии их собственного превосходства, и когда мир означал лишь период подготовки к следующей войне"⁹⁹.

С конца 1940-х годов демократии Западной Европы вступили — начиная с создания Совета Европы 5 мая 1949 года — в процесс экономической и политической интеграции. Попытки осуществления европейской военной интеграции, подобно ЕОС, потерпели неудачу. Сегодня Совет Европы — не призрак, а реальность. Сегодня 15 государств, образовавших Совет Европы, предельно интегрированы экономически. Процесс интеграции не может быть замедлен или остановлен. Для Европы этот путь необратим. Конечно, временами возникает и напряженность, и подозрительность. Динамика воссоединения Германии застала Совет Европы врасплох. Оно изменило историческую картину послевоенной Европы. Он не было политически согласовано. Партнеры Федеративной Республики Германии испытывали сомнение по различным причинам, понимая необходимость как-то учитывать историческую и европейскую значимость германской проблемы. Это может быть завершающим витком европейской интеграции. Германо-французские отношения ухудшились после неожиданного предложения, внесенного Колем в бундестаг 28 ноября 1989 года о воссоединении Германии по конфедеративной и федеральным границам¹⁰⁰. Неизвестно, возникла ли, вследствие этого, напряженность между канцлером Колем и его коллегами в ЕС, особенно с его другом Франсуа Миттераном. В то время как президент Буш с самого начала безоговорочно поддерживал воссоединение Германии, старые европейские великие державы, Франция и Британия, не испытывали особых восторгов по поводу перспектив воссоединения Германии и его воздействия на европейскую систему и баланс сил в Западной Европе. Это совершенно ясно прозвучало в публичных и частных заявлениях г-жи Тэтчер того периода. Это было подчеркнуто 25 марта 1990 года на брифинге, посвященном германской истории, а также в комментариях к ее мемуарам. Чтобы сдерживать набирающий скорость процесс воссоединения Германии, президент Миттеран предложил создать "Европейскую Конфедерацию"¹⁰¹. В передовице "Le Monde", посвященной Франции и Германии, Мишель Возель предостерегал своих соотечественников от следования устаревшей в 19 веке политике баланса сил для сдерживания новой Германии. Политика недоверия по

отношению к Германии не обеспечивает надежную основу для "серьезной европейской политики". В эпоху быстро происходящих перемен наиболее благоразумным для Франции было бы сотрудничество с Германией¹⁰². В интервью "Time" Мишель Рокар, тогдашний французский премьер-министр, заявил, что воссоединение Германии не представляет опасности. Если "мы быстро продвинемся в строительстве Европейского Сообщества, германская проблема потеряет актуальность в большой политике"¹⁰³. Это было созвучно предложению президента Комиссии ЕС Жака Делора, который предложил создать Федеративный Европейский Союз еще до конца столетия. Делор также утверждал с самого начала, что ГДР была "особым случаем" в Восточной Европе и должна иметь реальное право на членство в ЕС. Его утверждение спровоцировало оппозицию со стороны голландцев, бельгийцев, британцев и французов. Таким образом, как заключил комментатор, германский вопрос может стать для него (т.е. для Делора) проверкой"¹⁰⁴. В телеинтервью 25 марта 1990 года президент Миттеран предложил начать переговоры о политическом союзе в ЕС, который должен быть создан одновременно с завершением формирования Единого Европейского Рынка¹⁰⁵. Инициатива Коля — Миттерана относительно Европейского Политического Союза, выдвинутая на конференции членов Европейского Совета в Дублине, была направлена в необходимую сторону.¹⁰⁶ Больше не существовало вопроса о степени заинтересованности ГДР по отношению к ЕС. Войдя в состав ФРГ 3 октября 1990 года, согласно положениям статьи 23 Основного Конституционного Закона, ГДР прекратила свое существование. Я упоминал о федералистских предложениях Делора и о том, что проблема Германии могла бы стать для него проверкой. Позволю себе еще раз процитировать Жана Дэвидсона: "Федералистская мечта Делора может оказаться преждевременной, даже наивной. Но государства-члены, кажется, закрывают глаза на это, то ли потому, что они делают вид, что это проблема немцев, то ли потому, что это произойдет еще не скоро. Однако, когда бы это ни произошло, не может не приниматься в расчет сильнейшее воздействие на Европейское Сообщество, и вопрос о федерализме будет поднят еще раз"¹⁰⁷.

Дискуссии и события того периода, включая переговоры, приведшие к Маастрихтскому Договору, доказали это. Историческое и конституциональное значение федерализма все еще недооценено. Одна из причин этого, возможно, заключается в том, что большинство государств-членов Европейского Совета не являются федеральными государствами и, следовательно, у них нет традиций федерализма. Новая демократическая Германия является федерацией. По Маастрихтскому договору и положениям новой статьи 23 Основного конституционного закона, Федеративная Республика стала еще более федеральной. Она

не представляет опасности для Европы. Она отличается от Германии времен Кайзера Вильгельма или от гитлеровской Германии, символ которой все еще господствует в представлениях наших соседей. Она хочет быть европейской. Если существует законный шанс осуществить европейские мечты об объединении, он не перестанет вызывать интерес. Вопрос, конечно, в том, как новая Германия будет играть свою политическую и экономическую роль в Европе. Ведущий американский комментатор задал главный вопрос: "Будет ли она действовать подобно германскому королю, который надменно руководит человеком, который ломает прожектор и крадет декорации? Или это будет достаточно согласованная игра добровольного партнера и участника и респектабельного представителя объединенного Европейского Сообщества".¹⁰⁸

Немцы извлекли для себя уроки из истории. Их гегемонистские устремления к созданию Германской Европы потерпели крах. Они знают о все еще распространенных среди соседей опасениях, что они могут снова вернуться в своих намерениях к Германской Европе, может быть, на этот раз, другими способами. Таким образом, они будут делать все от них зависящее, чтобы стать хорошими и надежными европейскими немцами, работающими в европейском единстве. Только тогда этот раздел истории, посвященный германскому вопросу, который всегда был европейским вопросом, будет закрыт навсегда. Сегодня мы должны еще раз подумать о германской проблеме. Наши соседи, в прошлом военные противники, должны знать, что немцы извлекли уроки из истории. Они должны пересмотреть свое отношение к тому факту, что германская история в целом представляет собой непрерывную цепь ошибок. Немцы должны доказать Европе и миру, что они готовы работать для Европейской Германии, не отказываясь при этом от своего национального и регионального самосознания. В многочисленных выступлениях последних нескольких лет бывший президент Федеративной Республики Германии Рихард фон Вайцзекер напоминал о европейском измерении германской истории и германском измерении европейской истории¹⁰⁹. Он заверил наших соседей, что нашей целью было "не упустить благоприятной возможности провести черту под долгим периодом европейской истории, на протяжении которого каждому государству мир казался возможным и безопасным только при условии их собственного превосходства, и когда мир означал лишь период подготовки к следующей войне. Все народы Европы любят свою родину. Немцы тоже.. Кто поверит миролюбию нации, которая способна забыть свою родину? Нет, миролюбие определяется именно тем, что никто не забывает собственную родину и поэтому решает сделать все от него зависящее, чтобы жить вместе с другими в прочном мире"¹¹⁰.

Большинство немцев сегодня убеждены, что популярной в 19-м веке идее национального государства нет возврата¹¹¹. Новая Германия должна быть абсолютно заинтересована в том, чтобы играть определенную конструктивную роль в процессе сотрудничества в Европе и содействия процессу европейской интеграции и сохранения целостности Европы, выходя из состояния застоя на глобальный уровень, в той степени, насколько это позволяет им их политическое и экономическое положение и условия безопасности. Стефан Цабо напомнил нам об исторически очерченных рамках процесса объединения Германии и ее историческом, психологическом, эмоциональном и в европейском аспектах интеграции в последней части своей книги по дипломатии объединения Германии: "Дипломатия германского объединения начиналась со стремления отменить новые Версальские соглашения и создать условия для стабильной и демократической Европы. Ее творцы создали контуры новой Европы, в которой нет проигравших, и заложили основу для интегрированной и кооперированной Евроатлантической системы. Это приведет либо к достижениям новыми поколениями в накоплении и увеличении наследства или к безрассудному растрачиванию его."¹¹² Будем надеяться, что в последующие годы мы будем строить на основе, заложенной для дальнейшей интеграции Европы еще со времен Второй мировой войны. Только тогда германский вопрос, как проблема европейской истории и политики, перестанет существовать.

Примечания

¹ *Lawday D.* One Germany: Time to Kiss and Make up // U.S. News & World Report. 1990. October 15.

² *Ibid.* P. 17.

³ Press and Information Office of the Federal Government (Ed.) // Bulletin № 169. 1988. December 2. P. 1501-1507. P. 1502 (translation).

⁴ *Kleeeinfeld G.R.* The German Question, Yesterday and Tomorrow // The Federal Republic of Germany at Forty / Ed. P.H.Merlk. New York, London, 1989. P. 19-34, 32.

⁵ German Information Center (Ed.) // Statements and Speeches X/№ 12 (July 7, 1987): Speech by President Richard von Weizsäcker at a dinner given in the Kremlin by Mr. Andrei Gromyko. P. 3.

⁶ *Mr.X.* The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs XXV. 1947. P. 566-582.

⁷ *Kennan G.* The German Question. A Personal View. Wash., 1989. P. 5.

⁸ *Kennan G.* Reunification — not yet // The Guardian.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Cp.: Speaking for England: Saying the Unsayable about the Germans. Dominic Lawson meets Nicholas Ridley // The Spectator. 1990. July 14. P. 8-10, 9.

¹² Spectator. Saying the Unsayable. P. 8.

¹³ Ср., например: *Marsh D.* Germany and Europe. The Crisis of Unity. L., 1995 (1994); *Buzan B., Kelstrip M., Lemaitre P., Tromer E., Waever O.* The European Security Recast. Scenarios for the Post-Cold-War Era. L., 1990. P. 106 ff (Chapter 6: The Centre: The German Problem); *Bolaffi A.* Il sogno tedesco. La nuova Germanis e la coscienza europea. Rome, 1993; *Olim B.* L'Europa difficile. Storia Politica della Comunità Europea. Bologna, 1995 (1993). P. 347 ff; *Platzer H.-W., Ruhland W.* Welches Deutschland in welchem Europa. Bonn, 1994; *Petersen N.* Tysklands enhed Europas sikkerhed. Copenhagen, 1991; *Verheyen D.* The German Question. A Cultural, Historical, and Geopolitical Exploration. Boulder, San Francisco, L., 1991; *Gruner W.D.* Deutschland mitten in Europa. Hamburg, 1992; *Jarausch K.H., Gransow V.* (Eds) Uniting Germany. Documents and Debates 1945-1993. Providence, Oxford, 1994. Esp. p. 103 ff.

¹⁴ Анджело Болаффи надлежащим образом описал связь между европейской интеграцией и германским вопросом в 4 главе "Возвращение истории": (*Bolaffi*, Il sogno tedesco, p.37).

¹⁵ Ср.: *Trautmann G.* (Ed.). Der häßliche Deutsche?. Darmstadt, 1991. Интересная и полезная книга Траутмана соединяет восприятие Германии и немцев из различных стран Европы и мира, включая вклад Великобритании, Дании, Франции, Италии, Нидерландов, Польши, России, США и других.

¹⁶ Ср., например: *Vansittart R.* Black Record: Germans Past and Present. L., 1941; *Morgenthau H, Jr.* Germany is our Problem. N.Y., 1945; *Nizer L.* What do with Germany. Chicago, N.Y., 1944.

¹⁷ См., например: *Garnett J.C.M.* A Lasting Peace with some chapters on the basis of German Cooperation by *Koeppler H.F.* L., N.Y., 1940. P. 279.

¹⁸ Ibid., p. 224. Кёплер полностью отвергает такой взгляд, утверждая: "Такое обвинение так же чудовищно, как притязания нацистов на мировое господство из-за превосходства германской нации". (p.224). Он против немецкой агрессивности для возрастающего числа таких писателей, которые еще не предоставили убедительное доказательство. Такое доказательство не представлено. Для чего некоторые умные люди в последнее время являются не убедительным доказательством, но оскорблением интеллигентности читателей... Почему они всегда цитируют определенные пассажи из Фихте и Гегеля и редко цитируют Канта или Вильгельма фон Гумбольдта?... Конечно, правда в том, что мыслители той же национальности на протяжении веков придерживались противоположных теорий. А научный метод вычисления, наиболее типичный для этих теорий национальности, еще только создавался. Пока мы ищем такой метод, невозможно с уверенностью заявить, что национализм Фихте и агрессивность Гегеля более типичны для немцев, чем вера Канта в твердый международный порядок, а вера Гумбольдта в Государство как слугу, а не как хозяина своих граждан" (p.225). Кёплер в своей работе «Как подходить к германской проблеме» снова и снова подчеркивает, что «разгром национазма» не решит германской проблемы (p. 274).

¹⁹ См. прим. 15. О реакции общественности на памфлет Ванситтарта ср.: *Parliamentary Debates, House of Commons. Vol. 367* (17

Dec., 1940). 1101 f. Ванситтарт в записке Уинстону Черчиллю (30 декабря 1940 года) предлагал: "Возьмите нож за черенок и поверните его против немцев... Призрак "революции" парит в пустыне желаемого, принимаемого за действительное, что существует две Германии и что гитлеровская чепуха отвратительна для некоторой действительно большой части нации. Это вздор. Он "полностью" удовлетворяет огромное большинство (Public Record Office, London (далее PRO) PREM 4/23/2). Премьер-министр в то время не согласился со взглядами своего первого политического советника: "Мы не должны допускать, чтобы наше восприятие ослеплялось ненавистью или затуманивалось сентиментальностью. Если ваша политика что-то означает, это означает истребление 40 или 50 миллионов людей. Это глупо. Гораздо более полезная линия - это попытаться отделить пруссаков от немцев юга. Я не помню, чтобы Вы в последнее время употребляли слово Пруссия". Выражения, которым я придаю значение и хочу подчеркнуть, это "нацистская тирания" и "прусский милитаризм". Я слышал во многих кругах, что линия, которую Вы проводите в своих выступлениях по радио, не может быть поддержана здесь общественным мнением" (PRO PREM 4/23/2 January 7, 1940).

²⁰ Ср.: PRO F.O. 371/46864. The German Character. 1945. March; PRO PREM 8/216. Notes on the German situation. 1946. May 1; PRO F.O. 1030/253. Memorandum of the Foreign Office «The Future of Germany: The Problem of Unity or Division of Germany». 1950. April 19; PRO F.O. 371/103 666/C 1071/67. 1965. June; дополнительную информацию по «проблеме Германии» в политике западных союзников можно получить из трудов *Foschepoth J.* (Ed.). *Kalter Krieg und Deutsche Frage*. Göttingen, Zürich, 1985; *Birke A.* *Geschichtsauffassung und Deutschlandbild im Foreign Office Research Department // Wendt B.-J.* (Ed.). *Das britische Deutschlandbild im Wandel des 19. und 20. Jahrhunderts*. Bochum, 1984. P. 181-197; *Idem.* *Warum Deutschland Demokratie versagte // Historisches Jahrbuch*. 1983. № 103. P. 395-410; *Foschepoth J., Steininger R.* (Eds.). *Britische Deutschland- und Besatzungspolitik 1945-1949*. Paderborn, 1985; *Backer J.H.* *The Decision to Divide Germany*. Durham, 1978; *Idem.* *Winds of History. The German Years of Lucius du Bignon Clay*. N.Y., 1983; *Krieger W.* *General Lucius D. Clay und die amerikanische Deutschlandpolitik 1945-1949*. Stuttgart, 1988.

²¹ О проблемах определения см.: *Gruner W.D.* *Die deutsche Frage in Europa 1800-1990*. München, 1993. P. 22-80 (Ch. 1). Подробнее о связи между европейским союзом, европейской интеграцией и германским вопросом ср.: *Idem.* *Deutschland mitten in Europa*. Hamburg, 1992.

²² Более подробное обсуждение этого аспекта истории Германии см.: *Gruner.* *Die deutsche Frage in Europa* (Ch. 3); *Idem.* *Deutschland mitten in Europa*; *Lutz H., Rimpler H.* (Hrsg.). *Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert*. München, Wien, 1982; *Sheehan J.J.* *German History 1770-1866*. Oxford, 1989; *Idem.* *What is German History // J. of Modern History*. 1981. 53. P. 1-23.

²³ Об этом сложном феномене см.: *Gruner.* *Die deutsche Frage in Europa* (Ch. 4).

24 Более подробную оценку этих проблем см.: *Gruner. Deutsche Frage in Europa*. P. 135 ff.

25 Соответствующие отрывки из преамбулы Основного Конституционного Закона Федеративной Республики Германии, принятого 23 мая 1949 года, гласят: «Немецкий народ в землях... принимает решение сохранить свое национальное и политическое единство и обеспечивать мир во всем мире как равный партнер в объединенной Европе... Весь немецкий народ считает необходимым добиваться самоопределения объединенной и свободной Германии» (курсив В.Д.Г.).

26 *Gruner. Deutsche Frage in Europa*. P. 22 ff.

27 *Grosser A. Germany in our Time. A Political History of the Post War Years*. N.Y., 1973. P. 1.

28 *Barzini L. The Europeans*. N.Y., 1985 (1983). P. 266 f.

29 Ср.: *Weizsäcker R., von. Die Deutschen und ihre Identität. Vortrag des Bundespräsidenten auf dem 21. Deutschen Evangelischen Kirchentag am 8.6.1985 // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung* (Ed.). Bulletin. 1985. Nr. 64. 12.Juni. P. 537-544. P. 539.

30 Ср.: *Schäuble W. Deutschlandpolitik im fünften Jahrzehnt der Teilung. Vortrag am 15. Juni 1985 auf der Tagung des Politischen Clubs der Evangelischen Akademie Tutzing // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung* (Ed.). Bulletin. 1985. Nr. 70. P. 589-600. P. 596.

31 *Schieder Th. Die Deutsche Frage // Meyer's Enzyklopädisches Lexikon*. 1978. Vol. 6. P. 521-527. P. 521.

32 *Gall L. Die 'Deutsche Frage' im 19. Jahrhundert // 1871 — Fragen an die deutsche Geschichte*. Bonn, Berlin, 1971. P. 19-52. P. 19 f.

33 *Taylor A.J.P. The Course of German History*. L., 1971 (1945). P. 9 (preface to the 1961 ed.).

34 *Ibid.* P. 9

35 *Ibid.* P. 9.

36 *Ibid.* P. 10.

37 *Ibid.* P. 1

38 *Sowden J.K. The German Question, 1945-1973. Continuity in Change*. N.Y., 1975. P. 17 cf; ср. так же: определение Роберта Ф.Осголда в его вступлении к: *Planck R. The Changing Status of German Reunification in Western Diplomacy, 1955-1966*. Baltimore, 1967; *Joll J.B. The Course of German History // Hopwood R.F. (Ed.). Germany: People and Politics, 1750-1945*. Edinburgh, L., 1968. P. 27-41. Довольно полезными среди литературы на английском языке являются также: *Calleo D. The German Problem Reconsidered. Germany and the World Order, 1871 to the Present*. Cambridge, N.Y., 1980; *Weilemann P.R. (Ed.). Aspects of the German Question*. St.Augustin, 1935; *Fritsch-Bournazel R. Confronting the German Question. Germans in the East-West Divide*. Oxford, N.Y., 1988; *Pistone S. La Germania e l'unità europea*. Naples, 1978, включая основные документы и эссе по германскому вопросу с европейской (федералистской) точки зрения.

39 *Anonymous. Deutscher Kaiser*. Freiburg, 1862. P. 7.

40 *Anonymous (A.B.). Die Deutsche Frage*. Hamburg 1859. P. 30.

41 *Treitschke H., von. Bundesstaat und Einheitsstaat // Historische und Politische Aufsätze*. Vol. 2. Leipzig. 1886. P. 71-214. P. 152.

42 Ср.: Parliamentary Debates, House of Commons (далее HoC Britain). Vol. 392, 89 ff: «Дважды на нашем веку и трижды на веку наших отцов (немцы) втягивали мир в свои захватнические и агрессивные войны. Они соединяют в себе самые плохие качества воина и раба. Они не ценят свободу сами и ненавидят тех, кто ценит ее. Когда же они становятся сильными, они ищут жертву, и они не пойдут с железной дисциплиной за любым, кто поведет их. Пруссия — это ядро Германии. Это источник возвращающейся чумы. Но мы не воюем с расами как таковыми. Мы ведем войну против тирании, и мы хотим уберечь себя от уничтожения... Нацистская тирания и прусский милитаризм — это два главных элемента в жизни немцев, которые должны быть полностью уничтожены. Их надо вырвать с корнем, если Европа и мир хотят уберечь себя от третьего, еще более страшного конфликта» (col 90); PRO F.O. 371/46864. The German Character; PRO F.O. 371/22986/C 19495. The Origins of Germany's fifth War (R.Vansittart, 28 November, 1939); Рузвельт, Моргентхау и другие высшие советники правительства США верили, что нацизм был самой агрессивной и жестокой формой выражения немецкого характера и что милитаристская и нацистская идеология не разложили три поколения немцев. Рузвельт заявлял: «Мы должны быть жесткими с немцами, и я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Вы должны либо выхолостить немецкий народ, либо обращаться с ним так, чтобы они не могли продолжать воспроизводить людей, которые хотели бы продолжать путь, по которому они следовали в прошлом» (Memorandum by Morgenthau of conversation with Roosevelt August 19, 1944, printed in *Kimball W.F. Swords or Polughshares? The Morgenthauplan for Defeated Nazi Germany, 1943-1946*. Philadelphia, 1976. P. 95-97. P. 96; *Idem* (Ed.). Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. 3 Vols. Princeton, 1984. III. P. 315-319; *Blasius R.A.* (Compiler). Dokumente zur Deutschlandpolitik. I. Reiche/Band 1: Britische Deutschlandpolitik. 3 Sept. 1939 bis 31. Dezember 1941. Frankfurt a.Main, 1984; *Kettenacker L.* Preußen-Deutschland alsritisches Feindbild im Zweiten Weltkrieg // *Wendt*. Das britische Deutschlandbild. P. 145-168. *Idem*. Krieg zur Friedenssicherung. Göttingen, 1989.

43 Как в случае с «Германией» нет согласованного политического и географического определения "Mitteleuropa" (Центральная Европа). Ср.: *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German Thought and Action 1815-1945. The Hague, 1955. P. 1 ff; *Sinnhuber K.* Transactions of the Institute for British Geographers. No. 20/1956, 19. Fig. 2; область отмечена в Journal of Central European Affairs. 1941 ff и напечатанные статьи; о возрождении идеи «срединной Европы» см.: *Ash T.G.* Does Central Europe exist? // The New York Review of Books. 1986. Vol. XXXIII. No. 15. P. 45-52. Г.Эш был одним из экспертов, приглашенных г-жой Тэтчер на Chequers Meeting 25 марта 1990 г.; *Fritsch-Bournazel R.* The Permanent Quest for Security // AEI Foreign Policy and Defense Review. Vol. 4 (3,4): Germany: Keystone to European Security. A Symposium ed. by J.Lasky Shub. Wash., L., 1983. P. 35-39. P. 36 ff.

44 Цит. по: Weizsäcker R., von. The Germans and their Identity, speech at the 21st Convention of the Evangelical Church in Germany. Düsseldorf, June 8, 1985 (excerpt) // Statesments & Speeches, FRD. Vol. VII. No. 20. June 25, 1985. Я признателен Германскому

информационному центру в Нью-Йорке за предоставление английского перевода упомянутого текста.

45 См. часто цитируемую фразу знаменитого Томаса Манна из лекции по европейской интеграции и германскому вопросу в Гамбургском Университете 8 июня 1953 г., напечатанного в: *Mendelson P., de. (Ed.). Die gesittete Welt. Politische Schriften und Reden im Exil. Frankfurter Ausgabe in Einzelbänden. Frankfurt a.M. 1986. P. 809-811. P. 811.*

46 Под "Германией" в этом контексте надо понимать государства Германской Конфедерации на заключительной стадии технической революции, которую позднее начали сравнивать с западными соседями Германии - Великобританией, Бельгией и Францией, после падения Германской Конфедерации — *kleindeutsch* рейх, после второй мировой войны — Федеративная Республика Германии и ГДР были большими промышленно развитыми странами, а с 1 июля 1990 года Федеративная Республика Германии и ГДР, как одна экономическая общность и объединенная Германия с 3 октября 1990 г.

47 Об этих аспектах см.: *Gruner. Die deutsche Frage in Europa 1800-1990. P. 198 ff.*

48 PRO. F.O. 371/28899. Statement to counter the German «New Order». 1940. Dec. 1.

49 PRO. F.O. 371/28899. Comment by Frank Ashton-Gwatkin on February 14, 1941 concerning a note presented by Amery on October 20, 1940. A Note on Post-War Reconstruction (PRO. CAB 87/90).

50 Цит. по: *Backer. Decision to Divide Germany. P. 26.*

51 *Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N.Y., 1945. P. 1622.*

52 Ср. об этом чрезвычайно интересном и забытом аспекте германского вопроса - проблеме европейской интеграции: *Herstein E. When Nazi Dreams Come True. The Third Reich's Internal Struggle over the Future of Europe after German Victory. L., 1982; Kluge P. National Socialist Europe Ideology // Holborn H. (Ed.) Republic to Reich. The Making of the Nazi Revolution. N.Y., 1973. P. 343-394. См. также: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PAAA). NL Renthe Finke 11-13.*

53 Ср. о вопросе германского перевооружения и его значении для Европы между прочим: *Riste O. (Ed.). Western Security. The Formative Years. European and Atlantic Defence 1947-1953. Oslo, N.Y., 1985; di Nolfo E. Power in Europe? Great Britain, France, Italy and Germany in a Post-War World 1945-1950. Berlin, N.Y., 1984; Idem (Ed.). Power in Europe II: Great Britain, France, Germany and the Origins of the EEC 1952-1957. Berlin, N.Y., 1992; Idem. Storia delle relazioni internazionali 1918-1992. Roma, Bari, 1995. Esp. p. 782 ff; Dockrill S. Re-Ordering Europe after 1945 // The International History Review. 1994. Vol. XVI. P. 758-774; Idem. Britain's Policy for West German Rearmament 1950-1955. Cambridge, 1991; Dumoulin M. (Ed.). Wartime Plans for Postwar Europe 1940-1947. Brussels, 1995; Bullen R. et al. (Eds). Documents on British Policy Overseas. Series II, vol. II. German Rearmament. L., 1987; Poidevin R. (Ed.). Origins of European Integration. P., 1986; Heller F.H., Gillingham J.R. (Eds). NATO. The Founding of the Atlantic Alliance and the Integration of Europe. N.Y., 1992; Schwabe K. (Ed.). Die Anfänge des Schuman-Plans 1950/51. Baden-Baden, 1988; Trausch G. (Ed.). The*

European Integration from the Schuman Plan to the Treaties of Rome. Baden-Baden, 19193; *Young J.* Britain, France and the Unity of Europe. Leicester, 1984.

⁵⁴ Council of Europe (CE). Consultative Assembly (CA). 5th Sitting. 11th August, 1950. P. 228-228. P. 224, 228.

⁵⁵ Перев. из французского текста «La résolution sur la politique internationale», опубликованного в «Peuple». 1951. November 20. В дополнение ср. доклады из Брюсселя в Auswärtige Amt: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Bonn (PAAA). Abt. 2/245.

⁵⁶ Ср.: PAAA. Abt. 2/245. Report of Nov. 19, 1951. О проблеме Германии и европейской интеграции см. также: *Gruner W.D.* Deutscher Nationalstaat und Europäische Intergration // Deutschland und Europa nach dem 2. Weltkrieg. Entwicklungen, Verflechtungen, Konflikte / Ed. by H. Timmermann. Saarbrücken, 1990. P. 69-101.

⁵⁷ CE/CA. 6/248 (17.8.1949).

⁵⁸ Сравни, например, дебаты в датском фолькетинге в 1951 г. или в голландских палатах.

⁵⁹ Ср.: PRO. F.O. 371/24370/C 5155. Post War Security (12.3.1940).

⁶⁰ Английский текст декларации Шумана от 9 мая 1950 г.

⁶¹ Ср. особенно соответствующие тома, опубликованные членами «groupe de liaison des professeurs d'histoire contemporaine auprès les Communautés européennes».

⁶² Об этих аспектах см.: *Hrbek R.* Die SPD — Deutschland und Europa. Die Haltung der Sozialdemokratie zum Verhältnis von Deutschland-Politik und Westintegration (1945-1957). Bonn, 1972; *Jeutter P.* EWG - Kein Weg nach Europa. Bonn, 1985; *Abendroth W.* Deutsche Einheit und europäische Integration in der Präambel des Grundgesetzes der Bundesrepublik Deutschland // Europa Archiv. 6/1951. P. 4335-4392.

⁶³ Ср.: Bundesrat und Europäische Gemeinschaften. Dokumente / Ed. by the Sekretariat of the Bundesrat. Bonn, 1988. P. 297 ff, 105 ff.

⁶⁴ Существуют различные переводы для «innerdeutscher Handel». Они также подразумевают политические представления. Так, этот термин переводится на английский язык как «internal German trade», «inner-German trade» или «intra-German trade».

⁶⁵ Протокол о внутригерманской торговле и связанных с ним вопросах опубликован в: *Läufer Th.* (Compiler). EWG-Vertrag. Grundlagen der Europäischen Gemeinschaft. Bonn, 1989. P. 126.

⁶⁶ Ср.: Bundesgesetzblatt. 1957. Vol. II. P. 764.

⁶⁷ Ibid. P. 764.

⁶⁸ Ср. также: высказывание ведущих социал-демократов в дебатах в бундестаге с 1955 года и во время дебатов о ратификации в апреле и июне 1957 года: 2. German Bundestag (GBT). Proceedings. P. 7082 ff (22.03.1956), p. 11334 ff (21.03.1957), p. 13320 ff (05.07.1957). Хороший обзор приводится в исследовании *Hrbek R.* Die SPD — Deutschland und Europa. P. 244 ff; *Rogosch D.* Europavorstellungen in sozialdemokratischen und sozialistischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland und Belgien 1945-1957. Hamburg, 1955. *Schmitz K.* Deutsche Einheit und Europäische Integration. Der Sozialdemokratische Beitrag zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland... Bonn, 1978. P. 119 ff.

69 Ср. их оппозицию договорам, так как они были против «маленькой Европы» шестерки, Европы Карла Великого, говоря о свободной европейской торговой зоне, которую они считали угрозой для объединения Германии: *Jeutter. EWG — kein Weg nach Europa*. P. 159 ff.

70 Декларация Федерального правительства по Договору об образовании Европейского Экономического Сообщества, прочитанная в Бундестаге помощником Государственного секретаря профессором Вальтером Халлштайном 21 марта 1957 г., напечатана в: *Schwarz J. (Ed.). Der Aufbau Europas. Pläne und Dokumente 1945-1980*. Bonn, 1980. Doc. No. 35. P. 337-347 (translation).

71 Ibid. P. 344 f. Декларация Халлштайна бундестагу также напечатана в: Press and Information Office of the (German) Federal Government (Ed.). Bull. Nr. 56. 1957 (22.03.1957). P. 473 ff.

72 Вальтер Халлштайн, выступая в бундестаге об особых торговых отношениях между Федеративной Республикой Германией и ГДР (Восточной зоной), процитировал из: *Thomaneck J.K.A., Mellis J. (Eds.). Politics, Society and Government in the German Democratic Republic. Basic Documents*. Oxford, Providence, Munich, 1989. P. 286.

73 2.GBT. P. 11340 (Deist), p. 12012 (Birkelbach).

74 Ibid. P. 13320.

75 Sekretariat des Bundesrates (Ed.). Bundesrat und Europäische Gemeinschaften. Dokumente. Bonn, 1988. Report of the Special Committee (Dr. Weber). P. 104-123. Debate and resolutions: p. 123-162.

76 Ibid. P. 126 (Zink).

77 *Liebig G.* Die aggressive Expansionspolitik des Imperialismus, der «Gemeinsame Markt» und das Projekt der Freihandelszone // Einheit.

78 *Aust H.W.* Die EWG der Monopole und das Fiasko der Freihandelszone // Deutsche Außenpolitik. 1959. 4. P. 126-151. P. 131.

79 Прочитовано из меморандума, представленного Комиссией по международным связям Центрального Комитета Политбюро от 2 апреля 1957 г. (Zentrales Parteiarchiv Berlin. Politbüro. J IV 2/2-A 558). Я благодарю моего студента Вольфганга Махта за его информацию. Ср. также: *Macht W.* Der Einfluß der Westintegration auf die Ostintegration in der zweiten Hälfte der 1950er Jahre: Die wirtschaftliche Ostintegration der DDR und die Haltung der DDR zur EWG-Gründung 1957. Hamburg, 1993. P. 67.

80 Мне хотелось бы поблагодарить моего коллегу из Ростка Вернера Мюллера за предоставленную возможность прочесть и использовать его чрезвычайно интересный доклад о «двойной интеграции» ГДР и процитировать его данные. «Двойная интеграция» является темой, исследования по которой могут быть продолжены. Это предусматривает новый взгляд на отношения Востока и Запада и германский вопрос. Ср.: *Müller W.* Die doppelte Integration — Die DDR zwischen EWG und RGW // Wissenschaftszentrum Nordrhein-Westfalen (Ed.). Jahrbuch des Kulturwissenschaftlichen Instituts 1994 (in press). MS. P. 4 ff.

81 Об этом аспекте см. интересное эссе: *Müller W.* Die doppelte Integration.

82 Neues Deutschland. 1957. March 23, 26 and 28. P. 2; PD. 1957. March 3. P. 1.

⁸³ Ср.: Erklärung der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik vom 4.4.1957 vor der Volkskammer der Deutschen Demokratischen Republik. ZPA. Politbüro. J IV 2/2-A 558; *Dötsch J.* Die 'Europäische Wirtschaftsgemeinschaft' — ein Instrument des deutschen Monopolkapitals im Kampf um die Neuaufteilung der Märkte // Staat und Recht. 1969. P. 95-122.

⁸⁴ ZPA. Politbüro. J IV 2/2-A 558 (Arbeitsprotokoll v. 2.4.1957, цит. по: *Macht.* Der Einfluß der Westintegration auf die Ostintegration. P. 73.

⁸⁵ Ср. с подробным обсуждением проблем Европейского Сообщества с точки зрения ГДР: *Schmidt K.-P.* Die Europäische Gemeinschaft aus der Sicht der DDR 1957-1989. Hamburg, 1995.

⁸⁶ Об использовании протокола по внутренней германской торговле ср.: *Biskup R.* Deutschlands offene Handelsgrenze. Die DDR als Nutznießer des Protokolls über den innerdeutschen Handel. Frankfurt a.M., Berlin, 1976.

⁸⁷ *Weizsäcker R., von.* German Identity. P. 4.

⁸⁸ Ср.: *Venohr W.* Die deutsche Einheit kommt bestimmt. Bergisch-Gladbach, 1982; *Ammon H.* Plädoyer für die deutsche Einheit durch Blockfreiheit // Deutschland Archiv. 8/1983. P. 820-833; *Albrecht U.* European Security and the German Question // World J. Spring 1984. P. 575-602; *Ammon H., Schweisfurth Th.* (Eds). Friedensvertrag — Deutsche Konföderation — europäisches Sicherheitssystem. Starnberg, 1985; из недавних исследований Штайнингера: *Steininger R.* Eine Chance zur Wiedervereinigung? Die Stalinnote vom 10. März 1952. Bonn, 1985. Для русского восприятия и интерпретации см. некоторые материалы, представленные русскими коллегами на этой конференции.

⁸⁹ *Stobbe D.* Germany — A Challenge to the Superpowers // West Germany, East Germany and the German Question. Five Lectures at the American Institute for Contemporary German Studies. German Issues I. Wash., 1986. P. 13-22. P. 13.

⁹⁰ Недавние дебаты, кроме того, *Gruner W.D.* Die wilden Deutschen? Mythos oder Wirklichkeit?. *Idem:* Deutschland mitten in Europa. P. 385-414.

⁹¹ Напечатано в: Süddeutsche Zeitung. № 208.1986. Seit. 11.

⁹² Ср. такие публикации как *Venohr.* Die deutsche Einheit kommt bestimmt; *Ammon, Schweisfurth.* Friedensvertrag — Deutsche Konföderation — europäisches Sicherheitssystem. Esp.pp.40 ff; *Kießling G.* Neutralität ist kein Verrat. Entwurf einer europäischen Friedensordnung. Erlangen 1989; *Lözer J., Schilling U.* Neutralität für Mitteleuropa. Das Ende der Blöcke. Munich, 1984. Перечисленные книги и очерки — решительно против любого процесса интеграции Западной Европы, например, *Lözer J., Schilling U.* Neutralität für Mitteleuropa. P. 205f.pasim.

⁹³ Детальное обсуждение долгосрочной исторической значимости германского вопроса. *Gruner.* Die deutsche Frage in Europa. P. 48 ff и *Idem.* Deutschland mitten in Europa. P. 71 ff.

⁹⁴ Соответствующие заявления на встречах министров иностранных дел и обороны со времени Брюссельских встреч 28-29 ноября 1989 г. (Пресс-служба НАТО, Пресс-Коммюнике); Survey of Current Affairs. Vol. 20, No. 4. April 1990. P. 130 f. German Unification and East-West Relations; Press and Information Office of the Federal

Government. Bonn. Bulletin. №74. 1990. July 10: Meeting of Ministers of NATO at Turnberry. P. 645-649; Bulletin. № 90. 1990. July 10: London Declaration of the NATO Summit.

⁹⁵ Дебаты по поводу реконструкции «земель» (Länder) ФРГ и создание 3 земель вместо 5 на территории бывшей ГДР ср.: *Blaschke K. Alte Länder — Neue Länder. Zur territorialen Neugliederung der DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. В 27/90. 29.6.1990. P. 39-54* и дебаты, открытые гамбургским сенатором по федеральным делам Гобрехтом, основанные на обсуждениях и заявлениях комиссий Бундестага, возглавляемых Лютером и Эрнстом с начала 1950-х годов. (ср., например, *Bayerisches Hauptstaatsarchiv München (BHStAM), StK 110 096ff. New Boundaries for the Länder*).

⁹⁶ Очень хороший доклад о процессе объединения Германии можно найти: *Szabo S. The Diplomacy of German Unification. N.Y. 1992.* Как приложение к тексту напечатан «Treaty on the Final Settlement with Respect of Germany» signed on Sept. 12, 1990 as the result of the «Two-Plus-Four Conferences» (p. 129-134).

⁹⁷ О межправительственной Конференции см. Материалы, предоставленные Европейским Парламентом, Комиссией и Региональным Советом: *European Parliament. PE 191.120. 15-19 May 1995: Session May 16, 1995, The Reform of the Treaties, report by Jean Louis Bourlanges and David Martin; Conférence Intergouvernementale 1996. Rapport de la Commission pour la groupe de réflexion. Luxembourg. 1995. May 10; Union Européenne, Comité des Régions: Avis sur la Révisions du Traité de l'Union européenne. Brussels, 1995. April 20/21. 1995. Об идеях нового президента Европейской Комиссии д-ра Жака Сантера см. его интервью: *Financial Times. 1995. May 18. P. 1, 13.**

⁹⁸ Внутренние и европейские дебаты на межпарламентских конференциях в 1994 году были вызваны так называемыми материалами Шобль-Ламерса парламентской группы Германского бундестага: документы CDU/CSU Парламентской группы в Германском Парламенте (бундестаге) о будущем европейском объединении. Размышления о европейской политике // *Europe and Documents. Bulletin Quotidien Europe. 1994. № 1895/96. Sept. 7.* (см. также о заявлении Баладюра: *Ibid. Bulletin Quotidien Europe. 1994. Sept. 3*). Немецкие социал-демократы в начале 1995 г. также выпустили документы, касающиеся расширения и углубления Европейского Союза: *Stiftung F.E. (Ed.). Die Reform der Europäischen Union. Aufgaben der Regierungskonferenz by Otto Schmuck. 1995. March; Ibid. Differenzieren beim Integrieren. Zur Strategie einer abgestuften Osterweiterung der EU by Michael Dauderstädt and Barbara Lippert. 1995. March. Mission of the European Commission in the Federal Republic of Germany (Ed.). European Talks 2/94: Die künftige Verfassungsordnung der Europäischen Union. Eine Dokumentation: Contributions by Ursula Seiler-Albring, Klaus Hänsch, Peter Glotz, Karl Lamers and Gerd Walter; The Philip Morris Institute (Ed.). Beyond Maastricht. The issues at stake in the 1996 IGC. Brussels, 1995.*

⁹⁹ Английский текст речи, посвященной празднованию окончания войны 8 мая 1985 г., предоставлен службой Федерального президента.

¹⁰⁰ См. Press and Information Office of the Federal Government. Bonn. Bulletin № 134. Nov. 29. 1989. P. 1141-1148 and Süddeutsche Zeitung. № 274. Nov. 29. 1989. P. 3.

¹⁰¹ Ср. «Le Figaro». 18.1.1990. Apres les bouleversements à l'Est, quelle Europe? Quatre projets et des ombres. La confédération européenne' après 'L'Europe de l'Atlantique à L'Oural.

¹⁰² Vauzelle M. Paris, Berlin // Le Monde. 1990.mars 7. P. 2, ср. также: Deniau J.F. Mission Europe. Ibid.

¹⁰³ Мишель Рокар в интервью Генри Мюллера и Кристофера Редмана: A Vision of a New Europe // Time. 1990. April 2. P. 24 f.

¹⁰⁴ Ср.: Davidson I. Delors puts federalist mark at end of German Question // Financial Times. 1990. Jan. 25.

¹⁰⁵ Ср.: Browning E.S., Nelson M.M. Mitterand calls for EC pact on Political Union by 1993 // The Walstreet J. 1990. March 26.

¹⁰⁶ Ср.: Press and Information Office of the Federal Republic. Bonn. Bulletin № 84. 1990. June 30; The European Council in Dublin. P. 717 ff.

¹⁰⁷ Davidson. Delors federalist mark.

¹⁰⁸ Roth T., Nelson M.M. Germany Prepares for a Leading Role // The Wallstreet J. Europe. 1990. July 9.

¹⁰⁹ Речь Вайцекера во время празднования 8 мая 1985 года, его Обращение в Европейский Парламент, Страсбург, 23 октября 1985 г., и его речь к обоим парламентам, Лондон, 2 июля 1986 г. Я очень признателен президенту Вайцекеру и его персоналу за предоставление английского перевода выступлений за последние несколько лет.

¹¹⁰ Weizsäcker. 1945. Mai 8. P. 9.

¹¹¹ Ср.: Schulz E. Die deutsche Nation in Europa. Bonn, 1982; Idem. Unfinished business: the German National Question and the future of Europe // International Affairs. 1981. № 60/3. (Summer). p. 391-402.

¹¹² Szabo. German Unification. P. 127.

СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ

Позиция Советского Союза в связи с процессом европейской интеграции отражает более общий вопрос, касающийся отношений России и Европы.

Дискуссии о принадлежности России к Европе и о степени ее вовлеченности в общеевропейские процессы идут в России и в Европе в течение многих десятилетий. Они раскалывали русское общество на западников и славянофилов в XIX столетии. Они продолжают в России и сейчас.

В сущности весь ход исторического развития показывает, что и в географическом, и в культурно-историческом плане Россия всегда принадлежала Европе.

Экономически она была привязана к Европе торговыми, финансовыми и прочими экономическими связями. Шел постоянный процесс взаимодействия культур России и других европейских государств.

Международно-политические системы в Европе, в том числе и различные концепции безопасности, были немыслимы без участия России и в прошлом и в настоящее время.

Россия была и остается привязанной к различным регионам Европы — северно-скандинавскому, центрально-европейскому и южному.

Но, признавая это, нельзя забывать и то, что Россия одновременно принадлежит и Азии.

Отсюда распространение в России ранее и теперь так называемых теорий "евразийства", согласно которым Россия не принадлежит полностью ни к Европе, ни к Азии, а представляет собой некий мост между двумя цивилизациями.

История показала также, что в России всегда были весьма распространены идеи так называемой "особой миссии" России, ее исключительности, на основе чего могут рождаться как естественные теории геополитических и национальных интересов России, необходимости учета ее духовной и национальной специфики, так и идеи ее превосходства.

Необходимость учета всех этих обстоятельств очевидна при рассмотрении проблемы — "Россия и Европа".

Одновременно, сейчас в условиях кардинальных перемен в Восточной Европе и в период трудного перехода России к новой экономической и политической системе, необходимость учета и использования европейского опыта становится важной и очевидной.

Речь идет об опыте европейской демократии, создании гражданского общества и правового государства, о приоритете прав человека в системе ценностных ориентаций и т.п.

При этом следует говорить не о прямом перенесении образцов развития других стран, а о применении основных принципов демократии с учетом российской специфики и традиций.

Сегодняшний взгляд на содержание и формы европейской интеграции особенно важен в условиях дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве и в самой России.

В дальней перспективе включение России в интеграционную систему экономических европейских связей было бы весьма важным и полезным для российской экономики.

Говоря об отношении России (тогда Советского Союза), к процессу европейской интеграции, необходимо иметь в виду, что помимо общих проблем взаимоотношения России и Европы, действия советского руководства отражали идеологические реалии того времени, приверженность советских лидеров концепции "мировой революции", конфронтации между Советским Союзом и Западом, особенно в условиях "холодной войны", когда обе стороны не скрывали своей обоюдной враждебности и подозрительности.

История отношения Советского Союза к идеям и планам западноевропейской интеграции не получила значительного и подробного освещения в отечественной историографии советского периода. Немногочисленные публикации на эту тему вплоть до конца 80-х годов несли на себе печать идеологизированности и политизации. Кроме того, документальная база для исследования проблемы была весьма ограниченной. Лишь в начале 80-х годов в Советском Союзе были опубликованы "трактаты о вечном мире", в которых шла речь и о планах и проектах объединения Европы, начиная со времен средневековья; тогда же появились и некоторые исследовательские статьи и материалы.

В конце 80-х и в 90-е годы российский читатель получил возможность познакомиться с работами многих европейских мыслителей и общественных деятелей, в том числе и адептов европейской интеграции. Были изданы труды И.Шпенглера, публиковались статьи и документальные материалы по этой проблеме¹.

Это было связано с новой политикой советских, а затем и российских лидеров по отношению к Европе и европейским ценностям.

И сегодняшнее обращение к этим сюжетам имеет большое и научное, и общественно-политическое значение.

Вопрос о позиции советского руководства в связи с началом и развитием процесса европейской интеграции (1945-1958 гг.), составляющего тему настоящей статьи, было бы целесообразно рассмотреть в двух основных аспектах.

Во-первых, анализ общей позиции Советского Союза по отношению к теоретическим, концептуальным основам объединения Европы и, во-вторых, конкретная линия СССР в связи с действиями западноевропейских политиков и интеллектуалов после II мировой войны по созданию европейских органов и институтов.

* * *

В концептуальном плане советские идеологи и практики весьма негативно относились ко всяким планам и идеям объединения Европы. В 20-30-х годах в СССР не издавались и не переводились труды европейских мыслителей и политиков, ратовавших за объединение Европы. Как правило, эти идеи и проекты рассматривались в СССР, как враждебные духу и идеям марксизма-ленинизма, как выражение буржуазной и империалистической идеологии и потому заслуживающими лишь критических оценок.

Для широкой публики в СССР были практически не известны те труды Жан-Жака Руссо и Иммануила Канта, Джузеппе Мадзини и А.Сен-Симона, в которых выдвигались и обосновывались проекты вечного мира и объединения Европы. Даже блестящая речь Виктора Гюго (писателя столь популярного в Советском Союзе) в защиту объединения Европы, включая и Россию, оставалась мало известной широким кругам общественности.

Русские проекты вечного мира и объединения Европы, исходящие от Василия Малиновского (в начале XIX века), фактически стали предметом внимания в общественной историографии и публицистике лишь в 80-х годах.

В значительной мере подобная ситуация была связана с общим отношением марксизма-ленинизма к идеям так называемого "абстрактного гуманизма" и "неклассового пацифизма".

В сущности в СССР не было издано практически ни одной объективной работы и по истории пацифизма и пацифистских идей и организаций. А между тем, почти все авторы проектов европейского единства связывали их реализацию именно с пацифистскими идеями вечного и справедливого мира. Кроме того, большинство из этих авторов шли в русле материально-демократической мысли Европы, которая также весьма отрицательно оценивалась в СССР.

Ситуация еще более усложнилась применительно к истории XX столетия. Известная работа В.И.Ленина "О лозунге Соединенных Штатов Европы" как бы задавала тон в позиции марксистов по отношению к идеям объединения Европы.

Возможность проектов Соединенных Штатов Европы рассматривалась Лениным и его единомышленниками в контексте идей мировой или европейской революции, как результат объединения революционных сил на европейском континенте. А все другие варианты оценивались как попытки "объединить евро-

пейские страны или для раздела колоний или для борьбы с революционным движением”.

Практика показала, что в действительности многие проекты и планы европейского единства, выдвигаемые в XX столетии, были лишены того гуманистического и пацифистского содержания, которые отличали прошлые проекты. В проектах XX века преобладали прагматизм, тесная связь с чисто политическими интересами и расчетами различных европейских держав, политических партий и групп в Европе.

Именно таким был известный план Аристиды Бриана и многие идеи одного из отцов-основателей и идеологов панъевропеизма XX столетия Куденхове-Каллерги.

Труды самого Куденхове-Каллерги были почти неизвестны в Советском Союзе, так же как и многочисленные статьи и заявления европейских пацифистов 20-30-х годов. Как правило, они представляли взгляды и воззрения европейских либералов и социал-демократов.

Сталинское неприятие теории и практики европейского либерализма и социал-демократии переносились и на их европейские проекты, которые рассматривались в Москве как выражение чуждой идеологии и как планы, направленные против Советского Союза.

В реальной практике тех лет европейские интеллектуалы действительно резко осуждали политические репрессии советского режима; а некоторые политические европейские проекты шли в русле создания новых блоков и коалиций на европейском континенте.

Продолжая линию 20-х годов, Сталин очень четко подходил к проблеме европейского единства в духе коминтерновского мышления, в русле общих целей и задач европейского революционного движения.

Новые документы, в том числе и архивные, обнаруженные в последние годы, позволили раскрыть, какие факторы лежали в основе развернутой руководством вскоре после победы над фашизмом кампании против ”буржуазного космополитизма”. Сталин и его окружение боялись распространения буржуазного влияния в Советском Союзе. Многочисленные контакты советских солдат и офицеров с населением освобожденной Европы и с союзными военными размывали враждебные представления советских людей о западном мире и, видимо, это вызывало беспокойство советских идеологов.

Эта кампания развертывалась на фоне начинающейся ”холодной войны” и конфронтации между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Одновременно в США и в странах Западной Европы усиливались антисоветские настроения и проводились шумные кампании против Советского Союза, идеологии социализма и коммунизма.

Раскол мира и Европы становился все более очевидным. Этому способствовали изменения в странах Восточной Европы и разделение Германии.

В этом контексте идеи европейского объединения, развиваемые Жаном Монне и другими идеологами европейской интеграции, воспринимались в Советском Союзе как одно из проявлений "буржуазного космополитизма" и как свидетельство попыток объединения реакционных сил на антисоветской основе.

Подобная общая теоретическая посылка создавала базу для неприятия в СССР идей европейской интеграции и в целом отдаляла Советский Союз от Европы.

Конечно, борьба с буржуазным космополитизмом, направленная, прежде всего, против американского империализма, имела более широкий характер. Антиевропейский аспект занимал в этой кампании весьма существенное место.

В равной мере и западноевропейские лидеры не скрывали своих намерений консолидировать свои силы перед лицом Советского Союза в условиях развертывавшейся "холодной войны".

Таким образом, в теоретическом, концептуальном плане советское руководство отрицательно отнеслось к начавшемуся процессу европейской интеграции. Она рассматривалась в СССР как проявление "империалистических космополитических" идей, глубоко чуждых советской идеологии, национальным и геополитическим интересам Советского Союза.

Именно поэтому в советской пропаганде, в отечественной историографии и политологии в течение 50-70-х годов европейская интеграция оценивалась как формирование нового империалистического объединения, направленного прежде всего против Советского Союза. Процесс интеграции рассматривался также в контексте "эволюции империализма", для которого была свойственна тенденция к интернационализации производства, к усилению господства монополий и картелей.

Следует подчеркнуть также, что в общей линии советской пропаганды и историографии уже и в те годы формирования европейской интеграции (особенно в 60-х годах) звучали и иные голоса. В частности, в некоторых аналитических разработках Института мировой экономики и международных отношений давались объективные оценки европейским институтам; авторы тех разработок, а затем и публикуемых работ пытались раскрыть в процессе европейской интеграции объективные экономические потребности и интересы, соответствующие тенденциям экономического и политического развития Европы и сулящие населению Западной Европы определенные выгоды и преимущества. Подобное признание, разумеется, не снимало вопроса о наличии острых разногласий и противоречий в европейском процессе. Советские ученые писали о жесткой конкурентной борьбе различных стран и экономических групп, о безрабо-

тице и экономических трудностях для населения Европы и об антисоветских настроениях творцов европейской интеграции, которые и сами не скрывали, что европейская интеграция мыслилась как противовес американскому проникновению и преобладанию в Европе и как сила, противостоящая "советской угрозе" для Западной Европы.

* * *

Второй аспект проблемы связан с конкретной реакцией советского руководства на процесс формирования европейской интеграции, на ее планы и различные этапы эволюции. Мы рассматриваем позицию Советского Союза, начиная с 1944 года, с того периода, когда начались переговоры и активная подготовка к послевоенному мирному урегулированию. В поле нашего зрения — отношение СССР к проектам Европейского объединения угля и стали, к плану Шумана и Плевена и к Римскому договору 1958 г., завершившему процесс образования Европейского экономического сообщества.

В основе позиции советского руководства по всем упомянутым проблемам лежали некоторые основополагающие принципы и намерения.

В большой мере эти принципы были определены еще на завершающем этапе II мировой войны. Антигитлеровская коалиция выполнила свою главную цель — добиться разгрома нацизма; несмотря на трудности и противоречия, коалиция сумела сохранить и обеспечить свое единство ради достижения общей победы.

Но по мере активизации дискуссий о послевоенном урегулировании и мирном устройстве нарастали разногласия и противоречия между участниками коалиции. При этом снова возрождались старые довоенные противоречия и обнаруживались новые подходы, связанные с реальностью итогов войны.

Резкое возрастание политической и военной мощи Советского Союза, постепенное превращение его в сверхдержаву влияли на действия СССР, на его позицию по всем международным проблемам, в том числе и по возможным планам объединения Европы.

Прежде всего, советское руководство опасалось того, что в послевоенной Европе снова сложится коалиция или группа государств, настроенных против Советского Союза или стремящихся уменьшить влияние СССР на решение европейских проблем. Впервые подобные опасения прозвучали на заседаниях специальной Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, созданной в СССР под руководством М.М.Литвинова.

На заседании Комиссии 25 марта 1944 г. обсуждалась записка Литвинова — "Обращение с Францией". Помимо вопроса о

будущем Франции на заседании Комиссии много говорилось и о ситуации в Европе. Участники дискуссии вспоминали пагубную роль Франции накануне войны и выражали идею, что нельзя допустить англо-французского союза в послевоенной Европе, направленного против СССР. Член Комиссии Д.З.Мануильский говорил: "Мы не заинтересованы в том, чтобы в Европе воцарилась гегемония англичан или своего рода кондоминиум Англии и Америки. Мы заинтересованы в существовании такой Франции, которая была бы достаточно сильной, чтобы не являться вассалом Англии, и достаточно слабой, чтобы быть военно-политическим партнером Англии, организовать интриги против нас"².

Член Комиссии Я.З.Суриц развивал эти же идеи. По его словам "главным соперником Англии после этой войны несомненно будет СССР". В поисках поддержки против СССР Англия будет стремиться расположить к себе Францию. Англо-французский блок против нас поэтому представлялся Сурицу гораздо большей реальностью, чем франко-советский против Англии³.

Резюмируя дискуссию, М.М.Литвинов ставил вопрос о том, следует ли нам усиливать Францию, чтобы противопоставлять ее Англии и Америке. Участники дискуссии подчеркивали также, что "мы должны дорожить нашим положением единственной сухопутной державы в Европе, и мы этого положения ни с кем добровольно делить не должны"⁴.

Комплекс европейских проблем был снова поднят на заседании Комиссии 28 апреля 1944 г., на котором обсуждалась записка М.М.Литвинова "Международная организация безопасности".

С.А.Лозовский отмечал на Комиссии, что "политическая задача нашей будущей внешней политики будет заключаться в том, чтобы не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза"⁵.

Обсуждая систему безопасности и структуру будущей международной организации, участники заседания говорили о нейтральных странах, которые следует разделить на две группы — те, которые помогали Объединенным Нациям, и те, которые помогали Германии, — и установить срок, допустив последнюю группу через 15-20 лет⁶.

Что касается вражеских стран, то их можно будет принять в Организацию через 15 лет после окончания войны⁷.

На заседании снова говорили о том, что следует пока воздержаться от включения Франции в число великих держав⁸.

В связи с вопросом о национальных меньшинствах члены Комиссии обратили особое внимание на ситуацию в Европе. Лозовский сказал: "Многонациональную Европу, как бы ее ни кроили, нельзя сделать единой (подчеркнуто нами - А.Ч.). Возьмите Францию. Будет у ней Эльзас-Лотарингия и, следовательно, будет 2 млн. немецкого населения..."⁹.

Итак, в 1944 и 1945 годах в советских политических кругах (а материалы Комиссии лишь дополнили то, что мы знаем о встречах представителей стран большой тройки), выделили в качестве главных ориентиров советской внешней политики на послевоенное время — помешать углублению сотрудничества Англии с США; воспрепятствовать новому варианту англо-французского блока или кондоминиума в Европе на антисоветской основе; на основе расчленения Германии и ее изоляции в длительной перспективе обеспечить новую расстановку сил в Европе с обеспечением за Советским Союзом роли крупнейшей европейской континентальной державы; уменьшить возможность включения нейтральных или малых стран Европы в систему англо-французского влияния. Судя по всему, в Москве еще не ощущали перспективу активной роли США в Европе и ее претензии на экономическое и политическое преобладание при решении европейских проблем.

Поэтому, когда в 1946 году зазвучали голоса в пользу европейского объединения (а вначале они принадлежали Ж.Монне в Париже и У.Черчиллю) в Москве, прежде всего, опасались возрождения англо-французского кондоминиума. И когда на британских островах возобладали антиевропейские настроения, в Москве, казалось, могли почувствовать облегчение. И в дальнейшем политические и общественные деятели и средства информации в Советском Союзе постоянно стремились подчеркивать отказ Великобритании активно включаться в процесс европейской интеграции, ее отрицательное отношение к европейским наднациональным органам и институтам.

Фактически впервые советское руководство столкнулось с реальной тенденцией к объединению Западной Европы в связи с появлением "плана Плевена" и "плана Шумана".

На Западе в то время и особенно в последующие годы именно эти планы оцениваются как важные шаги в процессе европейской интеграции.

Между тем, в Советском Союзе оба эти плана рассматривались прежде всего и главным образом в контексте процесса ремилитаризации Западной Германии и ее включения в систему западных союзов.

Можно утверждать, что связь этих планов с общим долгосрочным процессом европейской интеграции не была отмечена в советских документах того времени.

Официальные ноты — Франции и Англии от 15 и 22 декабря 1950 г., нота СССР правительству Франции от 11 сентября 1951 г. и другие документы делали акцент только на "германской проблеме". В подготовительных документах к советской ноте, имеющихся в Архиве Президента, и "план Плевена" и "план Шумана" характеризовались как шаги, направленные на восстановление военно-промышленного потенциала, ремилита-

ризацию Западной Германии и создание военного союза с агрессивными силами Западной Германии¹⁰.

Об этом же говорил и А.Я.Вышинский в беседе с поверенным в делах Франции в СССР г-ном Брионвалем 11 ноября 1951 г.

В записке Сталину о "планах Плевена и Шумана" Вышинский особо отмечал пагубную роль Франции, действующей под диктовку США.

Официальных советских нот было несколько, и следовали они одна за другой после получения ответа от западных держав.

И в дальнейшем, уже после принятия этих планов, в Советском Союзе относились к ним лишь в связи с германской ситуацией.

Характерно в этой связи обсуждение в Политбюро ЦК КПСС 5 сентября 1957 г. вопроса о посылке ноты правительству ФРГ по вопросу о воссоединении Германии.

Мы за единство Германии, подчеркивалось в советских заявлениях, а западные державы хотят закрепления раскола Германии.

"Правящие круги ФРГ фактически закрыли пути к единству страны, променяв национальные интересы германского народа на Парижское соглашение и империалистический военный сговор с правящими кругами США. Объединенная Германия была принесена в жертву так называемой "малой Европе", т.е. военному объединению нескольких западноевропейских государств под эгидой милитаристских кругов США" (подч. нами — А.Ч.).

Таким образом, идеи "малой Европы" рассматривались в Москве в двух аспектах — как попытка создания нового антисоветского блока и как антитеза объединения Германии. В целом подобная трактовка соответствовала общей линии Москвы в Европе, состоящей в том, чтобы помешать вхождению Германии в систему западных военных союзов.

Экономический и даже в какой-то степени политический аспект западноевропейской интеграции в тот период (начало 50-х годов) явно отходил в Москве на второй план и мало обсуждался в советском руководстве. Преобладало чувство озабоченности и тревоги в связи с военно-политическим аспектом и в тесной связи с решением "германской проблемы".

Что же касается чисто экономической и отчасти политической стороны дела, то в советских политических и научно-аналитических кругах были весьма распространены противоречия между участниками объединения Европы, что соответствовало тем общим оценкам "эволюции империалистических противоречий и кризисов", которые тогда превалировали в советской внешнеполитической и экономической мысли.

Примечания

¹ См. публикации в сб. "Европейский альманах".

² Архив внешней политики Р.Ф. Фонд 06, опись 6, пор. № 141, папка 14, с. 10.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же. С. 5

⁷ Там же. С. 6

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Архив Президента Р.Ф. Фонд 3, опись 64, дело 709, л. 6-14, 15-39, 40-47; см. также Фонд 56, опись 1, дело 1334, л. 3.

ПРОЕКТ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА 1950 — 1954

Изучение проекта Европейского Оборонительного Союза — от его возникновения до неосуществления — заслуживает нашего интереса прежде всего потому, что этот проект являет собой нечто большее, чем просто эпизод истории. Поскольку процесс интеграции в Европе продолжается, этот проект вполне может вновь оказаться объектом изучения как пример подходящей формулы для решения военных и оборонных проблем интеграции в Европейском Союзе.

Поэтому для нас было бы весьма полезным и правильным более полное знание истории 50-х, имея в виду как общий ход событий, так и отдельные аспекты.

Существует и другая важная причина, почему проект ЕОС заслуживает изучения: негативный опыт, полученный при создании ЕОС, заложил фундамент для создания в Западной Европе организации по обороне и безопасности, действующей с 1950 по 1989 год, а по сути — и до сих пор. С этой точки зрения провал ЕОС обернулся его успехом: созданный преждевременно, он побуждал Европу к поискам других решений, учитывая старые неудачи.

В целом, проект Европейского Оборонительного Союза до сих пор является самым грандиозным планом в истории Европейской интеграции. Договор о создании ЕОС, подписанный в Париже 27 мая 1952 года правительствами шести государств — Франции, Германии, Италии и странами БЕНИЛЮКСа — предполагал секторную интеграцию в очень "неинтеграционном" секторе — секторе военной безопасности. Это прямо затрагивало основы основ суверенности участвующих в договоре национальных государств и намечало первые штрихи перехода к наднациональной системе.

По аналогии со структурным устройством возникшего незадолго до того, но, казалось бы вполне устойчивого Европейского объединения угля и стали, шесть государств договорились о слиянии своих армий, флотов и воздушных сил для образования объединенной системы обороны с единой структурой, общим бюджетом, одинаковой униформой и стандартизированным вооружением.

Что касается организации управления, то предстояло создать руководящий орган — Правление, члены которого были бы гражданами шести стран-участниц, но при этом исполнение ими своих обязанностей никоим образом не должно было согласовываться и направляться их правительствами. Члены Правления брали обязательство воздерживаться от любых действий, не-

совместимых с наднациональным характером их должностей. По договору с национальными властями в их компетенцию входило назначение на высокие посты и должности, размещение военных сил, планы общего вооружения, контроль за производством оружия в странах-участниках договора, экспорт и импорт вооружений и его отдельных элементов, переговоры и заключение контрактов с оружейными заводами; они были также полномочны накладывать штрафные санкции. Девять членов Правления должны были, договорившись между собой, выбрать Председателя сроком на 4 года. В потенциале это был пост Европейского министра обороны!

Таким образом видно, что целью ЕОС было установление наднациональной структуры для регулирования такой серьезной сферы как оборона, и в случае успеха это смелое начинание могло сделать возможным создание не больше не меньше как политического союза Европы, и это при том, что после окончания 2-й Мировой войны не прошло и 10 лет!

Говорить о политическом союзе позволяет то, что в процессе подготовки договора о ЕОС стало очевидным следующее: интеграция в военном секторе требовала подходящего политического обрамления. Создание Европейской армии без соответствующего общеевропейского внешнеполитического курса было бы весьма нелогичным. Поэтому в текст договора о ЕОС была внесена статья 38, обязывавшая участников договора в течение 6 месяцев с момента подписания продумать новую форму федеральной или конфедеральной политической суперструктуры Европейского союза, основанную на принципе разделения властей и имеющую двухпалатную систему представительства.

Ассамблее ЕОС было поручено изучить : 1) конституцию Ассамблеи ЕОС, выбранной на демократической основе; 2) полномочия, которые будут возложены на Ассамблею; 3) все изменения, которые нужно было бы со временем внести в условия договора, касающиеся других организаций союза, особенно с точки зрения охраны и соблюдения интересов национальных государств.

Проект военной интеграции в ЕОС был, таким образом, тесно связан с проектом интеграции политической. 10 марта 1953 года на расширенном заседании Ассамблеи Европейского объединения угля и стали был представлен первый вариант Европейской конституции, где предусматривался такой уровень интеграции, какой не достигнут даже теперь в 1990-е годы. Но в любом случае Европейский политический союз мог быть создан только после реализации проекта Европейского оборонительного союза.

Этот грандиозный план военно-политической интеграции потерпел полное крушение в августе 1954 года, когда Французское национальное собрание отказалось ратифицировать договор о создании ЕОС, хотя ратификация его остальными странами-

участницами была уже практически гарантирована. По мнению большинства обозревателей того времени, уникальный шанс был утрачен.

Сегодня, возвращаясь к истории Европейского оборонительного союза, мы задаем себе три вопроса:

1. Благодаря каким силам и обстоятельствам стал возможен интеграционный проект такого размаха на столь раннем этапе развития интеграции в Европе?

2. Почему этот проект рухнул?

3. Каковы были последствия провала этого проекта?

Давайте последовательно разберем эти вопросы.

1.

Возникновение проекта создания Европейского оборонительного союза было — в условиях развертывающейся "холодной войны" — результатом настойчивого убеждения Западных держав в необходимости перевооружения Германии, хотя Франция в то же время считала, что перевооружение Германии сопряжено с непредсказуемым риском.

Разрастающийся конфликт между Востоком и Западом уже вызвал к жизни так называемый "Брюссельский Пакт" марта 1948 года, подписанный Великобританией, Францией и странами БЕНИЛЮКСа, который был направлен как против возможной экспансии Советского Союза (в этом случае вступало в силу условие об автоматической взаимопомощи), так и против Германского милитаризма, возрождение которого внушало не меньшие опасения. Это было временное "двойное дно" Западных союзников, которое до сих пор служит темой оживленных дискуссий среди историков. Позже создание НАТО в апреле 1949 было осуществлено без участия Западной Германии, находившейся в то время под военным оккупационным режимом.

С первого дня установления Федеративной республики в сентябре 1949 года США были заинтересованы в скорейшем перевооружении Германии, чтобы доля собственно американского вооружения в Европе сохранялась на невысоком уровне. Этот интерес был весьма подстегнут тогда же в сентябре 1949, когда стало известно о первых успешных испытаниях советской ядерной бомбы, после чего НАТО решило немедленно обратиться к "стратегии нападения", по которой Западная линия обороны проходила по Эльбе.

Переооружение Германии стало казаться необходимым с началом Корейской войны в июне 1950, доказавшей Западу, что Советский экспансионизм в Азии действительно существует. Это была угроза, которая могла обернуться реальной опасностью и для Европы, угроза тем более пугающая, если принять во внимание значительный перевес численности действующих войск в Восточной Европе по сравнению с Западной.

В этих обстоятельствах существовала открытая возможность добиться перевооружения Германии путем принятия ее в состав

НАТО, возможность, которой активно добивались не только Соединенные Штаты, но и канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, который уже давно давал понять, что для Германии вернейший путь к демократии, свойственной Западному либеральному стилю, это — ответственность в области обороны.

На совещании Министров иностранных дел в сентябре 1950 года в Нью-Йорке правительство Соединенных Штатов официально внесло предложение о перевооружении Западной Германии в рамках НАТО, однако идея о реанимации немецкой военной мощи всего лишь через несколько лет после поражения гитлеровской армии была воспринята весьма скептически всеми соседями Германии, и более того, вызвала резкое неприятие. Особенно это относится к Франции, которая не могла согласиться с перспективой, открывающей дорогу новой и нерегулируемой военной силе, а возможно и угрозе со стороны Германии, что возрождало все давние французские опасения насчет безопасности.

Однако зависимость европейцев от Соединенных Штатов во многих отношениях была еще сильна, поэтому они не могли полностью отвергать предложения США. Несомненно, нужно было искать некий компромисс, который удовлетворил бы Соединенные Штаты, и в то же время снял бы с Европы страхи, связанные с обновлением Германской армии. Такой компромисс должен был гарантировать, что участие Германии в общеевропейской военной обороне будет поставлено под внешний контроль и что оно должно быть признано несовместимым с членством Германии в НАТО: например в плане, уже широко обсуждавшемся с некоторых пор, относительно создания Европейской армии, которая предотвратила бы укрепление отдельной немецкой армии путем разделения верховной власти.

Франция проявила инициативу, основываясь на проекте Жана Моне, автора и создателя организационной структуры Европейского объединения угля и стали. 24 октября 1950 года французский премьер-министр Рене Плевен представил на рассмотрение Французского парламента проект, ставший известным как "план Плевена". Для того, чтобы Германия могла внести свой вклад в обороноспособность Запада против пресловутой Советской угрозы, Французское правительство предложило: "...создание, для нашей общей безопасности, Европейской армии, связанной с политическими институтами объединенной Европы {...} Учреждение Европейской армии не может быть результатом простого объединения национальных военных сил, которое фактически явилось бы замаскированной коалицией прежнего толка. Для задач, которые неизбежно вырастают перед всеми странами и становятся общими, необходимы только общие, единые институты, способные решать эти задачи. Армия объединенной Европы, составленная из граждан различных Европейских стран, должна, насколько это возможно, добиться полного

слияния человеческих и материальных факторов, что поставит ее над любой отдельной Европейской политической и военной властью.

Министр обороны будет назначен правительствами стран-участниц и на оговоренных условиях будет отчитываться перед ними и Европейской Ассамблеей {...} Его полномочия по отношению к Европейской армии будут такими же, как полномочия министра обороны любого национального государства по отношению к национальной армии своей страны. Он, в частности, будет ответственен за выполнение тех генеральных директив, которые могут исходить от Совета, сформированного из министров участвующих стран. Он будет служить связующим звеном между Европейским сообществом и не входящими в него странами по всем вопросам, относящимся к его компетенции.

Контингенты, выделенные странами-участницами, будут объединены в Европейскую армию, соответствующую наименьшему необходимому военному подразделению. Средства для Европейской армии будут выделяться из общего бюджета {...}”.

От этого предложения Премьер-министра Плевена, принятого Французским национальным собранием 24 октября 1950 года, до подписания Договора о Европейском Оборонительном Союзе в мае 1952 г. еще предстоял долгий путь. Германский канцлер Аденауэр принял предложение немедленно, несмотря на сильную оппозицию в отношении перевооружения со стороны Социал-демократической партии. Канцлер практически испросил вознаграждение для Германии за ее вклад в систему общеевропейской обороны: таким вознаграждением было бы соглашение Западных союзников о прекращении оккупации и предоставлении полного суверенитета Западно-Германскому государству, включая контроль над внешней политикой.

Первоначальная реакция Соединенных Штатов на "план Плевена" была прохладной. Только через несколько недель Вашингтон решил поддержать план и отставил идею о простом вступлении Германии в НАТО. Великобритания предпочла остаться в стороне; новое консервативное правительство Черчилля и Идена, пришедшее к власти в октябре 1951, продолжало начатую ранее правительством лейбористов сдержанную поддержку плана Шумана. Правительство Британии склонялось теперь к идее расширить рамки Брюссельского пакта 1948 года, включив в него Германию и Италию.

Таким образом, только шесть стран -участниц Европейского объединения угля и стали собрались для обсуждения "плана Плевена": Франция, Германия, Италия и страны БЕНИЛЮКСа. Во время переговоров идеи Плевена были во многом доработаны и уточнены. Что касается организационной структуры, то имея моделью Европейское объединение угля и стали, решено было создать Правление и Совет, чьими задачами было наладить гармоничные взаимоотношения между Правлением и правительст-

вами участвующих государств. Также должно было быть Общее собрание или Ассамблея, идентичная Ассамблее ЕОУС апреля 1951 года, только увеличенная на 3 делегата в связи с участием соответственно Франции, Германии и Италии. Также предполагалось наличие Суда ЕОС, идентичного Суду ЕОУС; в его юрисдикцию входило рассмотрение апелляций стран-участниц, Правления, Совета и Ассамблеи. В первоначальном варианте договора были пункты о тесном сотрудничестве и рабочих связях между ЕОС и НАТО. Что касается войск, то основными единицами стали в конце концов не минимально необходимые военные подразделения, но национальные дивизии, объединенные наднациональным главнокомандующим. Поскольку все войска Германии поступали в распоряжение Союза, то для Европейских стран были исключения, касающиеся ответственности на неевропейских территориях.

Переговоры о создании ЕОС продвигались довольно успешно, когда в марте 1952 года Сталин предложил воссоединение Германии при условии ее бессрочной демилитаризации и нейтралитете. Эта инициатива изменила некоторые точки зрения и вызвала оживленные споры и обсуждения в Западных странах, в особенности, в Германии. Поскольку этот советский шаг по общему мнению лидеров Западных держав был расценен лишь как маневр с целью помешать успешному течению переговоров, данная инициатива не могла быть принята и поддержана.

Договор о ЕОС был подписан в Париже 27 мая 1952 года, после того как в ходе переговоров было решено множество проблем, возникших между шестью участниками. Подписание Договора рассматривалось как огромный шаг по направлению к единой Европе; казалось, можно надеяться и верить, что благодаря созданию ЕОУС, ЕОС и впоследствии Европейского политического Союза можно приблизиться вплотную к Европейской интеграции; что национализм преодолел свою критическую фазу; что теперь можно двигаться вперед быстрым темпом. Широко распространилось мнение и надежда, что маленькая "Европа Шести" может стать сердцевинной будущей Объединенной Европы, особенно когда в марте 1953 вместе с проектом Политического Союза был представлен вариант политической федерации.

Это был пункт, который с позиции Германии, был направлен против Советского Союза, тогда как Франция продолжала считать ЕОС не только антисоветской организацией, но и гарантом против возможной агрессии Германии.

2.

Теперь мы перейдем к следующему вопросу: какова же была основная причина того, что проект ЕОС провалился? Эта причина была французского происхождения. В 1950-54 г. Франция никоим образом не желала перевооружения Германии. Формула Европейского оборонительного Союза, предложенная французским премьер-министром Плевеном, была принята лишь как

меньшее зло по сравнению с вступлением Германии в НАТО, как того хотели американцы. После 4-летних усилий Франция решила разрушить свой собственный проект, отказавшись от его ратификации.

Если посмотреть на количественные результаты голосования по этому вопросу, то следует отметить, что проект был близок к успеху и что его судьба была решена очень незначительным большинством его оппонентов во Французском Парламенте. Договор о ЕОС был уже ратифицирован в Западной Германии и странах БЕНИЛЮКСа в начале 1954 года, хотя в Германии это произошло не без упорных политических разногласий, в которые на каком-то этапе был вовлечен даже Верховный суд. Правительство Италии отложило ратификацию до того момента, пока Франция не вынесет своего решения, но было в принципе согласено дать положительный ответ на этот вопрос. Таким образом, ратификация договора Францией имела решающее значение. Однако 30 августа 1954 года Национальное собрание 319 голосами против 264 отклонило ратификацию Договора о Европейском оборонительном союзе.

В этой связи нам необходимо более внимательно проследить те причины, которые заставили Францию разрушить выдвинутый ею же проект, причины, являющиеся до сих пор предметом дискуссий историков. Вполне очевидно, что в 1952-54 годах сменяющиеся одно за другим французские правительства не решались представить Договор на рассмотрение Парламента для последующей ратификации, поскольку сомневались, сможет ли он собрать большинство голосов. Это первая причина. В самом деле, в результате всеобщих выборов во Франции в июне 1951 года значительно изменилось соотношение сил в Парламенте по сравнению с тем его составом, который существовал на момент обнародования "плана Плевена". Голлисты, критически настроенные ко всем Европейским инициативам, сумели переубедить про-Европейские партии, социалистов и МРП. Большинство в пользу Европейских проектов перестало существовать.

Вторая причина отказа Франции от ратификации договора, вероятно, заключается в неудачной колониальной войне в Индокитае, которую Франция никак не могла выиграть и которая достигла своего пика в начале лета 1954 года после унижительного поражения французской колониальной армии при Дьен Вьен Фу в мае 1954 года.

Понятно, что эта военная катастрофа сделала Францию особо чувствительной ко всему, что ставило под вопрос ее военный суверенитет, как в случае с ЕОС, или ее военную мощь в случае реконструкции немецкой армии.

Имеется еще одна линия, связывающая Индокитайскую проблему и вопрос о ЕОС, которая пока прослеживается не совсем ясно: это подозрение, что в "кулуарах" Женевской конференции по вопросам Индокитае в июле 1954 года было заключено

некое секретное соглашение между советским министром иностранных дел Молотовым и новым французским премьер-министром Мендесом Франсом, по которому Молотов соглашался "уладить" ситуацию в Индокитае в обмен на обещание Мендеса Франса "торпедировать" договор о ЕОС. Возможно, изучение русских архивов поможет прояснить этот вопрос.

Третью причину отрицательного голосования французского Парламента можно усмотреть в том, что в 1954 году среди французов возрастало беспокойство по поводу все более ухудшавшейся экономической ситуации в стране, что было особенно заметно по сравнению с экономикой Западной Германии. Это беспокойство имело немаловажное значение для той роли, которую Пьер Мендес Франс, французский премьер-министр с 18 июня 1954 года, сыграл в деле низвержения проекта ЕОС. Главной целью Франса было достижение экономического и политического обновления Франции, а посему необходимо было изъять из повестки дня болезненные вопросы, убрать долой с глаз французов два кризисных пункта — Индокитай и ЕОС, которые уже начали оказывать свое разрушительное воздействие в политической и экономической жизни.

Таким образом, даже под сильным нажимом Соединенных Штатов, настаивающих на ратификации Францией Договора, Мендес Франс не поставил официальную подпись на договоре о ЕОС, представленном на рассмотрение Национального Собрания 30 августа 1954 года; он также не заявил о том, что в случае несогласия Парламента с его позицией, он подчинится этому решению и поставит свою подпись. Фактически, это был отказ не только от подписания договора, но и от какого бы то ни было обсуждения этой темы.

3.

Отказ Франции ратифицировать договор о ЕОС означал, во-первых, начало кризиса в процессе объединения Западной Европы; и во-вторых, необходимость искать другое решение все еще существующей проблемы ремилитаризации Германии.

Многие политические круги в Западной Европе испытывали глубокое разочарование в связи с первым пунктом, однако уныние обещало не затянуться надолго: всего 9 месяцев спустя открывшаяся 1-2 июня 1955 года конференция в Мессине дала дорогу новым попыткам осуществления интеграции в экономике, утвердив в марте 1957 года договоры о Европейском экономическом союзе и Евroatоме. Эти новые организации были созданы без сомнения с учетом теории и практики Европейского объединения угля и стали, заключающихся в том, что внутри Шестерки секторальные экономические подходы к интеграции вызвали меньше разногласий и были более согласованы, чем даже более близкие и более актуальные для национальных государств проекты об их политической суверенности.

Второй важный вопрос — перевооружение Германии, нуждался в немедленном и благополучном разрешении. Даже если смерть Сталина и окончание военных действий в Корее уменьшили напряжение Холодной войны, нельзя было продолжать отказывать Западной Германии в перевооружении. Но в какой форме оно могло быть проведено теперь, когда Европейский план рухнул?

Британское правительство предложило, что Германия присоединится к Брюссельскому пакту 1948 года, в котором будут в связи с этим изменены некоторые формулировки, благодаря чему он потеряет свою антигерманскую направленность, сохранив при этом прежнюю позицию по отношению к Советскому Союзу. Германии, а также Италии, предлагалось, вместе с Британией, Францией и странами БЕНИЛЮКСа, присоединиться к расширенной системе Брюссельского пакта, отныне получившей название Западного Европейского союза (ЗЕС), и это предложение было немедленно принято канцлером Аденауэром. Что касается англичан, как и американцев, то они в тот момент видели пользу от ЗЕС лишь в том, что он являлся средством для Германии войти в НАТО, несмотря на сопротивление Франции. Тот факт, что Германия одновременно с предложением о вступлении в ЗЕС согласилась с дискриминационными мерами контроля и регулирования собственного вооружения (отказ от производства ядерного и других видов оружия) означал реальную возможность для Германии войти в НАТО в мае 1955 года и образовать собственную армию. Это был поистине парадоксальный результат провала ЕОС: Франция в конце концов уступила и смирилась с вступлением Германии в НАТО — решение, которое пятью годами ранее было немыслимо для Франции.

Таким образом, именно неудачная судьба ЕОС привела через какое-то время к созданию Западной системы безопасности, сконцентрированной вокруг НАТО и ЗЕС. Правда, с самого начала ЗЕС находился фактически в тени НАТО. Конечно, ЗЕС не отказывался от своей межправительственной структурной организации со штаб-квартирой в Лондоне, но все же как мелкий альянс он так или иначе перекрывался более широким Атлантическим Союзом и был в общем незаметен.

Однако, тем не менее, ЗЕС не исчез. Уже в 1960 году ему нашлось применение в качестве связующего звена между Европейским сообществом и Великобританией с одной стороны, и между НАТО и Францией с другой, после того, как последняя покинула командные структуры НАТО. После 1984 года ЗЕС возобновил свою деятельность как действительно полезная организация: с ростом сближения и разрядки между сверхдержавами стала остро ощущаться необходимость в ином понимании европейской безопасности, отличном от трактовки НАТО и опирающемся на независимое ядерное оружие Европы. После 1987 года, ЗЕС стал выразителем общеевропейской позиции по

вопросам внеевропейской политики, таким, как Ирано-Иракская война и кризис в Персидском заливе. Западно-Европейский союз показал своим Единым Европейским Актом и Общим курсом внешней и оборонительной политики, что он является организацией иной, чем НАТО, (поскольку его интересы концентрируются исключительно на Европейских проблемах и перспективах), но также и не похожей на Европейское Сообщество, (куда Ирландия входит в качестве нейтрального члена с 1973 года).

Маастрихтский договор отвел ЗЕС ведущую роль в окончательном формировании общеевропейской оборонной политики: он охарактеризовал ЗЕС как "неотъемлемый элемент развития Европейского союза", способный "разработать и осуществить решения и действия {Союза} имеющие оборонную направленность". Определение ЗЕС, данное в Договоре, объясняет намерение стран-участниц "строить ЗЕС... как элемент оборонной системы Союза". В этом заявлении вполне четко выражено отношение к НАТО и дальнейшему развитию ЗЕС "как средству укрепить Европейскую опору Атлантического Здания".

Далее в Маастрихтском договоре содержится обязательство пересмотреть в 1996 году все оборонные планы и мероприятия, и это, учитывая, что собственный устав ЗЕС действителен по 1998 год, предполагает дальнейшее усиление про-европейских "черт характера" оборонной политики Союза и ослабление "про-атлантических черт". Весьма возможно, что в тот момент, когда организационные структуры Единой внешней политики и безопасности будут нуждаться в детальной разработке, содержание и условия проекта Европейского оборонительного союза 1950-54 гг. станут опять предметом рассмотрения и дискуссий, и будут даны новые оценки его урокам, для которых нет временных границ, а есть только рамки конкретных исторических условий.

Литература:

1. Aron, Raymond and Daniel Lerner, *La querelle de la C.E.D.*, Paris 1956 (engl: France defeats EDC, New-York 1957)
2. Ball, Margaret, *NATO and the European Union Movement*, London, 1959.
3. Clesse, Armand, *Le project de C.E.D. du Plan Pleven à "crime" du 30 août*, Baden-Baden, 1989.
4. Fursdon, Edward, *The European Defence Community. A History*, New-York 1980.
5. Gerbet Pierre, *La Construction de l'Europe*, Paris 1995.
6. Leites, Nathan and Christian de la Malene, *Paris from EDC to WEU*, Santa Monica 1956.
7. Lewis, David W.P. *the Road to Europe. History, Institutions and Prospects of European Integration, 1945-1993*, New-York 1993.

8. Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), Die Europäische Verteidigungsgemeinschaft. Stand und Probleme der Forschung, Boppard 1985.

9. Noack, Paul, Das Scheitern des europäischen Verteidigungsgemeinschaft, Entscheidungsprozesse vor und nach dem 30. August 1954, Dusseldorf 1977.

10. Urwin, Derek W., The Community of Europe. A History of European Integration Since 1945, London/New-York 1991.

11. Weigall, David and Peter Stirk (eds), The Origins and Development of the European Community. Leicester 1992.

БРЮССЕЛЬСКИЙ ПАКТ И "ПЛАН ПЛЕВЕНА" В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

17 марта 1948 г. был подписан Брюссельский пакт (договор о создании Западного союза), 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции отказалось ратифицировать договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества. Эти шесть лет, на протяжении которых сменявшиеся правительства Запада пытались нащупать пути и методы военно-политического объединения своих стран, а правительство СССР делало все возможное, чтобы сорвать эти попытки, были наполнены разнообразными международно-политическими событиями, совместное воздействие которых положило начало "холодной войне", системе международной биполярности и продолжавшегося еще долгие десятилетия жесткого военно-политического противостояния. За эти годы разразился Берлинский кризис, был создан Северо-атлантический союз, произошла кровопролитная война в Корее, появилось советское атомное, а затем и водородное оружие. Такие важные явления и процессы международной жизни, наряду со многими другими, не могли не отразиться как в самой внешней политике, так и в обслуживающей ее внешнеполитической пропаганде.

Однако советский внешнеполитический курс в отношении Западной Европы сложился в первые же послевоенные годы, и ко времени начала советской политической и пропагандистской борьбы против первых робких и малоэффективных попыток военного объединения Запада он уже полностью определился как курс жесткой конфронтации, сопровождаемый непрекращающейся пропагандистской кампанией против "империалистической" агрессии. Вышеперечисленные события, которые произошли в рассматриваемый период, сами были либо частью такого курса, либо использовались для его оправдания и интенсификации.

Послевоенная советская действительность быстро развеяла бытовавшие в народе в годы войны иллюзии о том, что все страдания, все жестокости и несправедливости, обрушившиеся на советских людей в предвоенные годы, связаны с подготовкой войны, что после ее победоносного окончания должна наступить наконец нормальная человеческая жизнь. Поразивший многие области и целые республики голод 1946 г., грабительская денежная реформа 1947 г., начало нового витка массовых репрессий не оставили уже никаких надежд на изменения и улучшения. Сталинская тоталитарная диктатура в итоге войны усилилась и окрепла. Соответственно беспредельно возросло его единовластие, превратившись во всевластие. Это проявлялось во

всех сферах политики, экономики, всей жизни советского общества. Внешняя политика, естественно, не могла быть исключением, и можно по справедливости без кавычек говорить, как тогда было принято в отношении любого явления, о сталинской внешней политике.

Каковы же были послевоенные внешнеполитические планы Сталина? Десятки книг и сотни статей, опубликованных за послевоенные годы, прямого ответа не дают, да и не могут дать, поскольку отсутствуют соответствующие документы. Покойный диктатор умел не оставлять следов. Только по некоторым высказываниям, но прежде всего, по реальным шагам и общему направлению внешнеполитической деятельности можно пытаться составить представление о широких сталинских планах. Уже в 1946 г. Сталин сформулировал в предвыборной речи грандиозные по тем временам задачи обеспечения разбухшего во время войны ВПК и сохранявшейся огромной военной машины энергетическими ресурсами, металлом и всем необходимым для их бесперебойного функционирования. Разоренная и обессиленная войной страна снова должна была напрягаться в последнем усилии, чтобы создать гарантии против "всяких случайностей", как элегантно обозначил свои милитаристские установки оратор¹. Тогда же начинались локальные войны, способные в любой момент перерасти в мировую, ужесточалась конфронтация двух систем. Сталину для продолжения его политики внутри страны и в рамках того объединения государств, которое впоследствии получило наименование социалистического содружества, был необходим внешний враг. А кроме того, кто знает, какие мысли возникали у властелина половины мира о возможности завоевания второй, тем более, что ядерная бомба у него уже в эти годы имелась, а термоядерная была на подходе? Наконец, помимо того, что судьба Германии и мирного урегулирования с ней оказалась в центре разногласий бывших союзников, что по территории Германии прошла роковая черта, на десятилетия разделившая Европу и мир, кроме всего этого на советскую политику оказывали влияние традиционное сталинское внимание и уважение к Германии.

Все эти обстоятельства и соображения в решающей степени определяли внешнюю политику вообще и в отношении Запада — в особенности. Естественно, что вся внешнеполитическая пропаганда была подчинена тем же целям. В ее задачи в первую очередь входило непрестанно доказывать и подчеркивать миролюбие внешней политики, благотворность для дела мира и всех народов любых ее актов, конструктивность и полезность для всех ее многочисленных инициатив и предложений, необходимость широкой поддержки таких инициатив общественностью всех стран.

Поскольку, несмотря на все эти благородные черты и качества советской внешней политики и ее акций, международная

обстановка неуклонно ухудшалась и обострялась, требуя новых усилий и жертв со стороны советского народа, было самым собой разумеющимся в качестве "единственного" объяснения такого неприятного обстоятельства снабдить политику Запада противоположными, то-есть резко отрицательными свойствами, обвинить ее в агрессивности и всех смертных грехах.

Здесь нет необходимости серьезно рассматривать большую и важную проблему о степени виновности Востока и Запада в возникновении "холодной войны". В свое время мудрый Дэн Сяопин, оценивая деяния Мао, предложил считать, что "великий кормчий" процентов на 70 был глубоким теоретиком и рациональным политиком, а на остальные 30 — мерзавцем, негодяем и палачом. Быть может, эту пропорцию следует применить и здесь, причем 70 процентов конфронтационных мерзостей, видимо, все же достанется на долю Востока. Но в любом случае очевидно, что советская политика в этот период была конфронтационной, а советская публицистика и наука пропагандистски и идеологически обосновывали и обслуживали этот курс жесткого противостояния.

После того, как с обеих сторон в 1946-47 гг. были сделаны важные шаги, подготавливавшие окончательный раскол Германии, советское правительство особенно внимательно следило за деятельностью Запада, направленной на создание западных объединений и возможное подключение к ним в будущем Западной Германии. Вот почему случилось так, что советский протест против договора о Западном союзе появился даже раньше этого документа. Реагируя на состоявшиеся в начале 1948 г. совещания представителей США и ряда западноевропейских стран, на которых рассматривались проблемы образования западногерманского государства и его включения в план Маршалла, правительство СССР направило 6 марта 1948 г. ноту правительству Англии².

В этой ноте подчеркивалось, что создание Западного союза тесно связано с планом Маршалла, указывалось, что эти планы Западную Европу противопоставляют Восточной и готовят таким образом политический раскол континента. Было также специально отмечено, что политика созидателей Западного союза несет в себе угрозу превращения Западной Германии в базу будущей агрессии в Европе. В посланной трем державам ноте особо отмечалось, что деятельность, направленная на создание Западного союза, раскрывает цели американского плана в отношении Европы³. Советская пресса немедленно подхватила основные оценки Западного Союза, содержащиеся в ноте. В опубликованных в "Правде", "Известиях" и других центральных газетах, информациях и статьях замелькали уже хорошо отработанные штампы: "агрессивный блок", "переворужение Германии", "раскол Европы" и т.п. Подобный односторонний пропагандистский подход сохранился, к сожалению, и в позднейших науч-

ных публикациях. Практически во всех советских работах, где так или иначе затрагивается проблема Западного союза, не учитывается двойственный его характер, связанный с тем что он является в какой-то мере продуктом переходной эпохи — от структуры союзнических международных отношений периода второй мировой войны к конфронтации войны холодной. Можно сказать поэтому, что Западный союз, по крайней мере в его первоначальном варианте, был направлен уже против Советского Союза, но еще против Германии. Во всяком случае, прямое указание на последнее содержалось в преамбуле подписанного участниками текста договора⁴. Вопреки советским утверждениям о лживости и маскировочной функции этого указания опасения по поводу возможности новой германской агрессии сохранялись и на Западе, среди соседей Германии. Весьма вероятно, что именно благодаря этому деятельность союза весьма долгое время и сводилась в основном к обеспечению определенного контроля за уровнем вооружений и вооруженных сил ФРГ и соблюдением наложенных на нее военных ограничений.

Эта антигерманская сторона Западного союза во всех советских исследованиях и учебниках замалчивалась, либо отрицалась. Так в "Истории внешней политики СССР", выходящей под редакцией Б.Н.Пономарева, А.А.Громыко и В.М.Хвостова (в последующих изданиях, став членом Политбюро, Громыко потеснил Пономарева в перечне редакторов на второе место), авторами которой были ведущие сотрудники МИД и международного отдела ЦК, после упоминания о том, что в преамбуле договора о создании Западного союза содержалась ссылка на возможность повторения агрессии со стороны Германии, говорилось: "Но это была лишь маскировка, необходимая для обмана народов. В действительности организаторы этого антисоветского блока уже готовились к сотрудничеству с западногерманскими милитаристами"⁵. "Западный союз создавался как орудие империалистической агрессии, — утверждалось в книге "Международные отношения и внешняя политика СССР" под редакцией Г.А.Деборина, — Западный блок был направлен против СССР и стран народной демократии, а также против национально-освободительного движения народов"⁶. Как видим, сфера агрессивности Западного союза существенно расширялась. Авторы другого труда по истории международных отношений, буквально повторив эту формулировку, сочли необходимым в конце еще раз напомнить, что подписанный в Брюсселе пакт "представлял собой орудие империалистической агрессии"⁷. Представляет интерес аргументация авторов: "Об агрессивном характере договора свидетельствовало его содержание. Он обязывал участников оказывать друг другу взаимную помощь и предусматривал коллективные военные действия в случае возникновения какой-либо опасной для их интересов ситуации..."⁸ С таких позиций не-

трудно любой договор о коллективной безопасности объявить агрессивным пактом.

Можно привести еще много примеров анализа и оценок, неизменно повторявших раз высказанную официальную точку зрения. Много важнее оказался однако пример прямого политического ответа на меры Запада, имевшие целью подготовить образование западногерманского государства и сделать первые шаги к военно-политическому объединению. Ответ этот был по-сталински суров — блокада Берлина. Много лет спустя при описании этих драматических событий, если и не поставивших мир на грань войны, то сильно его к ней приблизивших, советские авторы продолжали однообразно перепевать официальную их интерпретацию того времени, естественно, чрезвычайно далекую от реальности. Жестокие меры советских военных властей, лишивших население Западного Берлина продовольствия и топлива, и ответные действия Запада попрежнему именуются "берлинским кризисом" или даже "берлинским вопросом" с добавлением к этим терминам неизбежного "так называемый".

В деборинской монографии сказано: "Раздосадованные провалом их планов экономической диверсии против Восточной Германии авантюристы из лагеря империализма подняли истощенной вой, утверждая, что Советское правительство якобы организовало преднамеренную блокаду Берлина. Правительства США, Англии и Франции создали острый международный кризис — так называемый "берлинский кризис"⁹. Но даже такие лихие инвективы в адрес империализма были явно превзойдены в фундаментальном труде под редакцией Пономарева. Сообщив читателям, что Советская военная администрация выразила готовность полностью принять на себя снабжение населения западных секторов Берлина, авторы негодуяюще восклицают: "Однако три державы в провокационных целях пошли на установление самоблокады Западного Берлина. Они организовали дорогостоящие перевозки в Берлин продовольствия, угля и других товаров по так называемому "воздушному мосту", превратили Западный Берлин в центр "холодной войны"¹⁰. Как это умирительно вечно по-русски: сама себя секущая унтерофицерская вдова...

Когда Запад поставил берлинский вопрос в Совете Безопасности ООН, Молотов, понимая пропагандистское значение этого обсуждения, в письме Сталину предложил направить туда Вышинского. В прилагавшихся к письму директивах для Вышинского последнему приказывалось сделать все возможное для срыва обсуждения этого вопроса, а если это не удастся, не прозевать голосования и "голосовать против возможных предложений англо-американского блока, вплоть до наложения "вето"¹¹. Через несколько дней, 16 октября 1948 г. Молотов снова беспокоит Сталина по поводу Берлина. На этот раз речь идет о срочном издании пропагандистского сборника документов: "Советский Союз и берлинский вопрос" на английском, русском,

французском и немецком языках¹². "Так называемый" воздушный мост оказался все же убедительным аргументом даже для Сталина, хотя для этого Западу потребовалось много месяцев непрерывного напряжения и сотни миллионов долларов. Некогда Сталин изрек, что современная война — это война моторов, выигрывает тот, у кого их больше и у кого они лучше. Теперь ему пришлось признать, что это положение применимо и к "холодной войне", американские и британские моторы победили в одном из ее важных сражений.

Однако проигрывать "холодную войну" в целом он не был намерен. Вся военная экономическая и политическая мощь Советского Союза была мобилизована на противодействие и срыв "империалистической политики агрессии". В сфере внешнеполитической пропаганды одной из важнейших мишеней стали усилия Запада по налаживанию трансатлантического сотрудничества. Понимая невозможность в одиночку противостоять СССР и его возможной экспансии, западноевропейские лидеры искали помощи и поддержки Соединенных Штатов. Известные обращения Э.Бевина и Ж.Бидо к правительству США за военной помощью и гарантиями для Западного Союза вызвали резкие обвинения с советской стороны, которые, пожалуй, лишь облегчили принятие сенатом США резолюции 11 июня 1948 г. "О присоединении США к региональным и другим коллективным соглашениям" (вошедшей в историю международных отношений как "резолюция Вандерберга"). С принятием этой резолюции американцы отказывались от традиционной политики неучастия США в мирное время в военных союзах за пределами американского континента.

Сформулированная как программа сотрудничества в рамках ООН выдвинутая сенатором сумма предложений предусматривала однако деятельность "вне сферы действия вето"¹³, что дало основание говорить о ее антисоветской направленности и позволило действительно перейти к конкретным переговорам о создании НАТО, начавшимся уже 6 июля 1948 г. Советские руководители с крайним раздражением наблюдали за попытками военно-политической консолидации Запада, которые с подключением США становились более серьезными и реальными. Была усилена антиимпериалистическая пропаганда. Сигнал был подан с самого верха. Выступая с докладом о 31-й годовщине Октября, В.М.Молотов уже имел на вооружении сталинскую цитату: "Политика нынешних руководителей США и Англии есть политика агрессии, политика развязывания новой войны". Приведя ее, он в том же духе перешел к анализу западной военно-политической интеграции: "Вся эта возня вокруг "западных союзов", "атлантических союзов", "средиземноморских блоков" и т.п. прикрывается оборонительными декларациями, могущими ввести в заблуждение лишь слишком наивных людей. На деле эти "союзы" и "блоки" преследуют цели подготовки и развязывания

новых войн, в которых заинтересованы те или иные правящие группы, но отнюдь не народы Соединенных Штатов Америки, Англии или какой-либо другой страны”¹⁴. Через четыре с половиной года Сталин умер, Молотов вскоре был отправлен на пенсию, оба были подвергнуты политическому осуждению, но несмотря на это их установкам еще многие десятилетия определяли подход советских авторов к проблематике западных союзов. Нетрудно представить степень пропитанности и инфицированности ими тогдашних советских публицистических выступлений и научных работ.

Но ни советских статей, ни тем более марксистских исследований на Западе почти никто не читал. Нужно было искать новые способы распространения воззрений советского руководства по проблемам международных отношений, совершенствовать методы их апологетики. Одним из таких средств стало возникшее в эти годы и расширявшееся движение сторонников мира. В августе 1948 г. состоялся Конгресс деятелей культуры в защиту мира, в апреле 1949 г. был проведен Первый Всемирный конгресс сторонников мира, в ноябре 1950 г. в Варшаве проходил грандиозный Второй Всемирный конгресс, на котором был учрежден Всемирный Совет Мира, за этим последовали новые конгрессы и ассамблеи сторонников мира и многочисленные заседания Всемирного Совета Мира. И на каждом из них в основу всех резолюций и воззваний закладывались идеи, содержащиеся в советских официальных заявлениях и документах соответствующего периода. Автор данной статьи участвовал в качестве переводчика во многих мероприятиях движения сторонников мира в его начальный период и мог наблюдать, как это достигалось. Конечно, на закрытую политическую ”кухню” молодежь не допускали, но нельзя было не видеть, как входившие в состав советских делегаций европейски-признанные писатели и деятели культуры, ученые с мировыми именами покорно и внимательно выслушивают наставления никому не известных ”журналистов”, как они именовались в публиковавшихся документах, которые будучи сотрудниками международного отдела ЦК имели высочайший мандат на руководство движением.

Миллионы слов, произнесенных и написанных в защиту мира, против ”поджигателей войны”, миллионы долларов из советской казны, истраченные на все это, не могли заставить Запад отказаться от интеграционных планов или хотя бы в какой-то мере их изменить. Витавшая в западной политической атмосфере идея создания ”европейской армии”, выдвинутая сначала У.Черчиллем в Европейском совете и немедленно поддержанная министром иностранных дел ФРГ фон Брентано, 24 октября 1950 г. приобрела четкие контуры в плане премьер-министра Франции Р.Плевена. Конкретная разработка проекта началась в феврале 1951 г. и продолжалась более года. Парижский договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества был

подписан 27 мая 1952 г. Началась напряженная дипломатическая и пропагандистская борьба Москвы против этого договора и его ратификации. По мнению советской стороны, которое выражалось не только в текущих политических заявлениях и пропагандистских материалах, но сохранилось и в позднейших научных публикациях: "Главной целью ЕОС должна была стать подготовка войны против СССР и других социалистических стран. Но этим не исчерпывалось назначение ЕОС. Помимо указанной внешней функции, ЕОС имело и другую — внутреннюю функцию. Оно представляло собой классовый союз империалистов различных стран для подавления демократических сил Западной Европы, борющихся против социального гнета"¹⁵. После столь беспощадно-сурового вердикта, основанного на презумпции виновности европейских буржуа, советской внешней политике ничего другого не оставалось, как всеми силами срывать эти коварные планы, спасая родину от агрессии, а братьев по классу от угнетения.

И она активно и наступательно вела эту работу. В советском подходе к проблемам европейской интеграции, в частности — военной, упорно продолжалось подчеркивание ее связи с германским вопросом. Объективные основания для этого были, и Москва использовала германскую проблему в качестве своего рода козыря в противодействии объединительным тенденциям Запада. Память о недавней войне и ужасах гитлеровской агрессии бесспорно затрудняла привлечение западноевропейской общественности на сторону интеграционной политики, терявшей всякий смысл в случае исключения из нее Германии. Советская сторона пыталась использовать это, выдвигая по германскому вопросу одну инициативу за другой. В посвященном этому официальном издании МИД СССР только за сравнительно небольшой период с марта 1947 г. по ноябрь 1951 г. приведено 15 пространных документов: заявления советского правительства, ноты министерства иностранных дел, выдвигавшиеся советской стороной на сессиях Совета Министров Иностранных Дел предложения о мирном договоре с Германией и о политике держав-победительниц в отношении Германии. Это еще не считая совместных заявлений по тем же проблемам совещаний министров иностранных дел СССР и семи стран Восточной Европы, состоявшихся 24 июня 1948 г. в Варшаве и 22 октября 1950 г. в Праге, грохот пропагандистских тамтамов которых также постарались разнести по всей Европе¹⁶.

Вот и теперь в преддверии договора о ЕОС Москва наносит новые пропагандистские удары: 10 марта 1952 г. появляется проект основ мирного договора с Германией, а спустя месяц, 9 апреля западным державам предлагается безотлагательно рассмотреть вопрос о проведении свободных выборов во всей Германии. Несмотря на нереалистичность этих предложений они сыграли известную пропагандистскую роль, поскольку на Западе

нашлись наивные люди, надеявшиеся извлечь из них пользу. Но для этого надо было верить, что Советский Союз согласится отдать ГДР, а такое (по крайней мере при жизни Сталина) было абсолютно невозможно.

Советская реакция на Парижский договор тесно переплелась с негодованием Москвы по поводу подписанного днем раньше Боннского "общего договора". Накануне их появления на свет советское правительство, нанося упреждающий удар, направило трем западным державам ноту от 24 мая 1952 г. в которой резко порицало их действия, направленные на включение Германии в западноевропейскую военную интеграцию в рамках ЕОС. Интересно, что ровно три месяца спустя 23 августа второй гвоздь был почему-то вколочен в то же место: точно такая же нота была послана тем же странам¹⁷. Вслед за этим Москва спустила с цепи пропагандистских псов, началась травля ЕОС, не прекращавшаяся более двух лет до его крушения. Приведем лишь несколько примеров подобных откликов, сочиненных, так сказать, по свежим следам событий. В статье под "веселеньким" заголовком: "Против американско-гитлеровского заговора" главная газета страны "Правда" сообщала: "Нота Советского правительства полностью разоблачила лживую, двуличную игру империалистов, которые, напыщенно заявляя об объединении Германии, вставляют палки в колеса на пути к такому объединению... Перед лицом этого заговора поджигателей войны все шире развращается движение немецких патриотов за осуществление вновь повторенных правительством СССР предложений"¹⁸.

Изо дня в день в печати и по радио повторялись проклятия в адрес подписанных в Бонне и Париже договоров, а их авторы и участники предавались анафеме. Неделью спустя та же "Правда", возвращаясь к боннскому договору, писала: "Долгие месяцы вашингтонские заговорщики и их партнеры суетились вокруг договора по-воровски, в уединенных виллах, под усиленной охраной. Они боялись гнева немецкого народа, так как знали, что каждая статья договора, который они в целях обмана народа именовали "общим договором", — это издевательство над патристическими чувствами немцев, коварная попытка сорвать осуществление надежд германского народа на единство и независимость Германии"¹⁹. Практически единственный в то время журнал, занимавшийся вопросами международной политики, немедленно подхватил актуальную тему: "События последних дней — подписание западными державами сепаратного договора с Западной Германией и заключение договора о создании так называемого "европейского оборонительного сообщества" — сорвали все покровы, скрывавшие цели американской политики в Европе. Эта политика, долгое время драпировавшаяся в наряды из пышных слов о стремлении к миру и всеобщей безопасности, предстала перед народами в обнаженном виде, как политика возрождения германского милитаризма и подготовки третьей

мировой войны"²⁰. Комментировать содержание и форму этих и многочисленных им подобных утверждений тогда было просто опасно, а сейчас, конечно, бессмысленно, так что оставим их в первозданном виде и нетронутыми.

Помимо массовой пропаганды велась работа, целью которой являлась выработка аргументов, используя которые, можно было бы оказывать влияние на западных интеллектуалов. Но ввиду преобладающих умонастроений на Западе и заданности мышления советских исследователей это далеко не всегда приносило должный эффект. Только один пример. В советской научной литературе много писалось об ограничении суверенитета участников ЕОС в экономической сфере (наднациональный контроль военной промышленности, координация военных бюджетов). При этом делался вывод, что в случае реализации Парижского договора государства- члены ЕОС в значительной мере лишились бы экономической независимости. Советские авторы наивно смотрели со своей колокольни, забывая или не зная о действительном положении вещей. Разумеется, если бы страны Западной Европы расходовали на военные нужды 70 и более процентов своего ВВП, как это долгие годы происходило в СССР, то передача всего этого под международный контроль реально ограничила бы их экономический суверенитет, но при средней западноевропейской норме в два максимум три процента такая угроза никак не могла возникнуть. И на Западе это хорошо понимали.

Но усиленная пропаганда суверенитета западноевропейских стран, проявления прямо-таки трогательной заботы о нем с советской стороны продолжались. В это включился сам Сталин. Как известно, одряхлевший и приближавшийся к концу диктатор перепоручил длинные официальные доклады на XIX съезде Маленкову и Хрущеву, а сам выступил с короткой речью, в которой призвал коммунистов стран Запада бороться за национальный суверенитет, поскольку "теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт"²¹. Антиинтеграционная цель этого призыва была очевидна: подобрав "выброшенное знамя" следовало делать все возможное для срыва или ослабления единства Запада. На Востоке же действовал социалистический интернационализм, существенно подкрепленный присутствием советских войск и вездесущих бериевских карательных органов.

Запустив на полные обороты огромную советскую пропагандистскую машину, широко питаемые из Москвы идеями и материально коммунистические партии стран Европы, движение сторонников мира и некоторые другие массовые организации, советской политике удалось сорвать оформление ЕОС на этапе ратификации его парламентами стран- участниц. Драматические дебаты в Национальном собрании Франции и отказ боль-

шинства депутатов ратифицировать договор о ЕОС нанесли удар по политике интеграции Европы, но остановить ее не могли. В военнополитической сфере Запад позаботился найти и быстро подготовить адекватную замену в виде комплекса Парижских соглашений, подписанных уже 23 октября 1954 г., то-есть менее, чем через два месяца после провала ЕОС. Вместо включения ФРГ в европейскую военную интеграцию через громоздкие и ранее не испытанные структуры "европейской армии", бундесвер как единое целое вошел в уже достаточно разработанную и стройную систему НАТО. Поэтому представляется, что усилия противников ЕОС были потрачены понапрасну, ибо в рамках ЕОС западноевропейская военная интеграция могла бы еще долгие годы оставаться менее эффективной.

В заключение хочется заметить, что, приводя высказывания советских авторов, я не стремлюсь подвергать их уничижительной критике, тем более, что и сам приложил руку к этой деятельности, в частности сам был одним из составителей тезисов ИМЭМО о европейской интеграции, опубликованных в "Правде". Приведенные здесь оценки формулировались и публиковались в основном в конце 50-х — начале 60-х годов, когда на дворе стояла хрущевская "оттепель", правда, почти не растопившая внешнеполитические льды сталинизма, а затем на многие годы все это еще более окаменело в застойной неподвижности. Не авторы, а вся обстановка эпохи виновата в том, что они писали не то, что видели. Как сказал Воланд, они люди как люди, обыкновенные люди, квартирный вопрос только испортил их... Но даже он тогда не знал, сколько других "вопросов" тоталитарного бытия будут вскоре определять сознание.

Примечания

1. И.Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Госполитиздат, 1950, с. 22-23.
2. Идентичные ноты были направлены правительствам США и Франции.
3. Внешняя политика Советского Союза. 1948 год, ч. I. М., 1950, с. 145.
4. *Annuaire Europeen*, vol. I, La Haye, 1955, p. 207.
5. История внешней политики СССР, часть вторая 1945 — 1970. М., 1971, с. 142.
6. Международные отношения и внешняя политика Советского Союза 1945 — 1949. М., 1958, с. 104.
7. История международных отношений и внешней политики СССР. Том третий 1945 — 1967 гг. М., 1967, с. 99.
8. Там же.
9. Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. М., 1958, с. 161.
10. История внешней политики СССР. ч. 2 (1945 — 1970) М., 1971, с. 84.

11. Архив Внешней Политики. Фонд Молотова. Опись N10, Папка N39. Инд. N515. Лист 6.
12. Там же, лист 7.
13. The Private Papers of Senator Vanderberg. Boston, 1952, p. 410.
14. "Известия", 1948 г., 7 ноября N265.
15. Международные отношения после второй мировой войны. Том 2. М., 1963, с. 551.
16. Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией. МИД СССР, М., 1952.
17. Летопись внешней политики СССР. 1917 — 1978. М., 1978, с. 102.
18. "Правда", 28 мая 1952, N149.
19. "Правда", 3 июня 1952 г., N155.
20. "Новое время", 1952 г., N24, с. 7.
21. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат 1952, с. 12.

ВЛИЯНИЕ СУЭЦКОГО КРИЗИСА НА ПЕРЕГОВОРЫ В БРЮССЕЛЕ

Настоящая статья не претендует на новизну, так как используемые источники имеют отношение не только к Суэцкому кризису, но и к европейскому интеграционному процессу и в уже опубликованных работах говорится о влиянии этого кризиса на строительство Европы. Историки, исследующие европейскую интеграцию, уже отмечали изменение хода Брюссельских переговоров, вызванное Суэцким кризисом.

Тем не менее, кажется небесполезным вновь обратиться к этой теме, используя почти не изученные источники, такие как сборники Комитета по созданию Соединенных Штатов Европы и Архивы Маржолен из Европейского фонда Жана Монне, а также устные свидетельства о Римском договоре, собранные Его превосходительством послом Роберто Дуччи и автором этой статьи в 1984 году. В указанном году мне была предоставлена возможность поработать в советских архивах.

Кристиан Пино, один из главных действующих лиц в Суэцкой драме вплоть до ее эпилога и один из тех, кто поставил свои подписи под Римскими соглашениями, опубликовал в 1976 году свои воспоминания о кризисе, а в 1991 году в соавторстве с Кристианом Рэмбо "Воспоминания европейца." В этих работах он писал, что та большая победа, которую одержал в Суэцких переговорах Советский Союз, была прежде всего победой над блоком НАТО, в то время как опасность, представляемая зарождающимся европейским союзом, Москвой недооценивалась. Создание такого союза в связи с американской отступнической политикой, британскими уловками и важностью колониальных проблем представлялось необходимым французским парламенту и общественности. (Пино, с. 172-3, 174-7, 190-2, Пино-Рэмбо, 1991, с.220-3, Серра, 1989, с.284)

И вот, когда почти сорок лет спустя вновь возвращаешься к событиям того времени, невольно задаешься вопросом: была ли победа Москвы настоящей победой? Кто тогда был потенциальным врагом Советского Союза — НАТО или "Общий рынок"? Советские правящие круги были крайне озабочены проблемой безопасности, которую усилили создание и укрепление Организации Североатлантического договора и усложнило подписание австрийского соглашения. В действительности ли советские политики искали в Суэцком вопросе рычаг для дестабилизации западного альянса? Ситуацию усложняло заключение Варшавского договора, красивого на словах, но "репутацию" которого сильно подмочили события в Польше и Венгрии.

Было бы небезынтересно узнать видение ситуации советскими руководителями и их цели.

В начале пятидесятых годов, когда западные страны приступили к строительству Европы на базе франко-немецкого примирения, Советский Союз отреагировал на это немедленно. Пять лет спустя, когда главное стремление европейцев — стремление к миру — сменилось страстным желанием жить так же хорошо, как американцы (ван Хельмонт, 1986, с.58), вмешательство Советского Союза произошло в последнюю минуту — 16 марта 1957 года он выступил с предложением заменить две существующие организации на систему широкого экономического сотрудничества в рамках Европы. Среди гипотез, объясняющих поведение советских руководителей, есть и такая: по их мнению, свободные экономические обмены между капиталистическими странами скорее обострили бы противоречия между ними, а не способствовали бы сближению этих стран. (там же, с.68-9). Но такой тезис (если опираться на официальные советские документы того времени) кажется слишком надуманным, слишком далеким от реальности международной жизни той поры, чтобы быть объективным.

Но вернемся к историческим событиям.

Конференция в Мессине, проходившая 1-2 июня 1955 и сорокалетнюю годовщину которой мы недавно отмечали, явилась одним из тех событий, которые "вымостили дорогу" европейской интеграции.

Нужно отметить, что в то время никто не хотел ничего конкретного, за исключением, может быть, министра иностранных дел Нидерландов Йохана Виллема Бейена, добивавшегося пересмотра плана слияния экономических интересов, разработанного им в 1952-53 годах для Политического европейского сообщества. А Жан Монне и Поль-Анри Спаак стремились лишь выдвинуть инициативу, которая дала бы нужное направление европейскому процессу и имела бы реальные шансы на поддержку и, значит, на успех. Тем более удивительным кажется одобрение министрами иностранных дел Европейского объединения угля и стали, участвовавшими в Мессинской конференции, идеи изучения развития сотрудничества в области связи и атомной энергетики, а также идеи создания общего рынка с установлением единой финансовой, экономической и социальной политики стран-участниц.

Вторым не менее удивительным событием явилась Конференция в Венеции (29-30 мая 1956 года). Мессина, Венеция, Рим — позвольте мне заметить не без чувства национальной гордости: рождение ЕЭС и Евратома произошло именно в Италии, где было принято решение взять доклад Спаака за основу для ведения переговоров по созданию Евратома и "Общего рынка" и перейти таким образом от фазы размышления к стадии действия. (Дуччи, с.11-13) Нужно отметить, что многосторонняя европей-

ская инициатива в ядерной области вызывала настороженность в ряде стран, которые после Женевской конференции "Атом на службе мира" (август 1956 года) предприняли двусторонние переговоры с правительством Вашингтона и с Международным банком с целью развития сотрудничества в этой области (Ортона, 1986, с. 239-40). Создание новых организаций в рамках Шестерки вызывало опасение других государств.

Если можно было ожидать, что в Италии, Бельгии и Люксембурге силы, поддерживающие продвижение по пути интеграции, одержат победу, то этого никак нельзя было сказать о Нидерландах и Федеративной республике Германии. Во Франции ситуация была еще более неопределенной.

Правительство Нидерландов, возглавляемое Виллемом Дрее-сом, старым социалистом из правого крыла, очень мудрым и многоопытным политиком, опасалось структур, которые будут возглавляться Францией или (что еще хуже) франко-немецким альянсом. В Гааге существовала тенденция к введению англосаксонского элемента в интеграционную политику, которая объяснялась, с одной стороны, большой озабоченностью Нидерландов иметь хорошие отношения с Вашингтоном и, с другой стороны, традиционной ориентацией внешней политики Голландии скорее на Великобританию, чем на Европу. В период 1952-1956 годов эта ситуация отражалась в столь странном факте, как наличие двух министров иностранных дел. Один, Бейен, занимался проблемами интеграции, другой, Жозеф Лунс, должен был заниматься ООН и другими странами (ван дер Бугель, с. 1-5). Этот "брак" был явно неудачным, и иностранным послам, любопытствующим о причинах такой "аномалии", обычно давался стандартный ответ: "Они остаются вместе из-за детей." (там же, с.18., О внешней политике Нидерландов. Гриффит-Брюсс, 1989. с. 461...)

В Федеративной республике Германии европейская политика проводилась канцлером Конрадом Аденауэром и имела целью совершенствование возобновившихся отношений с французами, итальянцами, странами Бенилюкса и начало более тесного сотрудничества (вон дер Гробен, с. 44). Причем Германия готова была пойти на жертвы ради такого сотрудничества. Такая политика поддерживалась сотрудниками министерства иностранных дел Вальтером Хольштейном и Карлом Фридрихом Офульсом (там же, с. 4, 29, 38, 44), но не находила полного одобрения в кабинете министров. Учитывая сдержанное отношение немецких промышленников к Евратому, министр экономики Людвиг Эрхард и министр атомной энергетики Франц Жозеф Штраусс были против учреждения Европейского сообщества по атомной энергии. Сам премьер был сторонником зоны свободного обмена, но с большой настороженностью относился к новым организациям стран Шестерки — в них он видел явное продвижение к по-

литическому союзу, которого он в то время не желал (там же., с. 4,29,34,36,44).

Теодор Соннман, госсекретарь по сельскому хозяйству, также не был согласен с основными положениями доклада Спаака — его министерство не хотело изменений в системе сельскохозяйственного рынка Германии, считая эту систему весьма удовлетворительной (там же, с.13). Однако, Аденауэр был вынужден смирять амбиции и вести гибкую политику. (Серра, 1989, с.222).

По мнению Ганса вон дер Гробена, который в соавторстве с Пьером Юри написал доклад для Спаака и который стал впоследствии президентом Организационного Комитета по учреждению "Общего рынка", принятие французской стороной Доклада межправительственного Комитета и выработка "эскиза" французской политической линии, (на Конференции в Мессине Франция не выдвинула ни одного предложения) явилось не только плодом стечения обстоятельств, но и результатом ловких маневров Спаака. Кристиан Пино, который председательствовал на собрании, только что вернулся из полудипломатического — полутуристического визита в Советский Союз и был не очень хорошо подготовлен. Он начал с того, что попросил Спаака разъяснить основные положения Доклада. Спаак пришел в ярость и сказал: "Я надеюсь, что вы читали Доклад. Не считаю возможным произносить сейчас большую речь по этому поводу." (вон дер Гробен, с.14). Все присутствующие были в некотором замешательстве. Затем дискуссия продолжилась, выступил представитель каждой делегации. И Пино в конечном итоге заявил, что французское правительство соглашалось принять Доклад за основу ведения переговоров при условии предварительного обсуждения некоторых проблем, среди которых решение судьбы заморских департаментов, связанных с Францией различными политическими и экономическими связями (Пино-Рэмбо, 1991, с. 208-211. АРМ, 11.2.3.).

Кристиан Пино выступал за объединение Европы. Он принадлежал к социалистам, которые были "за" в 1954 году. И когда 18 февраля 1955 года, выдвигая свою кандидатуру, после поражения Мендес-Франса он упомянул о создании "некоторых сообществ", его кандидатура провалилась, как говорят, именно из-за этого, так как Национальная ассамблея отреагировала на это плохо. (Массили, 1978, с.301). Он стал очень осторожен и в частых личных беседах со Спааком не скрывал перед ним своей боязни представить на рассмотрение Национальной ассамблеи договор об учреждении ЕЭС. (Пино-Рэмбо, 1991, с. 206).

Президент Совета Ги Молле был также сторонником европейского объединения. Он с самого начала был участником всех переговоров и даже не обратил внимание на кризис Французской секции рабочего Интернационала (французской соцпартии) и всячески добивался ратификации "Европейского оборо-

нительного сообщества” (Ноэль, с. 1-6). Его политическим кумиром в области строительства новой Европы был в то время Жан Монне, в Комитете которого он согласился сотрудничать в качестве представителя своей партии. И в его предвыборном заявлении приоритет был отдан европейской программе Жана Монне — образованию Евратома с последующей организацией “Общего рынка”, на создание которого, безусловно, уйдет больше времени. (там же, с.6-8, Пино, 1991, с. 187 -191)

Но вопросы европейского строительства не были главными вопросами на французской политической арене. Францию все больше беспокоили североафриканские проблемы, которые вылились в войну в Алжире.

Тонкий и проницательный наблюдатель, бывший румынский государственный деятель и дипломат Грегуар Гафенку писал в своем “Дневнике ссыльного” 18 августа 1954 года (в то время Тунис был проблемой номер один для правительства Пьера Мендеса-Франса): “Просто странно, с каким трудом французы осознают, что беспорядки в заморских департаментах являются прямой причиной кризиса власти, вызванного нарушением равновесия и отсутствием порядка в Европе. Открытая всем ветрам, Франция больше не может играть роли великой державы ни в Африке, ни в Азии. Она не может больше ссылаться на свое величие. Она не сможет больше никогда играть эту роль, если промедлит с европейским объединением.” Два дня спустя он написал: “Индокитай, Тунис, Марокко... целая империя рушится. Малейшая “неловкость” — слишком медленная реакция или наоборот слишком быстрое вмешательство — может привести к всеобщему краху.” Румынский дипломат добавляет, комментируя внешнюю политику Мендеса-Франса:” Встает вопрос, не лучше ли Франции вначале укрепить свои позиции в Европе, чем решать проблемы заморских территорий. Имея престижное прикрытие в лице великого Сообщества, Франции наверняка было бы проще защищать свои интересы в Юго-Восточной Азии и в Северной Африке.”

Такие оценки в мае 1956 года не совпадали с настроениями общественного мнения и правительства Четвертой республики, агонизирующей в контексте правительственной нестабильности, дезориентированного парламента и переменчивого общественного мнения.

Именно поэтому Молле, изучив на Закрытом совете 28-30 апреля обе части доклада Спаака (АРМ, 14.2.9., 11.2.1.) и обсудив на Общегосударственном экономическом совете положения об “Общем рынке”, разработанные 22 мая комиссией Верре (АРМ, 13.3.2, 13.3.3, 11.2.2), решил сказать “да” докладу Спаака. При этом Молле говорил, что у Франции есть первостепенные проблемы (Робер Маржолен окрестил их “священными коровами” (Ротшильд, с.15,19), которые она будет решать на переговорах в первую очередь и что, если даже переговоры по

двум соглашениям будут вестись одновременно, не стоит надеяться, что они закончатся в одно время. Изначально стоит принять тот факт, что Евратом будет ратифицирован раньше. (АРМ, 14.1.1.)

Оптимизм, которым было отмечено завершение Конференции в Венеции, объяснялся скорее тем, что удалось обойти трудные вопросы, а не найти их решение — единственные реально полученные результаты касались процедурных вопросов. (АРМ, 11.2.5.)

Официальное открытие переговоров под председательством Поля-Анри Спаака состоялось 26 июня 1956 года в Брюсселе. Эта важная для Европейского континента конференция проходила в замке Валь Дюшесс, особняке Тюдоров, построенном по заказу бельгийского промышленника перед первой мировой войной в пригороде Брюсселя на месте бывшего аббатства — это было достаточно живописное место, рощи и пруды располагали к прогулкам и отдыху. (Дуччи, с.65).

Несмотря на то, что обстановка способствовала неформальному обмену мнениями между руководителями делегаций, между делегатами и экспертами, ход дискуссий был очень неопределенным и медленным. После двух чудесных событий надеяться на третье было бы слишком наивно.

Среди тех, кто смотрел на сцену из зрительного зала, скептичнее всего были настроены англичане, по мнению которых летний кризис 1954 года показал, что страны европейского континента не могли построить Европу без участия в этом Великобритании (Массили, 1978, с. 508, Гриффитс, 1991, с.694-5,703). Но и Монне скептически относился к образованию ЕЭС. "Он опасался, — как писал Франсуа Дюшен, (1988, с.730) — парламентского отклонения", или по причине экономической слабости Франции, или по причине создания учредительного аппарата таможенного союза, который должен был придать этому союзу политическую значимость, что было совершенно нереальным в ближайшем будущем. Для Монне Евратом был единственным реальным проектом, и прения в Организационном Комитете, проходившие 17 и 18 июня 1956 года, отражают предпочтение, которое он отдавал договору о мирном развитии атомной энергии. "Общий рынок" стоял для него на втором месте (ван Хельмонт, 1986, с.61, Юри, 1991, с.137).

Представленная на рассмотрение парламентов шести стран-участниц, Совместная декларация, принятая 18 января, была одобрена подавляющим большинством голосов в Германии, Бельгии, Люксембурге, Чтобы начать разрабатывать тексты договоров, все ждали результаты парламентских дебатов во Франции.

Ги Молле тщательно подготовился к этим дебатам и решил открыть дискуссию 5 июля выступлениями двух экспертов по атомным проблемам. Луи Арман и Франсис Перрен — верхов-

ные комиссары по ядерной энергетике, комиссары французского правительства — сделали блестящие доклады по Евратому, едва упомянув об Общем рынке. Само правительство также выбрало тактику "дымовой завесы" в своих заявлениях. Два ключевых момента дебатов были : намерение Ги Молле (вопреки его предвыборным заявлениям) не предпринимать в обсуждении договора обязательного образования французских ядерных сил и оставить за всеми депутатами свободу голосования. Первое решение импонировало право-центристскому крылу, а второе позволило добиться внедрения в европейскую политику, чего бы не произошло, если бы были замешаны другие вопросы (например, алжирская политика) (Нозль, с. 21-23, Пино-Рэмбо, 1991, с.217-8, ван Хельмонт, 1986, с.62). Национальная Ассамблея Франции приняла 11 июля повестку дня Депре, согласно которой Франция принимала решение о продолжении переговоров в Брюсселе по созданию Евратома и развитию сотрудничества в области атомной энергетики 401 голосом против 180.

Во время второго заседания, проходившего 19 и 20 июля, Организационный Комитет интерпретировал результаты голосования как результат преодоления разногласий, существовавших в эпоху "Европейского оборонительного сообщества" (ЕОС). Конечно же, общественное мнение не было однородным, были и безразличные к происходящему, были и оппозиционеры, которые начинали переходить в лагерь сторонников европейской интеграции. Быстрое образование Евратома, столь дорогого Жану Монне, помогло бы стабилизации обстановки и облегчило бы осознание необходимости создания ЕЭС (АМК, 5.7.8.)

В памятных записках и первых проектах резолюции, написанных по окончании этого заседания ввиду подготовки следующей сессии Комитета, намеченной на 19 и 20 сентября, прежде всего речь шла о необходимости срочного образования Европейского сообщества по атомной энергии и связи между Евратомом и "Общим рынком" (АМК, 5.7.6., 6.4.2., 6.4.25). Срочность такого шага была продиктована тем фактом, что с каждым днем Европе все труднее было ликвидировать отставание в развитии атомной энергетики по сравнению с Англией, Америкой и Россией. В свою очередь эта срочность диктовала порядок разработки и принятия договоров: так как заключение договора по атомной энергии было делом совершенно новым, сам он беспрецедентным, а заключение соглашения по "Общему рынку" производилось на базе существующих реалий и должно было осуществляться путем постепенных изменений, то разработка соглашения по Евратому и его парламентская ратификация ни в коем случае не должны были быть отложены разработкой и ратификацией договора по "Общему рынку" (АМК, 6.4.29).

Именно в этот момент разразился Суэцкий кризис.

26 июля египетский президент Гамаль Абдель Насер, понуждаемый к тому острыми экономическими проблемами. национа-

лизировав Компанию Суэцкого канала, заявил о намерении использовать доходы от эксплуатации канала на финансирование строительства Ассуанской плотины: США с одобрения правительства Великобритании к тому времени приняли решение об отмене своей помощи (Ортона, 1986, с.195).

Результатом этого заявления явилось одно из самых драматических событий международной жизни послевоенного периода: правительства Великобритании и Франции немедленно отреагировали на затрагивание их интересов и авторитетов полковником Насером, которого тут же окрестили Нильским Гитлером, настаивали на придании каналу международного статуса и готовились к его военной оккупации.

Монне в это время находился на отдыхе в Гризоне, следил за развитием событий по газетам и раздумывал о создавшейся ситуации во время прогулок "в горах, располагающих к сдержанному и мудрым поступкам". В тех решениях выхода из кризиса, которые предлагались, он не находил возможности помочь Алжиру.

Накануне Лондонской конференции 16 августа, в которой приняли участие страны, подписавшие конвенцию 1888 года и другие государства, заинтересованные не только в использовании канала, но и в установлении такого способа управления этим важнейшим водным путем, который бы удовлетворил все заинтересованные страны, Монне дважды встречался с одной важной политической фигурой Великобритании с тем, чтобы подсказать тактику выхода из создавшейся взрывоопасной ситуации и так повернуть события в Алжире, чтобы не усложнить, а облегчить задачу французской стороны.

Он не проводил аналогии между Гитлером 1936 года и Насером 1956. Тогда Гитлер был один, и Англия остановила Францию. Теперь же Насер не был одинок, арабские народы были готовы оказать ему поддержку, а Англия подталкивала Францию к военному урегулированию конфликта. Монне расценивал угрозу применения силы как способ оказать давление на Соединенные Штаты и Египет, но он был против ее реального применения. Это восстановило бы против Франции и Великобритании все арабские государства, от Атлантического океана до Персидского залива, объединенные в святой борьбе за независимость, в то время как США (будучи "противовесом" Советскому Союзу) вмешиваться не будут. До того, как Франция и Объединенное королевство применят силу, мир должен узнать, что Америка пойдет до конца конфликта. Но ни французы, ни англичане в настоящий момент этого делать не будут. При сложившейся ситуации Франция вместо того, чтобы оказать поддержку Алжиру, столкнется с дополнительными трудностями. В свою очередь, Великобритания должна бы отказаться от своего желания властвовать на Среднем Востоке, признав как историческую неизбежность борьбу народов Азии и Африки за свою не-

зависимость, их стремление освободиться от западного влияния, адаптироваться к новым условиям. "Страны Европы, в том числе и Англия, — писал Монне, — не имеют былой силы. А так как они разделены, то у них не будет возможности достичь прогресса, который бы заставил страны Азии и Африки признать в современном мире их превосходство, но не господство".

Таким образом, Монне предлагал мирное урегулирование конфликта, что не давало арабам повода рассматривать европейскую политику как новую угрозу колонизации, так как, писал он: "в отношениях между странами самые страшные вещи — это победа и господство".

Необходимо было действовать быстро, потому что ключ находился в руках американцев, и вести переговоры до Конференции, когда и США и Советский Союз при желании еще могли сделать все для избежания конфликта, а Насер мог опасаться применения силы.

Соглашение, которое принесло бы немедленную политическую победу Франции и Англии, спасло бы авторитет Насера в Египте и сняло бы напряженность в арабских странах, должно было включить пункт о придании каналу международного статуса при условии иностранного финансирования строительства плотины или начала проведения работ американцами, санкционировать роспуск Компании с условием выплат компенсаций акционерам, часть прибыли от управления каналом предоставить египетскому правительству, другую часть выделить на работы по благоустройству канала. (АМК, Суэцкий вопрос).

В угрозе конфликта Монне видел прежде всего усиление энергетической зависимости западных стран, и эта ситуация подталкивала Монне (который принимал шаги в этом направлении еще во время и после Лондонской конференции, закончившейся безрезультатно) к использованию новой возможности связать необходимость создания Евратома с проблемой мира на планете.

Меморандумы, начавшие публиковаться с 16 августа, говорили о том, какие уроки необходимо извлечь из Суэцкого кризиса, необходимость продолжения работы над подготовкой проектов резолюций, которые должны были быть вынесены на обсуждение 19 и 20 сентября — все это указывало на то, что Монне добивался быстрых и энергичных мер: "Кризис Суэцкого канала чуть не привел к войне, это дало нам возможность понять необходимость быстрой организации Евратома, как гаранта мира во всем мире. Евратом, способствуя быстрому развитию атомной энергетики в Западной Европе, сократит необходимость импорта нефти и тем самым лишит Ближний Восток возможности оказывать неограниченное давление на Западную Европу и снизит опасность возникновения войны."

Учитывая сложившуюся ситуацию, Организационный Комитет обратился с просьбой к правительствам стран-участниц

Брюссельской конференции в кратчайшие сроки доработать договор по Евратому и представить его осенью на ратификацию в парламенты своих стран. (АМК, Суэцкий вопрос, АМК 6.4.4, 6.4.35).

Когда Насер выступил со своим заявлением по поводу Суэцкого канала, Брюссельская конференция прервала на несколько дней свою работу. Последнее перед летними каникулами заседание рабочей группы по "Общему рынку" состоялось двадцатого июля. Его участники заявили, что ситуация была блокирована и что в сентябре по окончании каникул будет необходимо представить важнейшие вопросы на рассмотрение руководителей делегаций (АРМ, 12.1.4).

Обсуждая проект создания "Общего рынка", французы сразу сделали многочисленные оговорки. Это вынудило Спаака, стремившегося добиться от французов более конструктивной политики, в беседах с руководителями французской делегации, секретарем иностранных дел Морисом Фором и шефом кабинета Ги Молле Эмилем Нозлем, состоявшихся 25 июня и 3 июля, представить будущую экономическую организацию как союз пяти государств, но с обязательным последующим включением в нее Великобритании. Затем он предложил схему договора, включающего "пункт об отделении", который бы позволил Франции через четыре-пять лет выйти из "Общего рынка", если она сочтет, что участие в нем экономически не обосновано (АРМ, 12.3.4., 12.3.6).

Тем не менее французское правительство находилось под впечатлением от оценки договора по "Общему рынку", сделанной Жаном Дело 25 июня, которая была одобрена на заседании Экономического совета 12 июля. Дело прежде всего не нравилась в докладе Спаака тенденция к либерализации рынка любой ценой. Он, как известно, выступал за продолжение гармоничного развития разных стран и регионов (АРМ, 12.2.2). Экономический совет, отклонив два контр-проекта уведомления, в которых выражалось несогласие с продолжением ведения Брюссельских переговоров, потребовал, чтобы многочисленные и весьма важные замечания, сделанные в докладе Дело, послужили бы базой действия, основой для ведения переговоров французской стороной. Учитывая первостепенную значимость проекта создания "Общего рынка", перед подписанием этого договора, по мнению членов Экономического совета, было необходимо опубликовать сообщение о результатах, полученных во время переговоров. (АРМ, 12.2.3.).

В августе состоялось несколько заседаний комитета Верре в Матиньоне с целью рассмотрения и критического анализа проекта текста договора о создании "Общего рынка", чтобы в нужное время представить французским представителям в Брюсселе мотивированные предложения поправок (АРМ, 13.1.21., 13.1.25).

К началу сентября, то есть к началу ведения серьезных переговоров по созданию ЕЭС (АРМ, 12.1.8), Робер Маржолен (вон дер Гробен, с. 19) подготовил для французского парламента меморандум с инструкциями для французской делегации, действительными не только для переговоров в Брюсселе, но и для переговоров, которые должны были состояться через несколько недель в Европейской организации по экономическому сотрудничеству (ЕОЭС) с целью изучения возможностей и условий образования зоны свободного обмена между "Общим рынком" и другими странами ЕОЭС.

Согласно позиции, выработанной в этом меморандуме и учитывая многочисленные опасения и трудности, возникшие во Франции, другие страны должны были сделать значительные уступки по сравнению с принятой единогласно общей позицией. Так, в этом меморандуме содержалось требование изменить формулировку изначальных обязательств, пункт об охране и мерах компенсации, дату вхождения договора в действие (АРМ, 12.1.7).

Осознавая, что будет чрезвычайно непросто добиться удовлетворения максимального количества требований, не прерывая переговоров, Совет, созданный в сокращенном составе 4 сентября в преддверии заседания глав делегаций, намеченного на 13 сентября, принял предложения меморандума в несколько сокращенном виде (АРМ, 13.5.20., 12.1.10).

Проблема включения заморских территорий не рассматривалась, так как была сопряжена с еще неизученными Комитетом Верре политическими и юридическими аспектами, на которые обращал внимание французский министр по заморским территориям. Предварительная позиция по этому вопросу будет дана французской делегацией только двадцатого октября. (АРМ, 13.4.22, 13.4. 24, 13.4.25).

В настоящий момент речь шла о том, чтобы найти согласие с Германией. 10 сентября Жан Монне сообщил Аденауэру, что, учитывая значительные усилия французской стороны на пути продвижения к "Общему рынку", было бы логично ожидать от немецкой стороны соответствующих усилий в деле создания Евратома (Записная книжка Жана Монне, 10 сентября 1956).

13 сентября Морис Фор принял участие в собрании руководителей делегаций, опираясь в своем выступлении на основные тезисы, разработанные Экономическим советом. (АРМ, 12.1.12).

16 сентября он приехал в Берлин, оттуда в Бонн (17-18 сентября) с целью прозондировать реакцию своих главных собеседников. Министр Эрхард, с которым Морис Фор встретился в первую очередь, был с ним достаточно откровенен и жесток, обсуждал только экономические проблемы (АРМ, 12.3.7). Аденауэр, напротив, говорил с ним о политике и заверил его со всей решимостью использовать права, данные ему конституцией, для

продвижения идеи европейской интеграции. По его мнению, толчком к образованию "Общего рынка" должны послужить политические мотивы. А в политическом плане следовало признать, что после шока, пережитого Великобританией в Суэцком кризисе, ситуация в Европе стала более благоприятной. Поэтому канцлер считал, что необходимо составить гибкий и простой с юридической точки зрения текст договора, чтобы облегчить вхождение в будущий союз Великобритании (АРМ, 12.3.9.) Перед отъездом из Бонна Фор обменялся мнениями со Штрауссом по всему кругу вопросов, связанных с образованием Евратома. Положения министерства иностранных дел, экономики и атомной энергетики, которые он изложил, далеко не совпадали с французскими тезисами. Последние приписывали особую роль сохранению военных секретов, исключительному праву собственности Евратома на сырье и расщепляющиеся вещества, принципу монополии на снабжение атомным сырьем. Тем не менее, немецкий министр поспешил заявить, что "лично он согласится с решениями, которые примет Федеральный кабинет" (АРМ, 12.3.10).

Судьба переговоров зависела, таким образом, от федерального канцлера, который сосредоточил свои мысли на Суэцком кризисе и его последствиях. Кризис показал тенденцию Соединенных Штатов с большим интересом заниматься собственными проблемами и растерянность Европы. Урок, который нужно было из этого извлечь — насущная необходимость для европейских народов усилить во всех областях уже существующие между ними связи.

В полном соответствии с таким ходом мыслей Организационный Комитет принял 20 сентября резолюцию, которая делала слабость Европы отправной точкой поиска единения. Напоминая о летних событиях, Комитет обращался к правительствам с просьбой о скорейшем заключении договора по Евратому, настаивая на его рассмотрении парламентами до конца года и разработке в два ближайших месяца программы производства атомной энергии в Европе. При этом Комитет уточнял, что создание Евратома было лишь этапом на пути образования ЕЭС, которое могло бы вписаться в более широкую зону свободного обмена, включающую Великобританию и другие страны — члены ЕОЭС.

Ссылка на "Общий рынок" не помешала Монне попытаться в это же время убедить Аденауэра быстрее продвигать проект по Евратому (вон дер Гробен, с.24, Дуччи, с. 46-7). После принятия Национальной Ассамблеей повестки дня Дебре стало необходимым обращение к Великобритании и Европейской организации по экономическому сотрудничеству. Такой шаг был сделан для того, чтобы успокоить тех, кто считал, что проект создания Евратома является неким реваншем участников "Европейского оборонительного сообщества" и противопоставлял

этой концепции Евратом, охватывающий все страны, входящие в ЕОЭС, включая Великобританию (Доклад Веделя, АРМ, 14.2.8). Следует заметить, что летом уже были созданы группа связи ЕОЭС-Евратом и рабочие группы, состоящие из технического персонала с тем, чтобы координировать усилия (АРМ, 14.1.1).

Поначалу англичане не выказывали особого интереса к исходящему (АРМ, 14.2.36), но уже с первых дней осени их отношение изменилось — причиной тому послужил ветер с Суэца и опасение, что Шестерка могла-таки подписать соглашения (Ван Хельмонт, 1986, с.67-8).

Аденауэр с большой заинтересованностью рассматривал перспективу включения Великобритании в европейскую интеграцию, так как он предвидел опасность разделения мира между двумя сверхдержавами.

Совещание министров иностранных дел, проходившее 20 и 21 октября с целью обсуждения условий, выдвинутых Францией для ее вхождения в "Общий рынок" и использования атомной энергии в военных целях, воспринималось как решающий момент ведения переговоров — после него или провал или успех. Для того, чтобы добиться успеха, по мнению Мориса Форы, которое он высказал в разговоре с Людвигом Эрхардом, "все заинтересованные страны должны будут согласиться с изменениями своих доктрин и идей" и, в частности, французское правительство, которое в сложившемся политическом контексте считало себя самым европейским правительством (АРМ, 12.3.7).

Тщательно изученные французские позиции стали основой меморандума об учреждении "Общего рынка". Французская делегация представила этот документ на рассмотрение другим делегациям на конференции в Брюсселе 14 октября.

Это описание мер и конкретных шагов по реализации европейской интеграции, содержащее в виде преамбулы общее описание целей и условий их достижения, не скрывало уже известных трудностей. В документе говорилось о необходимости временного промежутка между первым этапом и продолжением интеграционного процесса, что позволяло постепенно решить все трудности, связанные с образованием "Общего рынка". К последним нужно было добавить требование конкретной юридической независимости в военном плане по отношению к Евратому. (АРМ, 11.1.1.)

Неуверенность и опасения французской администрации усиливались фактом ведения параллельных переговоров с целью создания более широкой зоны свободного обмена, что привело бы к другим проблемам, связанным с производством сельскохозяйственных продуктов, согласованием расходов на социальные нужды, включением бывших заморских колоний (АРМ, 11.1.14, 12.1.15, 12.1.17).

При таком политическом контексте совещание шести министров иностранных дел, состоявшееся в Париже, не дало никаких результатов ни по созданию "Общего рынка", ни по учреждению Евратома. Результат — почти полный заход в тупик Брюссельских переговоров.

Провал доказывал, что несмотря на их технический характер, проблемы были политического свойства. Для изменения политических позиций ведущих переговоры государств был нужен какой-то резкий толчок, какое-нибудь драматическое событие, которое бы в корне изменило суть проблемы.

Таким событием явилась война в Суэцком канале и ее не совсем верно предсказанные англичанами и французами последствия.

30 октября в ответ на "предупредительное" наступление Израиля против Египта правительства Франции и Англии объявили ультиматум воюющим сторонам. В случае отказа прекратить военные действия эти страны должны были оккупировать зону Суэцкого канала с целью его защиты согласно статье шестой англо-египетского договора 1954 года. Насер ответил "нет", и военный план был приведен в исполнение вечером 31 октября.

Момент был выбран не совсем удачно, так как 23-24 октября в Будапеште произошла революция, имевшая двойную цель — борьбу за независимость и за либерализацию режима. Ввод советских войск для подавления любой ценой выступления венгерского народа был осуществлен еще до образования нового правительства под руководством Имре Нажи (Гафенку, Неизданное, с. 959).

Таким образом, проповедники десталинизации были вынуждены вести полную противоречий игру — с одной стороны Советский Союз выступал за освободительное движение в Северной Африке, за независимость и суверенитет Египта, с другой, он совершал интервенцию в Венгрии, обеспокоенный судьбой созданной Сталиным империи, целостности которой угрожало движение, вызванное выступлением Хрущева на XX съезде Коммунистической партии СССР.

Англичане и французы отвлекли общественность от концентрации на действиях советских войск — все внимание было привлечено к их акции, которая в глазах мировой общественности выглядела безумным шагом, операцией, проведенной с опозданием, плохо подготовленной с политической, дипломатической и военной точек зрения.

Учитывая, что во Франции даже во время войны в Алжире насчитывалось до 30% дезертиров и что в Великобритании лейбористы, "находящиеся под сильным влиянием пацифизма тред-юнионов" (Гафенку, Неизданное, с.928), выступили против ведения военных действий в Египте (Ортона, 1986, с. 198 — 199), решение начать кампанию после долгих колебаний и со-

брать во время ее проведения парламенты европейских стран (Пино, 1976, с. 158 — 159) было очень рискованным. Тем более это было рискованно делать без согласия американцев, без их предварительного информирования, без обращения внимания на недвусмысленные предупреждения советского правительства.

Ги Молле сообщил Эйзенхауэру об уже решенной вместе с Иденом в Лондоне акции 30 октября во второй половине дня с просьбой об одобрении и поддержке начатой инициативы.

Американское руководство находилось накануне президентских выборов и было ослаблено плохим состоянием Эйзенхауэра и Джона Фостера-Дуллеса (которого срочно прооперировали 3 ноября). Оно плохо отреагировало на ту сложную обстановку в Европе, которую создали Суэцкий кризис и события в Венгрии.

В своем ответе американцы с пафосом отметили "ужасный раскол в союзе" (Ортона, 1986, с.208-209) и, обеспокоенные своим собственным дипломатическим "вихрем", сделали неожиданно нелепый выбор: в Венгрии сохранить мир, закрывая при этом глаза на то, что процесс десталинизации таким образом прекращался, а в Суэце встать на путь защиты священных принципов, принося в жертву своих главных союзников.

Таким образом, события в Египте послужили на руку Советскому Союзу и даже позволили ему сблизиться с американцами, чтобы вместе радоваться тому, что их ракеты хотели "выступить на защиту" Устава ООН. (Гафенку, Неизданное, с.674). Они сделали реальной перспективу *Rach atomica* (ядерного мира), который некоторые тонкие умы (и среди них Аденауэр) уже начали предвидеть.

Начиная с 31 октября, Ги Молле ищет поддержку немецкого канцлера, просит его не "портить" их парижскую встречу, намеченную на 6 ноября, за несколько дней до подписания Саррских соглашений. Подписание этого документа должно было послужить поводом для урегулирования всех спорных вопросов, возникших на переговорах в Брюсселе и возможностью продемонстрировать мировой общественности решимость обоих правительств продолжать строительство Европы.

В речи, произнесенной в Брюсселе 25 сентября на Всекаатолическом собрании, Аденауэр говорил о чувстве общих интересов, солидарности, которая столь быстро стала насущной необходимостью. Он также нарисовал картину нового политического развития мира, являющегося результатом следующих факторов: угрозы со стороны Советского Союза, невозможности опираться постоянно только на США, отсталости европейской экономики по сравнению с американской и советской, появления "цветных людей" на мировой политической арене, поражений, вызванных Суэцким кризисом. Аденауэр призвал признать необходимость сделать шаг на пути "европейской кооперации и слияния" (Гафенку, Неизданное, с.940-941).

Приняв решение не откладывать свою встречу в Париже с Молле и пойти на необходимые для продвижения переговоров в Брюсселе уступки, канцлер показал правительству Франции и ее общественности в момент их практически полной изоляции, что они могли доверять Германии. Это доказывает, что Аденауэр был великим государственным деятелем, обладал большим чутьем, умением вести за собой немецкий народ, который в то время был настроен скорее проамерикански, а небольшая часть которого была даже ориентирована на поиски согласия с Москвой (Дуччи, с.57-60, 66-67, ван Хельмонт, 1986, с.63-64, Гафенку, Неизданное, с.1009-1010).

Американцы были в ярости из-за того, что их не предупредили о начале войны в то время, как Эйзенхауэр излагал свою миролюбивую политику перед избирателями. Они решили показать свою добродетельность и завоевать сердце ООН. Рассматривая вопрос о Суэцком кризисе, ООН, обычно столь медлительная, уже через несколько часов передала дело из Совета безопасности Генеральной Ассамблее, которая 2 ноября осудила действия воюющих сторон (61 голос против 5 при нескольких воздержавшихся) и потребовала прекращения военных действий, вывода войск и присутствия полицейских сил ООН (Гафенку, Неизданное, с.975-976).

Эта милитаристская акция восстановила против Великобритании и Франции мировое общественное мнение, многие страны-члены ООН осудили англо-французскую акцию.

Эта операция могла бы быть успешной при ее быстром проведении, но она затягивалась, демонстрируя слабость европейских держав, их неумение делать "большую политику".

После недели боевых действий, которые разворачивались удручающе медленно, но в результате которых бессмысленно проливалась кровь и канал был перегорожен 46 суднами, потопленными египтянами, новый неожиданный поворот: 4 ноября Булганин послал сообщения Идену, Молле и Бен Гуриону, в которых извещал их о твердой решимости Советского Союза урегулировать ситуацию на Ближнем Востоке путем силы при необходимости, делая намек на "телеуправляемые ракеты, которыми СССР мог бы усеять Францию и Великобританию" (Гафенку, Неизданное, с.39).

На следующий день Булганин обратился к Эйзенхауэру с предложением выступить совместно под эгидой ООН с целью остановить агрессоров и помешать развязыванию всеобщей войны.

Эйзенхауэр уклонился под предлогом венгерских событий, но потребовал от англичан и французов соблюдения резолюции ООН от 2 ноября.

Именно в этот решающий момент Молле и Аденауэр встречаются в Париже. Французский премьер был обеспокоен потерей своего престижа по причине провала военных действий в

Египте, масштабностью и неизбежностью советской угрозы, количеством выявившихся в ООН недругов, разочарован непоследовательностью американской политики и британской сдержанностью. Он понимал, с другой стороны, что французы за его спиной были готовы пересмотреть со дня на день их отношение к европейской интеграции. Немецкий лидер, который уже два с половиной года был в курсе переписки между Белым домом и Кремлем, замыкавшейся на Госдепартаменте, усматривал в послании Булганина к Эйзенхауэру предложение о разделе мира — две страны, располагающие ядерным оружием, воображая себя хозяевами земли, хотели подняться до уровня вершителей судеб мира. Он знал, что американцы понимают всю важность проблемы мира на земле и убеждены в ее зависимости лишь от отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. По мнению США, другие страны никакой роли здесь не играли, в том числе и европейские государства, которые отказались от создания единой Европы, которая смогла бы противостоять советскому блоку. Гарантию своей безопасности американцы видели в наличии ядерного оружия.

Утреннее заседание 6 ноября, дважды прерывавшееся срочными правительственными сообщениями из Лондона, было посвящено анализу международной ситуации, сложившейся в результате действий Булганина и давления со стороны американцев. В такой ситуации необходимо было продолжать европейскую интеграцию — точки зрения обоих глав государства совпадали.

Во время вечернего заседания обсуждались проблемы, связанные с планами образования Евратома и "Общего рынка" (эти вопросы были заранее обсуждены экспертами, и учитывая благоприятный настрой немецкой делегации, удалось найти направления для их решения) и было достигнуто согласие. Подписанное соглашение оставляло нерешенными ряд проблем — вопросы сельского хозяйства, заморских территорий, вопросы военного использования атомной энергии, — но позволяло выйти из тупика 20–21 октября.

После этой встречи переговоры в Брюсселе не будут проходить впустую, но будут "обречены на успех", продиктованный четким политическим стремлением — создать единую Европу и восстановить утраченный авторитет для ведения на равных диалога с мощной американской державой.

Таков был урок Суэцкого кризиса. В отчете французского правительства от 10 ноября читаем: "Мы рассчитывали на магию франко-английской формулы. Но ее провал доказал, что две наши страны уже не имели достаточного авторитета для того, чтобы сдвинуть чашу весов в свою пользу — необходимость создания единой Европы становится как нельзя более актуальной..."

Результаты Суэцкого кризиса повлияли даже на Лондон, в котором росла убежденность в необходимости более тесного экономического сотрудничества с Европой.

В статье, озаглавленной "Суэц: урок для Европы", написанной после венгерских событий, но до окончательного разрешения кризиса, Жан Монне, как всегда предсказывающий будущее, писал: "Суэцкий кризис, показывая ограниченность влияния разделенных европейских народов, в конечном итоге, способствует усилению этого влияния" (АМК, Суэцкий вопрос).

Литература

DUCHENE, Francois, *Jean Monnet, l'initiateur*, dans *Commentaire*, 1988, n.43;

Foreign Relations of the United States, 1955-1957, Vol.XVI *Suez Crisis July 26- December 31, 1956*, Washington, United States Government Printing Office, 1990;

GAFENCU, Gregoire, *Journal d'exil*, Inédit;

GRIFFITHS, Richard T., *La dinamica della politica d'inerzia. La partecipazione del Regno Unito ai negoziati di Spaak e il suo successivo ritiro*, dans MIGLIAZZA, Alessandro — DECLEVA, Enrico (a cura di), *Diplomazia e storia delle relazioni internazionali. Studi in onore di Enrico Serra*, Milano,, Giuffrè, 1991;

GRIFFITHS, Richard T.- BRUSSE, W. Asbeek, *The Dutch Cabinet and the Roma Treaties*, dans SERRA, Enrico, (ed.), *La relance européenne et les traités de Rome. Actes du colloque de Rome 25-28 mars 1987*, Bruxelles..., Bruylant...,1989;

Journal Officiel de la Republique Francaise, Débats Parlementaires, Assemblée Nationale, Compte rendu in extenso des séances, 1956;

MASSIGLI, René, *Une comédie des erreurs 1943-1956. Souvenirs et réflexions sur une étape de la construction européenne*, Paris, Plon, 1978;

MINISTERE DES AFFAIRES ETRANGERES — COMMISSION DE PUBLICATION DES D.D., *Documents Diplomatiques Francais*, 1956, T.I (1 Juillet — 23 Octobre), T.II (24 Octobre — 31 Decembre), Paris, Imprimerie Nationale, 1989-1990;

MINISTERO DEGLI AFFARI ESTERI — SERVIZIO STORICO E DOCUMENTAZIONE, Gaetano Martino e l'Europa. Dalla Conferenza di Messina al Parlamento europeo, Roma, Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato,1995;

ORTONA, Egidio, *Anni d'America. La diplomazia: 1953-1961*, Bologna, Il Milano, 1986;

PINEAU, Christian, 1956: *Suez*, Paris, Laffont, 1976;

PINEAU, Christian — RIMBAUD Christiane, *Le Grand Pari. L'Aventure du Traité de Rome*, Paris, Fayard, 1991;

SERRA, Enrico, (ed.), *La relance européenne et les traités de Rome. Actes du colloque de Rome 25-28 mars 1987*, Bruxelles...,Bruylant...,1989;

URI, Pierre, *Penser pour l'action. Un fondateur de l'Europe*, Paris, Jacob, 1991;

VAN HELMONT, Jacques, *Options européennes 1945-1985*, Bruxelles, Commission des Communautés Européennes, 1986.

Архивные источники

ARCHIVES JEAN MONNET (Fondation Jean Monnet pour l'Europe à Lausanne):

- Affaire de Suez — Juin-Aout 1956 — Presse;
- Comité d'Action — III réunion Septembre 1956;
- Agenda 1956;

ARCHIVES ROBERT MARJOLIN (ibid.)

- 11 La relance;
- 12 le débat en France;
- 13 La Commission Verret;
- 14 Euratom;
- 15 Relations entre Robert Marjolin et différentes personnalités;
- 26 1956;
- 28 Vie politique, économique française et internationale 1953-85.

Устные источники

Беседы, проведенные Марией — Грацией Мельчиони и Роберто Дуччи и хранящиеся в фонде Жана Монне в Лозанне, в европейском университетском институте Флоренции, в Государственной Дискотеке в Риме.

- DUCCI, Roberto, (Italie, 22 Octobre 1984);
- NOEL, Emile, (France, 22 Septembre 1984);
- ROTHCHILD, Robert, (Belgique, 28 Mai 1984);
- VAN DER BEUGEL, Ernst, (Pays-Bas, 26 Septembre 1984);
- VON DER GROEBEN, Hans, (Allemagne, 22 Mai 1984).

РИМСКИЙ ДОГОВОР И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СОВЕТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Начало "Общему рынку" положил Римский договор от 25 марта 1957 г., который заключили между собой шесть государств, входившие в Европейское объединение угля и стали. Римский договор представлял собой долгосрочную программу экономической и политической интеграции входящих в него государств, объединение их рынков, согласованную экономическую, а позднее внешнюю и оборонную политику. Одновременно в Риме был заключен договор об учреждении Евратома, предусматривающий совместные усилия стран-членов в области ядерных исследований. Договор вступил в силу с 1 января 1958 г., а с 1 января 1959 г. началось его практическое осуществление. Поскольку именно Римский договор лег в основу создания Европейского экономического сообщества, а позднее Европейских Сообществ и Европейского союза, интерпретации этого документа в советской печати, документах партийно-государственного характера, научной литературе по существу и представляют собой советскую оценку всего процесса европейской интеграции. Как и следовало ожидать, заключение Римского договора вызвало резко отрицательную реакцию со стороны Советского Союза. Данная статья призвана ответить прежде всего на вопрос о том, чем была обусловлена такая реакция — только ли воздействием идеологического фактора или реальными национальными интересами СССР, прочно отождествляемыми в то время с интересами правящей коммунистической верхушки. Эта реакция была обусловлена отрицательным отношением СССР ко всем планам объединения, разрабатываемым в Западной Европе в первой половине 50-х гг. Она вытекала из глубоко укоренившегося в советском руководстве убеждения в том, что любое объединение западноевропейских стран, тем более включающее Германию, обязательно направлено против СССР.

Еще за неделю до заключения Римского договора. 17 марта 1957 г., газета "Правда" опубликовала Заявление МИД СССР о планах создания Евратома и "общего рынка", где ставился вопрос о том, кому выгодны планы сколачивания двух новых филиалов НАТО. "Ответ на этот вопрос может быть только один, — указывалось в документе, — эти планы призваны служить интересам тех кругов в западных странах, которые хотят вооружить германских реваншистов ядерным оружием, обострить отношения между странами Европы, еще больше затруднить восстановление национального единства германского народа, интересам тех, кто стремится лишить Францию и другие западноев-

ропейские страны национального суверенитета, поставить их экономику в зависимость от западноевропейских монополий"¹.

Как же освещалось подписание Римского договора советскими средствами массовой информации? Здесь следует выделить два подхода, которые условно можно назвать "политико-пропагандистским" и "научно-идеологическим", имея при этом в виду, что зачастую они тесно переплетались между собой, т.к. первый в значительной мере определял второй, а само возникновение интеграционных объединений в Западной Европе в 50-е гг. рассматривалось исключительно в контексте политики "сдерживания коммунизма".

Вот что писали об обстановке, в которой был заключен Римский договор, авторы сборника "Евратом и "общий рынок" (1957 г.):

"Целая армия присяжных публицистов крупных монополий" вела "осаду общественного мнения", ради которой в ход были пущены "все средства рекламы, весь арсенал обмана, все методы нажима и шантажа", чтобы "посеять в умах миллионов европейцев несбыточные иллюзии о процветании, которое будто бы наступит, когда Евратом и "общий рынок" станут фактом". Римский договор — "опасный заговор против мира", с помощью которого создаются "два новые филиала НАТО", а западноевропейские страны еще крепче привязываются "к атлантической военной колеснице", чтобы "подчинить их народы произволу атомного бизнеса и заставить их следовать в фарватере самоубийственного курса, чреватого новыми военными конфликтами"².

Это образец первого ("политико-пропагандистского") подхода. В том же духе были выдержаны официальные документы, а также статьи в центральной (партийной) печати. В статье "Заговор против безопасности в Европе" газета "Правда" 11 марта 1957 г. указывала, что ни политическое, ни экономическое содержание этих проектов не отвечает делу мира и безопасности в Европе, ни национальным интересам западноевропейских стран. "Правящие круги США... пытаются протолкнуть эти планы для того, чтобы подчинить западноевропейские страны экономической гегемонии западногерманских монополистов, обезоружить эти страны перед боннскими милитаристами и реваншистами". Эти планы углубляют раскол Европы и раскол Германии³.

В других статьях "общий рынок" и Евратом назывались "звеньями в цепи мероприятий по организации военно-политического объединения под эгидой агрессивных кругов США", "пристройкой НАТО". Подчеркивалось, что "капиталистическая Европа готова сковать себя обручем своеобразной "круговой поруки" и "ценой потери своей экономической, политической и военной независимости... надеется застраховаться от всех проявлений социального прогресса. Тщетная надежда!" - писала газета

"Правда". Указывалось, что планы создания Евратома и "общего рынка" грозят дальнейшими бедами западноевропейской экономике, направлены на создание "автаркической, замкнутой в хозяйственном отношении и обособленной от остального мира определенной географической области Европы" (курсив оригинала — Е. Ч.). В качестве альтернативы ЕЭС предлагалось сотрудничество на общеевропейской основе⁴.

На XXI съезде КПСС (1959 г.) отмечалось, что "общий рынок" создан на реакционной политической основе, представляет собой орудие политики монополистических группировок, стремящихся усилить эксплуатацию трудящихся и подчинить себе всю экономику⁵. В Совместном заявлении коммунистических партий шести западноевропейских стран, принятом 1-2 апреля 1959 г. в Брюсселе, подчеркивалось, что "в широких общественных и политических кругах высказывается мнение, что нынешняя политика продолжаться не может... и что следовало бы аннулировать соглашения об ЕОУС и об "общем рынке"⁶. Отрицательная реакция коммунистических партий на заключение Римского договора объяснялась прежде всего тем, что, по их мнению, создание ЕС было выгодно прежде всего наиболее крупным монополиям, а в нем самом видели лишь механизм, призванный помешать прогрессивным социально-политическим изменениям внутри самого Сообщества.

Таким образом, в средствах массовой информации преобладала теория "заговора" западноевропейского империализма, направленного, разумеется, против Советского Союза, а также активно использовалась "германская карта" и якобы имевшая место угроза со стороны США. Здесь уместно поставить два вопроса. Первый: как все это могло быть воспринято рядовым читателем, десятилетиями привыкшим верить всему написанному "Правдой"? Ведь складывалось впечатление, что в Риме принято решение не менее ужасное, чем решение о начале третьей мировой войны. И второй вопрос: насколько высшее руководство СССР того времени верило в то, что писали средства массовой информации? На мой взгляд, учитывая личностные характеристики Н.С.Хрущева и его окружения, на этот вопрос можно дать в целом положительный ответ.

Журналисты и эксперты, писавшие эти статьи, представляли собой первый круг пропагандистов, обслуживающих правящую группировку. Что касается второго ("научно-идеологического") подхода, то он представлен в основном монографиями, статьями и выступлениями на научных конференциях ученых АН СССР и прежде всего ИМЭМО. Здесь следует иметь в виду, что ученые в тот период не были свободны в выражении своих научных взглядов и призваны были прежде всего подвести нужную "научную" основу под установки партийно-политического характера.

Такая теоретическая основа для изучения причин, сущности и последствий европейской "интеграции" была найдена, как и следовало ожидать, в марксистско-ленинской теории развития общества в целом и в ленинской теории империализма в частности.

В работе "Империализм как высшая стадия капитализма" "с гениальной прозорливостью", как писалось в то время, вскрыты причины образования международных монополистических союзов. Вкратце они сводятся к следующему. В эпоху империализма ускоряются процессы концентрации и интернационализации капитала, производительные силы перерастают рамки одной страны, национальные экономики принимают форму единого мирового капиталистического хозяйства. Временное совпадение интересов монополий в их борьбе за сферы приложения капитала и наиболее выгодные условия эксплуатации рабочего класса создают объективную основу для сговора монопольных компаний разных стран, для образования интернациональных монополистических союзов"⁷. В работе "Критические заметки по национальному вопросу" Ленин говорил, что эта объективная тенденция характеризует "зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм"⁸. В работе "О лозунге Соединенных Штатах Европы" В.И. Ленин писал: "Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение европейских капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии..." и далее: "Соединенные Штаты Европы при капитализме, либо невозможны, либо реакционны"⁹ (курсив оригинала — Е. Ч.).

Эти ленинские положения легли в основу сугубо догматичного подхода к проблеме европейской интеграции не только со стороны политической, но и интеллектуальной элиты. Не было ни одной монографии, статьи, речи, где бы они не цитировались в тех или иных комбинациях. При этом следует иметь в виду, что многие партийные деятели того времени искренне верили, а научные работники не могли — некоторые не хотели — критически подойти к ним или хотя бы учесть тот факт, что со времени их написания прошло уже почти столетие.

Сам термин "интеграция" употреблялся не иначе как в кавычках и с обязательным эпитетом "империалистическая" (несколько позже наряду с ним стало употребляться определение "западноевропейская"). Принятый во всем мире термин "европейская интеграция" в советской научной литературе не использовался никогда.

ПРИЧИНАМИ "интеграции" советскими учеными были названы:

— изменение в соотношении сил между двумя мировыми системами в пользу социализма; общий упадок западноевропей-

ского империализма в эпоху перехода от капитализма к социализму;

- непосредственное соприкосновение двух систем на европейском континенте; стремление объединить усилия для совместной борьбы против социализма, повернуть вспять ход мирового развития на третьем этапе общего кризиса капитализма, когда все более возрастает перевес мировой социалистической системы над капиталистической;

- научно-техническая революция, обострившая в Западной Европе до особой глубины конфликт между производительными силами, властно диктующими переход к социализму, и отжившими производственными отношениями, основанными на частной собственности на средства производства;

- дальнейшее обострение межимпериалистических противоречий, борьба за передел мирового капиталистического рынка между империалистическими державами;

- стремление подвести под "громоздкую военную машину НАТО" более устойчивый экономический фундамент.

Характеризуя СУЩНОСТЬ империалистической "интеграции", Программа КПСС указывала: "Международные государственно-монополистические организации, возникающие под лозунгом "объединения", смягчения проблем рынка, на деле представляют собой новые формы передела мирового капиталистического рынка, превращаются в очаги острых трений и конфликтов"¹⁰.

"Интеграция" рассматривалась как "заговор" финансовой олигархии, представляющий собой способ укрепления "хрупкой конструкции "Европы шести" и "слабеющих устоев европейского империализма в целом".

В этой связи указывалось, что "интеграция" направлена против государств социалистического лагеря; рабочего класса и всех демократических сил западноевропейских стран; национально-освободительного движения и изоляцию слаборазвитых стран от социалистического лагеря; нейтральных европейских стран; национального суверенитета самих западноевропейских стран, против Англии и — частично — против американских монополий.

Последнее положение являлось далеко небесспорным. В ряде работ подчеркивалось, что ЕЭС создано, чтобы противостоять в конкурентной борьбе США, в других — на первый план выдвигалось стремление США полностью контролировать процесс западноевропейской "интеграции" и укрепить на этой основе экономический фундамент НАТО. ЕЭС рассматривалось и в качестве политической необходимости, и в качестве угрозы для США. "Интеграция" противопоставлялась принципу мирного сосуществования двух систем и считалась направленной на усиление "холодной войны", продолжение политики "с позиции силы", чреватой угрозой мировой термоядерной катастрофы.

Подчеркивалось, что "интеграция" еще больше углубляет пропасть между монополиями и основной массой нации. Ее развитие сопровождается усилением политической и идеологической реакции. Обычно в научной литературе тех лет можно было встретить следующие положения.

"Интеграция" все больше выявляет себя и как орудие неоколониализма. "Еврафрика" — это способ противостоять распаду колониальной системы, осуществить новый передел колоний. Согласие Франции на присоединение своих колоний к "общему рынку" объективно отвечает прежде всего интересам Западной Германии. "Интеграция" создает военно-экономическую основу НАТО в Европе. Главное назначение "Евратома" — налаживать и расширять военную атомную промышленность, позволить ФРГ изготовить атомное оружие. "Евратом" — наиболее зависимая от США часть "европейского объединения". "Интеграция" — специфическая форма проявления империалистических антагонизмов. Под видом "объединения Европы" проводится ее раскол на противостоящие группировки держав, активно поддерживаемый США. В этот период подчеркивалась иллюзорность надежд на превращение "общего рынка" в "третью мировую силу".

ОБЩАЯ ОЦЕНКА европейской интеграции в трудах советских ученых сводилась в следующем:

"Интеграция", несмотря на то, что она в какой-то степени создала больший простор для роста производства объединившихся империалистических стран, представляет собой явление реакционное. "Интеграция" приводит к ухудшению положения рабочего класса, массовому разорению крестьянства, средних слоев. Все обещания о стабилизации экономики, уменьшении безработицы, удешевлении товаров — социальная демагогия.

Следствием "интеграции" является усиление милитаризации экономики, неравномерности развития капиталистических стран, их зависимости от США, а в перспективе — от Западной Германии; обострение противоречий внутри "малой Европы"; обострение противоречий с США и Англией. На основе этого "анализа" делался вывод о возможности появления своеобразного нового международного картеля, создаваемого в интересах сохранения старых, отживших капиталистических отношений. "Обуреваемый смертельным страхом перед будущим, дряхлеющий мир частной собственности пытается оттянуть час своей неминуемой гибели", — писал автор брошюры под характерным названием "Союз обреченных"¹¹.

Указывалось, что по мере все большего выявления реакционной сущности новой формы международного объединения монополий усиливаются и тенденции к сплочению революционных сил, против которых она направлена. Все это в дальнейшем может облегчить победу нового общественного строя, создать материальную базу для социалистических преобразований. Некото-

рые ученые даже считали возможным говорить о том, что "общий рынок" — не необратимый процесс, а временное соглашение между государственно-монополистическим капитализмом шести западноевропейских стран, основанное на данном соотношении сил между ними. В качестве альтернативы империалистическим планам "экономического объединения Европы" предлагалось общеевропейское сотрудничество. "Не "Общий рынок", а хозяйственное сотрудничество способно укрепить международную безопасность; не "Евратом", а широкое международное сотрудничество по мирному использованию атомной энергии; не "Еврафрика", а равноправное сотрудничество со слаборазвитыми странами"¹², — писали в 1957 г. авторы "Тезисов ИМЭМО об империалистической "интеграции", в значительной мере определивших характер дальнейших исследований в данной области. Утверждалось, что только после победы социализма во всей Европе возможен подлинно равноправный союз всех европейских народов и государств.

Здесь следует подчеркнуть, что ни из документов партийно-политического характера, ни даже из научных публикаций было невозможно составить сколько-нибудь ясное представление о сущности Римского договора, конкретном содержании его статей, а упор делался лишь на его отрицательной оценке.

Однако, жизнь заставила внести коррективы в эту схему.

Хотя и в начале 60-х гг. в научной литературе можно было встретить утверждения о том, что "становой хребет "интеграции" — союз клерикально-милитаристской диктатуры Аденауэра с авторитарным режимом де Голля, к которому тяготеют последние фашизма на Пиренейском полуострове"¹³, все же начали появляться и более объективные оценки происходящих интеграционных процессов. Первые пять лет существования "общего рынка" показали, что он стал экономической и политической реальностью. Ускоренная реализация Римского договора, высокие темпы экономического роста, снижение к 1963 г. таможенных пошлин, рост товарооборота внутри ЕЭС, введение частичной обратимости валют, совместные выступления стран — членов ЕЭС на международной арене привели к признанию объективности процесса интеграции, успехов в реализации Римского договора. В то же время подчеркивалось, что не следует преувеличивать значение "интеграции". Интеграция имеет и объективные пределы, т.к. нельзя бесконечно регулировать хозяйственную жизнь, не меняя отношений собственности.

Важнейшим сдвигом в подходе к "интеграции" со стороны советских ученых стало признание в начале 60-х гг. факта формирования трех центров силы внутри империалистической системы: США — ЕЭС — Япония¹⁴.

Таким образом, если в конце 50-х гг. отрицался необратимый характер интеграции, а в ее оценке преобладал сугубо догматичный подход (в ЕЭС видели не более чем "придаток агрес-

сивного блока НАТО”), то уже в 60-е гг. получила признание принципиально новая трактовка международной интеграции — как объективного процесса сближения национальных хозяйств в рамках тех групп государств, где для этого сложились благоприятные условия. Признание объективного характера интеграции позволило СССР еще в начале 60-х гг. выступить с инициативой о налаживании контактов СЭВ с ЕЭС.

В 60-е гг. в трудах советских ученых все более отчетливо звучит мысль о том, что подчеркивание важности социально-классового анализа не должно умалять значения экономических и политических факторов. Признание существования трех центров силы, общности интересов западноевропейских стран, которые складывались веками, а также очевидных экономических успехов Западной Европы в конкурентной борьбе с США, определенного несовпадения интересов американского империализма и Западной Европы явились первыми вехами непростого сближения к реальности, занявшего не одно десятилетие.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. указало на политику интеграции как на одну из характерных черт современного капитализма, стремящегося приспособиться к условиям борьбы двух систем¹⁵. XXIV съезд КПСС отметив, что “... к началу 70-х гг. отчетливо определились основные центры империалистического соперничества: США — Западная Европа (прежде всего шестерка стран “Общего рынка”) — Япония”, подчеркнул, что ЕЭС превратилось в политически оформленное ядро западноевропейского центра силы¹⁶. На ощутимую роль интеграционного сообщества в международных отношениях указал и XXV съезд КПСС¹⁷.

В конце 70-х- начале 80-х гг. в научной литературе преобладало умеренно-реалистичное изображение экономических и — частично — политических аспектов интеграции и резко отрицательное отношение к планам военно-политической интеграции. К этому времени стало окончательно ясно, что интеграционные тенденции в политической сфере оказались достаточно устойчивыми. Стал очевиден и ранее полностью замалчиваемый факт превращения ЕС в мощный полюс притяжения других стран, например, южноевропейских, которые десятилетиями стремились присоединиться к нему и оказались вынужденными пойти на глубокое реформирование своих социально-экономических и политических систем ради вступления в Сообщество. ЕС превратилось в новый субъект международных отношений. Поступательное развитие интеграционного процесса свидетельствовало об объективной общности долгосрочных политических интересов европейских государств в реальных условиях второй половины XX века.

В эпоху перестройки отношение к ЕС изменилось самым кардинальным образом. Заинтересованность в улучшении обстановки на европейском континенте заставила признать прежний

подход к ЕС анахронизм. Преодолеть навязанный самим себе изоляционизм, вернуться в лоно мировой цивилизации было безусловно легче путем сближения с Западной Европой. "В той мере, в какой страны ЕЭС выступают как "политическая единица", мы готовы искать с ней общий язык и по конкретным международным проблемам", - заявил в мае 1985 г. М.С. Горбачев¹⁸.

Подход к процессам европейской интеграции с позиций нового политического мышления заставил уделять особое внимание возможному вкладу ЕС в строительство "общеевропейского дома".

В этой связи было зафиксировано преобладание внутри ЕС центристской тенденции над центробежной, благодаря разрешению противоречий путем компромиссов, достижению более высокой степени сближения национальных рынков, чем в любом другом регионе мира. Отмечалось, что создание ЕС способствовало переходу от моноцентризма к полицентризму в мировой капиталистической системе. В то же время подчеркивалось, что превращение ЕС в военно-политический альянс будет иметь негативные последствия для отношений государств двух систем в Европе. Курс на постепенное преодоление раскола Европы заставил признать, что интеграционные процессы отражают прогрессивную в своей основе тенденцию к усилению взаимосвязанности государств, обладают немалым потенциалом, способным оказать позитивное воздействие на международные отношения в Европе¹⁹.

Растущая привлекательность ЕС для других западноевропейских государств, сведение на нет вековых антагонизмов (франко-германского), утверждение наряду с национально-государственной надгосударственной формы жизни поставил вопрос о том, насколько активизация деятельности сообщества соответствует интересам преемников СССР. Негативизм советской политики времен застоя в отношении ЕС не может объясняться лишь воздействием идеологического фактора. В гораздо большей степени он был обусловлен вполне прагматическими соображениями, весьма логичными в той системе координат, которая была избрана Советским Союзом для действий на международной арене и впоследствии оказалась ложной.

Прежде всего противостояние с Западом считалось естественным положением вещей, ибо даже мирное сосуществование трактовалось как специфическая форма классовой борьбы. С противниками, конечно, лучше иметь дело, используя известный принцип "разделяй и властвуй". Именно этим объясняется тезис, согласно которому именно планы создания наднациональных объединений якобы представляли собой наибольшую угрозу для дела мира. Однако в отношении ЕС "опасность" носила и более конкретный характер. Ведь оно самим фактом своего преуспевающего существования доказывало, что "исторически бес-

перспективный” общественный строй отнюдь не исчерпал своих возможностей, что он способен стать привлекательной альтернативой ”реальному социализму”. В этом смысле ЕС мог превратиться в центр естественного притяжения для восточноевропейских стран. Последнее в свою очередь означало размывание советской зоны влияния, что и заставляло видеть в Сообществе формирующуюся в непосредственной близости от СССР враждебную силу, которой надо было противодействовать.

К чему же привело негативное отношение СССР к интеграционным процессам в Западной Европе? Во-первых, к практически полному незнанию сути и характера Римского договора в бывшем СССР, широкому распространению в общественном сознании глубоко превратных представлений (ЕС зачастую отождествлялся с НАТО). Влияние этих представлений до некоторой степени ощущается и поныне (среди коммунистов и национал-патриотов). Оно же частично объясняет и достаточно враждебное отношение к возможному в будущем присоединению ряда восточноевропейских стран к ЕС. Это до сих пор воспринимается, что страны бывшей сферы влияния ”уходят” ”куда-то не туда”. В то же время здесь присутствуют и вполне реальные политические интересы: для России, во много раз превосходящей размерами любую из западноевропейских стран, двусторонние отношения с ними, безусловно, предпочтительнее отношений с хорошо организованным мощным политико-экономическим блоком.

Примечания

1. Правда, 17 марта 1957 г.
2. ”Евратом и ”общий рынок”, сб. ст., М., 1957 г., с.5-9.
3. Правда, 1957, 11 марта.
4. Правда, 1957, 22 марта, 31 марта, 26 апреля.
5. ”Мировая экономика и международные отношения”, 1959, N 7.
6. ”Общий рынок” и рабочий класс”, сб. ст., М., 1960, с.19.
7. Ленин В.И., ПСС, т.27, с.299-426.
8. Ленин В.И., ПСС, т.24, с.124.
9. Ленин В.И., ПСС, т.26, стр.353-354.
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961, с.32.
11. Рубинский Ю.И., Союз обреченных, М., 1963, с.60.
12. ”Мировая экономика и международные отношения”, 1959, N 7.
13. Рубинский Ю.И., ук.соч., М., 1963, с.39.
14. Правда, 1962, 26 августа.
15. Документы Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5-17 июня 1969 г. М., 1969, с.297.
16. Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, с.5.
17. Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, с.20.
18. Правда, 1985, 30 мая.
19. ”Мировая экономика и международные отношения”, 1988, N 12.

БЕЛЬГИЯ И НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА 1950-1963 гг.

Принято считать, что европейская политика Бельгии выражается в существующем в этом небольшом государстве консенсусе по европейским вопросам и в проведении линии европейского идеализма, который движет теми, в чьи задачи входит воплощение этой политики. Сам факт того, что столица Бельгии Брюссель начиная с 1958 года, стала главным местом размещения институтов Сообществ, способствовал усилению проевропейского образа этой страны.

Конечно же, неоспоримым является то, что в середине пятидесятых годов размах деятельности некоторых бельгийских деятелей (как, например, Поль-Анри Спаак) позволил Бельгии играть более важную роль в европейском строительстве, чем это было predetermined размерами этого государства. И если сравнить действия Бельгии с политикой других стран в области европейской интеграции, то репутация Бельгии не кажется незаслуженной.

Тем не менее, последние исторические исследования европейской политики Бельгии содержат, как правило, вывод о том, что следует несколько уточнить и в связи с этим не настолько абсолютизировать характер этого проевропейского облика Бельгии. В этой стране действительно существует проевропейское течение, которое оказывает сильное влияние на мысли и действия некой политической элиты. Но при этом не стоит закрывать глаза на тот факт, что за видимым согласием в области европейской политики плохо скрыты некоторые разногласия и европейский идеализм часто уступает национальным интересам. Строительство Европы столкнулось в Бельгии также с частными интересами, с боязнью потерять национальный суверенитет, с некоторым недоверием по отношению к крупным соседним государствам — Франции и Германии, с апатией общественного мнения и даже с безразличием некоторых политических лидеров. Таким образом, в действительности переход от национальных рамок к рамкам европейским или, другими словами, переход от эпохи независимости к эпохе взаимозависимости не был для Бельгии (как впрочем, и для других европейских государств) безболезненным как в экономическом, так и в политическом планах.

Цель данной статьи — показать отношение Бельгии к европейской интеграции в период между 1950 и 1963 годами, то есть в период между Декларацией Шумана 9 мая 1950 года и январем 1963 года, временем, когда генерал де Голль наложил

вето на вступление Великобритании в "Общий рынок" и подписал с канцлером Аденауэром в Париже Елисейский договор.

1. Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)

Бельгийская позиция по отношению к ЕОУС ясно демонстрирует, что политики этой страны вовсе не испытывали европейской эйфории и вступили на путь интеграции лишь из реалистических соображений и с некоторыми колебаниями¹. Это нежелание исходило прежде всего от тех, кого интеграция касалась в первую очередь — от промышленных кругов. Как представители угольной, так и представители металлургической промышленности (эти отрасли являлись базой бельгийского промышленного производства и составляли 16% ВВП страны в 1950 году) высказали свое неодобрение по отношению к проекту ЕОУС. Оппозиция была особо яростной со стороны угольщиков, которые, осознавая, что структура функционирования этой отрасли сильно отличалась от структуры угледобывающего сектора других европейских стран, опасались, что конкуренция поставит под сомнение само существование угольной промышленности Бельгии. Были выдвинуты националистические аргументы, а именно: потеря экономической самостоятельности и антинемецкая пропаганда. На самом деле, за этими доводами скрывалось нежелание принять необходимость структурных реформ, проведение которых было неизбежным в национальных или европейских рамках.

Политические круги в общем одобрительно восприняли план Шумана, но некоторые деятели всё-таки выступили против, так как опасались передачи руководства базовыми отраслями бельгийской промышленности наднациональному органу (Верховному органу ЕОУС) и побаивались немецкой и французской конкуренции. Другие считали, что ЕОУС, усиливая вес европейского блока, приведет к росту оппозиции между Восточным и Западным блоками. Третьи выражали беспокойство по поводу неучастия в этом объединении Великобритании². Даже если мы отбросим используемые аргументы, нельзя не увидеть, что нежелание участвовать в проекте ЕОУС исходит от основных представителей политической арены Бельгии. Раскол между сторонниками и противниками ЕОУС не совпадает точно с традиционным политическим расслоением в стране.

Поль Ван Зееланд, министр иностранных дел Бельгии, с осторожностью подходит к французскому предложению, руководствуясь соображениями сохранения национального суверенитета (по мнению ван Зееланда, нация, и, в особенности, маленькая нация не может доверить Верховному органу контроль за своей промышленностью) и с опаской оглядываясь на политические цели плана Шумана. Однако, вопреки позиции промышленных объединений, которых этот план касался непосредственно,

бельгийские власти приходят к необходимости проведения структурных реформ промышленности. Так, генеральный секретарь Министерства экономики барон Сной д'Оппюэрс, пишет 25 мая 1950 года в ноте, адресованной Совету министров: "Фундаментальные проблемы, поставленные перед бельгийской экономикой планом Шумана, очень важны. Эти проблемы должны быть решены независимо от принятия или отказа от плана Шумана. Вероятно, легче всего их решить с помощью переходных положений плана"³.

Из отношения бельгийского правительства к плану создания ЕОУС профессор Элан Милворд заключает: "Эта позиция не имела ничего общего со "строительством Европы" в том смысле, в котором использовали этот термин федералисты. Совершенно невозможно разыскать в документах бельгийской делегации малейший намек на такие цели. Политические же амбиции Монне рассматривались просто как стремление искусственно затруднить ход переговоров. Но все же весьма неохотно и после долгих колебаний правительство пришло к более ясному осознанию того, что условия для национального процветания и выхода из кризиса в послевоенный период существовали"⁴.

2. "Европейское оборонительное сообщество" ("ЕОС")

В то время как в Бельгии ведутся дебаты по поводу ратификации Договора по ЕОУС, в Париже 27 мая 1952 года подписывается новый договор, учреждающий "Европейское оборонительное сообщество". Очевидно, что эти соглашения затрагивают совершенно разные области. Но и на этот раз — во время ведения переговоров по подписанию договора по ЕОС — позиция бельгийского правительства частично определялась соображениями, касающимися сохранения национального суверенитета. Настороженное отношение к наднациональности, которая для тогдашнего премьер-министра Бельгии Жозефа Фольена представляется "чепухой", ясно прослеживается в позиции, занимаемой Ван Зееландом, бельгийским министром иностранных дел. Он не собирается приносить в жертву суверенитет Бельгии при создании единой Европы, находящейся под давлением Франции и Германии. Он также враждебно относится к любой передаче компетенций бельгийского правительства какому-либо европейскому министру или комиссару обороны. Ван Зееланд выдвигает предложение, по которому в рамках ЕОС реальная власть была бы передана Совету министров стран-участниц, который бы строил свою деятельность на основе консенсуса. Нежелание бельгийцев вступить на путь военной интеграции настолько явно, что в конце 1951 года американские власти, которые добиваются реализации этого проекта, обращаются с просьбой к послу Бельгии в Вашингтоне наставить свое правительство на путь истинный в этом вопросе⁵.

В бельгийском парламенте договор по созданию ЕОС вызывает неоднозначную реакцию — примерно четверть депутатов голосуют против его ратификации, в то время как Брюссельский пакт и договор по НАТО были ратифицированы почти единогласно. Так же, как и при ратификации договора по ЕОУС мнения политических партий, или точнее, лидеров этих партий разделились. Причины, по которым некоторые политические деятели хотят отказаться от подписания договора по ЕОС, самые разные — от страха перед возрождением немецкого милитаризма до боязни лишиться национальной независимости. Некоторые из противников этого проекта рассчитывают на то, что Национальная ассамблея Франции не допустит создания ЕОС. А среди тех, кто голосует за ратификацию, иные говорят, что делают это "с болью в сердце". На самом деле, кроме европейских федералистов, которые выступают за учреждение ЕОС в силу своих проевропейских позиций, многие другие действующие лица — политические, общественные, представители финансовых кругов — склоняются к такому решению, потому что считают, что Бельгия должна подчиниться американским требованиям в отношении ЕОС. По их мнению, США выступают единственным гарантом проведения евроатлантической стратегии в политической и военной областях. И так как от США зависит расстановка сил в этом союзе, договор по учреждению ЕОС должен быть обязательно одобрен⁶.

3. "Европейское политическое сообщество" (ЕПС)

Если бельгийский министр иностранных дел был вынужден следовать американской политике и, значит, умерить свой пыл в ходе подготовки проекта "Европейского оборонительного союза", то он постарался наверстать упущенное при обсуждении проекта "Европейского политического сообщества". Ван Зееланд, и мы это видели при анализе проектов создания ЕОУС и ЕОС, не был сторонником наднациональности и еще меньшим сторонником политической интеграции. Он ясно дает это понять в беседе с Энтони Иденом, английским министром иностранных дел, состоявшейся 15 октября 1952 года: "Бельгия не считает себя готовой и во всяком случае не стремится к вовлечению себя в кампании, имеющие целью создать власть наднационального характера, которая приведет к уничтожению самостоятельности европейских государств и ликвидации роли этих государств, как посредников между гражданами, их населяющими, и этой наднациональной властью.

Бельгийское руководство замечает, что усиливается тенденция заменить политические приоритеты экономическими, а главной экономической целью является создание единого рынка, рычага устойчивой и жизнестойкой европейской экономики. Этот европейский рынок должен быть как можно более широ-

ким, а именно, включать в себя Великобританию и скандинавские страны”⁷.

Бельгийский министр иностранных дел будет уделять все большее внимание экономическим вопросам. В мае 1953 года он заявляет своему немецкому коллеге Людвигу Эрхарду, что не может быть и речи о создании политического сообщества, не имеющего солидной опоры в виде экономического союза, добавив, что Бельгия станет членом политического союза лишь после создания единого рынка⁸. Апрель-май 1953 года становятся для Ван Зееланда периодом ведения активных переговоров по поводу создания общего рынка. Такая позиция, которая полностью игнорирует политико-учредительную часть проекта, вызывает, впрочем, враждебное отношение к министру в бельгийских политических кругах, в том числе у его политических друзей. Свое недовольство выражает и такая видная фигура европейской политической арены того времени, как канцлер Аденауэр, который высказал бельгийскому послу в Бонне “свои озабоченность и удивление”, вызванные поведением “некоторых бельгийских министров”⁹. Вынужденный дать комментарий действиям Ван Зееланда, Поль-Анри Спаак употребит термин “саботаж”¹⁰. Именно Спаак в марте 1954 года сменит Ван Зееланда на посту министра иностранных дел Бельгии.

4. Продолжение европейской интеграции

После провала плана по созданию “Европейского политического сообщества” (французский парламент проголосовал против в августе 1954 года) и Спаак, и Жан Монне полны решимости что-нибудь предпринять для того, чтобы выйти из тупика¹¹. В апреле 1955 года Спаак обращается с предложением к шести странам, входящим в “Европейское объединение угля и стали”, выразить свое мнение по поводу продолжения процесса европейской интеграции, а именно усиления интеграции по секторам производства. Эта инициатива была встречена без особого энтузиазма, что побудило Спаака с большим вниманием отнестись к предложению его голландского коллеги Бейена, который ратовал за всеобщую экономическую интеграцию. На базе компромисса между проектом Спаака о частичной интеграции по отраслям производства и предложением Бейена об общей экономической интеграции страны Бенилюкса разрабатывают меморандум, который послужил базовым документом для дискуссий Конференции в Мессине (июнь 1955 года). Значение этой конференции часто переоценивалось, тем не менее по ее окончании можно было говорить о трех конкретных результатах: конференция вернула европейские страны за стол переговоров, на ней было принято решение о продолжении обсуждения плана по осуществлению европейской интеграции, а также была разработана схема ведения переговоров. В результате долгих и трудных пе-

реговоров, в ходе которых Спаак играл важную роль, (он возглавлял Межправительственный комитет, обязанный своим рождением Мессинской конференции) 25 марта 1957 года Римский договор был подписан.

В середине пятидесятих годов дипломатические круги Бельгии стремятся к развитию интеграционных процессов в Европе, чего нельзя сказать об экономических кругах. В это время, а точнее сразу после проведения Мессинской конференции Промышленная федерация Бельгии (ПФБ) представляет на рассмотрение правительства доклад, в котором выдвигается один из основных принципов создания общего рынка — критерий доступности. Этот рынок должен быть открытым, и его рамки достаточно гибкими для избежания столкновений между экономическими блоками. Многие промышленники с опаской относятся к "шовинизму Шести" и к неблагоприятным условиям на международных продовольственных рынках (и в особенности для Бельгии, страны, где традиционно сложились отношения свободного обмена), к которым приведет введение общей ввозной пошлины. В этой связи, как указывает передовая статья ежедневной газеты "Свободная Бельгия", некоторые политические деятели колеблются между путем европейской экономической интеграции и созданием зоны свободного обмена на европейском уровне: "Если ЕЭС в составе шести стран-участниц вынудит Бельгию войти в протекционистскую систему, которая будет только мешать ее обменам с другими странами, не входящими в экономическое сообщество, не в большей ли степени Бельгия проиграет, чем выиграет от такого сотрудничества? И может быть, взвесив все "за" и "против", Бельгии стоит удовлетвориться ролью зоны свободного обмена (что собирается делать и Великобритания), что позволит ей не поднимать свою собственную ввозную таможенную пошлину"¹².

5. Начало создания Европейского экономического сообщества (ЕЭС)

Начальный период образования ЕЭС (с января 1958 года) проходит в сложной экономической ситуации для Бельгии, которая в конце пятидесятих годов переживает период спада. В таком контексте большинство промышленных магнатов, признавая, что учреждение "Общего рынка" открывает неплохие перспективы для развития европейского производства, выражают беспокойство по поводу последствий создания такого рынка на бельгийскую экономику. Они считают, что, при недостаточных производственных мощностях, устаревшем оборудовании и экономике, основная продукция которой неконкурентоспособна, вступление Бельгии в "Общий рынок" может привести к опасной для бельгийской экономики ситуации¹³. Но в отличие от позиции, занимаемой бельгийскими промышленниками в мо-

мент образования ЕОУС, они больше не хотят закрывать глаза на действительные проблемы, которые стоят перед экономикой страны. И если упоминается угроза французской или немецкой конкуренции, то только в контексте необходимости проведения структурных реформ, единственному пути разрешения проблем бельгийской экономики. При этом европейская интеграция должна лишь ускорить проведение этих изменений¹⁴. Таким образом, стремление гармонично влиться в "Общий рынок" становится главной экономической задачей.

"Подготовка и адаптация к "Общему рынку", к его собственным стандартам и дальним перспективам потребуют от промышленников всех отраслей нашей экономики особой бдительности и слаженности в действиях"¹⁵.

Какова была реакция на происходящее со стороны профсоюзов? У представителей трудящихся никто особо не позаботился спросить и выслушать их мнение по поводу европейских проектов, они были недостаточно представлены в консультативных органах нового Сообщества (а именно в Экономическом и общественном совете). К тому же у профсоюзных лидеров сложилось впечатление, что ЕЭС скорее занимается проблемами "патронов" — директоров заводов, не стремясь при этом развивать социальный сектор. Все это привело бельгийские профсоюзы, в особенности социалистов, к осторожному отношению к новым европейским институтам. И если социалистический бельгийский профсоюз "Всеобщая федерация труда Бельгии" (ВФТБ) не осуждает сам принцип европейской интеграции, то, тем не менее, он подвергает критике "способ, которым эту интеграцию хотят осуществить." К тому же, ВФТБ подчеркивает, что европейская интеграция может обернуться против профсоюзного движения, "если мы не будем с постоянной бдительностью следить за соблюдением наших интересов". В результате, как и представители промышленной верхушки, ВФТБ настаивает на необходимости адаптации профсоюзов к европейской реальности.

"Мы должны будем научиться видеть наши проблемы, изучать и разрешать их под европейским углом. Мы не скрываем от себя тот факт, что без трудностей это не произойдет даже в наших собственных кругах. Такое изменение образа мыслей, профсоюзного менталитета — наша завтрашняя задача"¹⁶.

6. Проект создания Европейского политического союза

С 1958 года после образования ЕЭС наступает период подъема европейской экономики. Возращение в июне 1958 года к власти генерала де Голля совпадает с возобновлением дискуссий по политическим и институциональным аспектам европейского строительства. Бельгийские дипломатические круги, которые в то время возглавляет Пьер Вини, федералист, представитель об-

щественно-христианского проевропейского течения, на первый взгляд настроены положительно на возобновление переговоров по политической интеграции в Европе. Министр иностранных дел Бельгии даже выступит с рядом инициатив, касающихся европейского политического обустройства. Тем не менее, французские планы в области политической организации Европы так, как они представлены на пресс-конференции де Голля и в виде проектов Фуше, вызывают у бельгийских дипломатов три принципиальных замечания¹⁷.

Прежде всего, Бельгия выражает опасение, что согласно этим инициативам принципы общего рынка будут заменены в пользу конфедеральной Европы. Как объясняет в январе 1960 года министр внешней торговли Бельгии Жак ван Оффелен бельгийскому послу в Париже Марселю-Анри Жаспару, Бельгия боится, что учреждение (в Париже!) политической Европы межправительственного типа, за что ратует де Голль, не сможет привести к созданию действительной Европы сообществ и снизит роль Европейских сообществ до уровня исполнительных органов, откуда риск "реальной и постепенной замены Сообществ Союзом"¹⁸. Кроме защиты прерогатив Европейских сообществ ясно, что здесь речь идет и о более прозаических делах — защите интересов города Брюсселя как столицы Европы. И впрочем, можно почти с уверенностью сказать, что по примеру Боршета, постоянного представителя Люксембурга при ЕС, получив некоторые сатисфакции в вопросе размещения европейских институтов, Бельгия в конечном итоге пересмотрит в сторону одобрения французские предложения по поводу создания политического союза¹⁹.

Во-вторых, Бельгия побаивается того, что создание новой Европы будет поводом для Франции (или в перспективе для Германии) играть роль лидера в вопросах европейской интеграции. В этой связи французский меморандум от 17 сентября 1958, предлагающий поставить у руководства НАТО тройку (США, Великобритания, Франция), надолго лишит бельгийских дипломатов восторженного отношения к генералу де Голлю. В своем выступлении 14 октября 1958 года Пьер Вини отмечает, что Европа "не должна быть ни голлистской, ни немецкой"²⁰. Во время своего визита в Вашингтон в мае 1958 года Вини сообщает заместителю госсекретаря по политическим вопросам Роберту Мёрфи, что несмотря на то, что Бельгия по-прежнему выступает за идею европейского объединения, у нее вызывают беспокойство тенденции установить господствующее положение одной или двух держав, входящих в Европу Шести²¹. Отметим, что эти опасения выходят за рамки дипломатических кругов.

Третья и, пожалуй, наиболее важная причина бельгийской сдержанности заключается в видении политики, проводимой генералом де Голлем, как политики с целью обособить Европу от англо-саксонского мира. 9 сентября 1959 года в ответ на не-

сколько прохладное отношение англичан к возобновлению политической интеграции бельгийский министр иностранных дел напоминает в адресованной английскому правительству ноте, что "с 1830 года Объединенное Королевство всегда выступало первым гарантом независимости Бельгии. Было бы нежелательно допустить прекращение общности интересов из-за проблем, связанных с интеграционными процессами в Европе(...). Если вступление Бельгии в "Общий рынок" является экономически неизбежным, то первостепенные политические интересы нашей страны всегда направлены в сторону англо-саксонских держав (...). В поддержке Великобритании мы всегда находили самые верные гарантии бельгийской независимости". В ноте также уточняется, что политическая приверженность Бельгии относится и к Соединенным Штатам, "лидеру Атлантического альянса, чей ядерный потенциал обеспечивает Европе свободу"²².

Несмотря на такие веские причины и не в пример Нидерландам, Бельгия постарается не встречать "в штыки" французские предложения. Такая, иногда несколько двойственная политика, объясняется в основном тем фактом, что большинство политических, экономических и общественных деятелей Бельгии осознавали, что Франция играет основополагающую роль в европейской интеграции. Отсюда вывод: так как Франция является неизбежным партнером, не нужно отказываться от выдвигаемых ею предложений, а идти на переговоры, кое в чем даже уступать, чтобы взамен добиться смягчения французских позиций в других областях европейского строительства. Наряду с европейскими вопросами, бельгийские дипломаты надеются также, идя навстречу французским предложениям, получить компенсации в рамках НАТО и убедить Францию вернуться на позиции атлантической ортодоксии.

Но отбросим стратегию и тактику и зададимся вопросом о реальных интересах, которые бельгийские руководители могли видеть в политической Европе. Так, в июле 1959 года Поль-Анри Спаак, занимавший тогда пост генерального секретаря НАТО, расценивает проект проведения политических консультаций с участием стран Шестерки как "плохую инициативу", надеясь, что Бельгия и Голландия объединят свои усилия в недопущении реализации этого проекта. Спаак даже дает знать Вашингтону о том, что намерение Шести проводить политические консультации вызывает у него серьезные возражения²³. В декабре 1961 года после перерыва в несколько месяцев Спаак возвращается на пост главы министерства иностранных дел Бельгии. В это время Комиссия Фуше разрабатывает текст договора о Политическом союзе. Спаак заявляет Генеральному комитету своей партии (БСП) (и это противоречит некоторым заявлениям, которые он делает прессе или в Парламенте), что он остается "сторонником европейского объединения, но в большей степени в экономическом плане, чем в плане международной и

военной политики”²⁴. В заявлении для американской прессы Спаак поясняет свою мысль: “невозможно рассматривать европейскую внешнюю политику вне европейского сотрудничества с США. Более того, нельзя говорить о самостоятельном обеспечении Европой своей безопасности без решительного вклада США в этой области”²⁵.

7. Британская кандидатура

Как мы подчеркивали выше, вступление в политический союз Великобритании было очень желанным для бельгийцев, главным образом, по политическим причинам. В перспективе создания европейской политической конфедерации, как ее планировал себе генерал де Голль, Великобритания представлялась такой небольшой стране, как Бельгия, противовесом, необходимым для сдерживания влияния крупных континентальных европейских держав. На следующий день после провала переговоров по политическому Союзу Поль-Анри Спаак объясняет: “вступая в политический союз, Бельгия выдвигает два требования — наднациональный принцип построения и британский противовес. По французскому проекту эти два условия не соблюдаются. Бельгия же считает необходимым добиться выполнения хотя бы одного из них. Так как французская концепция лишает всякой надежды создать наднациональный политический союз, Бельгия хочет, чтобы Великобритания была, по крайней мере, одним из членов союза”²⁶.

Параллельно с этими политическими интересами бельгийские промышленники высказывают недовольство возможным расширением ЕЭС. И если в принципе Федерация бельгийских промышленников не против расширения границ “Общего рынка”, то она все-таки боится, что переговоры по вступлению новых членов изменят характер или замедлят интеграционные экономические процессы. Таким образом, приоритет должен быть за укреплением ЕЭС, а не за его расширением.

“Самой важной задачей Шести является укрепление Сообщества до ведения переговоров с другими государствами, кандидатами на вступление в ЕЭС. Для промышленников необходимыми являются соблюдение порядка и ясная ситуация в своей области”²⁷.

Заключение

В заключение мы хотели бы дополнить наш обзор рядом основных характеристик европейской политики Бельгии.

а. Следует подчеркнуть, что европейские проблемы мало интересуют общественное мнение этой страны. В Бельгии европейская политика разрабатывается узким кругом лиц и часто

несет печать действий видных политических, экономических и общественных деятелей.

б. Если даже роль некоторых деятелей является определяющей в выработке европейской политической линии Бельгии, то это утверждение нужно принимать в несколько нюансированной форме. Нельзя забывать, что сами эти политические фигуры вписывают свои действия и рассуждения в бельгийский внутриполитический и общеевропейский контексты, которые в большей или меньшей степени влияют на принятие ими того или иного решения. Совершенно ясно, что в Бельгии внутренние проблемы (экономическая ситуация, политический и социальный кризисы, языковые и региональные проблемы, а также проблемы деколонизации) очень часто оказывают сильное влияние на видение европейского процесса. Вместе с тем, и некоторые аспекты внешней политики (американское влияние, традиционная дружба бельгийцев с англичанами, коммерческие отношения с той или иной европейской страной) в свою очередь играют не последнюю роль при принятии того или иного решения в области европейского строительства.

с. Мы также подчеркивали, что раскол между сторонниками и противниками европейской интеграции в Бельгии не соответствовал классическим политическому, экономическому и социальному расслоению. В этой связи профессор Мишель Дюмлен сделал вывод, что европейское строительство способствовало появлению в Бельгии нового раскола — оппозиции "старых" и "новых". И уже это новое расслоение представлено во всех политических, экономических и социальных структурах Бельгии. В таком контексте "новые" должны были растолковывать необходимость адаптации Бельгии к европейской реальности, то есть к взаимозависимости.

д. И, наконец, как только речь не идет об общих словах, о выражении "пан'европейских" чувств, возникают откровенные разногласия в мнениях, высказываемых бельгийскими политическими, экономическими и общественными деятелями. Эти скрытые различия сразу становятся явными, когда возникает необходимость высказаться о том или ином европейском проекте. При столкновении с конкретным проектом, проевропейский идеализм, выступающий на авансцену, когда нужно порассуждать о европейском развитии в глобальном плане, уступает место прагматизму, а принципы заменяются на компромисс, что, в конечном итоге, очень хорошо отражает национальный характер бельгийцев.

1. Историографический обзор европейской политики Бельгии сделан: Michel DUMOULIN, "L'historiographie de la construction européenne en Belgique", in: Lettre d'information des Historiens de l'Europe contemporaine/Historians of Contemporary Europe Newsletter, vol. 7, № 1-2, juin 1992, pp. 5-16. Не существует исследования, которое бы обобщало все, что касается европейской политики Бельгии. По этой

проблематике написаны монографии и научные статьи, трактующие тот или иной аспект европейской интеграции. С хронологической точки зрения эти работы освещают начальный период Европы Сообществ. Среди статей, авторы которых пытаются дать широкий обзор отношения Бельгии к европейской интеграции, смотреть: La Belgique et les débuts de la construction européenne. De la guerre aux traités de Rome, Etudes réunies par Michel Dumoulin, Louvain-la-Neuve, 1987 et Michel DUMOULIN, "Les "Europe" de quelques Belges au XXe siècle", in René Girault (dir.), Les Europe des Européens< Paris, 1993, pp. 97-111. Отметим еще одну работу, хотя она не является историческим исследованием и была написана ещё в 1981 году: "Le Role des Belges et de la Belgique dans l'édification européenne, Bruxelles, 1981 .

2. О Бельгии и ЕОУС смотреть: Michel DUMOULIN, "La Belgique et les débuts du Plan Schuman (mai 1950-fevrier 1952)", in Klaus Schwabe (ed.) Die Anfänge des Schuman-Plans, 1950/51, Baden-Baden... Bruxelles, 1988, pp. 271-284; Alan S. MILWARD, "The Belgian Coal and Steel Industries and the Schuman Plan", in Klaus Schwabe (ed.), op.cit., pp. 437-453; Elisabeth DEVOS, Les milieux industriels belges et les débuts de la CEE (9 mai 1950-5 fevrier 1952), Louvain-la-Neuve, 1989.

3. Cf. Jules GERARD-LIBOIS et Rosin LEWIN, La Belgique entre dans la guerre froide et l'Europe (1947-1953), Bruxelles, 1992, pp. 162-165.

4. Cf. M.DUMOULIN, op.cit., p. 273. Макс Сьютенс, глава бельгийской делегации на конференции по разработке договора по ЕОУС, не без цинизма рекомендовал бельгийскому правительству (как более легкий вариант) переложить ответственность за неизбежное закрытие ряда бельгийских шахт на Верховный орган. Cf. A.MILWARD, op.cit., 445-446.

5. Парижский договор по созданию ЕОУС ратифицирован Сенатом 5 февраля 1952 года и Палатой депутатов 12 июня 1952 года.

6. Cf. Jules GERARD-LIBOIS, op.cit., pp. 215-217.

7. Cf. Jules GERARD-LIBOIS, op.cit., pp. 223-225.

8. Cf. Michel DUMOULIN, "Les paradoxes de la politique belge en matière de Communauté Politique Européenne (septembre 1952- juin 1954)," in Gilbert Trausch (ed.), Die Europäische Integration vom Schuman-Plan bis zu den Verträgen von Rom (...), Beiträge des Kolloquiums in Luxemburg, 17.-19. Mai 1989, Baden-Baden, 1993, p. 352.

9. Cf. M.DUMOULIN, op.cit., p. 355.

10. Cf. M.DUMOULIN, op.cit., p. 357.

11. Cf. M.DUMOULIN, op.cit., p. 362.

12. О Бельгии и европейском подъеме см. Anjo G.HARRYVAN et Albert E.KERSTEN, "The Netherlands, Benelux and the Relance européenne, 1954-1955", in Enrico SERRA (dir.), La relance européenne et les traités de Rome, Actes du colloque de Rome, 25-28 mars 1987, Bruxelles, 1989, pp. 125-157 et Michel DUMOULIN< "Les travaux du Comité Spaak (juillet 1955-avril 1956)", in Enrico SERRA (dir.)< op.cit., pp. 195-210. Cf. La Libre Belgique, 20 fevrier 1957, p. 1.

13. Cf. "L'Economie belge en danger"< conférence de Leon Bekaert, Président de la Fédération des industries belges (FIB), in Fabrimetal Hebdo, № 668, 20 avril 1959, pp. 347-360.

14. Cf. Leon Bekaert, "L'industrie et l'Europe", in Bulletin de la FIB, № 30, 1 decembre 1958, pp. 2363-2373.

15. Cf. Rapport annuel FABRIMETAL, 1957 (Assemblée générale du 30 avril 1958), p. 11.

16. Cf. "L'intégration européenne", in FGTEB, Congrès statutaire 20-23 novembre 1959, pp. 342-354.

17. Cf. Thierry GROSBOIS et Yves STELANDRE, "Belgian Decision-Makers and European Unity, 1945-63", in Anne Deighton (ed.), *Building Postwar Europe. National Decision Makers and European Institutions, 1948-63*, Londres, 1995, pp. 133-138.

18. Cf. VAN OFFELEN à JASPAR, 21 janvier 1960, dans Archives Générales du Royaume (Bruxelles), Papiers Jaspar, 2.536, p. 3.

19. 14 марта 1961 года Боршет пишет Шаусу, министру иностранных дел Люксембурга, письмо, в котором выражает свои опасения перед "намерением бельгийского правительства включить в список проблем по реализации политической Европы вопрос о расположении главных институтов в Брюсселе и Люксембурге", cf. BORSCHETTE a SCHAUS, 14 mars 1961, in Archives Nationales (Luxembourg), Affaires étrangères, 13.076.

20. Cf. Note du 14 octobre 1958, in Archives du ministère belge des Affaires étrangères, Correspondance politique/Italie, 12.263, p. 2.

21. Cf. Note du 12 mai 1959; in Archives du ministère belge des Affaires étrangères, Correspondance politique/USA, 13.286, p. 2.

22. Cf. Note du 9 septembre 1959, in Archives du ministère belge des Affaires étrangères, Correspondance politique/Royaume-Uni, 13.258, p. 2.

23. Cf. Note du 21 juillet 1959, in Archives du ministère néerlandais des Affaires étrangères, GS/Inv. 1881/913.10, p. 1.

24. Cf. Procès-verbal du Conseil général du Parti socialiste belge, 2 décembre 1961, p. 46 (Archives de l'Institut Emile Vandervelde).

25. Discours de Paul-Henri Spaak devant le Club de la presse national à Washington, 21 novembre 1961, p. 5, in Archives Nationales (Luxembourg), Affaires étrangères, 9.968.

26. Cf. SPAAK a JASPAR, 20 avril 1962, in Archives Générales du Royaume (Bruxelles), Papiers Jaspar, 2.546, p. 1.

27. Cf. "Horizons nouveaux pour la Communauté économique européenne", in Bulletin de la FIB, № 3, 20 janvier 1962, p. IV-V.

ШВЕЙЦАРИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПОЗИЦИЯ НЕЙТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Основной вопрос, заслуживающий наше внимание в настоящем введении, состоит в следующем: объясняется ли политика, проводимая Швейцарией в отношении процесса европейской интеграции, исключительно ее статутом традиционного нейтралитета; тем самым статутом, какой был признан на Венском конгрессе (1815) великими державами, провозгласившими, что "нейтралитет и неприкосновенность Швейцарии, а также и ее независимость находятся в едином русле с подлинными интересами всей европейской политики"?¹

Этот статут был подтвержден и соблюден во всех европейских конфликтах, имевших место с 1815 г. вплоть до наших дней. Является ли решение швейцарского народа и его правительства поддерживать и сохранять этот статут, который оказался для страны столь полезным, дополнительным объяснением сдержанной политики, касающейся проектов европейской интеграции? Так принято считать как внутри страны, так и за ее пределами.

Не желая уклоняться от этой аргументации, опирающейся на неопровержимые исторические и психологические данные, попытаемся выяснить, не имелись ли другие причины, содействовавшие формированию и даже в отдельных случаях навязыванию европейской политики Швейцарии; мы проанализируем в связи с этим, в частности концепцию правящих кругов, касающуюся внешних экономических отношений и развития мировой экономики во второй половине XX столетия.

I. Аргумент нейтралитета

Использование нейтралитета для определения политического курса швейцарского правительства по отношению к различным инициативам, связанным с организацией и объединением Европы, являлось константой на протяжении всего XX века.

Так, уже с момента участия Швейцарии в Лиге наций в 1919 г.² аргумент нейтралитета, казалось, на какой-то момент помешал участию Швейцарии в новой международной организации, учредители которой приняли, однако, решение о размещении ее штаб-квартиры в Женеве. Из Берна прибыла делегация в Совет Лиги наций, которой было поручено вести переговоры о специальном статуте, при этом должен был учитываться постоянный нейтралитет страны и ее новая государственная функция принимающей стороны.

Собравшись в Лондоне, Совет принял 13 февраля 1920 г. внесенную делегацией Федерального Совета декларацию, освобождавшую в исключительном порядке Швейцарию от участия в осуществлении военных санкций, предписанных Советом Лиги наций в отношении любого государства, которое прекратит выполнять обязательства по коллективной безопасности. Благодаря этому новому акту признания швейцарского нейтралитета, который был квалифицирован как дифференциальный, Швейцария продолжала выполнять обязательства, связанные с проведением экономических санкций, а швейцарский народ одобрил вступление в Лигу наций во время проведенного 16 мая 1920 г. референдума³.

Это особое решение дало швейцарским властям значительное преимущество; с одной стороны, основная функция нейтралитета, которая является, прежде всего военной, предохраняла швейцарцев от всякого военного вмешательства в случае возникновения конфликтов между государствами; традиционный статут оберегал их всегда от конфликтов; с другой стороны, Лондонская декларация позволяла Швейцарии активно участвовать в мероприятиях международного сотрудничества в рамках Лиги наций.

При всем том, что федеральное правительство осознавало уникальные преимущества этого нового статута и было всецело сосредоточено на успокоении общественного мнения, остро реагировавшего на любое межгосударственное вмешательство, способное положить конец статуту нейтралитета, который расценивался народом как самый мощный гарант независимости страны, оно действовало не прибегая к нему. Это объяснялось не стремлением проявить особую активность в рамках Лиги наций, а, напротив, продемонстрировать сразу все возражения и всю сдержанность, касающиеся предложений, скрывавших, как считало правительство, угрозу полной независимости его действиям.

Наиболее показательным примером такой позиции является ответ на план Бриана о федеральном объединении европейских народов, который был выдвинут и обсужден в рамках Лиги наций в период с 1929 по 1932 гг. Пока вопрос о Европейском Союзе, внесенный Министром иностранных дел Франции, был подвергнут обсуждению с чисто экономических позиций, в направлении необходимого экономического сотрудничества между европейскими государствами, как это было предложено Брианом в его знаменитом выступлении от сентября 1929 г. в Женеве, швейцарские руководители выражали только одобрение.

Однако, в Берне, как и во многих других столицах, было проявлено крайнее удивление в связи с меморандумом об организации европейского федерального союза от 1-го мая 1930 г., направленным всем европейским правительствам, приглашенным на Кэ д'Орсэ⁴. В действительности, французские эксперты

сменили перспективу, указав, что "решение экономических проблем подчинено политической организации континента". В этих условиях руководитель швейцарских дипломатов Ж. Мотта выступил с очень подробным объяснением различных элементов плана Бриана во время парламентских дебатов 24 июня 1930 г., указав сразу же на сдержанность, какую федеральный Совет вынужден был сформулировать в отношении французского меморандума. Речь шла о двух важных аргументах:

1. Швейцария соглашалась рассматривать вопрос о своем членстве в Европейском Союзе только при условии, если не будет при этом затронут или каким-либо образом изменен ее нейтралитет.

2. Новая система организации должна избегать случаев, которые могли бы привести к ослаблению деятельности Лиги наций, так, например, уменьшать интерес других континентов к проводимым ею мероприятиям.

Оба аргумента чрезвычайно важны для понимания позиции Швейцарии по отношению к различным проектам Европейского Союза, которые будут впоследствии вноситься вплоть до наших дней. В действительности, первый аргумент ссылается на нейтралитет страны и на приоритет, какие федеральное правительство ей предоставляет в отношении любой формы участия в международной организации, устав или задачи которой содержат угрозу для постоянного нейтралитета Швейцарии. Вторым аргументом швейцарское правительство со всей ясностью указывает на свое предпочтение скорее участвовать в международной организации, чем в региональном объединении, ибо последнее способно порождать антагонистические блоки. Речь идет здесь также о той постоянной, которую позднее мы вновь найдем в экономическом аспекте; швейцарские руководители всегда являлись проповедниками свободной торговли; они не будут скрывать своей оппозиции к концепциям дирижистов и планификаторов, которыми будут отмечены после 1945 г. многие национальные и европейские проекты. Действительно, следующим испытанием, с каким Швейцария должна была столкнуться в отношении организации Европы, — исключим при этом грандиозные проекты гитлеровских протагонистов о создании Новой Европы — явится американское предложение о реконструкции европейской экономики, так называемый План Маршалла⁵.

По окончании второго мирового конфликта Швейцария участвовала всеми своими ресурсами в экономической реконструкции континента, одновременно развивая отношения с американским полушарием. Однако, это усилие по универсализации экономических интересов не сопровождалось ее участием в созданных в конце войны международных организациях.

Швейцария придала международный характер своим интересам с тем, чтобы оправдать по возможности свой статут нейтралитета, который ей помешал вступить в Организацию Объеди-

ненных Наций, Международный Валютный Фонд или во Всемирный Банк⁶. Для Берна любое многостороннее обязательство, казалось, противоречило самой букве независимой политики, которая блестяще была гарантирована нейтралитетом во время последних крупных конфликтов; следовало действовать таким образом, чтобы нейтралитет был всеми признан и вызвал бы оправданный интерес всех государств.

Однако, возникновение новой международной напряженности, раздел мира и вскоре Европы на две несовместимые социально-политические системы, базирующиеся на захватнической идеологии, несли опасность целиком изолировать Швейцарию в случае ухудшения отношений между Москвой и Вашингтоном, коммунизмом и капитализмом. Швейцария не смогла бы выжить в случае открытого столкновения между двумя системами; она должна была бы выбрать и пойти по избранному ею пути; напротив, в случае компромисса, Швейцарию ожидают прекрасные перспективы, ибо в эти моменты разрядки связующие страны служат местом для проведения встреч, обмена мнений и всевозможных торговых операций. Отсюда и отказ самых высоких лиц Швейцарской Конфедерации от перспективы разрыва отношений между Востоком и Западом: они, наоборот, делают ставку на дипломатию сохранения мира, компромисса. "Благожелательное мышление" ("wishfull thinking") швейцарских руководителей было, к счастью, подкреплено историей и перманентным характером холодной войны.

Именно поэтому чрезвычайно интересно рассмотреть позицию, занятую Швейцарией в отношении плана Маршалла. Ответ на речь государственного секретаря США от 5-го июня 1947 г. выражает волю швейцарских властей в действительности выйти из дипломатической изоляции, предупредить ее усиление в случае совместных экономических действий в Европе и поддержать инициативу, интерпретированную как носившую исключительно экономический характер. Тем не менее, Берн задумывался над многими вопросами. На тот случай, если европейская организация действительно будет сформирована, каковы будут в связи с этим последствия для швейцарской экономики? Тем более, если эта организация имела на какое-то время политические намерения, то какую позицию должна была бы занять нейтральная Швейцария по отношению к ней? Принимая активное участие в реализации программы экономической реконструкции не рисковала ли нейтральная Швейцария своим нейтралитетом? Отказываясь от него, не рисковала ли она экономической, а затем дипломатической изоляцией страны? Составляя в географическом, культурном и идеологическом отношении часть Запада, могла ли Швейцария пойти на риск, сосредотачиваясь на самой себе или наоборот делать ставку на универсальный характер своих отношений во имя нейтралитета в тот са-

мый момент, когда в Европе и во всем мире линия раздела между коммунизмом и либерализмом становилась все более четкой?

Именно в этом контексте перспектив, полных неясностей и противоречий, руководитель швейцарской дипломатии Макс Птипьер принял решение огласить точку зрения федерального правительства в отношении американского предложения, сообщив великим державам 27 июня 1947 г. следующее: "Швейцария может только горячо приветствовать осуществление плана экономического восстановления, к какому все европейские государства могли бы присоединиться, преступив все политические обязательства. Наша страна, если к ней обратятся, должна быть готова к сотрудничеству на условиях равенства со всеми другими государствами по разработке этого плана, который позволил бы Европе вновь заявить о солидарности в области экономики, пострадавшей в результате последней войны"⁷.

Швейцарское правительство приняло приглашение от 4-го июля 1947 г. правительств Великобритании и Франции принять участие в европейской конференции, которая должна была выработать программу по восстановлению экономики континента. Однако, оно сразу сочло необходимым уточнить в своем ответе от 9 июля три важных момента, которые оговаривали, в каком смысле и в каких рамках швейцарская дипломатия считала возможным участвовать в деле экономической реконструкции:

1. "Совершенно очевидно, что Швейцария не возьмет никаких обязательств, несовместимых с ее традиционным статутом нейтралитета".

2. "Решения конференции, которые затронули бы швейцарскую экономику, могли бы стать обязательными по отношению к Конфедерации лишь при условии достигнутого с ней соглашения".

3. "Швейцария оставляет за собой свободу сохранить торговые соглашения, заключенные ею с европейскими государствами, которые не будут участвовать в работе конференции, и заключить новые договоры"⁸.

Действуя таким образом, швейцарская дипломатия предотвращала любую критику, которая могла появиться либо в кругах общественности, всегда быстро денонсирующей отход от нейтралитета, либо исходящую от такой державы, как СССР, который был бы готов увидеть в этом равнение на США. В рамках Конференции Шестнадцати, работа которой протекала в Париже летом 1947 г., Швейцария смогла выразить свою точку зрения и внести вклад в поиск решений, направленных на выработку эффективных механизмов европейского сотрудничества. Наконец, в момент, когда в январе 1948 г. встал вопрос об учреждении организации по европейскому сотрудничеству, в пользу которой сомневались в Берне, федеральный Совет заявил о своей оппозиции к организации, правомочной осуществлять контроль на ее территории⁹. Организация по европейскому

экономическому сотрудничеству (ОЕЭС) будет создана, и Швейцария сразу приложит все усилия, чтобы обеспечить в ней для себя особое положение. На самом деле, обладая здоровой экономикой и, особенно, твердой валютой, Швейцария смогла участвовать в европейском экономическом сотрудничестве, дать понять, что она ни в какой степени не нуждалась в финансовой инъекции и в данном случае не считала возможным подчинять свою экономическую деятельность внешним авторитетам. Убежденная в своей особой позиции швейцарская дипломатия смогла добиться в момент выработки конвенции по европейскому экономическому сотрудничеству, подписанной в Париже 16 апреля 1948 г., принятия "швейцарской оговорки" в статье 14. Статья оговаривала, что, несмотря на принцип единодушного решения, воздержание одного члена "не препятствует проведению в жизнь решений, являющихся обязательными для всех других членов".

Эта оговорка позволила бы Швейцарии, присоединяясь к ОЕЭС, совместить требования нейтралитета с ее участием в европейском экономическом сотрудничестве. Впрочем, приводя те же самые аргументы (здоровую экономику и твердую валюту), Берну удалось, после длительных переговоров, воздержаться от подписания двустороннего соглашения, заключить которое под заголовком "Экономический Акт Сотрудничества" ("Economic Cooperation Act") американское правительство предлагало всем, кто использовал план Маршалла. Особое положение Швейцарии нашло признание еще раз.

В рамках ОЕЭС, также как и в Европейском Союзе по планам, который станет валютным механизмом¹⁰, Швейцария постоянно старалась следить за тем, чтобы структуры европейского сотрудничества были по возможности наименее принудительными; она всегда выступала в защиту прагматических и эффективных механизмов, которые сохраняли бы свободу действий государств-членов.

Швейцарское правительство не расстанется с этой фундаментальной позицией, четко определенной в 1930 г. в отношении "Плана Бриана", когда в пятидесятые годы появятся новые проекты; воздерживается во имя своего нейтралитета от участия в Европейском совете в 1949 г.¹¹, в который Швейцария вступит только в 1963 г. Швейцарское правительство держится в стороне от всех инициатив, предпринимаемых с целью политического построения Европы. С опасением и разочарованием оно встречает образование Общего Рынка, появившегося на свет из Римского Договора от марта 1957 г., увидев в нем росток будущей наднациональной политической организации¹². Европейская интеграция представляет тот замысел, который на него наводит ужас¹³. Отсюда его предпочтение Европейской Ассоциации Свободной торговли (ЕАСТ), созданной в 1960 г. в связи с провалом переговоров, касавшихся Большой Зоны свободной

торговли, которая должна была охватить шесть государств Общего Рынка и все другие государства-члены ОЕЭС. Швейцария свободно себя почувствовала в ЕАСТ, которая представляла, пока Великобритания была ее членом, обширную зону торговли в Европе и которая обладала тем преимуществом, что не требовала никакой субординации в отношении каких-либо властей. В шестидесятые годы оппозиция генерала де Голля вступлению Великобритании в Общий Рынок отлично устраивала Берн. Однако, вся европейская динамика расстроится с вступлением Великобритании в Европейское Экономическое Сообщество 22 января 1972 г., за которой последовали Ирландия и Дания. Начиная с этого времени Швейцария по примеру других государств-членов ЕАСТ (Португалии, Швеции, Австрии, Финляндии, Исландии, Норвегии) договаривается о заключении Соглашения промышленной Свободной Торговли, которое было подписано в Брюсселе 22 июля 1972 г. Однако вскоре это соглашение показало себя недееспособным в отношении реализации новых европейских перспектив, а также и для ЕС, объединявшего уже 12 государств в 1980 г.

Два экономических объединения (ЕС и ЕАСТ) испытывали реальную необходимость развивать отношения между собой; состоялось заседание министров ЕС и ЕАСТ в Люксембурге 9 апреля 1984 г., заложившее основы для нового межевропейского сотрудничества; после длительных переговоров удалось заключить 22 октября 1991 г. Договор об Экономическом Европейском Пространстве. Договор был подписан в г. Порто 2 мая 1992 г. Вступление в силу этого договора было предусмотрено на январь 1993 г. Однако, швейцарский народ, проведя референдум 6 декабря 1992 г., выступил против участия Швейцарии наравне с другими государствами ЕАСТ в Европейском Экономическом Пространстве¹⁴. Одновременно с этим федеральный Совет получил запрос, касавшийся его европейской политики, ее целей и конечных задач; естественно, общественное мнение оказалось очень неоднородным в условиях международного окружения¹⁵. 10-го мая 1991 г. правительство Швейцарии заявило, что вступление в ЕС является для страны "вопросом о выборе европейской интеграции, имеющим первоочередную важность для рассмотрения"¹⁶. Год спустя, 26 мая 1982 г., Швейцария направила в Брюссель заявление об "открытии переговоров, касающихся ее вступления" в ЕС. Наконец, в 1993 г. несмотря на отказ швейцарского народа в декабре 1992 г. присоединиться к Договору об экономическом Пространстве, расцененном как крупное поражение федеральных властей в области европейской политики, федеральный Совет, однако, решительно утверждал, что "вступление в Европейский Союз представляет стратегическую задачу интеграционной политики"¹⁷.

Сравнивая большие события в истории европейского строительства, которые были нами рассмотрены, следует подчеркнуть

значение фактора "нейтралитета" в формулировке швейцарской позиции, касавшейся проектов европейского союза. Впервые в связи с планом Бриана со всей ясностью было сказано: участие в европейском союзе может быть рассмотрено только, если нейтралитет не будет затронут или каким-либо образом изменен. В связи с этим, не может быть и речи о возможности какой-либо адаптации нейтралитета к императивам европейского союза. Иначе говоря, идея нового компромисса, о котором было заявлено в Лондонской декларации 1920 г., устанавливающей Лондонский нейтралитет 1920 г., дифференциальный нейтралитет, эта идея не находит даже упоминания. Такая четкая и твердая позиция, касающаяся приоритета традиционного статута нейтралитета, вновь берется на вооружение четверть века спустя, а именно в 1947 г., при принятии решения участвовать в плане Маршалла. В 1947—48 гг. швейцарская дипломатия старается из всех сил усилить свою политику нейтралитета в отношении двух группировок великих держав, которые начинают вырисовываться на международной арене; швейцарская дипломатия видит в утверждении своего статута нейтралитета первое условие для достижения новых провозглашенных целей универсальности, свободы и солидарности. Холодная война, которой будут охвачены следующие десятилетия, узаконит без особых дискуссий как в самом правительстве, так и в общественных кругах, незыблемое сохранение нейтралитета. Безусловно, правительство должно было согласиться с некоторыми практическими и весьма стеснительными компромиссами в период обострения кризисов и конфликтов между Востоком и Западом, но кардинальное направление в позиции Швейцарии, которого придерживались, между прочим, иностранные державы, продолжало быть все более четким.

Что касается европейского союза, который пройдет через важные этапы в 50-е и 60-е годы, Швейцария неуклонно будет придерживаться оговорок, высказанных ею в отношении плана Маршалла: "да" — любому участию в усилиях экономического сотрудничества, "нет" — любой инициативе по организации союза и проведения интеграции, преследующих политические задачи.

Вопрос был настолько решенным, что не стоило было напоминать о роли нейтралитета в то время, когда шли переговоры о соглашениях, связанных с ЕС начиная с 1972 г.

2. Экономический аргумент

С появлением проектов европейского союза в начале 50-х годов в различных кругах самой высокой администрации и патроната появляются аргументы и концепции, которые не находятся в непосредственной связи с аргументом нейтралитета, но кото-

рые на него наслаиваются или с ним сливаются, в частности в определении позиции Швейцарии в отношении ЕС¹⁸.

Приведем анализ процесса интеграции конца 50-х годов, произведенный высокопоставленным чиновником, который очень точно отражает концепции, широко поддержанные швейцарскими экономическими кругами: "Шесть обладают монополией политической интеграции, но не монополией экономической интеграции", пишет Оливье Ленг¹⁹, делегат федерального Совета по торговым соглашениям и будущий генеральный директор ГАТТ.

"Эта оппозиция между интеграцией, по своей сущности политической, Шести и чисто экономической интеграцией, к которой стремились другие европейские государства, четко проступает в тарифной области. В соответствии со своими целями Шесть делают акцент на региональном характере. Таким образом, они заботятся об общем таможенном тарифе, который силою вещей будет стремиться изолировать их от остального мира. В противоположность этому, другие европейские страны акцентируют взаимную зависимость мировой торговли. Следовательно, они хотят сохранить свою свободу действий в тарифной области, а также стремятся удержать свою политическую независимость".

Другими словами говоря, создание ограниченного экономического союза является экономической аберрацией в той степени, в какой экономические круги убеждены, что единственно свободная торговля, по-настоящему всеобщая, является двигателем общего процветания. При этом даже считают, что создание ЕС является политически пагубным в том смысле, что оно содействует разделению демократий, а, следовательно, их ослаблению по отношению к коммунистическому блоку. Так, руководитель швейцарской дипломатии выразил подобное мнение во время проведения конференции в Милане в ноябре 1957 г.²⁰. Комментируя Римский Договор от марта 1957 г. Макс Птипьер заявил: "Вопрос, который встает сегодня, это вопрос следующий, подвергается ли риску Общий Рынок в том случае, если он не будет дополнен организацией более широкой, объединяющей все страны ОЕЭС (Птипьер напоминает о создании Большой Зоны свободной торговли, которая стоит в повестке дня), риску привести к новому дроблению, несогласиям в Европе; безусловно, Общий Рынок представляет большее единство в ограниченных рамках шести государств, но это благодаря разрыву экономических связей в их совокупности"²¹.

По мнению швейцарских руководителей, установление внешнего тарифа шестью государствами Общего Рынка приведет к созданию небольшой зоны, экономически защищенной, в центре либерального мира. Таким образом, это политически опасно и экономически вредно, ибо это содействует формированию конкурирующих блоков.

В противоположность этому экономическая интеграция, не преследующая политических целей, представляет собой вектор развития и приобретения универсального характера экономической торговли; она приводит, естественно, к глубокой интеграции различных экономических систем, при этом не прибегая к дирижизму; она вытекает из хорошо усвоенного сотрудничества между государствами. В течение 50-х и 60-х годов было много разговоров в Швейцарии, а также в Великобритании и Скандинавии об европейской интеграции, но не вертикальной, а горизонтальной. Эти концепции и анализы привели именно к созданию в 1960 г. Европейской ассоциации Свободной Торговли (ЕАСТ).

Преимущество этого метода европейской интеграции через сотрудничество состоит в том, что она доступна странам так называемого "третьего мира", а именно государствам, образовавшимся в результате деколонизации, как аргументируют в кругах их взгляды, близкие к мировой экономической концепции, основанной на принципах ГАТТ.

Эта концепция европейской интеграции через сотрудничество, которую поддерживают и активизируют Англия, Скандинавия и Швейцария, широко распространена в экономических кругах свободной торговли; эти круги убеждены, что в конце 50-х годов дирижистский метод, введенный Договором Общего Рынка, будет вскоре отнесен на задний план, настолько этот метод предстает концептуально и практически устаревшим по отношению к космическим перспективам всеобщей экономической системы; хотя, как известно, после приблизительно десятилетия существования Общего Рынка, именно метод последнего установился в Европе в 70-е годы: последовательное вступление Англии, Ирландии, Греции, Испании и Португалии полностью опрокидывает данные европейской интеграции.

В перерыве, правда, американская экономическая политика, проводившаяся с 1972 г., в частности решение президента США стабилизировать доллар, сыграла в этом большую роль.

Швейцария надеялась в течение какого-то момента, что она смогла бы синтезировать обе перспективы интеграции, как они были уже сформулированы в контексте переговоров, касавшихся римского Договора; в связи с этим было предусмотрено его дополнить в 1959 г. конвенцией о Большой Зоне Свободной Торговли (Comité Maudling). Этот Комитет предусматривал сотрудничество между всеми некоммунистическими европейскими государствами и Шестью государствами Общего рынка. Известно, что политическое решение одной страны, а именно Франции, ограничило продвижение в этом направлении европейского строительства двумя взаимопроникающими кругами.

Именно во время переговоров о таком трудоемком Договоре, каким является Договор об Экономическом Европейском Пространстве, заключенный в октябре 1991 г., швейцарские власти

сочли, наконец, возможным осуществить синтез двух европейских организаций, каждая из которых стала воплощением концепции, появившейся в результате разногласий конца 50-х годов (ЕС и ЕАСТ).

К сожалению, швейцарский народ отказался от декабрьской формулы 1992 г., продемонстрировав тем самым слабую реакцию на экономические аргументы политических и экономических деятелей страны.

Народ не воспринял аргументацию федерального совета, который в своем Докладе о позиции Швейцарии в процессе европейской интеграции от августа 1988 г. уже признал, "что Сообщество играет главную роль в европейском сотрудничестве и интеграции" и что "настоящее положение Швейцарии в Западной Европе ясно показывает, что страна тесно связана с своим "европейским окружением как в политическом, так и в институционном и экономическом планах"²².

Указав назначение, какое приобретает сохранение универсальной внешней экономической политики, доклад федерального совета отдал должное системе свободной торговли, которая позволила одновременно проводить свою европейскую политику и быть открытой для мира, и которая также разрешила Швейцарии сохранять свою независимость, гарантированную ее политикой нейтралитета".

Согласно этому правительственному докладу система экономической торговли, принципиальная и в основном практикуемая Швейцарией — свободная торговля —, следовательно, позволила сохранить нейтралитет страны. В 1988 г. нейтралитет еще признан почти незыблемым, который нет необходимости объяснять, ибо "внешняя политика Швейцарии не ограничивается границами Европы, а носит универсальный характер"²³.

Между тем, федеральный Совет, заявляющий в это время, что он предпримет все, чтобы сделать Швейцарию "пригодной для Европы"²⁴, напоминает о возможности возникновения народного движения за присоединение к ЕС, в которое он не верит, и считает, что в таком случае придется платить ценой политики в обмен на это присоединение. Федеральный Совет не уточняет, что такой политической ценой будет, в первую очередь, отказ от нейтралитета, а также от значительной части демократических институтов. Однако, четыре года спустя, в своем Докладе по вопросу присоединения Швейцарии к Европейскому Сообществу от 18 мая 1992 г. федеральный совет ясно заявил, что присоединение Швейцарии к ЕС представляет сегодня задачу европейской интеграции. В отношении новой задачи европейской политики Швейцарии федеральный Совет, не предлагая углубленного анализа воздействия свой новой политики европейской интеграции на нейтралитет, поделился, однако, некоторыми соображениями, раскрывающими его новое понимание места нейтралитета в новом европейском строительстве. Он

подчеркивает, что нейтралитет "не является главным препятствием для присоединения", но что нейтральное государство "должно быть расположено к тому, чтобы согласиться, что нейтралитет потеряет свою уместность в том случае, если Европейский Союз превратится однажды в оборонительное сообщество". Однако, в ожидании этого случая "нейтральному государству предстоит решать, является ли совместимой со статутом нейтралитета принадлежность к ЕС. Если это государство захочет присоединиться к Сообществу, ему предстоит приступить к необходимому изменению своей внешней политики"²⁵.

Иначе говоря, швейцарское правительство дает понять, что отныне задача присоединения к ЕС на средний и длительный срок будет являться приоритетной над традиционной политикой нейтралитета; последняя же должна будет следовать за движением и подвергаться новым интерпретациям.

Заключение

Вопрос, который отныне встает, состоит в следующем — приведут ли недавние изменения и интерпретации нейтралитета в соответствии с новыми европейскими реалиями к ликвидации нейтралитета в политике Швейцарии. Если бы это было так, то Швейцария перевернула бы решающую страницу своей истории, стерла бы вековое представление о себе как о "преимущественно нейтральной стране". Но федеральный совет, который оказывал все эти последние годы неослабевающее внимание экономическим выгодам европейской интеграции, пошел на то, чтобы дать оценку "настоящей и будущей ценности нейтралитета в качестве инструмента внешней политики Швейцарии". Однако, эти заявления не внесли ничего нового и не просветили общественное мнение.

Некоторые считают, что как бы то ни было, швейцарский нейтралитет, насколько он может еще иметь смысл в рамках сообщества и в международной системе, отмеченных возросшей межгосударственной зависимостью, не будет больше выполнять свою традиционную функцию, которая обеспечивала Швейцарии привилегированное положение в международных отношениях.

Примечания

¹ Исторический аспект нейтралитета Швейцарии дан в работах: "La neutralité suisse à l'épreuve de l'Union européenne". The History of Neutrality. Helsinki. Finnish Historical Society, 1993, pp. 191—202; "La Suisse au coeur de l'Europe". Les Europes des Européens. Ed. René Girault. Paris, Publications de la Sorbonne, 1993, pp. 133—142; "Switzerland and the Organization of Europe. Historical perspectives". Swiss Neutrality and Security. Ed. M. Milivojevic — P. Maurer. New-York, Berg, 1990, pp. 97—109. О вкладе России в

установление швейцарского нейтралитета и в его перцепцию, начиная с 1815 г. см.: SUISSE — RUSSIE: Contacts et ruptures 1813—1955. Документы Министерства иностранных дел России и Федеральных Архивов, отобранные, аннотированные и представленные Антуаном Флери и Даниелем Тюсале-Риго. Берн, 1994 (см. также русское издание 1995 г.).

² См.: Documents diplomatiques suisses (DDS), vol. 7/I-II (1918—1920), rubrique: "La Suisse et la Conférence de la Paix".

³ Ibid; см.: "La politique étrangère de la Suisse et la nouvelle Diplomatie". Внешняя политика в свете швейцарских дипломатических документов в течение целого столетия. Берн. Société générale suisse d'histoire, Itinera, 7/1987, p. 84.

⁴ См.: План Бриана Европейского Федерального союза. Actes du Colloque de Genève. 19—21 septembre 1991. Ed. Antoine Fleury, Berne, P. Lang (в печати).

⁵ См.: La situation particulière de la Suisse au sein de l'organisation européenne de coopération européenne (OECE)". Histoire des débuts de la construction européenne. Ed. Raymond Peidevi-Bruxelles, Bruylant, 1986, pp. 95—117.

⁶ Отметим, что швейцарский народ одобрил 17 мая 1992 г. вступление Швейцарии в Международный Валютный Фонд, а также во Всемирный Банк на основах, предложенных федеральным Советом от 18-го августа 1982 г. В то же время народ отклонил 16 марта 1986 г. предложение правительства о вступлении в члены ООН. См.: Neues Handbuch der Schweizischen Aussenpolitik. Bern, Haupt, 1992.

⁷ Указ.соч., примечание 5, с. 103.

⁸ Там же, с. 104.

⁹ Там же, с. 113.

¹⁰ См.: Schwerdiel, Günter. The Swiss Participation in the European Payments Union 1950—1958. Bern, P. Lang. 1992.

¹¹ См.: Wyder, Rudolf. Die Schweiz und der Europarat 1949—1971. Bern. Haupt, 1984.

¹² См.: "La Suisse: le projet de Grande Zone de libre échange et la création de la CEE"; La relance européenne et les traités de Rome. Ed. Enrico Serra; Bruxelles, Bruylant, 1989, pp. 393—413.

¹³ Об официальной позиции см.: Отчеты федерального совета, в частности отчет от 11 августа 1971 г. — L'évolution de l'intégration européenne et la position de la Suisse, а также отчет от 24 августа 1988 г. — La position de la Suisse dans le processus d'intégration européenne.

¹⁴ См.: Message du Conseil fédéral relatif à l'approbation de l'accord sur l'Espace économique européen. Bern, Chancellerie fédérale, 1992.

¹⁵ См.: La Suisse et son avenir européen, une analyse des positions suisses face à l'intégration de l'Europe. Sous la direction de Roland Ruffieux. Lauzanne, Payot, 1989.

¹⁶ См.: Rapport du Conseil fédéral sur la question d'une adhésion de la Suisse à la Communauté européenne de mai 1992.

¹⁷ См.: Rapport sur la politique extérieure de la Suisse dans les années 90 du 29 novembre 1993, p. 31.

¹⁸ См. подробности: "Le patronat suisse et l'Europe: du Plan Marshall au Traité de Rome"; L'Europe du Patronat. De la Guerre froide aux années soixante. Bern-P. Lang, Eurodio, 1993, pp. 165—189; "Le Plan Marshall et l'économie

suisse"; Le Plan Marshall et le relèvement économique de l'Europe. Paris, Комитет по финансовой и экономической истории Франции, 1993, сс. 549—564.

¹⁹ Olivier Lang. "L'intégration européenne et les relations économiques de la Suisse avec le monde". Revue économique et sociale. Lausanne, septembre 1959; оттиск, с. 6.

²⁰ Конференция руководителя федерального политического Департамента при Институте по изучению международной политики в Милане Макса Птипьера, состоявшаяся 9 ноября 1957 г., федеральные Архивы. Берн, E 2800 1990/106/7.

²¹ В отношении других сюжетов, освещенных Птипьером, в частности о задаче сохранить проект Большой Зоны свободной торговли, см. работу под сноской 12.

²² Указ. отчет, с. 70.

²³ Там же, с. 135.

²⁴ Расположенность к Европе, согласно формулировке Государственного секретаря Швейцарии Франца Бланкарта, должна была позволить Швейцарии избегать давления с целью присоединения; становясь способной к присоединению, она сама приступала к проведению всех внутренних мер с тем, чтобы сделать свой юридический режим совместимым с режимом Сообщества. См.: Franz Blankart. "Considérations sur la politique européenne de la Suisse"; Cadmos — Genève, No 38, 1987, pp. 22—38.

²⁵ См.: гл. 5. 452 "Нейтралитет" из Отчета федерального Совета от 18 мая 1992 г.

ПЛАН "ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ" ДЕ ГОЛЛЯ И СССР (1958-1962)

Цель настоящей статьи — осветить позицию Советского Союза по плану де Голля о "единой Европе". Мы рассмотрим официальное отношение к этому вопросу, зафиксированное в документах Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Они не многочисленны, но отражают взгляды советского руководства на проблему достаточно четко и никогда не издавались. Отметим сразу, что название плана де Голля представлено в материалах АВПРФ в самых различных вариациях: "большая Европа", "Европа шести", "единая Европа", "Объединенная Европа", "Европа государств", "малая Европа". Однако во всех этих случаях практически подразумевается одно и то же.

* * *

Свою концепцию "единой Европы" де Голль начал разрабатывать вскоре после возвращения к власти. Он задумал основать на базе экономического Римского договора политическую организацию входящих в "Общий рынок" государств (Франция, Италия, ФРГ, Бельгия, Голландия, Люксембург). Таким образом, генерал стремился создать "объединенную Европу", независимую в своей политике от США. 13 августа 1958 г. де Голль сделал первый небольшой набросок задуманной им идеи:

"Европа должна стать практической реальностью в политическом, экономическом и культурном плане... Европейская кооперация должна утвердиться и за пределами Европы, касательно важных проблем мировой политики... Для того, чтобы достигнуть этих целей, между правительствами заинтересованных государств должны проводиться регулярные консультации..."¹

В течении первой половины 1958 г. де Голль несколько раз при различных обстоятельствах упоминал о своем плане Европы. В СССР на это достаточно быстро обратили внимание. В беседе с общественным и политическим деятелем Франции Эммануэлем д'Астье де Ля Вижери 9 марта 1959 г. посол СССР в Париже Сергей Виноградов заметил:

"...в Москве заинтересовались заявлением о так называемой "большой Европе", сделанном во время завтрака 30 декабря 1958 года. Однако ни тогда, ни сейчас де Голль не разъяснил, что он имеет в виду."²

14 июля 1959 г. Виноградов лично повидался с генералом, недавно избранным президентом республики. Де Голль заявил послу СССР:

"Мы за организацию "большой Европы". Надо дать возможность жить и иметь перспективу также и таким странам как ФРГ и Италия, хотя они и участвовали в войне против СССР и Франции"³.

Незадолго до этой встречи, в конце июня, президент Французской республики ездил с государственным визитом в Италию. Там, в Риме, он официально предложил в русле своей концепции "объединенной Европы" устраивать регулярные заседания министров иностранных дел Франции, Западной Германии и Италии с тем, чтобы проводить консультации по важнейшим проблемам международных отношений. Правда, сразу возникли сложности. Итальянцы настаивали на участии в совещаниях Бельгии, Голландии и Люксембурга. А последние хотели, чтобы на них была представлена также Великобритания. Тем не менее начало было положено.

В посольстве СССР во Франции сразу же начали собирать материал о предложенных де Голлем идеях. Виноградов его систематизировал и представил Москве свое видение проблемы. В его политическом письме от 20 августа 1959 г., отправленном министру иностранных дел СССР Андрею Громыко есть особый параграф — "Создание во главе с Францией континентального блока в Европе". Посол пишет:

"В своем стремлении поднять роль Франции в международных отношениях де Голль, не располагая необходимыми собственными средствами для достижения этой цели, пытается опереться на силу и влияние стран западноевропейского континента. Де Голль стремится в этих целях добиться создания под эгидой Франции континентального блока, признания за ней роли выразителя его интересов. Одновременно он пытается склонить своих европейских партнеров к поддержке французской политики под предлогом, что будто она соответствует интересам всей континентальной Европы. В связи с этими расчетами в последнее время французские правительственные круги вновь возвратились к идее создания из континентальных стран Западной Европы под руководством Франции пресловутой "третьей силы" по отношению к СССР и США, своего рода континентального блока, способного противостоять англо-саксонскому диктату в НАТО"⁴.

Отметим, что в документе явно сквозит недоброжелательное отношение к идее президента Франции. Однако, скорее, это дань духу времени. В том же, что касается сути намерений де Голля, то она в общем схвачена верно. Вполне справедливо также Виноградов освещает позицию Франции по отношению к Англии, указывая:

"Необходимость создания такого блока рассматривается французскими правящими кругами также в качестве одного из главных средств борьбы с Англией за господствующее влияние в Европе и ослабление позиций последней в европейских странах.

Французские правящие круги пытаются создать этот блок на базе использования существующих экономических организаций "Европы шести". В связи с этим за последнее время во Франции вновь всплыла идея создания своего рода "политического сообщества шести". Во время переговоров в Риме де Голль, например, предлагал создать на базе "общего рынка" политической организации шести стран для координации их деятельности в области внутренней и внешней политики"⁵.

Самую активную деятельность по разработке и проведению в жизнь своего плана "единой Европы" де Голль разворачивает в 1960-1961 гг. В мае 1960 г. он заявляет:

"Надо способствовать объединению Западной Европы в политическое, экономическое, культурное и человеческое объединение, основанное на действии, прогрессе и защите. Вне всякого сомнения надо, чтобы нации, ассоциированные в нем, не потеряли свой собственный облик и чтобы они следовали по пути организованной кооперации государств, которая может быть смогла бы привести в будущем к внушительной Конфедерации"⁶.

Последующие конкретные предложения де Голля предусматривали прежде всего тесное политическое сотрудничество между странами "шестерки". Президент Франции выступил за то, чтобы европейские государства имели в распоряжении свои специальные органы для разрешения важных международных проблем. Он предложил регулярно созывать неправительственные совещания глав правительств, а также министров иностранных дел, военных министров, министров экономики и культуры.

Деголлевский план "Европы шести" обсуждался на конференции глав государств в Париже в феврале и в Бонне в июле 1961 г. Однако, как известно, к согласию стороны не пришли. Намерения де Голля встретили серьезное противодействие со стороны Бельгии, Голландии и отчасти Италии. Советские представители в Париже зорко следили за этими мероприятиями. 5 сентября 1961 г. Виноградов отсылает в Москву справку о "Европейском экономическом сообществе". В параграфе "Политические мероприятия "Общего рынка" он указывает:

"Поставив перед собой задачу восстановить "величие Франции", де Голль в качестве одного из основных средств осуществления этого взял линию на сплочение под руководством Франции континентального европейского блока с целью превращения "общего рынка" в военно-политическое объединение, которое смогло бы выступить по его замыслам как "третья сила".

...предварительные контакты с другими странами" шестерки" выявили наличие серьезной оппозиции французским планам со стороны остальных участников "общего рынка", поскольку план исходит из явной предпосылки обеспечения за Францией руководящей роли в объединении "шести"⁷.

Следует обратить внимание, что этот документ посла СССР во Франции отделяет от предыдущего, посвященного той же те-

матике, более двух лет. Это время отмечено важными вехами в развитии советско-французского сотрудничества. К сожалению, его результат не был позитивным. Некоторое потепление в советско-французских отношениях наметилось в самом конце 50-х гг. В правящих кругах Москвы приветствовали визиты Никиты Хрущева в Париж в марте 1960 г. и в мае 1961 г. Однако они не принесли практически никаких положительных результатов. После этого в СССР опять началась полоса негативного и крайне настороженного восприятия французских внешнеполитических мероприятий. Руководители Советского Союза более всего опасались военного сотрудничества западных стран и усматривали в первую очередь сближение европейских государств как сближение на военной основе. Вполне естественно, поэтому, что в своей справке от 5 сентября 1961 г. Виноградов характеризует "единую Европу", которую стремился сколотить президент Французской республики как замысел прежде всего "военно-политического объединения".

В 1962 г. де Голль упорно продолжает деятельность по построению "единой Европы". Еще во время Боннского заседания он добился от партнеров по "общему рынку" согласия на создание специального комитета для практической разработки вопроса по структуре европейского союза. Во главе комитета встал известный сторонник де Голля Кристиан Фуше. Под его руководством был создан так называемый проект "Европы государств". Однако главным было то, что в 1962 г. президент Франции изменил свою тактику в отношении претворения в жизнь своего плана "объединенной Европы". Теперь он ориентировался на союз с Западной Германией и рассчитывал склонить к утверждению идеи "Европы государств" Аденауэра и с его помощью остальных партнеров.

Москву об этом быстро осведомили. 18 июня 1962 г. первый секретарь посольства СССР во Франции Никольский составлял справку для министра иностранных дел Советского Союза — "Позиция Франции по вопросу о заключении Германского мирного договора и нормализации на этой основе положения в Западном Берлине". В ней Никольский, в частности, сообщает:

"Де Голль в течение последнего времени неоднократно подчеркивал в своих выступлениях, что франко-западногерманский союз должен служить основой будущей "объединенной Европы". Согласно доверительной информации, дипломатический советник де Голля Майяр заявил в частной беседе, что во Франции ведут дело к укреплению франко-западногерманского союза, поскольку создание деголлевской "Европы государств" зависит исключительно от прочного союза Франции и ФРГ. По словам Майяра, франко-западногерманский союз проявляет себя, в частности, в следующих моментах: Аденауэр поддерживает деголлевские возражения против принципов "наднациональности" в

европейском строительстве, де Голль же поддерживает Аденауэра в берлинском вопросе”⁸.

Впрочем, надежды де Голля относительно эффекта помощи Аденауэра не оправдались. Противоречия между партнерами только усугубились. Мало того, планы президента Франции встретили серьезное недовольство США и Англии, которые усмотрели в них явные претензии Франции на преобладающее влияние в Западной Европе. В результате тот же 1962 г. практически положил конец попыткам де Голля организовать ”единую Европу” по выдвинутому им образцу. Советский Союз, тем не менее, как и прежде внимательно наблюдал за этим процессом.

В ноябре 1963 г. Виноградов пишет для Громыко большое политическое письмо, озаглавленное ”Мероприятия Франции по созданию военно-политической группировки в Западной Европе”. В нем он подробно обрисовал хорошо известные мероприятия Франции, предпринимаемые с целью осуществления планов де Голля.

Большое внимание посол СССР уделил рассмотрению франко-английских и франко-американских противоречий. Относительно отношений с Великобританией Виноградов вполне справедливо замечает:

”Прямым следствием намерения де Голля обеспечить руководящее положение Франции в рамках ”малой Европы” и таким путем ее преобладающее влияние в континентальных странах Западной Европы являлось устранение Англии от активного участия в обсуждении различного рода ”европейских вопросов”, поскольку де Голль в своей политике исходил из необходимости ослабления позиций Великобритании в Западной Европе.

В сложившейся обстановке Франция со своей стороны предпринимает меры к тому, чтобы максимально затруднить вступление Великобритании в ”общий рынок”, понимая, что она не намерена играть в нем роль второстепенного члена.

Таким образом вопрос о вступлении Англии в ”общий рынок” в сущности является проблемой франко-английских политических отношений, вскрывающей основное противоречие между двумя странами — соперничество за преобладающее влияние в Западной Европе”⁹.

Посол СССР останавливается также на позиции Соединенных Штатов касательно французских планов:

”Мероприятия по созданию в Западной Европе военно-политической группировки на базе ”общего рынка” привлекают все более пристальное внимание США и побуждают к их активному вмешательству в вопросы европейского строительства. В политическом плане правящие круги США пытаются оказать противодействие тому, чтобы ЕЭС превратилось в замкнутую и автономную политическую организацию в рамках западного блока, которая могла бы претендовать на известную самостоятель-

ность по отношению к США в вопросах определения общей западной политики и в этом смысле ограничивать свободу маневрирования Соединенных Штатов в проведении их собственной линии. С этой целью они активно поддерживают вступление Англии в "общий рынок", рассчитывая, что ее членство в "малой Европе" может изменить характер планируемого военно-политического союза"¹⁰.

Надо сказать, что и в этих своих рассуждениях Виноградов был близок к истине. Особенно подробно посол СССР рассматривает планы де Голля в свете франко-германских отношений. Он указывает:

"Учитывая неблагоприятно сложившуюся обстановку в деле реализации проекта "союза государств", голлистское правительство изменило тактику в этом вопросе, перейдя от не давших пока результатов двухсторонних и многосторонних переговоров со своими партнерами по "общему рынку" к широкой демонстрации дальнейшего укрепления "оси Париж-Бонн". Представители французских правящих кругов в лице де Голля открыто встали на путь подготовки прямого франко-западногерманского военно-политического союза внутри "шестерки", в основу которого де Голль рассчитывает положить главные принципы "союза государств". Тем самым предпринимается еще одна попытка оказать серьезный нажим на "малых" членов "общего рынка" и на Италию с тем, чтобы заставить их капитулировать перед "осью Париж-Бонн", присоединиться к голлистской концепции военно-политического блока "шести" и, таким образом, вывести политические переговоры из тупика"¹¹

В конце изложения своего, вполне адекватного видения обозначенных проблем, связанных с планами де Голля, Виноградов делает совершенно неожиданные выводы:

"Создаваемый Францией западноевропейский военно-политический союз, основой которого должна служить "ось Париж-Бонн", по своей природе и целям направлен против Советского Союза и стран социалистического лагеря"¹².

Удивляться этому не следует. Официальная идеология советского государства 60-х гг., как и многих других времен, заключала в себе однозначно враждебное отношение к странам Запада, исходящее из концепции о непримиримости капиталистической и социалистической систем. В правящих кругах Москвы с опасением смотрели на любые попытки объединений государств Западной Европы. Одного упоминания о том, что сотрудничество этих стран должно осуществляться и в военной области, было достаточно, чтобы заподозрить в нем угрозу Советскому Союзу.

На свое развернутое письмо Виноградов получил ответ из МИДа СССР, который гласил:

"В политическом письме делается правильная оценка мероприятий французского правительства по созданию военно-поли-

тической группировки в Западной Европе, направленной против СССР и стран социалистического лагеря...

Содержащиеся в политическом письме выводы будут учтены при подготовке соответствующих внешнеполитических мероприятий"¹³.

Крайне настороженное восприятие в Москве вызвали известные слова де Голля о "Европе от Атлантики до Урала". Отметим, что это высказывание генерала до сих пор вызывает споры и интерпретируется самым разным образом. Скорее всего президент Франции имел в виду Европу будущего, в которой, как он считал, уже не будет "противоположных идеологий". Правящим кругам СССР не понравилось в первую очередь именно это уточнение. Но и чисто географические координаты также привели советское правительство в недоумение. В результате министерству иностранных дел СССР было поручено отправить запрос французской стороне. Вследствие этого 20 сентября 1962 г. послу Франции в Москве Дежану передали весьма любопытную памятную записку. В ней говорилось:

"Советское правительство обратило внимание на заявление Президента Французской республики де Голля во время его визита в ФРГ, в котором указывалось, что одной из целей франко-западногерманского военно-политического объединения является установление каких-то новых порядков в Европе "от Атлантического океана до Урала" с "прекращением", как говорилось, "отжившей идеологии на Востоке". Нельзя не обратить внимание также на то, что эти высказывания были сделаны в Западной Германии в обстановке реваншистских и милитаристских манифестаций.

Подобные рассуждения не могут не вызвать аналогии, не напомнить о печальном прошлом, когда в гитлеровской Германии тоже говорилось о планах организации Европы от Атлантического океана до Урала, об установлении пресловутого "нового порядка" в Европе.

...если допустить, что в выступлениях Президента Французской республики речь идет об организации сотрудничества всех европейских государств в интересах "мира и прогресса от Атлантического океана до Урала", тогда возникает вопрос, почему же в этих выступлениях говорится о СССР не как о государстве в целом, а лишь о части территории Советского Союза, а именно о территории до Урала. Таким образом, остается неясным, что же в действительности скрывается за такого рода рассуждениями.

Поскольку указанные заявления Президента Французской республики касаются непосредственно Советского Союза и его территории, МИД СССР, действуя по поручению Советского правительства, хотел бы получить разъяснение МИДа Франции, какой смысл вкладывается в эти заявления"¹⁴.

Оценку в традиционном ключе из Парижа не замедлил дать Виноградов:

"Выдвинутая де Голлем идея создания "Европы от Атлантики до Урала", осуществление которой в более далекой перспективе мыслится на базе западноевропейского военно-политического союза в условиях, когда, по замыслу французских правящих кругов, произойдет изменение соотношения сил в Европе в пользу империалистического лагеря, носит враждебный СССР и другим социалистическим странам характер и преследует цели подрыва единства социалистического лагеря"¹⁵.

А от МИД Франции Советское правительство так и не дождалось никакого ответа. Некоторые подробности этой истории стали известны несколько позднее, во время беседы первого секретаря посольства СССР во Франции Дубинина с заведующим службой пактов МИД Франции де Ля Гранвилем. Дубинин сообщил в Москву:

"Де Ля Гранвиль по своей инициативе коснулся вопроса относительно смысла выражения "Европа от Атлантики до Урала". Он сказал, что по его мнению, политическая абсурдность такого выражения очевидна. По получении в свое время нашего запроса в МИД Франции долго обсуждали, как быть с ответом. В конце концов по инициативе МИД был подготовлен проект документа, который затем отправили в Елисейский дворец. Проект утвержден не был. Затем Кув де Мюрвиль сказал, что никакого ответа вообще давать не будет. Вместе с тем, сотрудники Кэ д'Орсэ в настоящее время стараются избегать выражения "Европа от Атлантики до Урала"¹⁶.

Но эта беседа имела место только в конце 1962 г., а годом раньше советское правительство, не дождавшись ответа французской стороны, распорядилось опубликовать заявление ТАСС о высказываниях де Голля во время его поездки в Западную Германию. Оно было утверждено специальным постановлением ЦК КПСС и звучало весьма впечатляюще:

"Разговоры о "советской угрозе" — прием не новый. К нему прибегали еще создатели антикоммунистического пакта, готовясь развязать вторую мировую войну. К этому приему фактически возвращаются сейчас для того, чтобы как-то замаскировать агрессивную сущность вынашиваемых планов. Эти планы на деле состоят в том, чтобы на основе "оси Париж-Бонн" сколотить военно-политическую группировку в Западной Европе для подготовки всякого рода авантюр против СССР и других миролюбивых государств. Как же можно понять крикливое заявление генерала де Голля об организации Европы "от Атлантики до Урала", да еще при условии ликвидации социалистического строя в странах Восточной Европы? Эта та же старая несбыточная мечта европейской реакции восстановить в Европе отброшенные историей порядки. Такие планы как нельзя лучше отвечают агрессивным устремлениям западногерманских мили-

таристов и реваншистов, которым все еще не дают покоя бредовые идеи Гитлера об установлении "нового порядка" от Атлантики до Урала. Не случайно визит де Голля, его выступления, усилили разгул реваншистских страстей в ФРГ"¹⁷.

Трудно представить, как отнесся к этому заявлению ТАСС де Голль. Но очевидно, что он остался тверд в своих убеждениях относительно "единой Европы" и перспектив такого замысла. 28 января 1963 г. в беседе с послом СССР во Франции Сергеем Виноградовым президент Французской республики заявил:

"Настанет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом"¹⁸.

Примечания

¹ Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1958 — Décembre 1960. P., 1985. P.73.

² АВПРФ. Фонд (Ф) 0136, опись (оп) 49, дело (д) 5, папка (п) 279.

³ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 49, д. 5, п. 279.

⁴ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 49, д. 2, п. 279.

⁵ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 49, д. 2, п. 279.

⁶ Gerbet P. La construction de l'Europe. P., 1983. P. 274-275.

⁷ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 51, д. 24, п. 289.

⁸ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 21, п. 292.

⁹ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 2, п. 290.

¹⁰ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 2, п. 290.

¹¹ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 2, п. 290.

¹² АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 2, п. 290.

¹³ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 2, п. 290.

¹⁴ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 12, п. 291.

¹⁵ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 10, п. 294.

¹⁶ АВПРФ. 0136: оп. 52, д. 21, п. 292.

¹⁷ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 52, д. 12, п. 291.

¹⁸ АВПРФ. Ф. 0136, оп. 53, д. 5, п. 293.

**СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ И "ЕДИНАЯ ВОСТОЧНАЯ
ЕВРОПА" В 50-е — 90-е ГОДЫ.
СОВЕТСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
И ГЕОПОЛИТИКА**

На протяжении долгого времени сам термин "геополитика" был запретным в Советском Союзе и имел в соответствии с советскими пропагандистскими установками резко негативное содержание. Являясь частью идейно-теоретического категориального аппарата германского национал-социализма, он избегался и многими западными учеными, политиками и трансформировался в нейтральное и достаточно узкое понятие "геостратегия". На Востоке, и прежде всего в СССР, официальная пропаганда — этот инструмент, использовавшийся советским партийно-государственным аппаратом для формирования представленных категорий в сознании населения, взяла на вооружение военно-политическую терминологию сталинского периода, продолжая использовать до середины 80-х лексическую идеологизированную категорию "лагерь" (в смысле "стан") — замкнутое, окруженное враждебной средой пространство¹. В этой связи особое значение начинали приобретать факторы социально-политической однородности составляющих лагерь элементов, их взаимной этнокультурной невраждебности, естественно-географической компактности и промышленно-сырьевой обеспеченности. Иными словами те базовые компоненты, которые характерны для понятийного аппарата геополитики как науки. Одновременно особую значимость приобретала степень потенциального военно-политического контроля, обеспечивавшаяся такой структурой как на региональном уровне, так и в глобальном плане. Западное видение ситуации, несмотря на те или иные нюансы в политике конкретных правительств стран Европы и США, выражалось в объединительных понятиях "свободный мир" и "железный занавес". Таким образом, каждая из сторон, выработав, и используя собственную идейно-политическую шкалу ценностных категорий, тем не менее была вынуждена силой обстоятельств учитывать факторы геополитики и геостратегии. Поэтому для Москвы предметом особых забот являлся сформировавшийся к середине 50-х годов жизненно важный для СССР Восточный блок, сердцевину которого составляла Восточная Европа. Среди партийно-государственных институтов Советского Союза в определении восточноевропейского курса традиционную ведущую и решающую роль играл ЦК советской партии, в аппарате которого в 1957 г. был создан Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, фи-

гурировавший в официальных документах под конспиративно-многозначительным названием Отдел ЦК, что было достаточно для посвященных.

Серия кризисов, произошедших в общественно-политической жизни Восточной Европы (Венгрия и Польша — 1956 г., Берлинский кризис 1961 г., Болгария — 1965 г., Чехословакия — 1968 г., Польша — начало 1970-х гг. и 80-х гг., события в большинстве государств в конце 80-х гг.) заставляли Старую площадь искать методы и способы проведения своей "генеральной линии" в этом советском домене.

Уже в октябре 1957 г. в идейно теоретических построениях советского коммунизма начинает выявляться противоречивая двойственность, — с одной стороны, стремление сохранить коммунистическую доктрину в марксистско-ленинской интерпретации в некоем "чистом" виде, а с другой, — придать ей "человеческий облик". В открытой форме это проявилось в рекомендации, изложенной в записке одного из могущественных представителей советской коммунистической номенклатуры О. Куусинена, адресованной Н.Хрущеву, о необходимости и целесообразности "в настоящий период, когда диктатура пролетариата выполняла свои основные задачи в нашей стране (СССР. — *Ар.У.*), а социалистический строй стал непоколебимо прочным... объявить диктатуру пролетариата пройденным этапом в истории Советской страны"². При этом одним из аргументов автора документа был "исторический опыт" развития СССР и "других социалистических стран" (то есть восточноевропейских государств). Идеологическая составляющая восточноевропейской политики Старой площади самым тесным образом переплеталась с геостратегическими целевыми установками, что отчетливо выявилось в секретном письме ЦК КПСС в ЦК Союза Коммунистов Югославии 10 января 1957 г., когда отношения между двумя странами вновь перешли в плоскость конфронтации. Лексико-представленческие категории документа демонстрировали на этом этапе советские геостратегически-идеологические целелогающие установки, когда говорилось, что "Вы (югославы) постоянно выступаете против военных блоков, в том числе против Варшавского договора, и заявляете, что Югославия не входит ни в какие блоки и пакты. Однако нельзя не считаться с тем, что Югославия участвует в Балканском пакте, а югославские военные органы сотрудничают с военными кругами Греции и Турции. Тем самым через партнеров по Балканскому союзу, являющихся одновременно членами НАТО, Югославия, по сути дела, хотите вы этого или нет, оказывается связанной с агрессивным Северо-Атлантическим блоком, а через Турцию и с Багдадским пактом..."³ Аргументация Белграда, в свою очередь, также соединяла идеологический и геостратегический компоненты. На встрече представителей ЦК СКЮ с членом Президиума ЦК КПСС О.Куусиненом, первые заявили, что они "не против

единства соц[иалистических] стран. Но формы этого единства должны быть более гибкими, чтобы ускорить внутренние процессы развития антагонизмов в кап[италистических] странах... Если бы мы (Югославия — *Ар.У.*) примкнули к Варшавскому пакту и эк[ономическо]му (имеется в виду СЭВ — *Ар.У.*), мы дали бы лишь новый арг[умент] амер[иканца]м для сплочения реакционного лагеря”⁴.

Советско-албанский конфликт начала 60-х гг., зримо начавшийся как идейно-политический и являвшийся продолжением советско-китайского конфликта, имел более глубинные основы чем те про- и антиисталинские полемические аргументы, которые были сразу же отмечены сторонними наблюдателями. Межгосударственные противоречия касались вопросов места и роли отдельной конкретной восточноевропейской страны в региональном Восточном блоке, но в силу идеологической и политической специфики они приобрели характер межпартийного конфликта. За фразами об ”антиленинской, раскольнической линии албанского руководства”. Старая площадь скрывала широкий комплекс вполне конкретных и понятных посвященным в тайну коммунистической советской лексики факторов, начиная с монопольной интерпретации ”ленинского наследия” и кончая кремлевской трактовкой единства ”лагеря социализма”.

Попытки получения большей независимости от СССР, предпринимавшиеся в руководстве ряда стран Восточной Европы, объяснялись советской стороной идейно-политическими причинами, но не их национально-государственными интересами. Так, достаточно малоизвестная как на Западе, так и на Востоке попытка государственного переворота весной 1965 г. в Болгарии рассматривалась в упрощенческо-идеологизированном виде: ”Несмотря на укрепление морально-политического единства партии и народа и бесспорные успехи в экономическом развитии страны и повышении жизненного уровня трудящихся, в Болгарии все еще имеют место случаи проявления недовольства со стороны некоторой части населения экономической политической партии и недостаточным уровнем жизни трудящихся, особенно в городах. По-видимому, под влиянием этих настроений, а также вследствие усиления буржуазной пропаганды и происков китайских раскольников, в партии появились оппозиционные группки преимущественно прокитайского направления, пытающиеся развернуть борьбу против ЦК БКП, против её политики, направляя острие этой борьбы прежде всего против т.Тодора Живкова”⁵.

Коммунистическая доктрина советского образца в соответствии с концепцией Старой площади должна была стать цементирующим фактором внутреннего единства Восточного блока. Военные, политические и экономические мероприятия являлись своего рода вспомогательными инструментами в реализации широкомасштабного плана его реализации. Единой Западной Евро-

пе должна была противостоять в соответствии с логикой конгруэнтности единая Восточная Европа. Особое внимание в этой связи Москва уделяла взаимоотношениям стран восточноевропейского региона. Весной 1968 г. по партийным каналам Старая площадь начала получать тревожащую ее информацию. В ряде государств Восточного блока, а также официально не входящей в него Югославии, интенсифицировались поиски собственной модели межгосударственных отношений. В соответствии со строгим конфиденциальной информацией, поступавшей от доверенных лиц в Румынии, Чехословакии и Югославии, Старая площадь выявила усиливающуюся в партийно-государственных кругах этих трех стран тенденцию к возобновлению более тесных связей, причем многие из источников ЦК КПСС сообщали о секретных консультациях между Белградом, Бухарестом и Прагой. Всё чаще по доверительным каналам Старая площадь получала данные о циркулирующих в партийно-правительственных кругах настроениях в пользу возрождения идеи военно-политического блока типа существовавшей в межвоенный период Малой Антанты. Визит в начале мая 1968 г. в Прагу югославского государственного секретаря по иностранным делам М.Никезича рассматривался в Москве как один из шагов на пути реализации этого плана. К тому же и западная печать, внимательно отслеживавшая всё "неординарное" в странах Восточного блока, уже открыто заявила о начавшемся "обмене идеями" между тремя государствами, который "может постепенно вылиться в нечто большее"⁶. Советская интервенция в Чехословакию, осуществленная совместно с рядом восточноевропейских стран (за исключением осудившей ее Румынии, опасавшейся аналогичного акта и в отношении собственного суверенитета) под лозунгом спасения социализма, была по сути советским шагом на пути признания геополитических факторов (о чем, разумеется, не говорилось официально)⁷. Через призму идеологических тезисов и установок советские эксперты, над которыми довлел пресс партийной цензуры, начинают нащупывать существенные характеристики национально-государственных интересов. Так, в частности, отмечалось, что "Коммунистическая партия Китая и Албанская партия труда, с одной стороны, и Союз коммунистов Югославии, с другой, рассматриваются в марксистской литературе как примеры соответственно "левого" и правого уклона. Что же касается Румынской коммунистической партии, то хотя общепринятым является мнение о правом характере её деятельности в масштабах международного коммунистического движения, с нашей точки зрения, РКП являет собой образец крайней "деидеологизации"... Таким образом, в будущем, возможно, марксистско-ленинской науке придется иметь дело не со столь откровенными проявлениями "левого" и правого оппортунизма как в случае с КПК и СКЮ, а с более утонченной и лучше замаскированной формой оппозиции генеральной ли-

нии международного коммунистического движения (читай — политике СССР. — *Ар.У.*)”.⁸ В официальной точке зрения, излагавшейся в партийных секретных документах, категориально-понятийный аппарат сочетал в себе пространственно-географические и идеологические компоненты, о чем свидетельствовал тезис записки отделов ЦК КПСС в адрес ЦК КПСС в связи с позицией Н.Чаушеску по чехословацкому кризису: “...линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран (подчеркнуто мной — *Ар.У.*)”⁹.

Восприятие развития мировой обстановки и особенно складывавшейся в Восточной Европе ситуации советскими партийно-государственными органами даже в секретных документах осуществлялось через призму идеологических установок и завуалированных геополитических целевых ориентиров, интерпретировавшихся по известным причинам как чисто стратегические. Так, в частности, отмечалось, что “западная пропаганда, разведывательные службы капиталистических государств проявляют к Югославии особое внимание. Это внимание объясняется как настоящим стремлением Запада найти брешь в социалистическом содружестве, так и самой внешней и внутренней политикой СФРЮ. Используя известную самообособленность Югославии от стран социалистического содружества, ее попытки выдать свой путь развития за нечто “особое”, “специфическое”, а также ревизионистские концепции руководства СКЮ, западная пропаганда делает ставку на возможность с помощью югославов внести раскол в международное коммунистическое движение, рассчитывая при этом на их, по сути дела, внеклассовый подход к проблемам борьбы за мир, на желание провозгласить югославский путь в строительстве социализма, как наиболее “демократический и улучшенный”¹⁰.

К концу 60-х годов международная обстановка характеризовалась резким противостоянием Запада и Востока. Война США во Вьетнаме и советская интервенция в Чехословакию, общественно-политическая нестабильность в Европе и США, проявлением чего являлись выступления молодежи в 1968 г. и кризис в Восточном блоке (Чехословакия, появление внутренней оппозиции) — все это приобретало уже глобальное значение, выйдя за рамки национальных и региональных границ. Советское партийно-государственное руководство, используя привычную партийную пропагандистскую лексику начинало выходить из рамок узкого стратегического планирования, переходя по сути (но не на словах) к геополитическому восприятию складывающейся в мире ситуации. Примером этого факта может служить секретное постановление ЦК КПСС (П-107/108) от 18 ноября 1968 г. “О пропаганде по вопросам мира и безопасности в бассейне Средиземного моря”. В соответствии с положениями данного документа в неофициальном идейно-пропагандистском ру-

поре Старой площади Агентстве печати Новости была подготовлена развернутая схема планируемых акций. При этом особое внимание уделялось как пространственно-временному, так и сущностно-идеологическому факторам. В плане АПН, составленном на основании партийного директивного постановления, заявлялось, что "при подготовке материалов для прессы, радио и телевидения зарубежных стран по проблемам мира и безопасности в районе Средиземного моря исходить из долговременного характера этой кампании. При освещении средиземноморских проблем учитывать заключение последних американско-испанских соглашений, двадцатилетие НАТО, агрессивные акты Израиля, выступления общественности за ликвидацию американских баз в Средиземном море, борьбу демократических сил Греции и Испании против военно-фашистских режимов, попытки использования империалистическими странами кипрской проблемы в своих агрессивных целях"¹¹. И хотя в тексте этого документа упоминался комплекс, как казалось на первый взгляд, исключительно средиземноморских проблем, в действительности в ЦК КПСС хорошо понимали значение Средиземного моря не только для ближневосточной, но и глобальной советской политики, составной частью которой являлся восточноевропейский сектор, представлявший собой преимущественную "господствующую" высоту для Москвы в ее внешнеполитическом планировании.

Поиск "слабого звена" в противостоящем блоке был одной из главных забот как на Западе, так и на Востоке Европы. При этом каждая из сторон внимательно следила за оценками оппонента своей собственной силы или слабости. Для Старой площади это имело принципиальное значение, так как давало ей возможность сохранить свой домен на востоке Европы, заняв противостоящую сторону проблемами внутри нее самой. В секретной информационной записке КГБ, направленной в ЦК КПСС 7 июня 1972 г., Старая площадь ставилась в известность, что "по имеющимся данным Информационное агентство США (ЮСИА) подготовило в начале 1972 года закрытый меморандум, посвященный проблеме роста антиамериканских настроений в Западной Европе. В нем подчеркивается, что антиамериканизм весьма характерен для нынешней обстановки в Западной Европе и это вызывает озабоченность "в самых высоких сферах правительства США". Особенно наглядно антиамериканизм проявляется в работе всех органов массовой информации этих стран, и прежде всего телевидения... В документе отмечается, что в Европе существуют разновидности антиамериканизма правого и левого толка. Настроенные антиамериканистски правые элементы склонны объяснять падение международного престижа их стран непомерно возросшим могуществом США. Противники США из левых кругов пытаются оправдать собственные неудачи (отсутствие необходимых условий для осуще-

ствления революций, неудачи отдельных выступлений демократических сил) реакционной ролью Соединенных Штатов в международных делах”¹².

Советская пропаганда — этот точный барометр партийно-государственных устремлений советского коммунистического режима позволила выявить западным аналитикам определенную последовательность в выдвижении конкретных тезисов. Так, в период 1960-62 гг. основные установки пропагандистской кампании, развернутой Старой площадью, заключались в обвинении Запада в агрессивности (69% пропагандистских материалов) и усилении милитаризма (15 %).¹³ Однако уже на следующем этапе 1967-69 гг. динамика выдвижения соответствующих тезисов выявила озабоченность Кремля положением в “социалистическом лагере” и прежде всего его ядре — Восточной Европе. К заявлениям об агрессивности империализма (79% материалов) и милитаризме (менее 10%) добавился тезис “угрозы единству социалистическому содружеству” (10%)¹⁴. В 1976-79 гг. наблюдалось уменьшение повторяемости заявлений об агрессивности (25%), но расширение спектра пропагандистских тезисов милитаризации на Западе (10%), “угрозы единству социалистического содружества” (12%), кризиса на Западе (12%), отказа от переговоров с СССР (20%) и призывы к реализму (10%)¹⁵.

Со стороны советского партийно-государственного руководства к концу 70-х гг. начинают делаться отчетливо прослеживаемые попытки актуализировать в масштабах Восточной Европы тему военной угрозы, представив ее как обвинения со стороны Запада всех стран Восточного блока, а не исключительно Советского Союза. 15 мая 1979 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС было принято секретное и во многом отражающее вышеупомянутые маневры Кремля постановление. Хотя официально пункт повестки дня заседания назывался “О дополнительных мероприятиях по разоблачению концепции относительно т.н.”советской угрозы”” в самом тексте документы проявились некоторые нюансы. Так, в частности, заявлялось:”...Признать целесообразным провести на предстоящем совещании секретарей ЦК по идеологическим и международным вопросам братских партий социалистических стран в Берлине на закрытых консультациях (без румын) обмен мнениями относительно общей линии по разоблачению клеветнической кампании Запада и Пекина о “военной угрозе” со стороны соцсодружества”¹⁶.

Развитие ситуации в мире и конкретно в Европе в начале 80-х годов выявили тенденцию усиления консервативного вектора международной политики. Для “социалистического лагеря” это были годы кризиса в Польше и советского вмешательства во внутриафганские дела. В представленческо-категориальном аппарате советского коммунистического руководства начинает происходить трансформация геостратегических, обусловленных

конкретными целевыми установками интересов в отдельно взятом регионе, в более широкое осознание геополитической взаимосвязи внешнеполитических шагов Москвы. Произошедшие в середине 80-х гг. изменения в советском партийно-государственном руководстве лишь усилили этот процесс. Партийная коммунистическая доминанта советской внешней политики начинала постепенно и очень медленно отходить на второй план, уступая место "государственнической" составляющей. Одним из признаков этого еще только наметившегося процесса стало сокращение полномочий некогда влиятельного Международного отдела ЦК КПСС — своего рода "партийного штаба" советской дипломатии. Постоянное соперничество между советским МИДом, во главе которого находился член Политбюро ЦК КПСС А.Громыко и Международным отделом ЦК, возглавлявшимся уже не один год пребывавшим в должности перманентного кандидата в члены Политбюро Б.Пономаревым, постепенно сходило на нет. 6 мая 1986 г. заново составленное "Положение о Международном отделе ЦК КПСС" было одобрено Генсеком ЦК КПСС М.Горбачевым. В одном из пунктов этого документа, несмотря на кажущуюся серьезность поставленной перед МО задачи, выявилось его очевидное бессилие. Так отмечалось, что "Отдел использует связи с коммунистическими и рабочими, революционно-демократическими, социал-демократическими и другими партиями и организациями для анализа общественных процессов и настроений и оказания нужного нам воздействия на ход событий через общественное мнение"¹⁷.

В то же время в определенной степени повысилась роль Отдела по связям с рабочими и коммунистическими партиями соцстран, который возглавил В.Медведев. При этом дипломатические функции этого подразделения ЦК перешли в МИД, а идейно-политические усилились, что было вызвано стремлением нового советского партийно-государственного руководства достичь в Восточной Европе изменений, сходных с процессами в СССР. Таким образом, в какой-то момент выявилась "несостыковка" двух частей некогда объединенного геополитического пространства, представленного Советским Союзом и Восточной Европой. Идейно-политическая составляющая, некогда цементирувавшая Восточный блок, на новом этапе становилась его дезинтегрирующим элементом¹⁸.

Общественно-политическое развитие Советского Союза и Восточной Европы в последней трети 80-х годов характеризовалось драматизмом происходивших событий. Новое советское руководство, стремясь соединить несоединимое — конвенциональные межгосударственные отношения с идейно-политической догматикой коммунизма, пристально наблюдало за процессом интеграции Западной Европы, видя в нем модель и для развития на востоке европейского континента. Единая Европа манила Старую площадь, но и начинала пугать ее отдельных предста-

вителей. Так, принятое ЦК КПСС 25 августа 1987 г. постановление (П 80/44) об участии СССР в Международном Валютном фонде и Международном банке, было повторно рассмотрено и расширено по содержанию в августе 1989 г. Оно было утверждено под названием "Об отношениях СССР с Международным валютным фондом и Мировым банком". Его авторами стали МИД, Госплан, Минфин и Госбанк СССР. В нем, помимо всего прочего, говорилось, что "с политической точки зрения присоединение СССР к МВФ и Мировому банку являлось бы зримым подтверждением нашего нового курса в мировых делах, линии на развитие многосторонних форм экономического сотрудничества, в том числе в системе ООН, способствовало бы деидеологизации межгосударственных отношений. Сближение с МВФ и Мировым банком укрепило бы заинтересованность Запада в том, чтобы иметь в лице СССР стабильного и предсказуемого партнера"¹⁹. Стремление усилить вовлеченность СССР в европейский сектор геополитического пространства подчеркивалось новым советским руководством постоянно. Одновременно оно стремилось воздействовать на общеевропейские и в целом, на глобальные процессы, имея под контролем восточноевропейский сектор. Утвержденный 28 августа 1989 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС директивный документ "О стратегической линии СССР применительно к ООН и связанным с ней международным организациям", содержал конкретные целевые установки партийного и государственного руководства страны. В нем ставилась задача перехода "к углубленному участию в Европейской экономической комиссии (ЕЭК), строить нашу деятельность в ней на долгосрочной, плановой основе". При этом отмечалось, что "задача обеспечения стратегических интересов СССР в международных организациях требует проведения в отношении них скоординированной тактической линии, единого политического курса в отношении отдельных государств и групп стран в ООН и других международных организациях, разумеется, с учетом особенностей расстановки сил и задач каждой такой организации. При этом следует исходить из приоритетности укрепления сплоченности стран социалистического сотрудничества, имея при этом в виду, что единство будет все меньше синонимом однообразия, но реализовываться через плюрализм интересов и подходов к отдельным конкретным вопросам международной повестки дня в рамках согласованной политической стратегии братских государств"²⁰.

Желание Генсека КПСС и его ближайшего окружения трансформировать Восточный блок в объединение, конгруэнтное созданной интегрированной Западной Европе было заметно для внешнеполитических экспертов как на Западе, так и на Востоке. Однако попытка модернизировать коммунистическую догму и обрести конвенциональную шкалу ценностей, не отказавшись от идеологической доктрины коммунизма, были обречены на

провал. Старая площадь уже не могла контролировать ситуацию в Восточной Европе, отказавшись от сталинско-ждановского и брежневско-сусловского механизма воздействия на членов Восточного блока. К началу 1990-го года это стало ясно уже и руководству СССР. Пытаясь "переломить" ситуацию оно обратилось вновь к идеологическим установкам. На заседании Политбюро ЦК КПСС, проходившем 5 апреля 1990 г., был одобрен документ под названием "О линии КПСС и мерах в поддержку коммунистических и рабочих партий в восточноевропейских странах". Вновь, как и прежде, ставка Старой площади делалась на общественно-политический идеологический потенциал восточноевропейского сектора геополитического пространства, а также выявилось осознание партийно-государственным руководством СССР потенциальной возможности потери контроля над регионом. В связи с этим констатировалось, что "в обозримом будущем бывшие компартии восточноевропейских стран, — возможно, за исключением Болгарии, — скорее всего, будут в оппозиции... В большинстве стран политическая ситуация отягощается получившимися распространением среди населения антисоветскими настроениями. Антикоммунистические лидеры новых партий подыгрывают им, рассчитывая списать на Советский Союз все издержки нынешнего кризиса и ускорить разворот этих стран в сторону Запада... Курс на развернутый переход к рыночной экономике, которым пойдут страны этого региона, неизбежно вызовет потребность создания блока левых сил как политического противовеса, способного защищать социальные интересы трудящихся..."²¹

Ситуация в Восточной Европе на протяжении 1990 г. менялась явно не в пользу Кремля. Внутри советского руководства начинали вырисовываться два крыла. Первое было представлено теми, кто в той или иной мере продолжал надеяться на трансформацию международной обстановки в выгодном для СССР направлении и вхождение страны в так называемое общеевропейское пространство. Второе — относящееся резко негативно к каким-либо экспериментам в области внешней политики и считавшее недопустимым изменения её базовых элементов. Противостояние этих групп отражалось и в официальных директивных документах, придавая им порой противоречивый характер. При этом категориально-оценочный аппарат геополитического восприятия складывавшейся в Восточной Европе ситуации "противостоял" идеологизированному геостратегическому подходу. Наиболее наглядно это было продемонстрировано как тоном, так и лексикой двух материалов — Постановлением Секретариата ЦК КПСС "О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе", принятом 22 января 1991 г. и одновременной инициативной аналитической запиской Международного отдела ЦК КПСС, легшей в его основу. Именно в ней звучала критика горбачевского внешнеполитического курса

в непривычном для подобных документов духе: "За последние год-два в системе наших международных приоритетов этот регион (Восточная Европа — *Ар.У.*) неоправданно отошел на задний план, причем не только в силу внутренней логики событий. В известном смысле ценность Восточной Европы была заменена самой возможностью выхода СССР на новый уровень взаимопонимания с Западом. В сфере экономики сказались иллюзорные надежды, будто можно быстро и без особых издержек переориентировать наши внешнеторговые связи с Восточной Европой на Запад и вскорости получить от этого высокий эффект..."²² В этой связи выявились пространственно-геополитические категории при характеристике региона. Так партийные аналитики заявили, что "капитальные сдвиги в Восточной Европе серьезно меняют место и роль, которые она раньше имела для Советского Союза. Тем не менее этот регион по причине своей близости к нам в геополитическом, историко-политическом и этнокультурном отношениях должен оставаться одним из важных приоритетов советской политики, хотя ситуация для нас чрезвычайно усложнилась..."²³ Целевая установка Старой площади заключалась в том, чтобы "из восточноевропейского региона ни при каких обстоятельствах не должна исходить реальная или потенциальная угроза военной безопасности Советского Союза. При любом развитии событий эти страны должны оставаться свободными от иностранных баз и вооруженных сил..."²⁴ Тесная взаимосвязь между восточноевропейским направлением светской политики и стремлением партийно-государственного руководства СССР "вести страну в Европу" должна была иметь по плану аналитиков Международного отдела ЦК КПСС взаимообусловленный характер. Их рекомендация заключалась в том, что "в области внешней политики мы можем опираться на объективно общую заинтересованность СССР и восточноевропейских стран в развитии общеевропейского процесса, налаживания более широких и плодотворных отношений с Западом..."²⁵ В постановлении Секретариата КПСС эта формула трансформировалась уже во вполне конкретный тезис: "СССР заинтересован в мирном развитии Восточной Европы, исключающем межнациональные, территориальные и другие конфликты споры, поскольку превращение Восточной Европы в регион стабильности, взаимодействия и сотрудничества — неперемнное условие продвижения к единому европейскому пространству и участия СССР в таком пространстве"²⁶.

Последующие события, имевшие как региональное, так и глобальное значение, среди которых внутриюгославский конфликт, августовские события в СССР и прекращение его существования как единого государства выявили неадекватность восприятия мировых реалий советским руководством, пытавшимся соединить коммунистическую доктрину и пространственно-стратегический, а по своей сути геополитический, подход. Игно-

рирование национально-государственных интересов стран Восточной Европы, основополагающим тезисом внешнеполитического курса которых Старая площадь хотела видеть на протяжении всего послевоенного периода коммунистическую доктрину, исключительное право на интерпретацию которой принадлежало бы ЦК КПСС, вело в конечном счете к забвению геополитических задач СССР, а фактически — к потере контроля над жизненно важным для него регионом.

Примечания

¹ Изначально эта концепция была сформулирована в послевоенный период в докладе А.Жданова на учредительной конференции Коминформа в 1947 г.

² Документ цитируется по: Улунян Ар.А. Коммунистическая партия Греции. 1956-1974 гг. История-идеология-политика. М., 1995. С. 27,28.

³ Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф.89. П.45. Д.83. Л.11.

⁴ "Запись беседы с югославскими товарищами" (без даты, приблизительно начало 1960 г.). Цит.по: Улунян Ар.А. Указ.соч.С. 27.

⁵ ЦХСД. Ф.5. Оп.33. Д.234. Л.4. Выписка из политписьма Посольства СССР в НРБ "О внутривнутриполитическом положении НРБ", февраль 1966 г.

⁶ The Times, 6.5.1968.

⁷ Как в период интервенции, так и в последующие годы советская официальная пропаганда никогда не упоминала о планах воссоздания Малой Антанты, хотя сказано о попытке "империалистических кругов оторвать Чехословакию от социалистического лагеря" было много. Причина этому коренилась в нежелании Москвы, во-первых, признавать саму возможность неподконтрольного блока, и, во-вторых, понимании опасности для себя в невольной рекламе подобного объединения. Только лишь в специальной работе А.Ф.Степанова "Особый курс руководства АПТ и некоторые аспекты албано-китайских отношений. (К вопросу о разногласиях между Албанией и Китаем).М.,1978, рассчитанной на узкий круг читателей и под грифом "для служебного пользования" вскользь упоминается этот факт (С.103).

⁸ Медведев В. "Национальный коммунизм" - форма проявления "левого" и правого оппортунизма и национализма в социалистических странах//Раскольническая линия маоистов в отношении социалистических стран. М.,1970. С.14,15.

⁹ ЦХСД. Из протокола № 57 заседания Секретариата ЦК от 17 сентября 1968 г. Записка Отделов ЦК КПСС.

¹⁰ Справка Посольства СССР в СФРЮ "О пропагандистской деятельности западных стран на Югославию". 26 июня 1969 г. Цит. по: Улунян Ар.А. Указ.соч. С. 167, 168.

¹¹ "План мероприятий Агентства печати Новости по освещению проблем мира и безопасности в районе Средиземного моря на 1969 г." от 22 января 1969 г. Цит. по: Улунян Ар.А. Указ.соч.С. 148, 149.

- 12 Записка КГБ в ЦК КПСС от 7 июня 1972 г. Цит.по: Улунян Ар.А. Указ.соч. С. 203, 204.
- 13 Dezinformatsia. Active Measures in Soviet Strategy. R.H.Shultz and R.Godson. W.,1984.P.84.
- 14 Ibidem.
- 15 Ibidem.
- 16 ЦХСД. Из протокола № 158 заседания Секретариата от 15 мая 1979 г.
- 17 ЦХСД. Ф.89. П.18. Д.98. Л.4.
- 18 Подробнее по этому вопросу см.: Медведев В.В. Распад. Как он назревал в "мировой системе социализма". М.,1994.
- 19 ЦХСД. Ф.89. П.9. Д.27. Л.3.
- 20 ЦХСД. Ф.89. П.9. Д.26. Л.13,20.
- 21 ЦХСД. Ф.89. П.9. Д.103. Л.40.
- 22 ЦХСД. Ф.89. П.20. Д.22. Л.6.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Л.8.
- 25 Там же. Л.10.
- 26 Там же. Л.2.

К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ УСПЕХАХ: ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И ЕГО СОСЕДИ В НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ

Успешное завершение переговоров 1955-1957 годов между шестью членами-основателями ЕЭС и подписание в апреле 1957 г. Римского договора глубоко поразили многих из тех, кто предсказывал, что у европейской интеграции нет будущего. Но оставались некоторые сомнения в том, смогут ли Франция, Западная Германия, Италия и страны Бенилюкса полностью выполнить свои обязательства. Поэтому в первые годы существования Европейского Сообщества его деятельность стала предметом пристального внимания всей Европы, да и не только ее. Настоящая статья начинается с освещения больших успехов этого начального периода. Далее следует рассуждение о том, что сами достижения 1958-1961 годов стали причиной некоторых трудностей, характерных для периода 1961-1963 годов. В частности, в статье утверждается, что многообещающее начало деятельности ЕЭС заставило многих его европейских соседей пересмотреть свою политику в отношении Шестерки и либо стремиться к полноправному членству в Сообществе, либо искать какую-то другую форму объединения. Это вынесло на повестку дня противоречивый и спорный вопрос о расширении ЕЭС гораздо раньше, чем представляло себе большинство его основателей. Статья основана на материалах архивов Европейской Комиссии, архивов Совета Министров ЕЭС и документов правительства Великобритании¹.

"Медовые" годы²

В течение 1958 г., когда одно из препятствий на пути его развития не смогло окончательно оформиться, а другое было преодолено, перспективы развития Сообщества значительно улучшились. Первым препятствием была потенциальная угроза европейской интеграции, возникшая при крушении Четвертой Республики во Франции и возвращении к власти генерала де Голля. Когда генерал не был в правительстве, он жестоко критиковал наднациональную интеграцию, а многие его помощники и сторонники были среди самых громкоголосых оппонентов изначальных проектов интеграции, такого, например, как планировавшееся Европейское Оборонительное Сообщество³. Мишель Дебре, выбранный де Голлем на роль премьер-министра 5-й Республики, был единственным членом международного комитета, созданного для разработки договора о Европейском Политическом Сообществе, кто проголосовал против предварительного до-

говора в феврале 1953 г.⁴ Но хотя, как сообщалось, новый французский лидер сказал, что если бы он был у власти в период подготовки Римского договора, последний был бы составлен по-другому, де Голль все же решил соблюдать международные обязательства Франции. Как он сказал Макмиллану в июне 1958 г., "никто не может расторгнуть того, что уже было достигнуто"⁵. Действительно, новое французское правительство быстро подтвердило свои обязательства по Римскому договору не просто риторическим согласием, но гораздо более значимо — девальвацией французского франка и началом серии экономических реформ, что позволило Франции использовать статьи Римского договора по безопасности и выполнить первую стадию отмены тарифов точно во время и в полном объеме⁶.

Вторым препятствием, преодоленным неоперившимся Сообществом, были провалившиеся переговоры о создании свободной торговой зоны 18 стран, проводившиеся по инициативе Великобритании. Эту идею, предложенную Великобританией в 1956 г., приветствовали некоторые страны Шестерки, видя в ней средство избежать ситуации, при которой сокращение торговли с государствами Западной Европы, не входившими в ЕЭС, было бы расплатой за более тесную интеграцию в Сообществе⁷. Остальные же члены Сообщества и Европейская Комиссия опасались, что более широкое европейское объединение может ослабить экономические связи, которые установились между странами Шестерки. Поль-Анри Спаак, например, видел опасность в том, что "если он [план Великобритании] будет принят, это «утопит» Общий рынок в свободной торговой зоне". Французское же правительство признавало для себя политическую привлекательность перспективы более тесных связей с Великобританией, но с экономической точки зрения не испытывало тяги к более свободному и широкому характеру плана создания зоны свободной торговли⁸. Поэтому решение де Голля положить конец дискуссиям о свободной торговой зоне в ноябре 1958 г. было воспринято как с облегчением — теми, кто, в противоположность менее четкой структуре свободной торговой зоны, опасался возможного осложнения отношений между Шестеркой и остальной Европой, так и с озлоблением — теми, кто ожидал возможности демонтировать торговые барьеры в рамках полного общего рынка, включающего совместную политику, общие внешние тарифы и объединенные учреждения, созданные для наблюдения за его работой⁹.

Обнадеживающим был успех Сообщества в выполнении Римского договора. Поистине с потрясающей скоростью были уничтожены таможенные барьеры между странами Шестерки: государства-члены Сообщества не только определили график снятия тарифов, но в июле 1960 г. решили ускорить последующие шаги и введение общих внешних тарифов¹⁰. К 1961 г. серьезно рассматривалась возможность второго аналогичного ускорения.

Кроме того, быстрее, чем это можно было предвидеть, было достигнуто соглашение о приемлемом уровне тарифа для товаров так называемого Списка G — товаров, которые вызвали такие сильные разногласия во время первых переговоров по Римскому договору, что пришлось согласиться отсрочить решение об уровне тарифов¹¹. Продвижение к установлению общей сельскохозяйственной политики (ОСП), хотя и требовало в то время еще больших усилий, также шло быстрее, чем многие опасались. Планы Комиссии по ОСП были впервые представлены в ноябре 1959 г., решение Совета по пересмотренному комплексу намерений было принято тринадцатью месяцами позднее, а в январе 1962 г. заключительное марафонское заседание европейских министров сельского хозяйства смогло принять первый пакет Правил о товарах широкого потребления¹². Правила ОСП, охватывающие производство зерновых, домашней птицы, яиц и свинины вступили в силу 1 июля 1962 г. Еще предстояли долгие часы кропотливых переговоров, посвященных как выполнению и отлаживанию уже достигнутых соглашений, так и распространению общей политики на другие товары, но Шестерка уже достигла несравненно большего, чем бесплодные международные обсуждения европейского "зеленого объединения", которые велись в первой половине 1950-х годов¹³.

Та большая роль, исполняемая в переговорах по ОСП Европейской Комиссией в целом и, в частности, ее членом Сичо Машолтом, ответственным по вопросам сельского хозяйства, служила источником воодушевления и для дальнейшего, а именно — обуславливала эффективность новых институтов Сообщества¹⁴. В первые три года деятельности ЕЭС, Комиссия укрепила союз Шести, например, на поздней стадии переговоров о свободной торговой зоне¹⁵, и показала себя богатым источником идей и предложений. Конечно, случались и промахи. Так, многие считали, что Жан Рей, представитель Комиссии по внешним связям и главный директор I (DGI), взял неверный тон в переговорах о присоединении Греции к ЕЭС¹⁶. И кроме того, не было уверенности, до каких пределов де Голль был готов мириться с действиями наднациональных институтов¹⁷. Но несмотря на такой источник беспокойства, в 1958-1961 гг. институты Сообщества вполне себя оправдали.

И наконец, никакой обзор продвижения Сообщества в самом начале его деятельности не может быть полным без ссылки на появление параллельной европейской повестки дня, посвященной возможности политического союза между государствами-членами ЕЭС¹⁸. Это позволило бы Шестерке предпринимать скоординированные действия в сферах внешней политики и обороны, а также прежде всего решить экономические вопросы, связанные с ЕЭС. Поддержанный де Голлем, политический союз в начале своего существования не обладал бы той же степенью интеграции, как это было в экономических делах, а вместо

этого основывался бы на межгосударственных переговорах и на регулярных встречах между лидерами стран-членов Сообщества. Тем не менее, успешное завершение работы комитета Фуше — межправительственного органа, которому было поручено составление проекта договора о политическом союзе — представляло бы важный шаг по направлению к созданию более объединенной Европы. В результате, многие из тех, кто стремился к созданию Европейского Сообщества, в котором политическое сотрудничество осуществлялось бы по тем же правилам, что и экономическое, были готовы принять измененную версию идеи де Голля в качестве подходящей этапной точки на пути к их конечной цели. К концу 1961 г. появилась вполне реальная перспектива достижения согласия между голлистами и "европеистами", несмотря на упорную оппозицию Голландии любой форме политического сотрудничества, которая исключала их традиционного союзника — Великобританию¹⁹. Таким образом, существовала реальная перспектива того, что процветающее Европейское экономическое сообщество в скором времени будет поддержано межправительственным механизмом зарождающегося политического союза.

Неудобство исключения

Великобритания и другие европейские страны, которые решили не участвовать в начальных ступенях европейской интеграции, не могли это игнорировать. Постепенный процесс замены британского безразличия к европейской интеграции сначала враждебностью, затем желанием уменьшить потенциальные отрицательные последствия невхождения в ЕЭС и, наконец, пониманием того, что Великобритания могла бы присоединиться к Сообществу, представляет собой слишком сложный предмет, чтобы описать его в данной статье²⁰. Тем не менее, недовольство Великобритании существующим порядком вещей особенно обострилось в то время, когда сотрудничество между странами Шестерки шло успешно. Поэтому в период 1958-1961 гг. сильно изменилась позиция Великобритании по отношению к ее континентальным соседям. Во-первых, кажущееся принятие де Голлем Сообщества лишало Великобританию последней надежды на то, что весь процесс сведется к нулю. Во-вторых, решение французского президента положить конец дискуссиям о свободной торговой зоне и последующая французская враждебность по отношению к любым попыткам связать Шестерку с "внешней Семеркой"²¹ толкали Великобританию дальше к признанию того, что без полноправного членства в Сообществе не могло быть легкого пути сохранения экономических привилегий свободной торговли в Западной Европе. В-третьих, успешное осуществление и ускорение применения статей Римского договора о таможенном союзе создало условия, при которых особен-

но сильно ощущались негативные экономические последствия неучастия в ЕЭС. Но более всего именно перспектива политического объединения стран Шестерки побуждала Великобританию к пересмотру своей позиции. Поскольку, если экономическое неучастие и могло быть болезненным, то неприсоединение к европейской группировке, способной к проявлению позиции единства действий на мировой арене, нанесло бы Великобритании непоправимый урон в мире.

Мнение комитета Кабинета, сформированного Макмилланом, чтобы определить размер возможного влияния европейской интеграции, было предельно ясным:

Если Сообщество преуспеет в становлении как действительно эффективная политическая и экономическая сила, оно приобретет доминирующее влияние в Европе, и по своей важности Западный блок приблизится к Большой Двойке — СССР и Соединенным Штатам. Влияние Соединенного Королевства в Европе, если оно не вступит в ЕЭС, соответственно, уменьшится²².

Более того, комитет Ли предсказал, что Соединенные Штаты будут придавать большее значение мнению стран Шестерки, чем позиции Великобритании, в то время как упадок статуса Великобритании подорвет и ее ведущее положение в Содружестве.

Тем не менее, помимо экономических потерь, которые мы будем испытывать из-за консолидации Шестерки, если мы попытаемся остаться в стороне от них — принимая во внимание, что это произойдет одновременно с сокращением наших заморских владений — мы окажемся перед риском потери политического влияния и не сможем иметь никаких притязаний быть мировой державой²³.

Несмотря на убедительность этих аргументов, Макмиллану потребовалось больше года, чтобы убедить Кабинет одобрить заявление о членстве, столь велика была там сила оппозиции против сближения Великобритании с Шестеркой. Тем не менее, 21 июля 1961 г. британский Кабинет дал свое благословение на подачу условного заявления о членстве в ЕЭС — шаг, о котором было объявлено в Палате Представителей 10-ю днями позже²⁴.

За успехами Сообщества с некоторой тревогой наблюдали и другие члены ЕАСТ. Дания, в частности, была обеспокоена тем, что успешное заключение договора ОСП между членами Шестерки могло вытеснить двустороннее датско-германское торговое соглашение и серьезно подорвать датский сельскохозяйственный экспорт в Западную Германию. Но именно сама возможность присоединения Великобритании к Сообществу, а не прямое воздействие процесса развития Сообщества, принудила Скандинавских и Альпийских членов ЕАСТ переоценить свои отношения с Шестеркой²⁵. Без Великобритании ЕАСТ была бы слишком маленьким экономическим объединением, чтобы быть привлека-

тельной; наоборот, расширенное Сообщество, включающее Объединенное Королевство, будет рынком, не участвовать в котором не сможет позволить себе ни одна западноевропейская страна. Дания и Норвегия, таким образом, также решили подать заявление о членстве в ЕЭС, а Швеция, Австрия и Швейцария предложили провести обсуждение их ассоциативного членства в Сообществе. Заявление Ирландии о вступлении в Сообщество, сделанное в 1961 г. и первым поступившее в Брюссель, было также прежде всего откликом на изменение политики Великобритании по этому вопросу. Как сказал высокий государственный чиновник премьер-министру Ирландии Сеану Лемасу, "для нас будет экономической катастрофой, если Великобритания вступит в Сообщество, а мы нет"²⁶.

Долгожданное развитие

Эта волна заявлений о вступлении была весьма лестной для Шестерки. В самой своей основе крутой поворот Великобритании свидетельствовал о достоинствах Европейского Сообщества. Так Сичо Маншолт, вице-президент Европейской Комиссии, заявил на Ассамблее Европейского Парламента в январе 1962 г.: "мы можем считать просьбы Великобритании, Дании и Ирландии о вступлении в члены демонстрацией успеха нашего Сообщества"²⁷. Таким образом, утверждение о том, что более свободное и менее структурированное сотрудничество, практиковавшееся среди семи членов ЕАСТ, было таким же эффективным средством более тесного сплочения европейских государств, как и ЕЭС — как публично заявлял высокопоставленный английский чиновник еще в мае 1961 г.²⁸ — не могло бы осуществляться далее, если трое членов-основателей ЕАСТ подали заявление о присоединении к ЕЭС. Но преимущества расширения Сообщества превосходили эти довольно поверхностные источники удовлетворения. Решение государств-членов ЕАСТ войти в Сообщество обещало положить конец долговременным и непримиримым спорам в ЕЭС между теми, кто испытывал неудовлетворенность решением продолжать интеграцию без Великобритании и ее окружения, и теми, кто считал что "маленькая Европа" лучше, чем "никакой Европы". Этот спор восходит к 1950 г. и к истокам плана Шумана, но за следующее десятилетие он почти не потерял своей интенсивности, разгораясь с новой силой всегда, когда бы ни обсуждались новые идеи европейского сотрудничества. Разногласия между Бельгией и Голландией, с одной стороны, и Францией, Германией и Италией, с другой, из-за того, надо ли развивать политический союз без участия Великобритании — спор, который к началу 1962 года угрожал парализовать обсуждение политического союза — были, следовательно, самым последним проявлением несогласия и неудовлетворенности, порожденных разделением Западной Европы

на две экономических группировки. С присоединением Великобритании и некоторых других государств-членов ЕАСТ к Сообществу этот ожесточенный спор мог бы утихнуть.

К тому же, прием новых членов, и особенно Великобритании, усилил бы Сообщество как экономически, так и политически. В 1960 г. экономика Великобритании была все еще одной из самых мощных в Западной Европе, и хотя темпы ее роста за предшествующее десятилетие были разочаровывающими по стандартам континентальной Европы, существовала надежда, что нарастающее соревнование, которое будет результатом присоединения к ЕЭС, сможет стимулировать более быстрый рост. Политически членство Великобритании больше бы удовлетворяло амбиции тех, кто с нетерпением ожидал того времени, когда Соединенные Штаты и Европа могли бы существовать как равные, взаимозависимые партнеры, в то же время оно стало бы стабилизирующим фактором внутри Сообщества. И, наконец, малые страны-члены Сообщества надеялись, что членство Великобритании ослабило бы франко-германское доминирование в нем и позволило бы сформировать другие оси, чтобы уравновесить складывавшуюся ось между Парижем и Бонном.

Но большинство выгод, ожидаемых от такого расширения ЕЭС, проявилось бы только с течением времени. Проблемы же, поднятые заявлениями о членстве в ЕЭС, были, напротив, более насущными. Прежде всего трудно было, не нарушая работы Сообщества, вставить в его уже и без того насыщенный распорядок работы сложные и почти наверняка длительные переговоры между странами-кандидатами на вступление в ЕЭС и его странами-участницами. 31 декабря 1961 г., меньше чем через пять месяцев после получения в первый раз заявления о вступлении Британии, Ирландии и Дании, Сообщество должно было завершить I ступень своей переходной фазы²⁹. Для перехода ко II стадии следовало принять несколько жизненно важных решений. Наиболее важные из них касались выработки первой серии Правил о товарах широкого потребления для ОСП, но Шестерка также намеревалась приложить усилия в целях гармонизации определенных основных социальных норм (равная оплата мужчинам и женщинам была одним из этих предметов), а также были надежды на то, что удастся согласовать новый ускоренный график снятия тарифов. К тому же должны были начаться кропотливые переговоры по возобновлению соглашений о связях между членами Шестерки и их бывшими колониями в Африке и Карибском регионе. Той же небольшой группе руксводителей и министров отдельных государств и Сообщества, которые были заняты выполнением уже составленной программы, пришлось бы заниматься и ответами на различные заявления о членстве. Таким образом, до нового года было почти невозможно найти время для переговоров, но и после него со временем было не лучше³⁰.

Во-вторых, и в целом более существенной была тревога о том, что такое расширение ЕЭС свело бы на нет многочисленные компромиссы, достигнутые Шестеркой, и тем самым подорвало бы ту самую политику Сообщества, которая и поощряла государства-члены ЕАСТ к переоценке их отношений с ЕЭС. ОСП казалась особенно уязвимой. Создание общего рынка европейской сельскохозяйственной продукции было главной целью политики Франции и Голландии; его также поддерживала Италия и, хотя в меньшей степени, Бельгия. Но для Германии это был шаг, который повлек бы за собой полное преобразование ее традиционной политики поддержки ферм и значительное изменение модели ее импорта³¹. В результате этого проекта ОСП встретила серьезное сопротивление в стране — сопротивление, которое не было полностью сломлено успешным завершением первого раунда принятия правил ОСП в январе 1962 г. При этом у Великобритании — самого важного из потенциальных новых членов ЕЭС — также имелось двойственное мнение по многим аспектам ОСП; появилась, по крайней мере с французской точки зрения, реальная опасность, что расширение Сообщества может позволить Германии получить достаточную поддержку для блокирования всей сельскохозяйственной политики ЕЭС или искажения ее до неузнаваемости³². Торговой политике ЕЭС и его отношениям с бывшими колониями его членов угрожало любое соглашение, которое приближало бы к Сообществу Великобританию и ее партнеров по Британскому содружеству и по ЕАСТ.

Расширение Сообщества угрожало также и институтам ЕЭС. Действительно, существовало два аспекта этой проблемы: во-первых, общая обеспокоенность тем, что Комиссия, Совет и Парламент, не говоря уже о будущих институтах, связанных с политическим сотрудничеством, при девяти-десяти странах-участницах не смогут функционировать также гладко, как при шести членах, а во-вторых, опасение, что Великобритания не сможет полностью отбросить свое историческое недоверие к наднациональности. Последнее было яснее всего выражено де Голлем — в его личных беседах с Макмилланом, а также на пресс-конференции 14 января 1963 г. — и немецким канцлером Конрадом Аденауэром³³. Но это же опасение было и у государственных деятелей, которые относились к членству Великобритании с большим энтузиазмом. Например, бельгийский министр иностранных дел Поль-Анри Спаак предупреждал Великобританию в сентябре 1962 г.:

И Шестерка, и Комиссия боялись, что вступление трех новых и добавление четырех ассоциированных членов сделают механизм слишком тяжеловесным и неуклюжим, и вся его подвижность исчезнет³⁴.

Во-вторых, беспокойство было напрямую связано с Францией и Комиссией. Де Голль снова откровенно выразил мысль, изло-

женную затем в его мемуарах, что заявление Великобритании в 1961 г. представляло собой попытку парализовать Сообщество изнутри. Но Вальтер Гольштейн, президент Европейской комиссии, высказывал почти такое же недоверие в Вашингтоне в мае 1961 г. По словам Гольштейна, Великобритания считала, что Римский договор был только торговым соглашением, и пыталась убедить в этом Шестерку. Кроме того, Гольштейн боялся, что кое-кто во французском правительстве, особенно Мишель Дебре, захочет попытаться использовать членство Великобритании в ЕЭС, чтобы оказать поддержку своей концепции более свободного союза. Обе эти точки зрения представляли "серьезную опасность для дальнейшего развития ЕЭС", и против них надо было бороться во что бы то ни стало³⁵.

Наконец, для Франции, и частично для Германии, были некоторые дополнительные трудности, связанные с тем, что Великобритания могла бросить вызов французскому руководству в ЕЭС и все более тесным связям между Парижем и Бонном. Расширение ЕЭС почти обязательно нарушило бы зарождающуюся франко-германскую ось, привнеся в Сообщество не только третью большую державу, но и целый сонм малых стран, которые, как предсказывали многие, будут тяготеть к союзу с Великобританией. Это положило бы конец деголлевскому видению ведущей роли Франции в Европе, проводя более независимый от Соединенных Штатов курс, и привело бы к тому, что любой европейский политический союз с самого начала нес бы в себе атлантистское большинство, преданное НАТО и готовое принять американское главенство в обмен на более отдаленную перспективу трансатлантической взаимосвязи. Это было отлучение де Голля.

Настороженная позиция

Сочетание всех этих факторов обуславливало то, что в то время как большинство Шестерки искренне приветствовало заявление Великобритании и перспективу расширения Сообщества до девяти-десяти членов, энтузиазм других сильно сдерживался дурными предчувствиями. Последние только усилились, когда в октябре 1961 г. Эдвард Хит перечислил сложные вопросы, которые Великобритания надеялась разрешить в ходе переговоров о членстве в ЕЭС³⁶. В результате, во вступительном заявлении Шестерки, сделанном Ролфом Ларом — министром иностранных дел Германии — в *Auswartiges Amt*, на первой встрече Великобритании и Шестерки на уровне министров, было выражено огромное удовлетворение решением Великобритании подать заявление и признавалось, что у нее есть много особых требований, с которыми следует считаться во время переговоров о членстве в ЕЭС. Но он проявил твердость относительно

той степени, до которой Сообщество сможет позволить вновь вступающим членам изменять его правила:

Какие бы серьезные и важные проблемы ни стояли перед Великобританией — а мы склонны признать, что во многих случаях они таковыми и являются — они должны быть улажены, при этом исключение не должно становиться правилом и наоборот. Отдельные исключения должны иметь такой характер и делаться на такое время, чтобы не поставить под сомнение сами правила или не препятствовать применению этих правил в рамках Сообщества. Принятие новых членов должно происходить таким образом, чтобы они могли впоследствии принимать полное участие в разработке совместных решений в духе Сообщества³⁷.

Эта решимость свести к минимуму изменения, неизбежные при расширении Сообщества, проявилась и в том, как страны Шестерки решили организовать переговоры с англичанами и другими странами, желающими вступить в Сообщество³⁸.

В процедурных вопросах первым симптомом настороженности Сообщества было решение отвергнуть предложение Голландии относительно формирования межправительственного комитета — по принципу комитета Спаака, который сыграл такую важную роль в переговорах по подготовке Римского договора — для проведения переговоров о членстве в Сообществе. Опасались того, что создание нового комитета Спаака, в котором представители вступающих стран и представители стран-членов Сообщества будут на одинаковых правах вести дискуссии об условиях вступления, произведет нежелательное впечатление, так как вся структура Сообщества, его договоры и система включения в него новых членов могут снова стать предметом переговоров³⁹. Все это могло привести к разногласиям среди стран-участниц Сообщества и далее к возникновению такой ситуации, при которой некоторые члены ЕЭС смогли бы объединиться с кандидатами на вступление против своих партнеров по Сообществу. Вместо этого страны Шестерки решили обсуждать каждый вопрос с кандидатами только после выработки общей позиции по обсуждаемому вопросу на предварительном заседании Шестерки⁴⁰. Такой порядок не позволил бы Англии и другим странам-кандидатам использовать скрытую напряженность и разногласия между членами Сообщества. А то, что подобная процедура значительно замедлит ход переговоров, принималось как неизбежное подобное действие⁴¹.

Вторым признаком настороженности была та роль, которую отвели Комиссии в дискуссиях о членстве в Сообществе⁴². Объявив, что Гольштейн и его коллеги будут советниками, имеющими право голоса при встречах Шестерки с кандидатами, и, что более важно, Комиссия будет принимать полноправное участие в предварительных координационных совещаниях Шестерки, страны-участницы предоставили Комиссии широкие воз-

возможности для того, чтобы сделать ее влияние ощутимым. Принимая во внимание, что одной из важнейших задач, возложенных на Комиссию в структуре строительства Сообщества, было курирование договоров, вполне вероятно, что Комиссия могла бы использовать свой голос в переговорах для того, чтобы не допустить нежелательных изменений ни в структуре Сообщества, ни в зарождающейся общей политике⁴³. Более настойчиво проводилась мысль о нерушимости как договоров так и *acquis*.

Шестерка также продемонстрировала решимость не допустить, чтобы последующее расширение Сообщества препятствовало его будущему развитию или замедляло его. Это намерение отчетливо проявилось в заявлениях деятелей Сообщества, сделанных незадолго до изъявления Англией, Данией и Ирландией желания присоединиться к Сообществу. Гольштейн, например, пообещал бундестагу, что корабль интеграции не замедлит своего хода, чтобы дать возможность опоздавшим пассажирам догнать его⁴⁴. Но все же и англичане, и датчане считали, что раз они подали формальное заявление о приеме, им будет разрешен доступ к некоторым внутренним дискуссиям Шестерки, даже если их участие неизбежно приведет к осложнению и замедлению дальнейшего развития. В частности, обе эти державы лелеяли надежду, что на заключительной стадии им удастся оказать влияние на ход дискуссий по ОСП⁴⁵. Поэтому кандидаты на вступление были сильно разочарованы, когда на заседании Комиссии 20-21 сентября 1961 г. была подтверждена решимость членов Сообщества не замедлять темпов своего внутреннего развития. Принимая во внимание всю сложность сельскохозяйственных интересов Великобритании и Дании, этот шаг не оставлял надежд на участие кандидатов в переговорах по сельскому хозяйству⁴⁶. Подобным же образом было решено не допустить участия Великобритании в повторных переговорах по соглашению об участии в ЕЭС, несмотря на то, что многие бывшие колонии Великобритании в Африке и Карибском бассейне могли бы присоединиться к ЕЭС непосредственно после ее вхождения в Сообщество.

В течение 1962 г. подобные защитительные и осмотрительные правила ведения переговоров периодически подвергались нападкам. Так, страны Бенилюкса не скрывали своего недовольства по поводу принятой громоздкой и тяжеловесной процедуры и несколько раз пытались ее изменить в тех случаях, когда переговорный процесс шел слишком медленно⁴⁷. Однако осторожность, столь очевидная в организации переговоров, также проявилась и в поведении Шестерки при обсуждении важнейших вопросов с Англией. Таким образом в настоящей статье мы обращаемся теперь к позиции шести стран-участниц на протяжении 16-ти месяцев дискуссии со странами-кандидатами и к освящению мнений, высказанных на предварительных заседаниях внутри Шестерки.

Оборонительная позиция

Надежды и запросы Великобритании и существующие в Сообществе договоренности по вопросу о сельском хозяйстве были чрезвычайно далеки друг от друга⁴⁸. Общая сельскохозяйственная политика, принятая шестью странами в январе 1962 г., сильно отличалась от системы поддержки фермерских хозяйств, существовавшей в Великобритании. Поэтому любое движение в сторону новой сельскохозяйственной политики Сообщества, скорее всего было бы сложным и болезненным. Подобный шаг встретил бы также решительные возражения экспортеров Содружества, у которых Великобритания традиционно покупала большую часть продуктов питания, против были бы и английские фермеры, хозяйства которых процветали при послевоенной системе и которые с трудом верили в новую для них европейскую альтернативу⁴⁹. В результате английское правительство потребовало длительного переходного периода, в течение которого английская система смогла бы постепенно перейти к европейским стандартам, ряда значительных изменений в ОСП и долговременных гарантий того, что экспортеры стран Общего рынка смогут и дальше продолжать продажу значительного количества сельскохозяйственной продукции на британском рынке⁵⁰.

Ни одно из этих требований не было приемлемо для стран Шестерки. Каждое из них влекло за собой большие отклонения от выстраданного соглашения по ОСП. Начиная с февраля 1962 г., когда довольно четко были впервые сформулированы намерения Англии, и до января 1963 г. делегация Великобритании была вынуждена постепенно снижать свои притязания и признать, что в то время как о кратковременных частичных уступках и переходных соглашениях еще можно было договориться, то о существенных изменениях в системе соглашений по ОСП не могло быть и речи. Непризнание этого факта заводило переговоры в тупик. И если только кто-нибудь из членов Шестерки показывал склонность к смягчению позиции и проявлял чуть большую щедрость по отношению к Англии, тут же представители других стран-участниц были готовы указать, что такая неоправданная гибкость может подорвать систему соглашений по ОСП и разорвать тщательно сплетенную сеть взаимных уступок, которая служила ей основой. Так, например, в декабре 1962 г., когда некоторые члены Шестерки призывали разрешить Великобритании сохранить систему фермерских субсидий, Эдгар Пизани, министр сельского хозяйства Франции, предупредил, что подобная мягкость может привести к тому, что система соглашения (ОСП) может быть разобрана по листочку как кочан капусты⁵¹. Действенность таких предупреждений свидетельствовала как об ощутимой хрупкости системы соглашений ОСП, так и о решимости Шестерки отстоять тот курс, по которому она только что достигла соглашения.

Подобным же образом страны Шестерки не проявили большого желания отступать от того принципа, что импорт из стран третьего мира должен облагаться налогами по общему внешнему тарифу (ОВТ). В этом нашло свое отражение существовавшее убеждение о том, что наличие общего тарифного барьера, защищающего каждую страну-участницу Сообщества от внеевропейского экспорта и автоматически дающего европейским производителям преимущества в конкуренции с ним в рамках ЕЭС, было существенной составной частью общего рынка и основным объединяющим фактором. Так, нарушить этот принцип, уступив, например, просьбе Англии освободить от таможенных пошлин импорт с индийского субконтинента, означало бы создать опасный прецедент и ослабить единство Сообщества в дальнейших переговорах в рамках Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле (ГСТТТ). Что касается индийского экспорта, то такая позиция вовсе не означала, что сообщество не считалось с трудным положением Индии. Наоборот, одной из главных особенностей переговоров о вступлении Великобритании в ЕЭС было то, что представители Шестерки проявили большую склонность к уступкам именно развивающимся членам Сообщества, чем к более богатым бывшим доминионам. Поэтому Сообщество с готовностью пообещало правительству Индии выгодное торговое соглашение и упомянуло о возможности финансовой помощи. Но даже в случаях особого благоприятствования страны Шестерки не желали отступать от основополагающих принципов Сообщества.

Еще более ярким примером того, как некоторые члены Шестерки опасались, что процесс расширения может нанести вред Сообществу, были постоянные призывы к большему единству среди членов Шестерки и предупреждения о том, что внутренние противоречия могут нанести серьезный ущерб интеграционному процессу. Так, например, в начале августа 1962 г. произошел такой инцидент. В ходе интенсивной подготовки к заключению предварительного соглашения с Великобританией до летних парламентских каникул отношения между членами Шестерки серьезно обострились. Столкнувшись с напряженным противостоянием между представителем Франции, который заявлял, что Шестерка не должна идти на дальнейшие уступки экспортерам сельскохозяйственной продукции Содружества, с одной стороны, и представителями Германии, Голландии и Бельгии, которые стремились сделать новое предложение представителю Великобритании, — с другой, министр торговли Италии Эмилио Коломбо издал срочное официальное заявление с призывом к солидарности в Содружестве, напоминая своим коллегам о том, что манера ведения спора, способная пробудить старые противоречия среди членов Сообщества, была чревата не просто кризисом в процессе расширения ЕЭС, но, что более опасно, подрывала отношения внутри самой Шестерки. От этого

не выиграл бы никто. И в течение нескольких минут как сторонники жесткой линии Содружества, так и их противники, выступавшие за бóльшую гибкость, утомили пыл своих ораторов и возобновили выработку компромиссного текста⁵².

Франция ловко эксплуатировала стремление стран Шестерки сохранить единство в течение переговоров о приеме новых членов и нерасположенность Сообщества вносить какие-либо существенные изменения в свои *acquis*. Так, в течение переговоров голлистская Франция стала вдруг самой рьяной из всех стран-участниц ревнительницей общих интересов, связанных Римским договором и всеми вытекающими из него статьями соглашения Сообщества. Прежнее недовольство де Голля основными структурами Сообщества и статьями договора, было по тактическим соображениям, временно отложено. Этим Франция добилась того, что во время переговоров она редко оказывалась в изоляции, несмотря на то, что последовательно противостояла любому шагу, который мог бы облегчить процесс расширения Сообщества, что, в глазах общественности, и являлось задачей Франции и пяти ее партнеров по Сообществу. В большинстве случаев Комиссия, Италия, Бельгия или Германия в любой комбинации блокировались с Францией в своем явном желании сохранить Сообщество и его политический курс. И даже если Франция все же оказывалась в меньшинстве в своем сопротивлении новым уступкам Великобритании, что случалось сначала довольно редко, но к концу 1962 г. стало обычным явлением, сам процесс переговоров был организован так, что Англия едва ли могла использовать в своих интересах раскол голосов пять к одному. Напротив, представителям Великобритании приходилось бесконечно ожидать в коридорах, пока члены Шестерки часами спорили о том, как установить новую общую позицию, необходимую для возобновления переговоров с кандидатами на вступление в Сообщество. Это было, без сомнения, крайне огорчительно не только для Англии, но и для тех стран-участниц, которые стремились к расширению Сообщества. Но даже такие явные англофилы из государств-членов, как, например, голландцы, не желали подвергать опасности Сообщество, нарушая процедуру переговоров, единогласно принятую Шестеркой.

Непоколебимой позицией стран Шестерки было нежелание Великобритании идти на какие-либо существенные уступки. Это, в свою очередь, было отражением отсутствия единого мнения о желательности вступления Великобритании в ЕЭС как в самой Великобритании, так и в странах Британского содружества. Ничем неоправданным было и мнение о том, что позиция кандидата, ведущего переговоры о вступлении в Сообщество, сильнее позиции страны-участницы⁵³. Подобная негибкость позиций сторон вполне объясняет затянутость переговоров и даже возможность их полного провала, которая все еще висела над ними в конце 1962 — начале 1963 г. Но вся напряжен-

ность и споры внутри Сообщества по вопросу о том, каким образом вести, например, переговоры о вступлении Великобритании, просто ничто по сравнению с теми неизгладимыми последствиями, к которым привело внезапное прекращение переговоров в январе 1963 г.

Резкое прекращение переговоров

На пресс-конференции 14 января 1963 г. генерал де Голль выразил свое убеждение в том, что Великобритания еще не готова стать членом Европейского сообщества. Это привело к поляризации мнений внутри Шестерки и установило, как никогда ранее, во время переговоров более ясное соотношение голосов — пять против одного⁵⁴. Односторонний характер действий французского президента — никто из руководителей стран-участниц не был предупрежден о его решении отклонить ходатайство Великобритании о вступлении в ЕЭС — резко контрастировал с обычным для делегатов Франции духом коллективизма. Даже те, кто не питал иллюзий по поводу успешного заключения соглашения между Великобританией и ЕЭС и могли бы поэтому до некоторой степени согласиться с заключением генерала, были потрясены той манерой, в которой оно было объявлено⁵⁵. Негодование пятерки было впервые выражено в серии возмущенных заявлений для прессы. Уро Да Малфа, министр финансов Италии, с горечью заметил, что де Голль не должен был относиться к партнерам по Сообществу как к колониям. Далее последовали более существенные ответные меры⁵⁶. Так, например, Голландия и Италия одновременно решили отложить подписание новой конвенции об объединении, о которой страны Шестерки договорились со своими африканскими партнерами в декабре 1962 г., Спаак и Ланс, министры иностранных дел Бельгии и Голландии соответственно, пошли еще дальше и предложили Великобритании объединиться с пятью членами Сообщества и подчеркнуть изоляцию Франции, начав устанавливать политический союз по линии Фуше, связывающей Великобританию, Германию, Италию и Бенилюкс⁵⁷. То, что подобные радикальные идеи даже обдумывались, подтверждало мнение тех, кто, подобно Спааку и Маншолу, считали, что кризис января 1963 г. ударил по самим основам системы Сообщества и поставил под удар весь процесс европейской интеграции. Как сказал вице-президент Комиссии:

Отказ принять Великобританию в члены ЕЭС угрожает самому его существованию. Если этот внутренний конфликт не будет улажен, мы, вероятно, посеем семена подозрения и сомнения в искренности сотрудничества в институтах Сообщества. Номинально оно будет продолжать существовать, но его развитие будет остановлено, а жизненные силы подорваны. Вместо

того, чтобы укрепиться путем расширения, оно начнет разлагаться изнутри⁵⁸.

Со временем, однако, становилось все яснее, что те, кто считал сообщество обреченным, были неправы, а сообществу не было нанесено смертельного удара. Уже 29 января во время встречи Великобритании и пятерки для обсуждения перспектив сотрудничества между Англией и континентальной Европой, не взирая на провал переговоров о членстве в Сообществе, представители Германии и Италии воздерживались от любых шагов, которые могли привести к серьезной изоляции Франции. Позднее, когда утихли страсти, иссякли и различные попытки наказать де Голля за его акцию, и нормальная деятельность Сообщества вошла в свое русло. В июле 1963 г., спустя пять месяцев после вето, в Яунде была наконец подписана конвенция об объединении; в декабре 1963 г. была согласована следующая серия правил ОСП. Таким образом Шестерка показала, что ее члены не желают ни того, чтобы кризис января 1963 г. препятствовал их сотрудничеству, ни того, чтобы сами по себе апелляции о вступлении в Сообщество служили препятствием в его работе.

Заключение

Способность Сообщества преодолеть кризис, спровоцированный де Голлем, таким образом, только подтвердила главный итог переговоров о расширении Сообщества в 1961-1963 гг. Он состоял в том, что настороженность, являвшаяся такой характерной чертой поведения Шестерки на переговорах с Великобританией и другими кандидатами на вступление в ЕЭС, происходила не только из осознаваемой ими хрупкости структуры Сообщества, но, что важнее, и из твердой решимости членов Шестерки защитить как степень интеграции, которой они достигли к тому времени, так и их способность развивать этот процесс дальше. Заявления о вступлении, будучи желанным подтверждением привлекательности системы ЕЭС, не являлись все же ни достаточной ценой риска нарушения равновесия Сообщества, ни оправданием замедления дальнейшего развития. Нельзя было также позволить возмущению, вызванному деголевским вето, надолго нарушить работу Сообщества. Эта решимость продвигаться вперед, преодолевая преграды внутренних противоречий, помогла Шестерке пережить кризисы января 1963 г. и 1965-1966 гг. и продолжала служить притягательной силой для соседних стран. Поэтому, ни вето 1963 г. ни вето 1967 г. не повлияли на желание Великобритании, Дании и Ирландии присоединиться к ЕЭС, они лишь отложили неизбежное расширение Сообщества.

¹ Автор хотел бы выразить благодарность г-ну Хофману из Исторического архива Европейской Комиссии в Брюсселе и г-ну Беккеру из Архива Совета Министров ЕЭС.

² Определение введено Робером Маржоломом для описания первой фазы развития Сообщества. *Le Travail d'une vie: Mémoires 1911-1986*. Paris: Laffond, 1986. P. 305.

³ Massip R. *De Gaulle et l'Europe*. Paris: Flammarion, 1963. P. 25-26, 32-36.

⁴ Cardozo R. *The Project for a Political Community (1952-1954) // The Dynamics of European Union / Ed. Pryce R. London: Routledge, 1987. P. 57.*

⁵ Цит. по: Poidevin R. *De Gaulle et l'Europe en 1958 // De Gaulle en son Siècle*. Plon: L'Institut Charles de Gaulle, 1992. Vol. 5. P. 81.

⁶ Boegner J.-M. 1958, le général de Gaulle et l'acceptation du traité de Rome // *Espoir*. 1992. No. 87. Dec. P. 28-30.

⁷ Особенно были полны энтузиазма голландцы: Bouwman B. *The British Dimension of Dutch Foreign Policy 1950-1963*. Unpublished D.Phil. Oxford, 1993. P. 202-205.

⁸ Si elle était acceptée, [le plan Britannique] aurait noyé le Marché commun dans une zone de libre échange. Spaak P.-H. *Combats inachevés, de l'espoir aux déceptions*. Paris: Fayard, 1969. P. 82; *La Zone de Libre Echange Devant l'Opinion Française // Revue du Marché Commun*. 1958. No. 1. March. P. 32.

⁹ Bossuat G. *Le choix de la petite Europe par la France (1957-1963). Une ambition pour la France et pour l'Europe*. Доклад представлен на конференции EUI "Первые попытки расширения ЕЭС, 1961-1963. Флоренция. 17-19 февраля 1994 г. С. 24-25.

¹⁰ Camps M. *Britain and the European Community 1955-1963*. London: Oxford University Press, 1964. P. 253-262; Groeben H., von der. *Combat pour l'Europe. La construction de la Communauté européenne de 1958 à 1966*. Brussels: CECA-CEE-CEEA, 1984. P. 110.

¹¹ Küsters. *Fondaments de la CEE*. P. 226-227; Groeben, von der. *Combat pour l'Europe*. P. 61.

¹² Tracy M. *Government and Agriculture in Western Europe 1880-1988*. London: Harvester Wheatsheaf, 3rd ed., 1989. P. 252-254; Bourrinet J. *Le problème agricole dans l'intégration européenne*. Ph.D. thesis. Université Montpellier, 1964. P. 144-154; Groeben, von der. *Combat pour l'Europe*. P. 75-84.

¹³ Об обсуждении этих ранних бесплодных попыток см.: Milward A.S. *The European Rescue of the Nation State*. London: Routledge, 1992. P. 224-317; Noël G. *Du Pool Vert à la Politique Agricole Commune. Les tentatives de Communauté agricole européenne entre 1945 et 1955*. Paris: Economica, 1988.

¹⁴ Примером наград, полученных Маншолтом за заключение соглашения ОСП 14.01.1962 г. см.: *Le Mond*. 1962. 16 Jan. и *The Economist*. 1962. 20 Jan.

¹⁵ Camps. *Britain and the EC*. London: Oxford University Press, 1964. P. 148, 169.

¹⁶ В начале сентября 1961 г. Кув де Мюрвиль говорил англичанам: "было понятно, что присоединение [к Комиссии] греческих товаров будет слабым...". Public Record Office (ранее PRO). F0371 158181; M615/223, Dixon to Reilly, 9.9.1961. Мое интервью с Карлс-Хайнсом

Нарьесом, бывшим заместителем председателя кабинета Голштинии, подтверждает, что от греческого эпизода остался болезненный осадок.

17 На пресс-конференции в сентябре 1960 г. де Голль прекратил обсуждение наднациональной интеграции как "несбыточной мечты".

18 На эту тему см. Особенно: Bloes R. Le "Plan Fouchet" et le problème de l'Europe politique. Bruges: College d'Europe, 1970.

19 Жан-Мари Суту, один из основных французских участников переговоров, почувствовал в ноябре 1961 г., что успех находится совсем рядом. Интервью с автором.

20 Среди работ, связанных с этим вопросом, особенно см.: Britain and EC; Kaiser W. Von Messina nach Canossa. Berlin (в печати); Burgess S., Edwards G. The Six plus One: British policy-making and the question of European economic integration, 1955 // International Affairs. 1988. No. 64.

21 В 1958 г. Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария, Австрия и Португалия образовали Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ).

22 PRO. CAB 134/1853; ES(E) Cttee, June 1960, Question 2.

23 Ibid.

24 PRO. CAB 128/35 Part 1; CC(61)42, 21.7.1961; Hansard, 1960-1961. Vol. 645, cols. 928-931.

25 Laursen J. The Great Challenge. Denmark and the first attempt to enlarge the European Community, 1961-1963; Rathkolb O. The Austrian Case: From the Neutrals' association approach to a "special arrangement" with the EEC (1961-1963); Eriksen K.E., Pharo H. The Common Market Issue in Norway 1961-1963. Доклад представлен на конференции Европейского университета "Первая попытка расширения ЕС, 1961-1963". Флоренция, 17-19.02.1994.

26 Цит. по: Girvin B. Economic Development and the Politics of EC Entry: Ireland 1956-1963, доклад представлен на конференции Европейского университета "Первая попытка расширения ЕС, 1961-1963". Флоренция, 17-19 февраля 1994 г.

27 Nous pouvons considérer les demandes d'adhésion de la Grande-Bretagne, du Danemark et de l'Irlande comme une preuve du succès de notre Communauté. Debats de l'Assemblée Parlementaire Européenne 1961-1962. Vol. II. P. 78.

28 Реджинальд Модлинг сказал бельгийскому журналисту, что ЕАСТ, полагаясь больше на прагматизм, чем на жесткие графики работы, могла бы легко достичь того же, что и Сообщество. Le Soir. 1961. 7 mai.

29 Римский договор не пытался создать полностью оперившийся общий рынок немедленно. Вместо этого он предусматривал длительную переходную фазу (до 1970 г.), в течение которой выполнялись бы различные элементы Договора. Эта переходная фаза, в свою очередь, подразделялась на три отдельных стадии, и это была первая из них, которая продолжалась до 31 декабря 1961 г.

30 PRO. FO372 158298; M634/610; Tandy to FO, 30.10.1961.

31 Bourrinet. Le Problème agricole. P. 144-154.

32 К декабрю 1962 г. Великобритания запоздало осознала эту проблему, один высокопоставленный чиновник сказал своим коллегам: "Остальные члены Шестерки боялись, что если мы вступим в ЕЭС без четких условий, обязывающих нас соблюдать политику в ее существующей форме, то мы объединимся с Германией -- по своим

собственным причинам, — чтобы сделать ее неприменимой”. PRO. CAB 134/1512; CMN(62) 27th meeting, 5.12.1962.

³³ Gaulle Ch., de. Discours et messages. Vol. IV. Paris: Plon, 1970. P. 69; PRO. PREM 11 4230. Отчет о переговорах в Рамбуйе в 12.00 в воскресенье, 16 декабря 1962 г.; о взглядах Аденауэра см. его интервью Le Monde 10.3.1962 и его переговоры с Хитом; FO371 164803; M641/543G, запись беседы Лорда хранителя-печати и канцлера Аденауэра в Cadenabbia 1 октября 1962.

³⁴ FO371 164802; M641/533, COMLEE(62)128, Отчет о переговорах с министром иностранных дел Бельгии в Chequers 22 сентября 1962 г.; подобные же взгляды выражены неназванным служащим Комиссии: cf. FO371 164811; M641/664; Galsworthy minute, 13.12.1962.

³⁵ Foreign Relations of the United States, 1961-1963. Vol. XIII. Washington: United States Government Printing Office, 1994. P. 15.

³⁶ Вступительное заявление Эдварда Хита, излагающее особые требования, с которыми Великобритания считала необходимым обратиться во время переговоров о членстве в ЕЭС, было перепечатано под заголовком The United Kingdom and the European Economic Community. London: HMSO, Cmnd 1565, 1961).

³⁷ Цит. по: Nicholson F., East R. From the Six to the Twelve, the enlargement of the European Communities. Harlow: Longman, 1987. P. 12.

³⁸ Вопросы, поднятые в следующих статьях, детально обсуждались в: Ludlow N.P. A Failed Enlargement: the Six and the First British Application to the EEC, 1961-1963. D.Phil. thesis. Oxford, 1995. P. 53-90.

³⁹ EEC Council of Ministers Archives (далее CMA). Aide-Mémoire: Resultats du premier échange de vues intervenu au sein de COREPER le 23.8.1961 au sujet des problèmes immédiats que posent les demandes d'association et d'adhésion à la Communauté.

⁴⁰ CMA. S/490/61 (RU10) Extrait du Projet de Procès-Verbal de la réunion restreinte tenue l'occasion de la 52-me session du Conseil de la CEE. 16.10.1961.

⁴¹ Roll E. Crowded Hours. London: Faber & Faber, 1985. P. 118-119 дает понять, сколь обескураживающей была эта процедура для заявителей.

⁴² Ibid.

⁴³ Функция Комиссии как опекуна Договоров выросла из 155 статьи Римского договора. Путь, которым Комиссия действительно использовала свое влияние на расширение переговоров, подробно обсуждается в: The First Attempt to Enlarge the European Community / Ed. R.Griffiths. Lothian (в печати).

⁴⁴ The Times. 1916. 5 July.

⁴⁵ В начале сентября 1961 г. Великобритания все еще верила, что "логика событий" приведет к тому, что они будут включены в переговоры по ОСП; PRO. CAB 134/1511; CMN(61)3, 4.9.1961; за месяц до этого Дания официально обратилась в ЕЭС с просьбой о ее включении в Сообщество.

⁴⁶ CMA. S/490/61 (RU10) Extrait du Projet de Procès-Verbal de la réunion restreinte tenue à l'occasion de la 52-me session du Conseil de la CEE. 16.10.1961.

47 Два самых важных примера проявления недовольства стран Бенилюкса в апреле и декабре 1962 г. проанализированы в: Ludlow N.P. A Failed Enlargement. P. 149-155, 260-263.

48 Проблема сельского хозяйства глубже проанализирована в: Ludlow N.P. A Problem of Trust: British Domestic Agriculture in the Brussels negotiations // The Brussels Breakdown / Ed. G.Wilkes. London: Frank Cass (в печати).

49 Примеры несогласия англичан с системой Сообщества см.: PRO. PREM 11 3635; запись беседы Макмиллана, Соумза и Вулли 9.7.1962; Daily Express. 23.7.1962; Lieber R.J. British Politics and European Unity: parties, elites and pressure groups. Berkeley: University of California Press, 1970. P. 116-132.

50 CVA. 07.51 Compte rendu de la 4ème session ministérielle entre les états membres de la CEE et le Royaume-Uni, tenue les 22/23 février 19652. RU/M/13/62. Draft minutes. Annex III.

51 European Commission Historical Archive (далее ECHA). S/08134/62, 42ème rapport sur la session ministérielle à six dans le cadre des négociations avec le Royaume-Uni (3/4/5 Decembre 1962).

52 Agence Europe. 1962. 4 Aug.

53 На самом деле было наоборот, т.е. все установления Сообщества и его деятельность были направлены на то, чтобы лучше удовлетворять нужды членов Сообщества, а не других стран.

54 Текст пресс-конференции 14 января приведен в: Gaulle, de. Discours et messages. Vol. IV. P. 66-71.

55 Наиболее заметными среди таких пессимистов были Робер Маржолен и Эмилио Коломбо. См.: Marjolin R. Le travail d'une vie: Mémoires 1911-1986. Paris: Laffond, 1986. P. 333-334 и комментарии Коломбо, процитированные в Kleiman R. Atlantic Crisis: American diplomacy confronts a resurgent Europa. New York: Norton, 1964.

56 Agence Europe. 1963. 15 Jan.

57 Brusse W.A. Alone within the Six: The Dutch Cabinet and the British Application for EEC Membership 1960-1963, доклад представлен на конференции Европейского университета "Первая попытка расширения ЕС". Об итальянских угрозах см.: PRO. PREM 11 4524; Запись беседы в Palazzo Chigi on February 2, 1963. О бельгийских и голландских помыслах о политическом союзе с Великобританией см.: PREM 11 4524; Codel 91, 97, Heath to Macmillan and Home, 28.1.1963.

58 Краткое изложение речи Машолта в Лувенском университете 22 января 1963 г.; PRO. F0371 171415; M1091/66, Codel No. 68, Brussels to FO, 23.1.1963.

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ К МААСТРИХТУ

Состоять в Европейском Союзе, как справедливо было замечено, это все равно, что идти туда, не знаю куда. Маастрихтский договор — главная веха на этом пути. Но этот договор насколько не прояснил, какой видится конечная цель пути, если вообще можно вести речь о том, примет ли когда-нибудь Европейский союз четкие законченные формы.

Союз все еще продолжает систематизировать все записанные в договоре важные предложения и требования, которые обсуждались в 1991, были подписаны в 1992 и полностью ратифицированы всеми государствами-участниками только в 1993.

Из главных нововведений Маастрихтского договора можно выделить три :

- создание к концу столетия единой валюты;
- выработка единой внешней политики и обороны;
- возложение на Союз ответственности в связи с иммиграционными и политическими проблемами, возникающими из-за отмены пограничного контроля между странами-членами Союза.

Что касается последнего пункта, то здесь был достигнут некий прогресс с введением шенгенских зон свободного перемещения между 7 странами-членами Союза, и в перспективе присоединение к ним еще некоторых стран. Кроме того, все 15 государств, входящих в Союз, создали Европол, организацию, содействующую совместным усилиям национальных полиций.

Маастрихт ввел в обращение тщательно продуманный механизм по выработке и претворению в жизнь совместных внешнеполитических действий. Но результаты пока не слишком обнадеживающие для тех, кто рассчитывал, что положениями договора можно компенсировать недостаточность политической воли или четко определенных общих интересов. Столкнувшись с кризисом в бывшей Югославии, страны ЕС имели больше разногласий с США и Россией, чем друг с другом. Но большой вклад Европы в сохранение мира в Боснии — это заслуга лишь нескольких стран ЕС. Маастрихт выдвинул перспективу единой европейской оборонной политики, но переговоры об этом пока отложены.

Пожалуй, самым конкретным и важным достижением Маастрихта было обязательство части государств ЕС образовать Экономический и валютный союз (ЭВС) самое раннее к 1997 г., но не позднее 1999 г., при соблюдении определенной финансовой дисциплины. Обязательство об ЭВС пока не пересматривалось, хотя уже сейчас ясно, что первый из названных сроков не будет соблюден.

В следующем году страны ЕС проведут Межправительственную конференцию (МПК), запланированную в Маастрихте. Практически отсрочки с ратификацией договора делают эту конференцию несколько преждевременной для серьезных обсуждений каких-либо проблем, кроме согласования некоторых относительно менее важных конституционных вопросов, предусмотренных в Маастрихте.

Предполагается, что 1996 год МПК посвятит главным образом проблемам адаптации институтов ЕС к будущим новым членам Союза, которые войдут в него в ближайшие годы, а также проблемам обороны. Поэтому разумнее обеспечить выверенную и скорректированную "траекторию" для той ракеты, что была запущена в Маастрихте, чем выпускать на орбиту совершенно новые для Союза требования и предложения.

В какой-то мере, однако, события в Восточной Европе и России повлияют на развитие интеграции в ЕС, как это происходило и в прошлом. Например, политический или социальный переворот в России усилит как желание восточно-европейских стран ускорить их вступление в ЕС, так и готовность ЕС принять их.

События в одной части европейского континента всегда отражались на событиях в другой. Именно поведение Сталина в начале 50-х годов прямо или косвенно ускорило первые шаги интеграции в Западной Европе: имеются в виду Европейское объединение угля и стали, созданное в 1952 г. и план Европейского оборонительного союза, загубленного в 1954 г. французской оппозицией.

Однако, было бы неверным полагать, как это делают некоторые в Западной Европе, что ЕС является просто порождением "холодной войны" и с прекращением ее должен быть отброшен на свалку за ненужностью. В этой статье показаны различные дороги, ведущие к Маастрихту. Статья прослеживает внутреннюю логику ЕС при создании валютного союза. Нами предпринята попытка доказать, что поиски валютной стабильности в условиях возрастающей интеграции коммерческого рынка, неминуемо привели бы Западную Европу к тому или иному "Маастрихту", даже если бы "железного занавеса" никогда не существовало. Но нельзя не признать, что именно отмена "железного занавеса" в 1989 году выдвинула Европейское сообщество, как оно тогда называлось, на главную роль, дало жизнь многим из Маастрихтских реформ.

Деньги как движущая сила

Слабым звеном Римского Договора был вопрос денег, главным образом потому, что в момент подписания договора в 1957 году проблемы валютной нестабильности просто не существовало. Система Бреттон Вудс гарантировала фиксиро-

ванный, хотя периодически регулируемый валютный курс. Таким образом, Римский договор стоял на том, что макроэкономическая политика является общим делом стран-участниц Союза, а также на необходимости учреждения Валютного комитета по национальным финансам и руководства центрального банка плюс Брюссельской комиссии.

Несмотря на постепенный развал системы Бреттон Вудс в конце 60-х годов, движение к сближению в такой чувствительной сфере казалось невозможным, пока Ж.Помпиду не сменил де Голля на его посту в 1969 г. Даже и тогда ничего существенного не произошло в течение 10 лет. Вернеровский доклад в 1970 призвал к созданию валютного союза к 1980 году. Но он не создал никаких механизмов для осуществления такого союза. Вернеровский доклад на первом этапе рекомендовал снизить колебания курса, но это было невозможно в связи с очевидным крахом системы Бреттон Вудс в 1971 году. С 1972 года часть стран пыталась сохранить свои валюты в пределах подвижной полосы, называемой "змейка", но это удалось лишь Германии и нескольким ее соседям.

Следующий эксперимент, однако, удался. В 1979 году совместной инициативой Р.Джженкинса, впоследствии Президента Европейской комиссии, Г.Шмидта, германского канцлера, и Валери Жискар д'Эстена, Президента Франции, была учреждена Европейская валютная система, которая действует и сегодня. Существует несколько причин успеха этой системы.

Во-первых, ее техническая структура. Для сохранения валютных колебаний в пределах 2,5 % от основного курса (определенного по отношению к ЭКЮ, которая сама представляет среднее значение всех валют, входящих в систему) центральные банки условились о кредитах друг другу, чтобы удерживать валютный рынок.

Во-вторых, что еще более важно, после шока в связи со вторым скачком цен на нефть в 1979-80 гг., который, говоря коротко, весьма затруднил деятельность ЭВС, правительства и директора центральных банков пришли к тому, что инфляция — враг общий. Это повлекло сближение позиций относительно макроэкономической политики, особенно после того, как правительству Миттерана пришлось вводить строгие ответные меры, чтобы удержать франк в рамках ЭВС.

ЭВС помогала входящим в нее странам стабилизировать их валютные курсы. Их изменчивость в 1979-85 гг. составляла половину того, что было в 1975-79 гг., и вновь уменьшилась вдвое в период 1985-89 гг. Валютные перепады или оговоренные изменения центральных валютных курсов относительно ЭКЮ также со временем происходили все реже. Так, в 1979-83 гг. было семь подобных изменений курса, в 1983-87 гг. — четыре, и в 1987-92 гг. — ни одного. Правда, в 1992 году серьезный кризис выбросил английский фунт стерлингов и итальянскую

лиру из системы. Последующие валютные кризисы 1993 года могли привести к девальвации в других странах и их выходу из системы, если бы не было решено расширить допустимые колебания валютных курсов с 2,5% до 15%.

Но валютное затишье 80-х, предшествовавшее штормам 1992-1993 годов, уже дало очень важный результат. Оно показало, что идея создания системы с постоянно фиксированными валютными курсами, пусть даже какой-либо одной валюты, вполне осуществима.

Главной причиной того, что создание валютного союза также представлялось крайне необходимым, был неожиданный успех программы Единого рынка.

От единого акта к Единому рынку

Первое же начинание ЕС — создание таможенного союза — имело огромный успех. Сначала было задумано сократить внутренние тарифы на перевозку промышленных товаров на 12-15 лет. Робкий старт был сделан в 1958 году с 10% скидкой. Однако очень скоро промышленность начала просить о дальнейшем снижении тарифа, и в 1962 году он был доведен до 50%, (вместо 30%, как планировалось в Римском договоре), а завершился этот процесс в 1968 году до намеченного графиком срока.

Гораздо труднее оказалось справиться с нетарифными барьерами. В самом деле, пока Западная Европа боролась с инфляцией и безработицей, в 1970-80 гг., эти нетарифные барьеры, казалось, даже возросли. Правительства все больше старались субсидировать терпящие бедствие компании или принимать меры якобы для защиты интересов потребителей, но фактически их действия проходили под лозунгом протекционизма. Кроме того, промышленность Западной Европы все больше и больше ощущала давление конкуренции не только со стороны США, но также Японии и других азиатских производителей.

Единственным ответом на это могло быть увеличение денежных средств, изыскиваемых ЕС, чтобы помочь компаниям и промышленным отраслям увеличить выпуск своей продукции. Но становилось все яснее, и самим промышленникам в том числе, что единственный способ для них достичь мирового уровня, это иметь экономию средств в масштабе, принятом на Европейском рынке, убрав внутренние барьеры. Реакцией на это разочарование был знаменитый "Белый документ", выпущенный Комиссией, возглавляемой новым президентом, Жаком Делором. Он назывался "О завершении Международного рынка" к июню 1987 года и содержал около 280 предложений о мерах уничтожения или отмены физических, финансовых и технических барьеров для свободного потока товаров, услуг и капитала, а также указывал срок исполнения этих мер — до 1992 года.

Возведение этих мер в ранг закона было бы невозможным без так называемого Единого Европейского акта (ЕЕА), который обсуждался в конце 1985 года, а окончательно был принят в 1987 году. По иронии, название этого акта никак не связано с Единым Рынком, и должно было просто констатировать, что ЕС вносит ряд поправок в Римский договор после одного из обычных конституционных пересмотров.

ЕЕА был первым существенным дополнением Римского договора. Правда, в 1961 г. де Голль пригласил французских партнеров сформировать межправительственный союз по внешней политике и обороне, известный как "план Фуше", но этот союз существовал отдельно от Римского договора и его институтов и действовал как самостоятельная комиссия. По этой причине голландцы и бельгийцы отказались признать его.

Создатели Римского договора предусмотрели возможность его усовершенствования, разрешив в ст.236 "конференцию представителей правительств государств-участников... для определения с всеобщего согласия необходимых поправок к договору". К 1985 году большинство людей уже не помнили о том, что это когда-то существовало.

Однако в середине 80-х годов было много неудовлетворительного. Было много разорившихся промышленников и бизнесменов, чьи обращения впоследствии привели к появлению известной Белой бумаги. Но политики и чиновники тоже терпели крушение по другим причинам, в частности:

- 1) Узость кругозора политики ЕС. Главной чертой Брюссельской жизни в начале 80-х был моментальный подсчет времени, потраченного Союзом на заслушивание жалоб Маргарет Тэтчер о том, что Британия, далеко не самая богатая участница Союза, вносит непропорционально большую долю в союзный бюджет. Совет министров решил в 1980 г. выплатить Британии некоторую компенсацию, но до 1984 года решал, как это сделать. Корень проблемы заключался в том, что основной объем средств ЕС тратил, да и в настоящее время тратит, на фермерские хозяйства, а в Британии фермерский сектор относительно невелик. Было вынесено общее решение, что если политика ЕС немного выйдет за рамки сельского хозяйства, то британские проблемы будут частично решены.

- 2) Паралич в принятии решений. Де Голль поссорился с Союзом в 1966 году, требуя от него согласиться на так называемый Люксембургский компромисс о том, что каждое государство может налагать вето в случае ущемления своих жизненных интересов. Это произвело такое воздействие на союз, что и теперь, много лет спустя, Совет министров не смеет использовать голосование большинством, даже когда договор позволяет это. Европарламент также требует некоторых организационных реформ. С 1979 года члены Европейского парламента больше не выделяются своими национальными парламентами, а выбирают-

ся прямо избирателями. Они чувствуют большую важность своих миссий, но при этом разочарованы недостаточностью полномочий.

3) Расширение Союза после принятия Испании и Португалии в 1986 году. Принятие только двух новых членов требует незначительных организационных изменений, но это может дать толчок к реформам в широком масштабе. Опять же, перспектива принятия десяти стран Восточной Европы, Балканского и Балтийского регионов потребуют скорейших организационных реформ от Межправительственной конференции уже в следующем году.

Тем не менее, в начале 1985 года Британия начала мощную кампанию, доказывая, что вместо пересмотра договора, правительства просто пришли к "джентльменскому соглашению" чаще использовать большинство при голосовании. Это не устраивает некоторые страны, включая Италию, которая в первой половине 1985 года председательствовала в Совете министров. Это вызвало серьезные недоумения во время Миланского саммита в июне того же года. Применяя ст.236, он потребовал проголосовать за созыв межправительственной конференции и получил большинство в 7 голосов против 3 за пересмотр Римского договора. Миссис Тэтчер с Данией и Грецией остались в меньшинстве. Она же единственная была против решения о Маастрихте во время обсуждений по этому вопросу на межправительственной конференции в 1989 году.

Однако обсуждения Единого Европейского акта были практически бесплодны. Правительства соглашались расширять сотрудничество в сфере экологии, валютной и внешней политики. Самое важное методическое изменение состояло в том, что большее количество решений должно было приниматься большинством голосов, в частности, вопросы, относящиеся к союзному внутреннему рынку. Важнейшей целью было завершение к 1992 году внутреннего рынка как "пространства без внутренних границ, в котором гарантировано свободное перемещение товаров, лиц, услуг и капиталов".

Программа внутреннего рынка, основанная в Белой бумаге в 1985 году, не имела немедленного успеха. Потребовалось еще два года, чтобы она оторвалась от земли. (В самом деле, только лишь ЕЕА получил сразу одобрение, был ратифицирован и полетел.) Но затем она воспарила. "Программа 1992" в колоссальной мере пробудила интерес бизнесменов и предпринимателей не только в Европе, но также в США и Японии. Казалось, что сама дата имеет какое-то мистическое значение — через 500 лет после открытия Колумбом Америки Европа собиралась осуществить свое великое возвращение в 1992 году.

"1992" была поддержана пропагандой Комиссии в связи с преимуществами, полученными от отмены барьеров в Западной Европе, а также в связи со всеобщим экономическим бумом

конца 80-х, который на самом деле был связан с падением мировых цен на нефть не больше, чем Брюссельские проекты.

Часть успеха программы "1992" была, да и остается, иллюзорной. Не все из 280 положений программы вошли в законодательства всех участвующих стран. И можно сказать наверняка, что даже если какое-либо положение включено в свод законов каждой страны, оно не везде будет соблюдаться с одинаковым усердием.

Однако "1992" не могла не иметь скрытых от глаз, но важных политических результатов. Во многих сферах деятельности наблюдается взаимное доверие между государствами, что довольно редко встречается за пределами договорного федерального союза. Товары, разрешенные к продаже в одном государстве ЕС, не могут быть запрещены в остальных. Банк, учрежденный в одной стране, может проводить межбанковские операции в других странах. Голосование большинством вселило определенную веру в то, что большинство не собирается задушить меньшинство, заткнув ему рот чем-то ужасным.

Одновременно с программой Брюсселем было сделано величайшее усилие ввести правила конкуренции и контролировать правительственные субсидии компаниям, испытывающим затруднения. Первые из названных мер носили наднациональный характер и принятие их означало бы существенно потерять в суверенитете. Сюда же можно отнести признание государством факта, что нельзя тратить собственные деньги на собственные компании на собственной территории, если в результате произойдет перевес в торговле, что приведет к конкуренции.

Совсем иная картина наблюдалась в это время в Восточной Европе. Трудно представить, что члены СЭВ согласились плясать под ту же дудку секретариата СЭВ, на которую привычно отзывался Калининский проспект. Конечно, в известном смысле у них не было экономической необходимости делать это. Торговля в СЭВ строилась на принципах бартера и ограниченного рублевого кредита, что обсуждалось правительствами сторон с глазу на глаз. Поэтому не было никаких попыток создать систему свободного оборота товаров или конкуренции для гарантии и сохранения наднациональных полномочий. Парадоксально, что пока многие на Западе рассматривали СЭВ как наднациональную организацию, настоящие наднациональные институты развивались у них самих на задворках.

От единого рынка к единой валюте

Среди 280 положений Белой бумаги было предложение об отмене контроля за капиталами.

В начале 60-х компании стран ЕС могли свободно перемещать капитал в пределах пространства ЕС для инвестирования выбранного ими объекта. Отдельные предприниматели могли в

свою очередь свободно участвовать в долях в любом из государств. Но в 70-е годы эта практика была остановлена. Некоторые страны вновь имели контроль за капиталами для защиты своих валютных курсов и прекращения валютных спекуляций.

В 1988 г. ЕС согласился отменить любой контроль за капиталами не только внутри ЕС, но и в остальных странах. В современном мире электронных денежных переводов невозможно уловить внутренние и внешние передвижения капитала.

Хотя эта мера полностью была принята лишь в 1990 году, сразу же стало ясно, что либерализация капитала сделает ЕВС менее устойчивой, и следовательно для ЕС очень важно добиться завершения создания валютного союза.

Был и другой мотив для усиления этой кампании. В конце 80-х многие страны почувствовали, что они уже исчерпали все возможные преимущества ЕВС. Прикрепившись к германскому якорю, они избавились от инфляции. Но некоторым крупным странам, как Франция и Италия надоело все время следовать немецкой валютной указке без права голоса в решениях, принимаемых Бундесбанком во Франкфурте. Последний позволял себе быть глухим даже к жалобам немецких политиков в Бонне, и уж тем более не собирался прислушиваться к недовольству иностранцев.

В 1987-88 гг. министры финансов Франции и Италии начали призывать к созданию более справедливой ЕВС и к реформам, затрагивающим Европейский центральный банк. В июне 1988 г. на саммите в Ганновере был образован Комитет глав правительств под председательством Жака Делора "для изучения предложений о конкретных шагах к созданию экономического и валютного союза". Его членами были директора национальных центральных банков. Эта группа изолированных финансистов, казалось, старалась найти больше препон, чем возможностей на пути к валютному союзу. Главы правительств умудрились выбрать группу людей, чрезвычайно расположенных к сотрудничеству друг с другом и стоящих скорее на европейских позициях, чем на национальных.

Единодушное решение Делорского комитета в апреле 1989 г. было отражено в докладе, где говорилось о возможности в три этапа прийти к единой валютной системе, управлять которой будет Федеральный Европейский банк. При этом экономика, налоги и бюджет остаются в ведении национальных правительств, которые соблюдают общую линию в отношении общественных дефицитов и их финансирования. Фактически к такому соглашению пришли в конце концов в Маастрихте.

Позднее, при открытии переговоров в 1991 году делегацией Комиссии, возглавляемой Майклом Эмерсоном, впоследствии главным экономистом Комиссии, а ныне ее послом в Москве, был подготовлен отчет о значении ЕВС. В нем были сделаны попытки подсчитать экономию средств компаний и отдельных

лиц, отказавшихся от необходимости переводить деньги из одной валюты в другую. Здесь же были рассмотрены другие перспективные проекты, в частности об увеличении использования ЭКЮ как валюты, что снизило бы риск при обмене национальных валют в иностранные для европейских торговцев и инвесторов.

Но по сути эти аргументы даже не были необходимы, чтобы убедить правительства претворить рекомендации Делора в договор. Кроме Британии и Дании, большинство правительств готовы это сделать, поскольку их главный политический резон состоит в возвращении через Европейский центральный банк валютного суверенитета, в значительной степени переданный Бундесбанку.

В результате, большая часть годовых обсуждений в 1991 году ушла не на базовые аргументы об окончательном варианте проекта Делора, а на процедурные. Они включали устранительный пункт для Англии и Дании; организационные меры по объединению слаборазвитых стран Юга Европы для подготовки их ко вступлению в союз; критерии, определяющие степень готовности государств для вступления в последний этап ЕВС и принятия единой валюты.

Правительство Германии пояснило, что оно желает отклонить сомнения Бундесбанка относительно создания валютного союза при условии что другие страны готовы соблюдать строгую дисциплину в определении единой валюты. Германия настаивала на том, что в договоре должны быть "объективные" показатели в цифрах для долгов, затрат и инфляционной редукции.

Политический, а также валютный союз

Первоначально, т.е. в середине 1989 г., ЕС намеревался посвятить предстоящую межправительственную конференцию только финансовым вопросам. Европарламент как всегда настаивал на вопросах внутреннего законодательства. Но это могло бы быть удовлетворено только как побочный вопрос при обсуждении валютного союза.

Но к осени 1989 г. антикоммунистические революции в Восточной Европе полностью изменили политический ландшафт в этом регионе, и соответственно изменена была повестка дня.

Г.Коль в первую очередь заявил о желании соединения Восточной и Западной Германии, что означало неизбежное вступление Восточной Германии в союз. Вопреки осторожным высказываниям М.Тэтчер и Ф.Миттерана о воссоединении Германии, Жак Делор уже в январе 1990 заявил, что "в Союзе есть место для Восточной Германии, если она этого хочет". Но при этом он тут же оговорился, что это потребует новых организационных структур.

Германское руководство понимало озабоченность многих стран-участниц союза сложившейся ситуацией. "Мы хотим не немецкую Европу, а европейскую Германию", часто повторял в 1990 году Ганс-Дитрих Геншер. В 1990-1991 гг. м-р Коль неоднократно повторял, что его поколение — последнее в Германии, помнящее вторую мировую войну и готовое к серьезным concessions для партнеров по ЕС.

В апреле 1990г. он выдвинул совместную с Ф.Миттераном инициативу: "Мы думаем, пришло время пересмотреть взаимоотношения между государствами Европейского союза и дать им возможность действовать". В частности, ЕС должен определить и осуществлять единую внешнюю и оборонную политику.

Революции в Восточной Европе имели некий немедленный эффект во внутренних делах ЕС. До сих пор правительства ЕС всегда настаивали, что внешняя политика и безопасность должны проводиться министерствами отдельно от внешнего регулярного бизнеса, в том числе и дел Комиссии и других организаций Союза. Но теперь, когда бывшие враги из Восточной Европы просят Брюссель о помощи, когда торговля, безопасность, экономика тесно переплетены, необходимо предпринять срочные организационные изменения.

В течение долгого времени события в Восточной Европе непосредственно мало отражались на течении дел на Западе. Косвенный эффект, впрочем был, он заключался в том, что Запад не в состоянии был следовать зигзагам в отношениях Рейгана с Советским Союзом от экономического эмбарго в 1980 до совместного с М.Горбачевым проекта о ядерном разоружении в Рейкьявике в 1986. Это рождало ощущение опасности для Западной Европы со стороны США.

Собственные прямые контакты с Восточной Европой были весьма ограничены и мало эффективны.

Но вдруг в 1989-1990 гг. в Брюсселе обнаружили, что Вашингтон обрушил на Европу целую лавину проблем по организации помощи странам Восточной Европы, одновременно начав вывод большого числа войск из Европы.

Всеобщий крах коммунизма, особенно в Советском Союзе, привел США к выходу из Европы. Это в свою очередь впервые с начала 50-х позволило снять с повестки дня вопрос о системе европейской безопасности. Но вопрос для обсуждения на Маастрихте относительно Европейского политического союза был неясен. Кризис 1990 года напомнил, что западная Европа не может обойтись без военной помощи Америки, а кризис в Югославии 1991 года служит постоянным напоминанием Западной Европе о ее слишком незначительном геополитическом весе. Наконец в Маастрихте был достигнут следующий компромисс: "Единая политика... охватывает все области внешней и внутренней политики, определенные аспекты которой должны быть приняты большинством голосов...

Окончательные границы единой оборонной политики, могут со временем привести к общей оборонной системе". Другими словами, совместные обсуждения и соглашения по вопросам военной стратегии могут привести к тому, что однажды войска стран ЕС выступят под одним флагом.

Оборонная организация Западного Европейского союза является составной частью Европейского союза. "Работая совместно с НАТО, ЗЕС собирается разрабатывать и внедрять решения и действия Союза, имеющие оборонную направленность".

Расширение ЕС на восток не увеличило и не уменьшило значение для союза выполнения решений Маастрихта. Но это расширение несомненно усложнит достижение всех Маастрихтских целей. Сказанное можно отнести и к Валютному союзу и к НАТО.

К счастью, это уже задачи скорее политиков завтрашнего дня, чем историков дня вчерашнего.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ 80-х ГОДОВ

1. Вторая половина 70-х — начало 80-х годов — на первый взгляд спокойный и маловыразительный, но в действительности один из наиболее драматических периодов в истории европейской интеграции. Оказавшийся между двумя экономическими кризисами, первый из которых был самым глубоким со времени "Великой депрессии" 30-х годов, он подверг всю конструкцию ЕС суровому испытанию на прочность.

Каких-то специальных трудов, посвященных этому периоду в развитии европейской интеграции, в советской, российской научной литературе нет. В то же время его анализ в той или иной мере содержится во многих работах отечественных авторов — экономистов, социологов, политологов. Часть из них написана тогда же, во второй половине 70-х начале 80-х годов¹, другие позже².

В этих трудах можно встретить совершенно различные оценки событий того времени. В монографиях и статьях их современников причудливо переплетались идеологические догмы и штампы того времени с реалистическими суждениями. И это не случайно. Не всегда публикации отражали убеждения и взгляды их авторов. Создатели трудов по интеграции вынуждены были считаться с партийными "установками" — в то время с характеристикой особенностей мирового развития, содержащейся в материалах XXIV (1971 г.), XXV (1976), XXVI (1981), съездов КПСС. Исследования интеграционных процессов в Западной Европе велись в большей или меньшей мере в контексте теории углубления общего кризиса капитализма. Трудности в развитии интеграции, возникшие в рассматриваемый период, подчас интерпретировались как свидетельство "кризиса капиталистической (империалистической) интеграции", которая "не способна решить экономические проблемы и тем более устранить кризисные явления". Общий рынок рассматривался некоторыми авторами как "Европа трестов", раздираемая "антагонистическими противоречиями между его членами". Говорилось о том, что "капиталистическая интеграция не оправдала надежд ее инициаторов". Писали что "Общий рынок, отметивший свое двадцатилетие в 1977 г., пришел к юбилею с малоутешительными итогами" и т.д. Рисовалась мрачная картина европейской жизни. При этом цитировались в первую очередь высказывания западных "европессимистов", выражавших серьезные сомнения в соизидательных возможностях ЕС.

Однако в целом в советской научной литературе того времени преобладала трезвая, реалистическая оценка проблем, с ко-

торами столкнулась интеграция во второй половине 70-х — начале 80-х годов. И здесь сказались по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, как писал академик Г.А.Арбатов "... с конца 60-х годов у нас началось развитие современной политической науки, впервые не схоластичной, не догматичной, а обращенной к жизни, политической практике"³. К началу рассматриваемого периода в ряде научных центров СССР (ИМЭМО, ИСКАН, ИНИОН, МГУ) были осуществлены серьезные исследования экономических, социальных, политических аспектов западноевропейской интеграции, а также позиций ЕС на мировой арене.

Во-вторых, благодаря тому, что в написании партийных документов активную роль играли такие в целом чуждые догматизму люди, как Н.Н.Иноземцев, Г.А.Арбатов, О.Т.Богомолов, А.Е.Бовин и др., "общесоюзное гражданство" получил тезис о "приспособлении капитализма к новым условиям". Он расширял возможности анализа путей адаптации ЕС к меняющимся реалиям. О значении этого фактора пишет А.Е. Бовин: "Во времена, о которых идет речь, ситуация в "общественных науках", количество возможных "степеней свободы", длина контролирующего повода определялась "формулировками". Формулировка же задавалась либо партийными документами, либо выступлениями партийных лидеров. В таких условиях борьба за слова, изменение формулировок имели непосредственное практическое значение: расшатывался догматический каркас господствующей идеологии, в образовавшиеся щели начал проникать свежий воздух"⁴.

2. Во второй половине 70-х годов ЕС столкнулось с серьезными проблемами, вызванными ухудшением экономического положения в мире, в том числе и в странах Сообщества. Не оправившись полностью от кризиса 1973-1975 годов, на исходе этого десятилетия развитая рыночная экономика вступила в новую полосу падения деловой активности. В Западной Европе она продолжалась в 1980-1982 гг.

Циклический кризис переплелся со структурным. Это выразилось в застое производства в черной металлургии, производстве потребительских товаров длительного пользования, прежде всего автомобилей. Мир захлестнула вторая волна энергетического кризиса. Вновь стали быстро повышаться цены на энергоносители. Возникло явление, получившее название стагфляции, — сочетание снижения темпов роста производства и его падения с бурным инфляционным процессом. В течение всех 70-х годов инфляция в Западной Европе развивалась более быстрыми темпами, чем в США и Японии. Резко возросла безработица.

На мировое рыночное хозяйство обрушились валютные потрясения, в которых отражался развал послевоенный системы международных расчетов, построенной на доминировании американского доллара. Снизились темпы физического объема то-

варооборота на мировом рынке. Указанные выше процессы вызвали в европейских странах, которые гораздо больше, чем США и Япония вовлечены в мировое хозяйство, стремление уменьшить свою зависимость от импорта, оградить внутренние рынки от конкуренции извне и в то же время тенденцию к усилению экспортной экспансии. Члены ЕС стали нагромождать нетарифные барьеры, что осложнило нахождение между ними компромиссов.

В этих условиях в странах Западной Европы нарастало противоречие между масштабами и методами либерально-реформистской модели регулирования экономики и интересами развития хозяйства. Стагфляционная ситуация второй половины 70-х — начала 80-х годов показала слабость традиционного инструментария кредитно-денежного и налогово-бюджетного регулирования. Эффективность кейнсианской макроэкономической политики резко упала вследствие ее ориентации на национальное хозяйство. Между тем в условиях растущей интернационализации и интеграции управление экономикой переставало быть чисто внутренним делом отдельных стран. Все более важное значение приобретала проблема согласования их экономической политики; особенно остро она встала перед странами ЕС.

Реакцией на неудачи кейнсианства явилась общая переориентация экономической политики на создание благоприятных условий для долговременного роста, осуществления технологических и структурных сдвигов в экономике, а также роста ее эффективности и конкурентоспособности. Широкое распространение в теории и на практике получил неоконсерватизм, в частности монетаризм. В начале 80-х годов он взял верх в Великобритании, ФРГ, Бенилюксе, Швейцарии, Норвегии. Отсюда — решительная антиинфляционная направленность макроэкономической политики. В подавляющем числе западноевропейских стран был взят курс на поддержку и расширение рынка, сокращение прямых форм участия государства в производственной деятельности. Приоритетное значение получила кредитно-денежная политика.

Другой реакцией стали весьма неоднозначные процессы в области международных экономических отношений. С одной стороны, в мире ощутимо активизировались настроения в пользу ограничения сферы централизованного, совместного экономического регулирования. Слышнее стали голоса тех, кто выступал за перенесение центра тяжести на независимые, автономные действия национальных государств ("позитивное приспособление"). Однако, с другой стороны, прагматизм брал верх; ставка на национализм оборачивалась общим ухудшением экономической ситуации в мире. Отсюда возрастало значение координации макроэкономической политики развитых стран. С середины 70-х годов стали проводиться совещания "Большой семерки". Изменения претерпевал механизм многостороннего регулирова-

ния. К концу 70-х годов завершился очередной тур переговоров стран-участниц ГАТТ о либерализации торговли ("Токио-раунд") — понижен уровень таможенного обложения импорта. Ямайское соглашение 1976 г. отменило официальную валютную цену золота, устранило государственный контроль над мировыми рынками золота, наконец легализовало систему "плавающих" валютных курсов. Резко расширилось использование в международных денежных расчетах частных рынков евровалют.

3. В этих условиях замедлились интеграционные процессы в Западной Европе. Усилились разногласия между ФРГ, Францией и Великобританией, большими и малыми странами-участницами ЕС; стали применяться меры скрытого протекционизма. В такой обстановке в январе 1977 г. Комиссию ЕС возглавил видный политический деятель Великобритании Р.Дженкинс⁵. В первом же послании Европейскому парламенту он подчеркнул: "Если нам не удастся продвинуться вперед к большей экономической интеграции, мы рано или поздно начнем пятиться назад. А если мы попятимся, то это произойдет не в одной лишь экономической сфере".

Страны -участницы ЕС начали интенсивные поиски путей выхода из создавшейся ситуации. Руководство Сообщества предприняло ряд шагов, которые были призваны преодолеть застой в интеграционном процессе, снизить темпы инфляции и ускорить темпы экономического роста. Это проявилось прежде всего в стимулировании интеграции в валютной сфере.

В конце 1977 г. Р.Дженкинс выступил с призывом попытаться вновь объединить усилия стран ЕС по созданию "европейской зоны валютной стабильности". В июне 1978 г. канцлер ФРГ Г.Шмидт и президент Франции В.Жискар д'Эстен поддержали эту идею. В результате была достигнута договоренность об учреждении Европейской валютной системы (ЕВС), которая была введена в марте 1979 г. В нее вошли все страны ЕС, за исключением Великобритании. Центральным элементом системы стала "европейская валютная единица" — ЭКЮ. Валюты — стран-участниц ЕВС получили центральные курсы, выраженные в ЭКЮ. Предусматривалось установление пределов колебаний этих валют друг к другу; вводилась координация политики в области валютного курса и по отношению к третьим странам; планировалось сформировать новый кредитный механизм и Европейский валютный фонд. С одной стороны, ЕВС создавалась как региональная зона валютной стабильности, с другой — как ступень к более глубокой валютной интеграции, как инструмент обеспечения экономической конвергенции.

Оценка ЕВС в советской экономической литературе претерпела значительные изменения. В трудах современников тех событий, хотя и отмечалось, что введение ЕВС руководители Сообщества могут записать в свой актив, основной акцент делался на провал "плана Вернера" и КЭС (1970 г.) построения до

1980 г. экономического и валютного союза в рамках ЕЭС. Высказывались серьезные сомнения в возможности завершения внутри Общего рынка интеграционных процессов в валютной сфере. Позднее в работах советских авторов стала преобладать точка зрения, по которой "ЕВС в целом добилась определенных результатов, недооценивать которые было бы неправильно". Подчеркивалось, что европейская валютная система устояла в годы экономических и валютных потрясений. В Западной Европе удалось создать зону относительной валютной стабильности, была дана путевка в жизнь интернациональной региональной валюте — ЭКЮ. В результате ЕВС стала важным центром валютного тяготения без американского доллара и с минимальным влиянием США.

Из других крупных событий в развитии европейской интеграции в рассматриваемый период следует выделить соглашение 1981 г. о вступлении Греции в ЕС, превратившее "девятку" в "десятку", образование к середине 1977 г. широкой зоны свободной торговли в составе 17, а затем 19 стран ЕС и ЕАСТ, заключение новой Ломейской конвенции, регулировавшей экономические связи Сообщества и 58 развивающихся стран, обсуждение инициативы СЭВ о заключении соглашения между этой организацией и ее странами — членами с одной стороны, и ЕС и странами — членами этого объединения, с другой.

Заметное место среди событий, происходивших в то время на европейской политической арене, заняли состоявшиеся в июне 1979 г. первые в истории ЕС прямые выборы в Европейский парламент. Сторонники принципа наднациональности, сумели преодолеть сопротивление приверженцев конфедерального подхода, располагавших наиболее сильными позициями в Великобритании и Франции. Здесь сказались несколько причин. Во-первых, стремление лидеров "девятки" освятить деятельность Сообщества "народной волей". Во-вторых, компенсировать поддержку интеграционного процесса в сфере экономической и социальной "прорывом" в области политики в надежде, что это, в свою очередь, будет способствовать решению проблем экономической интеграции. Наконец проявилось и недовольство значительной части общественности стран ЕС положением, при котором все больше социально-экономических вопросов стало выпадать из-под контроля национальных парламентов и решаться внутри институтов ЕС, свободных от всякого общественного контроля. Это, естественно, побуждало руководство Сообщества усилить роль единственно представительного учреждения в ЕС. В то же время и сторонники концепции "Европы отечеств" отнюдь не сдали своих позиций. В результате был достигнут компромисс: юридический статус европарламента оставался без изменений, парламент по-прежнему имел преимущественно консультативные функции.

Прямые выборы в Европейский парламент привели к обострению борьбы вокруг путей дальнейшего развития интеграционного процесса в Западной Европе, в том числе в стенах самого Европарламента. Сознывая нереальность надежд на быстрый успех, "федералисты" главный упор делали на более широкое и полное использование парламентом уже имеющихся полномочий, на усиление его роли в качестве форума для обсуждения всего круга проблем Сообщества, на превращение его в своего рода генератор "европейского общественного мнения". Характеризуя ситуацию в связи с различиями в подходах сторонников и противников федерализма, Р. Дженкинс сказал: "Мы не станем Соединенными Штатами. Мы не станем полностью федеративным государством. Но мы можем стать чем — то гораздо большим, чем конфедерация. Мы можем стать государством нового типа, которого еще нет в учебнике политологии".

Таким образом, период второй половины 70-х — начала 80-х годов занимает особое место в истории европейской интеграции. Его значение в советской, российской, а впрочем и западной, научной литературе недооценено. "Европессимизм", который преобладал во взглядах исследователей того времени, оказался чрезмерным, а в чем-то и неоправданным.

1. Несмотря на крайне неблагоприятную, пожалуй самую тяжелую за всю историю ЕС для "евростроительства" экономическую ситуацию, интеграционный процесс, хотя и застопорился, не пошел вспять. Центробежные, деструктивные тенденции не взяли верх — подтверждение необратимости этого процесса.

2. Создание и в целом успешное функционирование Европейской валютной системы послужило важнейшей предпосылкой формирования спустя более десятилетия на новой основе — едином внутреннем рынке и гораздо более высоком уровне экономической конвергенции — валютного союза ЕС. Иными словами, Маастрихтский договор является логическим продолжением многолетних усилий государств ЕС в области экономической и валютной интеграции и опирается на имеющиеся здесь достижения и, конечно же, прежде всего ЕВС.

3. Включение в ЕС Греции свидетельствовало о намерении руководства Сообщества, несмотря на все трудности, развивать интеграцию вширь и — что самое главное — принимать в свои ряды "бедные" страны Европы с рыночной экономикой после демократизации существующих в них политических режимов. Открывалась таким образом возможность для последующей пространственной экспансии ЕС за счет менее развитых государств — сначала западноевропейских, а затем и восточноевропейских.

4. Возникновение широкой зоны свободной торговли в составе стран ЕС и ЕАСТ облегчило в последующем вступление в Европейский союз Португалии, Швеции, Австрии, Финляндии, создало прецедент для появления новых форм ассоциации или "договорных отношений" с ЕС.

5. Прямые выборы в Европейский парламент материализовали усиление акцента на политическую интеграцию. Они означали победу сторонников наднационального, или федерального, подхода к решению проблем "европейского строительства". Укрепление политического веса и авторитета Европарламента являлось своего рода промежуточной ступенью на пути превращения Сообщества в политический союз ЕС, решение о создании которого было принято в Маастрихте.

Примечания

1. Ю.А.Борко. Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М., 1975; Л.И.Глухарев. Западно-европейская интеграция и международные монополии. М., 1978; Западная Европа в современном мире. Том I, Отв.ред. В.И.Кузнецов, С.П.Мадзоевский; Том II. Отв.ред. Е.С.Хесин, Ю.И.Юданов, Ю.И.Рубинский; Ю.В.Шишков. Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе: тенденции и противоречия. М., 1979; США — Западная Европа: партнерство и соперничество. Под ред. Ю.П.Давыдова. М., 1978; Г.А.Воронцов. США и Западная Европа: новый этап отношений. М., 1979; А.И.Уткин. Доктрина атлантизма и европейская интеграция. М., 1979; В.С. Паньков. Западная Европа в экономике современного капитализма. М., 1981; В.Г.Барановский. Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983; Международный ежегодник. Политика и экономика. М.; статьи Н.Н.Иноземцева, М.М.Максимовой, С.П.Перегудова, И.С.Королева, Г.Г.Матюхина, М.Бункиной и др. в журналах "Мировая экономика и международные отношения", "Международная жизнь", "Новое время" и т.д.

2. Среди них хотелось бы отметить: В.П.Лукин. "Центры силы". Концепции и реальность. М., 1983; Западная Европа: парадоксы регулирования. Под ред. В.Н.Шенаева и В.И.Кузнецова. М., 1988; Ю.А.Борко, А.В.Загорский, С.А.Караганов. Общий европейский дом: что мы о нем думаем. М., 1991; 1992 год: новые контуры Западной Европы. Отв.ред. В.А.Мартынов М., 1992; Безопасность будущей Европы. Под ред. С.А.Караганова. М., 1993. В.Н. Шенаев. Особенности экономического развития Западной Европы. М., 1993. Общественный процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов. Под ред. Л.И.Глухарева и В.Страды. М., 1995.

3. Г.А.Арбатов. Свидетельство современника. М., 1991, с.243.

4. А.Е.Бовин. Человек и его время. См. Н.Иноземцев. Цена победы в той самой войне. М., 1995, с.8.

5. С 1948 г. член парламента от лейбористской партии; дважды — в 1965 и 1974 гг. назначался министром внутренних дел; в 1967-1970 гг. министр финансов; в 1970 г. был избран заместителем лидера лейбористской партии, в 1972 г. будучи активным сторонником присоединения Великобритании к ЕС покинул этот пост в знак несогласия с официальной позицией партии по вопросу о членстве страны в Сообществе. В 1981 г. был одним из основателей социал-демократической партии, в 1982 г. стал ее лидером; после всеобщих парламентских выборов 1983 г. ушел в отставку.

ГОРБАЧЕВСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ С ЕС

Воззрения на европейскую интеграцию. Исторический экскурс в советскую эпоху

Изначально отношение к ЕС в СССР было однозначно негативным. Образование этого объединения рассматривалось как угроза для страны¹. После второй мировой войны планы политической и военной интеграции вызывали вполне объяснимые колебания политиков разных стран. Настороженный подход подпитывался попытками (хотя и безрезультатными) европейских государств сформировать Европейское оборонное сообщество. Несмотря на то обстоятельство, что военная интеграция была наиболее слабым местом всего интеграционного процесса (и по сути интеграцией в рамках Сообществ не являлась), наибольшие опасения у советского руководства вызывали именно "агрессивные планы милитаризма против социализма"².

В то же время экономические перспективы и масштабы европейской интеграции воспринимались с большим скептицизмом, что ярко контрастировало с очевидным беспокойством по поводу политических и военных аспектов процесса. Основной причиной подобного скептицизма являлась догматическая интерпретация понятия "межимпериалистические противоречия". Они трактовались как постоянно нарастающие и непреодолимые. ЕОУС, а затем и Общий рынок воспринимались как организации, обреченные на скорый крах. В конечном итоге люди, делающие советскую политику, были склонны недооценивать реальные успехи в развитии ЕС, исходя из постулата о временном характере западноевропейских интеграционных процессов.

Академические исследования по теории экономической интеграции были менее ортодоксальны в тот период времени. Достижением общественной науки стало утверждение об объективном характере процесса экономической интеграции. Таким образом, интеграция описывалась не как нечто временное, а как долгосрочная тенденция, развивающаяся на основе экономических законов. Подобные рассуждения вступали в очевидное противоречие с определением межимпериалистических противоречий. Можно было бы восхищаться мужеством ученых, утверждавших нечто отличное от официальной политики, если бы не одно замечание. Было проявлено достаточно изобретательности, чтобы свести концы с концами. Интеграция представлялась как базисный экономический феномен, который мог принимать различные формы. Процесс описывался как регулируемый, но разными способами. Капиталистическая форма интеграции, а именно

ЕС, была только одной из возможных форм, которая конечно же не имела будущего. Другая же форма, перспективная и многообещающая, была, несомненно, социалистическая интеграция, воплощенная в лице СЭВ. Даже незначительные достижения в социалистическом лагере всячески преувеличивались в то время, как любое замедление капиталистической интеграции немедленно драматизировалось и характеризовалось как неизбежный признак ее скорого конца³.

В отличие от выводов, характеризующих экономическую интеграцию и признающих ее объективный характер, академическая наука не спешила признавать столь же объективный характер политической интеграции. В этом заключался своего рода парадокс. Традиционно в марксистской науке существует строгая зависимость между экономическими и политическими аспектами функционирования системы. Эта взаимосвязь воспринималась как настолько плотная, что можно было в соответствии с характером экономических изменений фактически предопределить эволюцию политической системы. Но только не в случае с европейской интеграцией. И вновь этому находились серьезные обоснования.

То обстоятельство, что активное развитие процесса Европейского политического сотрудничества относилось к 70-ым годам, т.е. к периоду развития центробежных тенденций в процессе экономической интеграции, побуждало к умозаключениям об автономности этих двух процессов. Другое объяснение можно найти в учредительских договорах Сообществ, в которых ЕПС не связывалось с деятельностью Сообществ до подписания Единого европейского акта. Можно было бы поспорить о том, что ЕПС является только частью политической интеграции. Однако официальная советская политика, пожалуй, воспринимала его как наиболее важную часть. Что же касается формирования политических структур (не менее важной составной части процесса), оно не воспринималось как угроза само по себе до тех пор, пока эти структуры не начали использоваться в интересах стран-членов для согласования общей внешней политики.

С самого начала было не просто поверить в долгое будущее некоторых механизмов политической интеграции. Этому способствовали и западные публикации. В качестве примера мы находим следующие строки в книге, посвященной ЕПС: "Удивительно или по крайней мере должно быть удивительно, что нечто вроде постоянного механизма сотрудничества во внешней политике могло быть создано государствами, каждое из которых весьма отличается от других своими традициями и интересами во внешней политике и каждое из которых всячески стремится сохранить национальный суверенитет"⁴. Даже в западных исследованиях второй половины 80-х годов можно встретить утверждения подобного рода: "История ЕПС еще не является гарантией его будущего ..."⁵.

В Советском Союзе комплексные исследования политической интеграции были выполнены значительно позже, чем это было сделано по отношению к экономической интеграции. В конечном итоге был признан объективный характер процесса политической интеграции⁶.

По моему убеждению, наиболее серьезным недостатком исследований интеграции советского периода являлось отсутствие предположений, что конечным результатом процесса станет возникновение единого целостного комплекса. Этого понимания не было достигнуто и в ходе Перестройки. Таким образом, процесс интеграции был лишен, пожалуй, главного из своих атрибутов – признака движения к союзу государств посредством углубления сотрудничества, расширения круга областей, подпадающих под совместную политику. Даже значение глагола "интегрировать" не воспринималось в смысле "создать из нескольких частей целое". Специалисты предпочитали трактовки типа "некий процесс взаимодействия". Соединение нескольких европейских государств в союзе представлялось весьма туманной перспективой в советском мышлении. Это служило дополнительным аргументом в пользу того, чтобы не устанавливать тесные связи с группировкой, не имеющей шансов перерасти в союз государств.

Стороннему наблюдателю могли бы показаться непонятными причины подобного положения. Разве не было у ЕС реальных успехов, разве не строились серьезные планы формирования Союза в Западной Европе? Что касается планов, то к ним в СССР было особое отношение. Вошло в привычку, что планы не выполняются. В советской экономике происходила постоянная корректировка пятилетних планов. Политические обещания также не выполнялись. Вместо обещанного в старой программе КПСС коммунизма в 1980 году в Москве состоялись Олимпийские игры.

Разумеется было простым совпадением, что план Вернера создать Экономический союз все к тому же "черному" 1980 году также ни чем не увенчался⁷. Но зерна сомнения попали в благодатную почву. Отношение к ЕС в СССР было заражено синдромом недооценки происходящего.

В традициях советских исследований Запада считалось хорошим тоном рассматривать даже очевидные достижения сквозь призму противоречий. В соответствии с этими традициями проводились и исследования Европейских сообществ. Поэтому вступление Великобритании в ЕС рассматривалось не как увеличение возможностей объединения, а как возросший потенциал развертывания нового витка противоречий. Образование Регионального фонда являлось конечно же отражением факта возрастания региональных диспропорций. Создание ЕВС было последней предсмертной конвульсией валютной змеи⁸. Конечно нега-

тивные тенденции имели место. Но их значение неизменно преувеличивалось.

Необходимо также учитывать влияние марксистско-ленинской идеологии на исследования того времени, а впрочем и не только на них. Характер идеологических шор был точно подмечен Е.Шнейдером в книге под редакцией К.Готштейна о западных воззрениях по поводу советских устремлений. Автор точно подмечает, что конкретные политические акции были крайне идеологизированы⁹. С этим утверждением нельзя не согласиться и в нашем случае анализа методов формулирования политики СССР по отношению к ЕС. В то же время в поведении Советского Союза очевидно просматривалась типичная логика сверхдержавной политики. В соответствии с ней если бы такая крупная держава как СССР, используя свое влияние на СЭВ тормозила бы развитие отношений с ЕС, то значение последнего на мировой арене было бы в значительной степени ограничено. Советская верхушка находилась в плену иллюзий о возможности влиять на роль органов ЕС внутри объединения и за его пределами.

Одна иллюзия способствовала возникновению другой. Казалось желательным настаивать на отношениях между блоками. Конечно, возникало некоторое очевидное несоответствие между компетенциями политических институтов ЕС и СЭВ, хотя открытое сравнение между ними не делалось до периода Перестройки¹⁰. Тем не менее любой, имевший доступ к информации о структурах ЕС, мог спокойно обнаружить несоответствие. Это несоответствие компетенций было главной причиной того тупика, в котором оказались переговоры между СЭВ и ЕС до середины 80-х годов.

Следуя логике высших политических соображений, если бы Москва согласилась на установление двусторонних отношений каждой из стран-членов СЭВ с ЕС как объединением, то это могло бы закрепить в международных отношениях неравноправие статуса СЭВ и ЕС. Конечно же это было неприемлемо для Москвы. И никто не обращал внимания на тот неоспоримый факт, что реальный объем компетенций двух организаций не шел ни в какое сравнение. Только с периодом нового мышления советская внешняя политика смогла опираться на адекватные фактическому положению реалии.

Общие изменения в восприятии ЕС

В мае 1985 г. советское руководство неофициально признало Сообщество как "политическую единицу". Однако неверие в экономические перспективы ЕС сохранялось.

Хотелось бы отметить одно событие, которое на наш взгляд, стало поворотным пунктом в изменении советской позиции по отношению к ЕС. Событие, о котором идет речь, - это ратифи-

кация Единого Европейского акта и разработка программы единого внутреннего рынка к 1992 г. В одном из докладов, подготовленных Комиссией ЕС, содержится осторожное объяснение того, почему страны СЭВ решили нормализовать отношения с ЕС. В нем говорится следующее: "Решимость Сообщества реализовать программу формирования единого рынка к 1992 г., вероятно, послужила причиной изменения позиций"¹¹. Мною специально выделено слово "вероятно", поскольку оно не совсем верно отражает суть дела. Более правильно было бы употребить слово "безусловно". Планы создания внутреннего рынка были встречены с глубокой озабоченностью в СССР и других странах СЭВ. Именно они подтолкнули к более решительным действиям. Беспокойство по поводу возникновения крепостных стен на пути движения товаров и услуг в Европу сыграли свою роль в изменении позиции по отношению к ЕС¹².

Сам по себе факт ратификации Единого европейского акта был большой неожиданностью для СССР. После проведения межправительственной конференции по подписанию Единого европейского акта я провел небольшой опрос среди специалистов по данной проблематике, и никто не ответил утвердительно на вопрос о возможной его ратификации. Столь значительными были изменения к договорам об образовании ЕС, так много национальных элементов вносилось в деятельность организации, что было трудно предположить, что документ будет одобрен. Во всяком случае это трудно было сделать, находясь в СССР. Задержка в ратификации документа, казалось, подтверждала этот скептицизм. И когда в конечном итоге Единый европейский акт ратифицировали все двенадцать стран-членов, это привлекло интерес к Европейскому сообществу. С этой даты интерес стал проявляться на всех уровнях - политическом, научном, практическом, в среде обычного населения.

Несомненное влияние на позицию по отношению к ЕС оказала и конкретная помощь Сообщества перестройке Горбачева. ЕС сыграло важную роль как координатор помощи Запада восточноевропейским странам после Парижской встречи в верхах "семерки". Наряду с выделением прямой финансовой помощи оказывалась и значительная техническая помощь¹³. ЕС выступило инициатором приглашения Советскому Союзу участвовать в деятельности Европейского банка реконструкции и развития¹⁴. С начала деятельности банка ЕС выступало за предоставление СССР равного с остальными участниками статуса. Эти и другие действия ЕС позитивно влияли на возникновение нового имиджа Сообщества в советской внешней политике.

Другим важным изменением, в результате которого стало возможным подписание соглашения с ЕС, было кардинальное переосмысление понятия взаимозависимости. Оно происходило постепенно от констатации развития процессов интернационализации и интеграции к признанию факта взаимозависимости

между государствами разных общественных систем. Только в период перестройки стал возможным вывод о желательности взаимозависимости как фактора, стабилизирующего международные отношения.

Однако все эти изменения в подходах были характерны прежде всего для довольно узкого круга политиков. Они помогли изменить официальную позицию. Но новая расстановка сил была весьма хрупкой, и любые изменения в политической элите могли легко нарушить сложившийся баланс. Одной из последних иллюстраций этого заключения является достаточно безразличная реакция российского руководства на позицию ЕС по отсрочке вступления в силу Соглашения о партнерстве в связи с событиями в Чечне.

Все изложенное выше привело к возрастанию интереса к экономическому измерению европейской интеграции. Экономический фактор стал новым элементом политики по отношению к ЕС горбачевского периода. По сложившейся до этого традиции больше всего принимались в расчет политические и военные аспекты процесса. Логическим следствием такой перемены стало заключение Соглашения о торговле и экономическом сотрудничестве с ЕС. Экономическое сотрудничество с ЕС было включено в приоритеты внешней политики.

Анализ изменений в советских подходах по отношению к Сообществу затрудняется рядом обстоятельств. Помимо официальной политической линии, которая складывалась из противоречивых точек зрения, существовало еще неофициальное отношение к ЕС, которое долгое время находилось в тени и весьма отличалось от официального. Своеобразие ситуации послужило основанием для английского исследователя Н.Малкольма, написавшего книгу о советской политике в Западной Европе, сделать следующее заключение: "Формирование новой европейской политики Советского Союза является особой загадкой для всех"¹⁵. Для того, чтобы понять изменения в официальной политике в ходе перестройки необходимо обратить внимание на то, как формировалась неофициальная часть восприятия ЕС.

Негативное отношение к Сообществу формировалось в течение долгих лет. Академическая наука в некоторой степени способствовала изменению этого видения. В этот период было проведено немало фундаментальных исследований, а также сделано большое количество практических рекомендаций властным структурам, спрос на которые во время перестройки был весьма высок¹⁶. Конечно, единство взглядов ученых тоже отсутствовало¹⁷. Это и к лучшему. Даже внутри отдельных институтов подходы существенно отличались¹⁸.

Диссидентское видение европейской интеграции было имманентно не только научной сфере. Думающая часть чиновников МИД, МВЭС, других министерств, представительства за рубежом, имея доступ к иностранным источникам информации, бы-

ла в курсе действительного положения вещей и не одобряла официальную политику¹⁹. Но возможности чиновников влиять на политику в то время были ограничены. Конечно, отмеченное обстоятельство было скорее исключением, и большая часть министерских работников снабжала верха желанной для них информацией.

Конкретные результаты корректировки внешней политики .

1. Выбор схемы отношений: между двусторонним и многосторонним подходом

С момента образования Европейского Сообщества и до первой половины 80-х годов в Советском Союзе предпочитали развивать отношения с членами этого объединения на двусторонней основе, с каждой страной Сообщества в отдельности. Эта политика соответствовала глобальной концепции построения отношений со странами Западной Европы.

Нежелание развивать прямые контакты с ЕС как организацией сохранялось и после принятия официальной Декларации, поддерживающей развитие "деловых отношений" между СЭВ и Общим рынком. Несмотря на то, что необходимость развития этих отношений отмечалась Л.Брежневым еще в 1972 г., конкретного воплощения этот процесс не получал еще долгое время.

В конце 80-х годов ситуация изменилась. ЕС как объединение стало превращаться в реальную силу, договорные отношения с которой становились все более необходимыми. Советский Союз стал рассматривать отношения с ЕС как необходимый элемент своей европейской политики. Параллельно с этими отношениями должны были развиваться двусторонние связи, которым по-прежнему отдавалось предпочтение.

Однако ни в тот период времени, ни сейчас отношения с ЕС как с организацией не рассматривались и не рассматриваются как приоритетные по сравнению с двусторонними связями. Вероятно, эта трансформация модели отношений еще предстоит.

Для политики по отношению к ЕС советского периода времени характерным явлением было недоверие к любым политическим акциям Сообщества. Частично это недоверие объяснялось простым непониманием или элементарным незнанием реальной политики ЕС. Порой трудно себе представить масштабы этого неведения. Оно происходило из-за отсутствия дипломатических отношений между СССР и ЕС в течение трех десятилетий и образовавшегося информационного вакуума вокруг ЕС.

2. Выбор секторов для договорно - правового оформления

Ограниченный подход к развитию отношений с ЕС, вырабатывавшийся в рамках целого ряда советских министерств и ведомств заключался в том, чтобы поддерживать связи с Сообществом только в тех областях, которые строго вписывались в рамки безусловных и исключительных полномочий органов ЕС того времени. На практике это означало развитие прежде всего торговых связей. Министерское лобби полагало, что более глубокие формы сотрудничества должны были практиковаться на двустороннем уровне либо в рамках международных организаций, где государства различных общественных систем выступали на равных.

Сторонники широкого подхода выступали за развитие отношений с ЕС по самому широкому кругу областей, считая ЕС обязательным партнером для такого рода сотрудничества. Доля СССР в мировой торговле была весьма незначительна. Однако экономический потенциал для широкомасштабного экономического сотрудничества был весьма весом. В этой связи существовали серьезные предпосылки для установления связей не только в области торговли, но и в сфере науки, организации промышленного, технологического сотрудничества и т.д. Если же принять во внимание увеличение объема компетенции ЕС, то это открывало перспективу для сотрудничества в таких, например, сферах, как экология или же развитие политического диалога. Сторонники более широкого подхода подчеркивали необходимость перспективного видения роли Сообщества в будущей Европе. Частично эта точка зрения нашла свое отражение в переговорном процессе. Она также разделялась специалистами, пришедшими из науки в правительственные структуры в тот период времени.

Много проблем было связано с необходимостью преодолеть сопротивление хозяйственного лобби, выступавшего против установления договорных отношений с ЕС как организацией и по широкому спектру областей. Красноречивую иллюстрацию противостояния между сторонниками широкого и ограниченного подхода можно, например, найти в работе Межведомственной комиссии по подготовке стратегии переговоров с ЕС, образованной в 1988 г. и возглавляемой И.Ивановым, заместителем Председателя Государственной комиссии по внешнеэкономическим связям Совета Министров СССР²⁰.

Прогрессу в установлении договорных отношений нового типа способствовала также интенсификация неформальных контактов между официальными представителями ЕС и советскими официальными и неофициальными лицами. Большое количество такого рода неформальных контактов в этот период происходило на экспертном уровне²¹.

Еще один фактор, который необходимо учесть, связан с реальным положением, в котором оказался Советский Союз, и которое не оставляло большого выбора для страны на перспективу. Основные соперники Сообщества имели возможность компенсировать усиление ЕС путем углубления отношений со своими соседями. Например, США выдвинули инициативу создания зоны свободной торговли между Северной и Южной Америкой. Япония активизировалась в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Что же касается СССР, то его усилия по оживлению сотрудничества в рамках СЭВ на новой базе оказались безрезультатными. Даже последующие попытки возродить федерацию в границах бывшего СССР или создать конфедерацию или сформировать экономический союз были встречены в штыки экс-советскими республиками. В период Горбачева большинство этих республик все более открыто выступало за свою полную независимость.

Все эти факторы вместе взятые в конечном итоге привели к прорыву и установлению официальных отношений с ЕС в период перестройки.

Примечания

1. Декларация МИД СССР о планах создания Евратома и Общего рынка. Правда 17.03.1957

2. Одним из ярких многочисленных примеров может служить глава в книге избранных переводов для России "Евратом и Общий рынок", Иностранная литература, Москва, 1957 г., ред. З.Шейнис под названием "Общий рынок плюс Евратом означает нацистская Европа".

3. Ю.Рубинский. Союз обреченных. Политиздат. 1963, 62 с.

4. European Political Cooperation in the 1980s. A common foreign policy for Western Europe? Ed. by Pijpers A. and others in cooperation with TEPSA. Dordrecht, the Netherlands: Kluwer Academic Publishers. 1988. p.262

5. European Political Cooperation... Ibid, p. 271

6. Барановский В. Политическая интеграция в Западной Европе. Москва: Наука, 1983: ЕС в системе международных отношений. Москва, Наука, 1986.

7. The establishment by stages of Economic and Monetary Union in the Community. Werner Report. Brussels. 1970.

8. Желаящие опубликовать книгу под влиянием цензуры были вынуждены выделять противоречия внутри ЕС. В 1985 г. издательство "Наука" затягивало выпуск книги по ЕС до тех пор, пока я не вставил слово "противоречие" в название, хотя главный смысл книги был далек от подобного толкования.

9. Gottstein K., Editor. Western perceptions of Soviet goals: is trust possible? A publication of research unit Gottstein in the Max Plank Society. Frankfurt am Main: Campus Verlag, pp. 24-26.

10. См., например, "Правительственный вестник", Москва, Совет министров СССР, N 22, 1989 г., стр. 9-10.

11. European Information. External Relations. Brus.: CEC. No.1, 1989, p.3.

12. Мировая экономика и международные отношения ("МЭиМО"), Москва, Изд-во "Правда", N 4, 19889, стр. 38-44.

13. Известия, 20 июня 1991 г.

14. La Communauté et la Banque européenne pour la reconstruction et le développement. Bruxelles: Commission des Communautés Européennes> COM (90) 190, final, 7 Mai 1990.

15. Malcolm N. Soviet policy perspectives on Western Europe. Chatham House papers. London: Routledge, The Royal Institute of International Affairs, 1989, p.1.

16. Например, в 1988 г. было написано огромное количество рекомендаций, предназначавшихся для различных высоких инстанций - около 20 только Отделом ЕС ИМЭМО АН СССР

17. Например, два отдела Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР представили две совершенно различные концепции по поводу Соглашения с ЕС в правительственные структуры перед началом переговоров с Комиссией ЕС, что в доперестроечный период было совершенно нереально. (Предложения к переговорам по Соглашению СССР- ЕС. Предложения ИМЭМО. 29 февраля 1988 г., 15 стр.

18. Новый вариант "Тезисов о Европейском Сообществе" ИМЭМО, который должен был выразить единую позицию по развитию европейской интеграции, согласовывался в течение долгого времени из-за значительных расхождений во взглядах сотрудников Института. В результате публикация этого документа вышла со значительной задержкой во времени. (Европейское Сообщество. Тезисы ИМЭМО. Москва, ИМЭМО 1979 г.)

19. В этой связи можно выделить "мозговой центр" сотрудников МИД таких, как С.Лавров, А.Бугров, В.Григорьев, А.Зуев, Н.Телятников, Ю.Оксамитный и другие под руководством заместителя министра Э.Обминского, которые тесно сотрудничали с подразделением М.Медведкова из МВЭС и с И.Ивановым из ГВК СМ СССР. Соединение усилий этих групп специалистов оказывало заметное влияние на формирование нового мышления в европейской политике страны того времени.

20. Будучи экспертом Комиссии, помню, как однажды высокопоставленный чиновник из Госплана считал "мертвых уток" во время дискуссии по областям, подлежащим включению в проект Соглашения. Всякий раз, когда очередная область подвергалась критике, он приговаривал: "Еще одну утку подстрелили". Люди из министерств были уверены в своей силе исключить из-под действия Соглашения любую сферу.

21. Можно вспомнить как активны были в этот период люди разных рангов и уровней занимаемого положения, такие, как Пабло Бенавидес, Мишель Ван ден Абель, Джон Маслен и Леон Бриттэн, который стал комиссаром несколько позже.

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ

Введение

Интеграция отнюдь не является ни чисто европейским феноменом, ни явлением, возникшим исключительно в период после второй мировой войны. Государства, нации, народы, регионы, корпорации, церкви и даже бюрократия — все в свое время так или иначе участвовало в интеграционном процессе, характер развития которого — ускорение или замедление — может зависеть наряду с другими также от дезинтеграционных факторов¹.

Так, однако, сложилось, что европейская интеграция хронологически совпадает с послевоенными годами, а географически отождествляется с той частью Европы, что находится преимущественно к западу от сорванного ныне "железного занавеса". Кроме того, интеграция обычно ассоциируется с созданием новых интеграционных институтов, которые из структур узкофункциональных, таких, как Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) (1952), постепенно перерастали в структуры более широкого профиля, как скажем, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) (1957), которое после слияния в 1967 году с Европейским объединением угля и стали и Евратомом называлось "Европейское сообщество" (ЕС), а после Маастрихтского договора 1993 года (который также придал устойчивость столпам внутренней политики) известно как Европейский союз.

Что же имеется в виду под интеграцией? Ее основные действующие параметры таковы:

1) Принцип добровольности. Послевоенная Западно-европейская интеграция была добровольным, сознательным процессом, в отличие от того, что происходило в большинстве стран континентальной Европы во времена нацизма, или в бывшей европейской империи бывшего Советского Союза, когда интеграция насаждалась "сверху".

2) Вневременной фактор. Интеграцию обычно рассматривают как исторический процесс, имеющий несколько измерений: экономика, политика, безопасность, социальная сфера. И скорее их постепенное слияние, чем чередование, стало неотъемлемой чертой интеграционного процесса.

3) Связь с процедурой вынесения решения. Европейская интеграция стала ассоциироваться с определенными способами решения межнациональных проблем, среди которых наднацио-

нальный момент, усиленный законной поддержкой судебных органов, стал наиболее очевидным. Так, институты, основные решения которых вынесены большинством голосов в результате различных систем голосования (например, Европейский Союз) считаются более интегрированными, чем те, которые приходят к решению через консенсус (НАТО) или единогласие (Совет Европы).

Такие на вид нереальные аналитические выводы и определения могут показаться далекими от того, что является предметом изучения историка интеграции. Однако, они показывают, что то, что находится в поле зрения историков и исследователей, не всегда может быть с легкостью определено. История интеграции — это меньше, чем изучение региона, но больше, чем изучение института, меньше, чем вся история дипломатии, но больше, чем изучение отдельного государства. Это поле для исторического исследования, пышно расцветшее, особенно за последние 10 лет, поскольку интеграция в Европе стала ключевым пунктом национальной политики, поскольку открылись архивы, и в немалой степени, поскольку сам Европейский союз расширил свои рамки и компетенции.

Мы можем выделить четыре главных направления в изучении истории интеграции:

- общественные суждения и вымыслы об истории интеграции;
- теория Европейской интеграции;
- Европейская интеграция как аспект международных отношений;
- изучение Европейской интеграции как истории.

Эти четыре направления выявлены на основе анализа историографии предмета и связаны между собой². И тем не менее они остаются достаточно независимыми друг от друга и отражают противоречивые, а иногда и несовместимые подходы к изучению нашей темы.

1. Общественные суждения и вымыслы об истории интеграции

История интеграции — это преимущественно современная история. Любой исследователь послевоенного мира неизбежно столкнется с задачей, как отделить истинно важное от сиюминутного, реальное от вымышленного, настоящие причины какого-либо явления от их публичной интерпретации. Это особенно актуально для истории интеграции, поскольку она включает намеренные, и порой драматические перемены общественных настроений и повороты, которые часто оказывались на грани нарушения гражданских и имущественных правовых норм, а также личных интересов.

Мнения отцов-основателей — главных солистов на сцене Европейской интеграции, продолжают иметь большое значение, наряду с мнением о том, что интеграция есть некий телеологический процесс, возводящий нечто, неясный смысл и традиции которого сводятся к понятию принадлежности к Европе, другими словами, понять которые может лишь тот, кому дано "быть европейцем"³.

Большая часть ранней литературы носила автобиографический характер. Ясно, что роль автобиографии для историка очень важна, но тут всегда есть риск перекося, когда писатель не хочет или не может быть абсолютно правдивым⁴.

Имеется также большое количество ранних работ, написанных с целью "пересмотреть причины возникновения интеграции в Европе". В первые послевоенные годы множество федералистских групп стремились использовать вес печатного слова, чтобы убедить граждан и избирателей в необходимости интеграции. Период последних месяцев войны до момента создания Совета Европы был временем особо активных действий федералистских групп, которые в свою очередь получали сильную поддержку от про-федералистского лобби США⁵. Таким образом, историку противостоит литература главным образом 50-х годов, которая порой смешивает то, что есть — или то, что было, — с тем, что должно бы быть⁶. Нужно также сказать, что многое из того, что пишется сегодня, по-прежнему далеко от беспристрастного анализа, и такие работы прибавляют неясности в этой области, стремясь вплести в цепь прошлого никогда не существовавшие звенья, а также расстроить планы на будущее.

2. Теории Европейской интеграции

Существуют историки Европейской интеграции, которые не читают теорию. Существуют теоретики, не читающие много истории. Однако обе эти дисциплины должны быть по возможности теснее взаимосвязаны.

Конституционные федералисты, функционалисты, сторонники транснационального правительства подготовили в свое время теории, объясняющие, как и почему возникает интеграция и каким будет ее дальнейшее развитие.

Большинство теоретических работ признавало нео-функционалистскую теорию Европейской интеграции, особенно ярко выраженную в работе Эрнста Хааса. Эта теория больше подходила к середине 50-х и 60-х годов, когда интеграционные структуры казались в расцвете своих возможностей и привлекали все новых приверженцев.

В принципе, работы, исходящие из теории, как основы интеграционного процесса, мало что могут дать историку Интеграции в Европе. Но тем не менее, Эрнст Хаас строит свои исследования на детальном изучении деятельности Европейского объ-

единения угля и стали, а Линдберг сосредоточивается на работе Европейской Комиссии⁷.

Несколько последних теоретических работ о взаимосвязанности внутренней политики с принятием решений относительно общих международных проблем, представляют интерес для историков Европейской интеграции в широком плане, а также имеется довольно узкий круг историков, которые специализируются на использовании теоретических идей, в частности идей о принятии решений, для проведения своего исторического анализа⁸.

Это, однако, вовсе не опровергает утверждения, что на большинство исторических работ, посвященных Европейской интеграции, теоретические дебаты конца 50-х годов не оказали никакого влияния.

3. Европейская интеграция как аспект международных отношений

Если рассматривать подходы к интеграции в свете международных отношений, то интеграционная теория может быть предложена как один из аспектов такого подхода.

При этом существует большое количество других аспектов международных отношений, которые в свою очередь оказывают влияние на подходы и позиции, содержащиеся в работах по интеграции в Европе (включая анализ вынесения решений). Это особенно относится к литературе, рассматривающей послевоенную международную политику с системной точки зрения.

Системная точка зрения на историю интеграции исходит из общего взгляда на послевоенную международную систему и касается интеграции в Западной Европе в контексте равновесия сил в биполярном мире и как элемента "холодной войны".

Разрастающийся конфликт между США и СССР в сферах власти, политики, идеологии был главной темой политических, идеологических и экономических дебатов в Европе. Биполярное разделение, основа "холодной войны", привело к тому, что Западноевропейские государства стали видеть в США укрытие для выживания, охраны и военной безопасности. Это было отражением доминирующего характера идеологии американизма, воспринимаемой как воплощение индивидуальных свобод. Таким образом, это были два аргумента в пользу модели, предлагаемой Западной Европе Соединенными Штатами, которые укрепляли представление о себе как о большой, сильной и процветающей федеральной системе, резко контрастирующей с Западно-Европейскими государствами, чей исторический опыт территориальных и идеологических конфликтов завершился двумя кровавыми войнами. США старались усилить впечатление о себе как о самом сильном, удачливом и наиболее подготовленном международном игроке, который активно заинтересован и стремится

сделать все от него зависящее для продвижения политической и экономической интеграции в Западной Европе⁹.

Постоянная оппозиция Советского Союза по отношению к интеграции по иронии судьбы действовала одновременно и как угроза, и как напоминание об идеологической альтернативе, предлагаемой Востоком.

Чтобы воспользоваться языком международных отношений, историкам следует посмотреть на конфликт сверхдержав под таким углом зрения, который выявил бы все возможные вариации толкований и интерпретаций зарождения интеграции в Европе. Или говоря иначе, историк должен выйти за пределы источников и литературы одной лишь Европы, чтобы понять происходившее, и должен изучить имеющиеся американские материалы, а также, насколько это возможно, и советские.

Безусловно, такой контекст добавит новые аргументы в споры о том, насколько далека была Европейская интеграция от создания Атлантического сообщества или Европейской "третьей силы".

Вполне очевидно, что нелегко добраться до литературы, содержащей взгляды и отклики Советского Союза на развитие интеграционных структур, от плана Маршалла до Европейского объединения угля и стали, Европейского экономического сообщества и так далее, и работа, основанная на архивных материалах, касающихся взаимоотношений сверхдержав, будет иметь ключевой приоритет для изучающих эту проблему.

Другая перспектива изучения международных отношений просматривается в работах по международной политэкономии, в наблюдениях исследователей относительно интернационализации Западной экономики. Постоянно возрастающие ожидания экономического роста, связанные с драматическими технологическими преобразованиями, означали, что государственные экономические предприятия должны все больше уступать место более крупным и эффективным корпорациям. При этом роль государства как такового начала ослабевать. Транснациональные экономические процессы и возрастающая взаимозависимость были чертами, определяющими эрозию национального государства¹⁰. Это было наиболее отчетливо видно при создании ЕЭС с его над-национальной Комиссией, квази-федеральными подтекстами в движении к "еще более тесному союзу" и предположениями о более широком распространении голосования большинством благодаря участию национальных государств в Совете министров.

Острый вопрос о гибели, или выживании, или усилении национального государства в Западной Европе, оставался открытым.

4. Изучение Европейской интеграции как истории

Все сказанное выше вытекает из нашей интерпретации и подхода к Европейской интеграции как к истории. Серьезные и беспристрастные исторические описания создания Западно-Европейских институтов находились в академическом тупике вплоть до 1980 г. Огромное количество работ западных авторов по проблемам международных отношений, написанных в 50-е годы и после, были сфокусированы на "холодной войне" и особенно на политике Соединенных Штатов. Исторические труды, касающиеся Европы, концентрировали внимание на внешней политике отдельных стран или же обзоре внутренней и внешней политики отдельных периодов. Множество работ по интеграции в Европе, как уже было замечено, носили скорей проповеднический, чем аналитический, характер¹¹.

Исторические работы последних лет по теме Европейской интеграции имеют невероятные преимущества благодаря доступу к архивам, которые только-только начали открываться для исследователей. Материал, отобранный для данной работы, основан на архивном исследовании¹². Это необъятный источник сведений о прошлом, который стимулирует появление многих работ по Европе послевоенного периода. Освобождение национальных, международных и частных архивов еще пока имеет ряд весьма своеобразных особенностей. Архивная политика различна в разных странах, и даже в разных министерствах одной страны.

Ограничительное правило "30 лет" в Англии имеет своих критиков, и все же находится еще многое, что "по причинам безопасности" закрыто для исследователя. Но несмотря на это огромное число материалов открываются для изучения ежегодно. Трудность, связанная с этим историческим источником, заключается в том, что Британия находилась вне основного течения интеграционных инициатив, и проявляла если не откровенную враждебность, то весьма сдержанный интерес к интеграционным усилиям остальной Шестерки¹³.

Во Франции правило, подобное английскому правилу "30 лет" было введено в 1979 году, тогда как доступ к определенным категориям немецких и итальянских бумаг (итальянцы имели правило "40 лет" оставался неравномерным¹⁴. Голландцы имели самое "примерное" правило в отношении документов — 25 лет.

В большинстве стран имеются существенные коллекции частных документов, открытые для использования историками. К сожалению, они разбросаны по разным библиотекам и национальным архивным собраниям, и необходимо получить специальное разрешение, прежде чем исследователь сможет работать с этими документами. Существуют коллекции важнейших до-

кументов, которые по-прежнему остаются недоступны для историка.

Многие ведущие страны издают многотомные документальные сборники под покровительством своих правительств. Однако это дело очень медленное и дорогостоящее, и ни одна страна не имеет полного собрания документальных публикаций начала послевоенного периода¹⁵.

Имеются также две основные коллекции документов, изданные историками, которые внесли бесценный вклад в наше понимание послевоенной истории Западной Европы¹⁶.

Но необходимо дальнейшее раскрытие архивов, не только для того, чтобы исторические исследования не пестрели заплатками случайно добытых архивных материалов, но для того, чтобы развеять всякие подозрения насчет мотивов вокруг национальной политики раскрытия архивов. Здесь еще довольно часто случаются такие лакуны, которые имеют чуть ли не скандальный характер. Недоступность документации НАТО является наиболее ярким примером такого положения.

Доступу к собственному архиву ЕЭС, хотя он технически попадает под правило 30 лет, не было дано той высокой оценки, какую он должен был получить, явившись примером реализации демократических усилий по открытию всеобщего доступа к прошлому, и он не используется по прямому назначению, как если бы он был добрым, старым признанным государственным архивом¹⁷.

Работа большей части историков, пишущих сегодня о Европейской интеграции, может вполне быть названа Европейским пост-ревизионизмом. Это связано с тем, что во многих отношениях эта работа близко совпадает с позициями пост-ревизионистской историографической школы времен холодной войны. Название пост-ревизионизм стало популярным благодаря ведущему американскому историку холодной войны, Джону Льюису Гэддису, изучавшему новые исторические подходы к холодной войне в 70-е годы, во времена разрядки, когда ожесточенная bipolarization начала холодной войны пошла на убыль. Западные историки начинали работать с недавно открытыми архивами, и Гэддис отметил их интерес к роли малых держав в холодной войне, использование новых материалов, относящихся к внутренней политике, источников, определяющих формулы внешней политики времен холодной войны, а также более частое обращение к другим, родственным дисциплинам, вместо простого фокусирования политики сверхдержав, в частности Соединенных Штатов¹⁸.

Подобное оживление интереса к послевоенной Европейской интеграции скорее как историческому феномену, чем как арене современных политических противоречий, мы можем наблюдать сегодня среди историков. Многие последние работы по этому периоду послевоенной Западно-Европейской истории с упором на

частные и общественные архивные материалы показывают, что исследователи имеют огромный интерес также к другим смежным дисциплинам, формирующим их исторические подходы¹⁹. Работы последнего времени характерны своим вниманием к деталям; восприятием непоследовательности и противоречий документальных свидетельств; умением размышлять и рисовать в воображении исторические картины.

Эти работы во многом отрицают политико-детерминистский подход к европейской интеграции и имеют непосредственное отношение к разоблачению представлений о т.н. "процессе" политической интеграции, который отражает снижение интереса к установлению степени виновности и мер ответственности за проведение холодной войны среди историков, занимавшихся этой темой²⁰.

Для исследователя Европейской интеграции очень важно сохранить непредубежденность и не поддаваться доводам тех историков, которые исповедуют одну конкретную теорию политического процесса и предлагают ее в качестве законченного и идеального варианта.

И все же важно суметь свести весь период, начиная с 1945 года, в единый контекст. Историк необходимо также разработать исходный пункт или критерий анализа, что бы ни было объектом его исследования — частное лицо, фирма, государство или его аппарат, или же развитие отдельного учреждения.

Спектр вопросов, которых касаются историки, довольно широк — от истоков Европейской интеграции до сил, влияющих на интеграционный процесс; сравнительная роль внутренних, меж-Европейских и внешних сил и группировок; роль личности; сравнительный вес политических и экономических факторов и их взаимосвязанность (опасность войны, необходимость экономического роста и безопасности). Они исследуют пути, по которым развивалась и изменялась интеграционная политика (от федерализма к техническому функционализму и к широкой платформе рыночных реформ), отдельные области политики (традиционная индустрия, новые отрасли, тарифы, таможенные барьеры, проблемы безопасности и др.), и их сравнительную важность (план Маршалла, Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество). Их продолжают интересовать переговоры на высшем уровне о создании новых Европейских организаций и главные моменты распределения сил и влияния между главными игроками Европы, в частности, между Францией, Западной Германией и Британией²¹.

Много есть коллективных исследований, посвященных отдельным сюжетам 40-50 гг., взятым скорее в качестве исторического феномена, чем эпизода на неизбежном пути к объединенной Европе²².

Более широкие темы, такие как Американская внешняя политика и деколонизация, также входят в круг интересов истори-

ков, причем цель исследования чаще бывает сфокусирована на плане Маршалла, чем на "более наднациональном" Объединении угля и стали²³.

Таким образом, эти работы сориентированы преимущественно на разработку перспективы изучения конкретных государств, чем на развитие отдельных международных организаций²⁴.

Примечательно также, что статьи и главы в коллективных изданиях пока еще более часты, чем монографические работы, и что до сих пор мало опубликовано сравнительных архивных материалов по государственным дипломатическим инициативам, связанным с созданием новых организаций²⁵.

Один из наиболее крупных и, пожалуй, противоречивых историков Европейской интеграции, просмотревший наибольшее число имеющихся архивов, Алан Милворд, бросил открытый вызов своим коллегам и нанес сокрушительный удар по существующей англоязычной литературе, опубликовав свой трехтомник, содержащий анализ всех принятых ранее толкований, интерпретаций и объяснений изучаемого периода.

В "Реконструкции Западной Европы" он опровергает общепринятое мнение, что последовательное и успешное создание Европейских организаций было начато прежде всего благодаря опыту 2-й Мировой войны и федералистским идеям, возникшим в некоторых кругах движения Сопротивления уже после окончания войны. Он открыл совершенно новый подход к Европейской интеграции, основанный на истории экономики, и по-новому оценил роль национального государства в начале послевоенного периода²⁶.

В "Спасении национального государства в Европе" он развил эти аргументы, и в серии связанных между собой очерков доказал, что слухи об отмирании национального государства перед лицом победно наступающей интеграции сильно преувеличены, и что оно, напротив, весьма успешно осуществляет европеизацию своей политики²⁷.

В "Границах национального суверенитета" Милворд и его соавторы доказывают, что государства нуждаются в создании межнациональных границ, чтобы выжить экономически в послевоенном мире, и что успех Европейской экономики показывает, что интеграционная политика продолжается и действует, поскольку государства убедились в ее преимуществах над взаимозависимостью²⁸.

Работы Милворда в целом подготовили платформу для большинства серьезных историков интеграции середины 80-х годов, предложив им либо модель исторического исследования, либо тему для дебатов об истоках, методах и движущих силах интеграции.

Заключение

Беспристрастное и обдуманное изучение истории Европейской интеграции вызвало огромное количество новых архивных публикаций на многих европейских языках. Это позволяет надеяться, что новые перспективы послужат источниками, которые обогатят и расширят рамки взаимопонимания между историками Запада и Востока.

Несмотря на массу книг, статей и глав, уже увидевших свет, еще остается немало больших, важных, но не решенных вопросов. Это относится ко всем проблемам, затронутым в предыдущем разделе, ни одна из которых не может считаться полностью решенной.

Методология историка международных отношений послевоенного периода также меняется, поскольку огромное количество архивов ставит перед исследователем-одиночкой невыполнимые задачи из-за колоссального объема новых данных, и ограничивает его либо хронологически коротким периодом времени, либо узкой темой исследования.

Необходимо признать, что все больше и больше надо будет работать группами единомышленников для совместной выработки мнений по различным вопросам. Это, конечно, вызовет вопрос о будущем общем языке для всех европейских постревизионистских историков, так как многие коллективные сборники изданы на трех, а то и четырех языках.

Все же изучение истории европейской интеграции существует не просто для споров о прошлом, что может иметь ограниченное специальное значение, как бы это ни было важно. Как и большинство областей истории, история европейской интеграции имеет особое значение для современной Европы. В течение сорока лет конфликты сверхдержав создавали четко определенные параметры для международной политики, особенно в Европе. До 1970 года ученые, а также политики, смотрели через слишком узкие линзы на смысл и значение интеграции. Примечательно, что более крупные, возможно более размытые и неопределенные, но несомненно более трудные аспекты, связанные с интеграцией, — идентичность, национализм, демократия — стали объектами пристального внимания, поскольку расширение экономического пространства приняло глобальные масштабы, и политическое окружение полностью изменило свой облик с окончанием холодной войны²⁹.

Это освободило историков, политологов, теоретиков и, конечно, политиков и позволило по-новому увидеть то, что мы имеем в виду, когда говорим о Европе.

Если мы хотим понять смысл настоящего, нам нужно попытаться понять наше прошлое и определить, что реально меняется, а что из прошлого продолжает существовать по-прежнему. Эта задача еще не завершена.

Примечания

¹ Не существует строгой системы использования языков для описания различных типов международных связей в послевоенной Европе: межправительственных связей, сотрудничества, создания ассоциаций, интеграции. William.....andInternational Relations Then and Now. Origins and Trends in Interpretation.(London/New-York, 1991); Brigid Laffan.Integration and Co-operation in Europe.(London/New-York,1992)

² Большинство нижеследующих примечаний относится к англоязычному материалу.

³ См. недавно вышедшие Gerard Bossuat, Les Foundaters de l'Europe (Paris,1994); Derek Heater, The Idea of European Unity (Leicester, 1992).

⁴ Существует много автобиографических отчетов. См.например: Jean Monnet, Memoires/Memoirs (Paris,1976; London,1978); Paul-Henry Spaak, Combats Inachevés / The Continuing Battle (Paris,1969, London,1971); Walter Hallstein, Europe in the Making (London, 1972).

⁵ Это хорошо изложено в Walter Lippens. A History of European Integration. Vol.I: 1945-1947; M.L.Smith and P.M.R.Stirk, Making the New Europe — European Unity and the Second World War (London,1990). По США см. Richard J.Aldrich "European Integration: an American Intelligence Connection" in Anne Deighton (ed.), Building Postwar Europe: National Decision Makers and European Institutions, 1948 — 1963. (London, 1995).

⁶ Приведем один яркий пример. Oliver Crawford в своей работе "Done this Day. The European Idea in Action" (London, 1970), посвященной созданию Совета Европы, доказывает, что "весьма далекие друг от друга по содержанию части этой книги объединены убежденностью автора, что для нас, европейцев, европеизм является самой созидательной идеей века, и логика требует от нас объединить наш опыт, нашу энергию, наши способности и нашу искренность навстречу единой цели — создать наконец Европейское Федеральное правительство для всей Европы и навсегда...Смеем ли мы забывать, что для торжества зла нужно лишь, чтобы мирные граждане стояли смиренно"?

⁷ Karl Deutsch, Political Community and the North Atlantic Area.(Princeton, 1957); Ernst Haas, The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces (London,1958). См.также R.Harrison, Europe in Question (London,19740; Volker Ruttberger (ed.) Theorien der Internationalen Beziehungen (Opladen, 1990). О теории и более поздних разработках начиная с середины 80-х годов, см. Paul Taylor, "Consociationalism", Review of International Studies, 1981; Andrew Moravcsik, "Negotiating the Single European Act: National Interests and Conventional Statecraft", International Organisation, vol. 45, 1991; Joseph M.Griego, "Maastricht, EMU and the Neo-realist research programme"; Review of International Studies, 21/1, 1995.

⁸ Christopher Lord, British Entry to the European Community under the Heath Government of 1970-4 (Newcastle, 1993). Peter B.Evans, Harold K. Jacobson, Robert D.Putnam (eds) Double Edged Diplomacy, International bargaining and Domestic Politics (Berkley,1993).

⁹ Glenn Snyder and Paul Diesing, *Conflict among Nations: Bargaining, Decision making and System Structure in International Crises*. (Princeton, 1977) ch.VI; Kenneth Waltz, *Man, the State and War: A Theoretical Analysis* (New-York, 1959); Anton De Porte, *Europe between the Superpowers: the Enduring Balance* (New Haven, 1986). С 1989 года мнение, что феномен Европейской интеграции был в какой-то мере, если не полностью, порождением холодной войны, все шире распространялось и все чаще становилось объектом обсуждения. См. главы, написанные Becker, Poidevin and Girault in di Nolfo (ed.) *Power in Europe? II*; Richard Crotwell, "Theories of Stability and the End of the Cold War" in Mike Bowker and Robin Brown, *From Cold War to Collapse: Theory and World Politics in the 1980s* (Cambridge, 1993); Robert O.Kechane and Stanley Hoffman (eds), *The New European Community; Decision Making and Institutional Change* (Boulder, Colorado, 1991, pp. 4-5); Anne Deighton, "La Guerra fria y los origenes de la integracion europea", *Sistema*, 114/115, 1993.

¹⁰ P.R.Viotti and M.V.Kauppi, *International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism*, (New-York, 1987); R.O.Kechane and J.Nye, *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, (Boston, 1977); William Wallace, *Transformation of Western Europe* (London, 1990), *Dynamics of European Integration*, (London, 1990).

¹¹ Alan S.Milward, *The European Rescue of the Nation-State*, (London, 1992). В отношении к этому вопросу наиболее сильно проявляется различие между функционалистами, которые были по существу анти-государственниками, и неофункционалистами, которые были больше поглощены проблемами перехода власти к более крупным структурам.

¹² Сейчас существует много различных учебников и разработок по истории Европейских организаций и истории послевоенных международных отношений в Европе, которые содержат главу или раздел по истории Европейской интеграции. Однако они редко представляют собой что-либо большее, чем обзор, содержащий общепринятые точки зрения по этому вопросу. Единственное исключение — работа Pierre Gerbet, *La Naissance du Marche Commun*, (Paris, 1987).

¹³ Несколько недавних работ по Британии: John W.Young, "The Parting of the Ways? Britain, the Messina Conference and Spaak Committee", in John W.Young (ed), *British Foreign Policy, 1945-1956*, (London, 1989); John W.Young, "British Officials and European Integration, 1944-1960" and Anne Deighton and Piers Ludlow, "A Conditional Application: British Management of the First Attempt to seek Membership of the EEC, 1961-1963" in Deighton (ed) *Building Postwar Europe*; Brian Brivati and Harriet Jones (eds), *From Reconstruction to Integration; Britain and Europe since 1945*, (London, 1993), *passim*.

¹⁴ Гораздо полнее представлена история интеграции во французских исследованиях: Pierre Gerbet, *La Construction de l'Europe*, (Paris, 1994); Gerard Bossuat, *L'Europe Occidentale a l'Heure Americaine. Plan Marshall et Unite Europeene. 1945-1952*, (Brussels, 1992). Полный список можно найти в библиографическом издании Rene Girault (ed), *Identite et Conscience Europeennes au XX-e Siecle*, (Paris, 1994). Из немецких работ назовем Lipgens, *Documents*; Hanns Jurgen Kusters, *Die Grundung der Europaischen Wirtschaftsgemeinschaft* (Baden-Baden, 1982); см. превосходную современную библиографию в Clemens Wurm

(ed), *Western Europe and Germany: The Beginnings of European integration, 1945-1960*, (Oxford, 1995).

¹⁵ Более подробные сведения о вышедших томах можно получить в соответствующем главном правительственном архиве или из правительственных органов печати, т.е. Н.М.С.О. в Лондоне.

¹⁶ Это во-первых серия многоязычных публикаций Лианзонского Комитета историков Европейского Союза: Raymond Poidevin (ed), *Histoire des Débuts de la Construction Européenne* (Brussels/Milano/Paris/Baden-Baden, 1986); Klaus Schwabe (ed), *Die Anfänge des Schuman-Plans, 1950-1951* (Brussels/Milano/Paris/Baden-Baden, 1988); Enrico Serra (ed), *Il Rilancio dell'Europa e i Trattati di Roma* (Brussels/Milano/Paris/Baden-Baden, 1989); Gilbert Trausch (ed), *Die Europäische Integration vom Schuman Plan zu den Verträgen von Rom* (Brussels/Milano/Paris/Baden-Baden, 1993); во-вторых — Joset Becker and Franz Knipping (eds), *Power in Europe? Great Britain, France, Italy and Germany in postwar World. 1945-1950*, (Berlin/New-York, 1986); Ennio di Nolfo (ed), *Power in Europe? Great Britain, France, Italy and Germany and the origins of the EEC. 1952-1957*, (Berlin/New-York, 1992); см. также Walter Lipgens and Wilfred Loth, (eds), *Documents on the History of European Integration, four vols*, (Berlin/New-York, 1985-90).

¹⁷ См. однако, архивные собрания документов Европейского университета во Флоренции. Под покровительством DGX Европейской Комиссии Журнал по истории европейской интеграции (*Journal of European Integration History*) в последнее время процветает. В перспективе — издание независимого академического журнала, выходящего под эгидой Европейского Союза, в частности Лианзонской группы специалистов по новейшей истории (с/о Centre d'études et de recherches européennes Robert Schuman, 4, Rue Jules Wilhelm, 1-2728, Luxembourg).

¹⁸ John Gaddis, 'The Emerging post-Revisionist Synthesis on the Origins of the Cold war', *Diplomatic History*, vol 7, no 3, 1983.

¹⁹ См. например, работы историков экономики, написанных под влиянием работ Милворда: Frances Lynch, 'Restoring France: the Road to Integration' in Milward et al, *Frontier of National Sovereignty*, Ruggiero Ranieri, 'Inside or Outside the Magic Circle?', Ibid; работы по истории и праву: Christian Pennera, 'The Beginnings of the Court of Justice and its Role as a Driving Force in European Integration', *Journal of European integration History*, vol 1, no 1, 1995, pp. 111-127.

²⁰ "Что касается масштабов Европейской интеграции, целей, которые настойчиво преследовались бы Европейским Союзом, а также общественных институтов, созданных для этих целей, то здесь не было ничего неизбежного или же само-очевидного", David Weigall and Peter Stirk (eds), *The Origins and Development of the European Community*, (Cambridge, 1991).

²¹ Что касается последнего, см. например: John Gillingham, *Coal, Steel and the Rebirth of Europe, 1945-1955: the Germans and the French from Ruhr Conflict to Economic Community* (Cambridge, 1991).

²² Beatrice Heuser and Robert O'Neill (eds), *Securing Peace in Europe 1945-1962*, (London, 1992); Peter Stirk and D. Willis (eds), *Shaping Postwar Europe. European Unity and Disunity, 1945-1957*, (London, 1991),

²³ Charles Maier, 'The Two Postwar Eras and the Conditions for Stability in Twentieth Century Western Europe', Charles Maier (ed), in *Search of Stability; Explorations in Historical Political Economy*, (Cambridge, 1987); Michael Hogan, *The Marshall Plan, 1947-1952*, (Cambridge, 1987).

²⁴ Ho см. Raymond Poidevin and Dirc Spirenborg, *The High Authority of the European Coal and Steel Community* (Paris/London, 1994).

²⁵ Ho см. Deighton, (ed), *Building Postwar Europe, 1945-1963*; Wurm (ed), *Western Europe and Germany*.

²⁶ Alan S. Milward, *The Reconstruction of Western Europe, 1945-1951*, (London, 1984).

²⁷ Milward, *European Rescue of the Nation State*.

²⁸ Alan S. Milward, Frances M.B. Lynch, Ruggiero Ranieri, Federico Romero, Vibeke Sorensen, *The Frontier of National Sovereignty, Hiatory and Theory 1945-1992*, (London, 1993).

²⁹ См.международный проект под руководством профессора Рене Жиро — René Girault, *Identité et Consciences Européennes au XXe Siècle*, (Paris, 1994); список публикаций, порожденных этим проектом, см. на сс.215-216; Alan Milward, 'Allegiance — the Past and the Future', *Journal of European integration History*, vol 1, no 1, 1995, pp. 7-19.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ЕВРОПА ПОСЛЕ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ" (обзор дискуссии)

Последний день международной конференции, 23 июня, был посвящен проблемам, вставшим перед Европейскими странами после окончания "холодной войны", перспективам и путям строительства "Новой Европы".

В дискуссии приняли участие ученые, представлявшие ряд институтов Российской Академии наук и Московский университет, российские и зарубежные дипломаты.

Открывая "круглый стол", проф. Юрий Борко, заместитель директора Института Европы РАН и президент Ассоциации европейских исследований, охарактеризовал современную ситуацию в Европе и сформулировал ряд вопросов, которые было бы целесообразно обсудить в ходе дискуссии. Первый вопрос касается содержания нового периода европейской истории, начавшегося после крушения коммунистической системы в Восточной Европе, распада СССР и окончания "холодной войны". Как известно, в "Парижской хартии для новой Европы", торжественно подписанной на "саммите" государств-членов СБСЕ в ноябре 1990 г., декларировалось начало "новой эпохи демократии, мира и единства Европы". Ныне, четыре с лишним года спустя, эта заявка выглядит слишком радужной и поспешной. Очевидно, что Европу, вышедшую из состояния "холодной войны", и будущую "новую Европу" разделяет целый исторический период. По-видимому, его следует определить как переходный. При этом понятия "переход" и "трансформация" относятся не только к посткоммунистическим странам, вставшим на путь фундаментальных общественных преобразований, но и к сложившейся в послевоенные десятилетия системе международных отношений в европейском регионе, также нуждающейся в капитальной реконструкции. Каково основное содержание этого периода и как долго он продлится? Удастся ли существенно сократить нынешний огромный разрыв в уровнях развития двух частей Европы и что для этого необходимо? Насколько устойчивы тенденции к возрождению национализма и правого радикализма, проявившиеся не только в Восточной, но и в Западной Европе? Каковы возможные сценарии трансформации общества в посткоммунистических странах? Каковы главные направления и формы "европейского строительства" в обозримом будущем? Эти и другие вопросы требуют ответов, которые не могут быть найдены за "круглыми столами" политических или научных дискуссий и не могут быть верными раз и навсегда. Решения будет подсказывать практика.

За этими общими вопросами следуют вопросы более конкретного характера. Затрагивая здесь тематику реформ в пост-

коммунистических странах, следует подчеркнуть, что новая Европа возникнет не раньше чем эти государства, по крайней мере большинство из них, завершат в основном свои преобразования, создадут нормально функционирующие системы рыночной экономики и устойчивые институты политической демократии.

Для этого необходимы прежде всего их собственные усилия. Однако немаловажная роль принадлежит также западноевропейским государствам и их союзам. С этим как раз и связан второй круг вопросов, предлагаемых для обсуждения. Очевидно, что строительство новой системы безопасности и сотрудничества в Европе будет происходить главным образом по замыслу и под руководством Запада, а конкретно — Европейского союза и НАТО. Очевидно также, что названные организации, осознавая свою роль, разработали стратегию двойного назначения: во-первых, обеспечения собственных интересов и собственного развития; во-вторых, содействия преобразованиям и стабилизации в Центральной и Восточной Европе. В ЕС воплощением этой стратегии является осуществляемый с начала 90-х годов курс на одновременное углубление и расширение европейской интеграции.

Судя по всему, этот курс рассматривается в ЕС как базальтернативный. Скорее всего, так оно и есть. Но насколько он посилен? Ведь углубление и расширение могут как содействовать, так и препятствовать одно другому. В каком соподчинении будут находиться эти задачи? Какой из двух задач пожертвует ЕС, столкнувшись с серьезными трудностями? Как вообще справится этот союз с развитием интеграции даже не на двух, а на трех скоростях? Сумеет ли он сохранить эффективность и без того сложного механизма принятия решений, после того как число участников ЕС возросло до 15, а в перспективе увеличится до 25-27? Эти вопросы вызывают большую озабоченность у руководителей ЕС, о чем свидетельствует все более жаркая дискуссия, сопровождающая подготовку межправительственной конференции государств-членов ЕС, намеченной на 1996 г. Повестка и значение этой конференции явно выходят за те пределы, которые были предусмотрены в Маастрихтском договоре.

Наконец, третий круг вопросов, заслуживающих пристального внимания участников нашего "круглого стола". Речь идет о месте и роли России, а также других государств-членов СНГ, в строительстве "новой Европы". Стратегия развития европейской интеграции, равно как и концепция перестройки и расширения НАТО, на них не распространяются, за исключением Литвы, Латвии и Эстонии. Вместо этого им предложена, с заметным опозданием, концепция партнерства.

При всей привлекательности этой формулы, в ней еще много неясностей. Каков истинный смысл партнерства? Не сведется ли оно к стремлению Запада держать Россию на расстоянии, минимизируя ее влияние на европейские дела, или, напротив,

предполагается постепенное расширение ее участия, по мере того как она будет продвигаться по пути экономических и политических реформ? Сомнения такого рода уместны хотя бы по той причине, что на Западе подвергается критике сама концепция партнерства с Россией. Вспомним, к примеру, известную статью Збигнева Бжезинского "Преждевременное партнерство". Но даже если исходить из позитивной интерпретации идеи партнерства (а я лично склонен к такому толкованию), пока нет ясных ответов на многие вопросы. Скажем, как согласовать экономическую интеграцию Европы вплоть до границ нынешнего СНГ с формированием общеевропейского экономического пространства, включающего Россию и ее партнеров по Содружеству? Да и совместимо ли это в принципе, если начнется реальный процесс интеграции внутри СНГ?

Еще более острые вопросы возникают, как только речь заходит о проблемах европейской безопасности. Это обусловлено, с одной стороны, крахом миротворческих усилий в Югославии всех существующих международных институтов, будь-то ООН, НАТО или ОБСЕ, а с другой — явным диссонансом между курсом на расширение НАТО и неурегулированностью отношений этого военно-политического блока с Россией. Какова должна быть оптимальная система безопасности в Европе, учитывающая стремление Запада сохранить НАТО и одновременно обеспечивающая полноправное участие России в этой системе?

Размышляя над этими вопросами, следует оговориться, что во многом они порождены ситуацией в самой России, продолжающимся глубоким кризисом и неясностью перспектив. В стране еще не сложилось устойчивое центристское большинство, объединенное на основе общей концепции реформ, национальных интересов и международных приоритетов. Этим в значительной мере обусловлены колебания и разногласия на Западе, когда речь заходит о долгосрочных отношениях с Россией и ее роли в Европе. Тем более необходим диалог и совместный поиск решений, позволяющих шаг за шагом продвигаться к новой Европе "демократии, мира и единства".

Как считает проф. Сергей Караганов, заместитель директора Института Европы, член Президентского совета при Президенте Российской Федерации, мир находится в начале трансформации всей системы международных отношений. Сложный и опасный характер этого процесса трансформации определяется тем, что он будет происходить в условиях длительной нестабильности в посткоммунистических странах, Европе и мире в целом.

При всей потенциальной опасности "холодной войны", сопровождавшейся бешеной гонкой вооружений и демонстрациями нарастающей способности противостоящих блоков к взаимному уничтожению, созданная ими система безопасности, основанная на паритете стратегических сил сдерживания, обеспечивала достаточную стабильность как в Европе, так и за ее пределами. С

крахом коммунистических режимов и созданного ими военно-политического блока эта система отжила свое время. После исчезновения одного ее полюса — ОВД — потеряло прежний смысл существование как другого полюса — НАТО. так и их общего детища — СБСЕ, которое, в сущности, представляло собой институционализированную форму их взаимоотношений, совместно выработанный свод принципов и правил, позволявших регулировать борьбу двух общественных систем, не доводя ее до лобового столкновения.

Ныне налицо глубочайший и очень длительный кризис всей системы европейской безопасности. Все ее сохранившиеся институты находятся в положении больных, хотя тяжесть их болезни различна. На взгляд проф. Караганова, НАТО скорее всего вступит в стадию агонии, если не сумеет кардинально реформироваться. ОБСЕ, возможно, больна не смертельно, но также тяжело, показав свою полную беспомощность в Югославии. Что касается Европейского союза, приспособленного в прошлом для решения задач экономической интеграции, то он, если и не болен, то слишком слаб политически и функционально, чтобы эффективно ответить на новые вызовы в сфере европейской безопасности. Подписанная в ноябре 1990-го "Парижская хартия для Новой Европы" задумывалась как некий "прорыв в будущее". С тех пор не прошло и пяти лет, но уже вполне очевидно, что это была скорее "лебединая песня" по старой архитектуре безопасности и сотрудничества в Европе.

Между тем затянувшийся глубочайший кризис в нашей стране вкупе с отсутствием стратегии во внутренней и внешней политике государства, с недопустимыми шараханьями и просчетами "верхов" породил и продолжает питать тенденцию к отчуждению между Западной Европой и Россией. Иными словами, состояние нашей нынешней полуизоляции обусловлено внутренними причинами. Однако на Западе имеются силы, заинтересованные в закреплении этой тенденции и, более того, в том, чтобы Россия "сорвалась", вновь представ перед мировым сообществом в "неоимперском" облике. Это значительно подкрепило бы курс на расширение ЕС и особенно НАТО вплоть до рубежей нынешнего СНГ, а на северо-западе — непосредственно до российских границ.

Нас далеко не все устраивает в той внешней оборонительной политике, которую проводят Западная Европа и Запад в целом. Мы определенно против расширения НАТО. Но наше несогласие не должно заслонять главное, а именно: коренной интерес России состоит в развитии самых тесных отношений, а в конечном счете стратегического союза с остальной Европой, с западными объединениями. Это диктуется геополитическим положением России, ее экономическими интересами, императивами национальной безопасности, историческими связями и культурными традициями. В экономическом плане это означает широ-

кое и долгосрочное сотрудничество с ЕС, ориентированное на постепенное включение в общеевропейское экономическое пространство. Это означает также полномасштабное участие России в создании общеевропейской системы безопасности при расширяющемся сотрудничестве с НАТО, без которого невозможно построить такую систему.

Осуществлять такой внешнеполитический курс, находясь в глубоком кризисе и сталкиваясь с сопротивлением как внутри страны, так и за ее пределами, – задача чрезвычайно трудная. Однозначных решений в настоящее время быть не может. Следовательно, надо сочетать линию на углубление сотрудничества с Западом и жесткое отстаивание собственных позиций везде, где это возможно, избегая ситуаций, которые закрепляли бы нашу слабость. Необходимо выиграть время для экономической и политической стабилизации, для накопления сил и подготовки к рывку, который может начаться примерно в середине первого десятилетия приближающегося XXI века. Продвигаясь таким путем, осуществляя активную, но недорогостоящую дипломатию по всем азимутам, наращивая ее интеллектуальный и организационный потенциал, Россия будет расширять свое участие в создании новой системы безопасности и сотрудничества в Европе, соответствующей и ее собственным национальным интересам.

Доктор Николай Косолапов, заведующий центром международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений, напомнил о прогнозе, с которым выступил пару лет назад Сэмюэл Хантингтон. В статье "Столкновение цивилизаций?", опубликованной в журнале "Форин афферс" (1993, т.72, N 3), известный американский политолог высказал предположение, что основным источником конфликтов в наступающей новой фазе мирового развития будут уже не идеологические разногласия или экономические противоречия, а глубокие различия в культуре. Национальные государства останутся главными действующими лицами в политике, но сталкиваться будут страны или группы стран, представляющие различные цивилизации.

Для тревоги, высказанной С.Хантингтоном, есть много оснований. С завершением противоборства двух враждебных идеологий, двух несовместимых общественных систем рухнула и порожденная им жесткая биполярная система, которая как бы заглушала и маскировала все иные различия между нациями, регионами, цивилизациями. Теперь все это многообразие вышло на первый план. Став гораздо более взаимосвязанным, современный мир не только по-прежнему представляет собой мозаику регионов, но и переживает явный ренессанс процессов национального самоутверждения и внутрирегиональной консолидации. Особенно важное значение приобретают процессы регионализации, которые неразрывно связаны с формированием полицентрической системы международных отношений. При этом

становится все более очевидным, что для возникновения и развития региональных сообществ недостаточно совпадения экономических интересов и геополитических императивов; устойчивость им придает культурная или цивилизационная идентичность. Процессы регионализации протекают отнюдь не бесконфликтно. Однако наиболее опасные напряжения возникают на линиях соприкосновения разных культур, и важнейшей проблемой будущего мирового порядка, а точнее сказать — выживания человечества, становится создание новых механизмов взаимодействия цивилизаций.

Все сказанное имеет самое прямое отношение к оценке перспектив формирования новой системы безопасности и сотрудничества в Европе с участием России. Как минимум последние 300 лет мотором мирового развития была и остается родившаяся в Западной Европе цивилизация, базирующаяся на индустриальном производстве как способе существования в общем социально-экономическом балансе. Во второй половине XX века этой цивилизации брошен вызов, который будет становиться все острее. Цивилизация, основанная на нескончаемом наращивании производства и потребления, пришла в противоречие, с одной стороны, с природной средой обитания человечества, с биосферой, а с другой — с другими цивилизациями, охватывающими огромное большинство государств, прежде всего афро-азиатских, в которых проживает 80% процентов мирового населения.

В контексте этой огромной темы, которая выходит далеко за рамки данного "круглого стола", проблема взаимоотношений России и Европы отнюдь не сводится к строительству новой региональной системы безопасности и сотрудничества. Это, по большому счету, проблема выбора будущей модели отношений между двумя различными, но вместе с тем родственными цивилизациями, — такой модели, которая была бы оптимальной и с точки зрения их отношений с остальными регионами или цивилизациями в наступающем XXI столетии.

Пока что такая модель не разработана ни Западной Европой (и Западом в целом), ни Россией. Что касается Запада, то неопределенность ситуации в самой России и отсутствие у него надежных средств прямого воздействия на внутреннюю эволюцию страны не позволяют принять какие-либо стратегические решения и программы. Запад предпочитает сохранять свободу рук, возможность маневрирования и выбора в зависимости от того, как будут развиваться события в России. В минувшие годы эта тенденция даже усиливалась по мере того, как выяснялось, насколько далеко отстоит нынешняя Россия от европейской цивилизации после 70-летнего господства коммунизма.

Естественно, что это "открытие" не способствует преодолению недоверия к России. Существенных перемен в этом отношении можно ожидать после того, как нынешняя стадия переходного периода, когда преобладают процессы демонтажа комму-

нистического наследия в нашей стране, сменится стадией, для которой будет характерно преобладание конструктивных процессов, становление нового общества и государства. Пока же отношение Запада к России все еще отягощено прошлым и в решающей степени мотивировано задачами обеспечения собственной безопасности. В этом плане следует рассматривать и решение о расширении НАТО.

В самой России такая позиция Запада вызывает негативную реакцию, регенерируя традиционные для значительной части общества антизападные настроения.

Таким образом, перспективу формирования новой системы безопасности и сотрудничества в Европе при полномправном и активном участии России вряд ли можно назвать благоприятной. Тем не менее определенные основания для этого и практические возможности имеются. Если нет шансов на союзнические отношения, то нет причин и для вражды. Зато есть совпадение или близость долгосрочных интересов — экономических, геополитических и т.д. Оптимальным выбором является партнерство, в котором каждая сторона руководствуется своими интересами, в то же время принимая во внимание интересы другой стороны. Как идти к этому — вопрос особый. Но для начала надо отрешиться от упрощенного, прямолинейного взгляда на проблему соотношения интересов России и Запада. Не должно быть ни представления о неизбежности нового противоборства, ни иллюзий о бесконфликтности партнерских отношений. Такой сбалансированный подход позволяет разумно использовать любые возможности для нового сближения европейской и восточно-славянской цивилизаций, для развития общеевропейского сотрудничества.

Проф. Владимир Шемаatenков, первый глава представительства СССР при Комиссии Европейских сообществ (1990—1991 гг.), отметил в своем выступлении, что в отношениях между СССР-Россией и ЕС произошел двойной поворот.

Сначала, в период горбачевской перестройки, произошла первая метаморфоза — от "холодной войны" к взаимной эйфории. В высших слоях советского и партийного государственного аппарата и среди интеллигенции возникли романтизированные представления об успехах европейской интеграции и возможности быстрого присоединения к ЕС параллельно динамичным внутренним преобразованиям в стране. В свою очередь, в Западной Европе первоначальная настороженность в отношении перестройки сменилась настоящей "Горбиманией", а после распада СССР надеждами на то, что реформы в России будут относительно непродолжительным и упорядоченным процессом, который приведет к созданию общества западноевропейского типа. В соответствии с такими взаимными представлениями, новый раскол Европы казался не только нежелательным, но и немислимым. В 1988-1989 гг. поразительно быстро было подготов-

лено и подписано соглашение о торговле, экономическом и торговом сотрудничестве между СССР и ЕС, а в 1992 г. начаты переговоры о заключении нового "большого" документа — Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, подписанного в 1994 г.

Но это, к сожалению, был последний сильный аккорд поступательного движения к единой Европе. Под влиянием реального хода событий в России (как и в других бывших советских республиках) и трудного становления отношений сотрудничества между нею и ЕС обе стороны стали все яснее осознавать иллюзорность первоначальных надежд. Очевидной стала существующая пропасть, разделяющая зрелые гражданские общества на Западе и переходные общества на Востоке, исключаящая, по крайней мере на современном этапе, вопрос о членстве России, Украины и других постсоветских государств в ЕС. Бурная и пока малоуправляемая жизнь в этих странах (это относится и к бывшей Югославии) не укладывается в те правила и процедуры, которые кажутся естественными и разумными для европейцев и положены в основу европейской интеграции.

Ярким примером такого несоответствия является реакция ЕС на события в Чечне. Замораживание временного соглашения о торговле с Россией было совершенно корректным шагом ЕС и с моральной, и с политической точки зрения. Но в более широком плане, с учетом реальной ситуации в России, это решение не только не действенно, но и контрпродуктивно. Оно не способствовало российским реформам и "наказывало" не столько руководство, сколько население страны, 80% которого осудило войну в Чечне. К тому же, осудив бойню в Чечне, ЕС продолжало поддерживать тесные контакты с лицами, несущими исключительную ответственность за нее, что выглядит по меньшей мере циничным и лицемерным.

Разумеется, Запад имеет более чем достаточные основания для разочарования: реформы в России не только затянулись, но и пошли в направлении, весьма далеком от того, что предлагали западные эксперты. Вместе с тем на Западе все чаще задаются вопросом, насколько желательно иметь Россию в качестве друга и равноправного участника западных союзов, не выгоднее ли рассматривать ее как чуждую внешнюю силу, с которой должны поддерживаться в лучшем случае отношения партнерства, а в худшем — соперничества и сотрудничества. Иными словами, если бы "русской угрозы" не было, то ее стоило бы выдумать.

Из такого подхода следует, что в Европе должна быть проведена новая линия раздела между членами западных союзов и остальными европейскими государствами. В этом — главный резон восточного расширения ЕС и НАТО. Немаловажную роль в таком курсе играет стремление "старых" членов указанных организаций использовать расширение для преодоления нарастающего кризиса самих основ западного общества, что проявля-

ется в прогрессирующей индивидуализации, падении престижа религии и светских моральных ценностей, утрате доверия граждан к традиционным политическим элитам, росте правого экстремизма и т.п.

По мнению проф. Шемятенкова, в данном случае цель не оправдывает средства. Новый раскол Европы сулит ее народам возвращение к противоречиям "холодной войны", причем в условиях гораздо большей нестабильности. Единственной альтернативой такой перспективе является создание жизнеспособной общеевропейской архитектуры, то есть строительство того "общего европейского дома", о котором шла речь в 1987-1990 гг. Для этого необходимы нестандартные подходы, воображение и политическая воля, которых пока что явно недостает политическим "верхам" как на востоке, так и на западе европейского континента.

Доктор Юрий Матвеевский, старший советник министерства иностранных дел России, также полагает, что оптимальной концепцией долгосрочных отношений между Россией и ЕС является партнерство. Эта формула принята обеими сторонами и нашла воплощение в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, подписанном в июне 1994 г. на острове Корфу. Необходимо перейти к реальному партнерству, которое должно стать повседневной практикой. На это потребуется время.

Партнерство между Россией и ЕС может развиваться при наличии как минимум двух базовых условий — согласия в универсальных принципах, на которых должны базироваться общественные отношения в сотрудничающих государствах и мировой порядок, а также совпадения (или близости) ряда важнейших интересов долговременного характера.

Что касается первого условия, то, согласно новой Конституции, принятой в 1993 г., Российское государство признает и обязуется соблюдать принципы и нормы, провозглашенные в уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Хельсинкском Заключительном акте. Однако от провозглашения принципов до их последовательного претворения в жизнь — большая дистанция. Резкая реакция ЕС на военную операцию в Чечне свидетельствует о том, что отношение западноевропейских государств к партнерству в решающей степени зависит от того, насколько последовательно российские власти будут соблюдать права личности и использовать исключительно мирные способы решения конфликтов.

Характеризуя второе условие, Ю.Матвеевский отметил, что обе стороны кровно заинтересованы в стабильной и мирной Европе — в том, чтобы процессы общественных преобразований в посткоммунистических странах развивались исключительно мирным путем, в создании новой общеевропейской системы безопасности, развитии общеевропейского экономического сотрудничества. Главная проблема заключается в том, чтобы найти

конкретные пути и формы решения этих задач на основе баланса интересов и взаимоприемлемых компромиссов. Здесь уже говорилось о том, что для России особенно чувствителен вопрос о расширении НАТО. Признавая, что этот блок может сыграть конструктивную роль, она заинтересована прежде всего в том, чтобы вопросы европейской безопасности решались при ее полномправном участии и с учетом ее позиций. Такой подход требует адекватного институционального решения.

Приведенный пример с НАТО — это часть общей проблемы поиска оптимальных форм участия России в общеевропейском сотрудничестве. Специфика ее положения, в отличие от всех других европейских государств, состоит в том, что эта огромная страна сама по себе является особым регионом современного мира и к тому же историческим центром еще более обширного региона, очерченного ныне границами СНГ. Здесь также развиваются интеграционные процессы. Мир XXI века — мир региональных объединений, сотрудничающих между собой, и одним из них может стать СНГ. Концепция партнерства России и ЕС вполне согласуется с такой перспективой. Но это дело будущего. Пока же необходимо искать приемлемые институциональные формы участия России в общеевропейских процессах. Эти формы могут быть различными — от полноправного членства в таких организациях как ОБСЕ, Совет Европы и т.д. до специальных соглашений (с ЕС и НАТО), участия в общеевропейских программах (например, в программе научно-технического сотрудничества "Эврика"), субрегиональном сотрудничестве (район Черного и Балтийского морей, Северная Европа) и, наконец, двустороннего сотрудничества с отдельными европейскими государствами.

Проф. Леонид Глухарев, директор Учебно-научного центра проблем европейской интеграции и системного анализа Европейского союза, посвятил свое выступление перспективам взаимодействия культур, разных типов цивилизации, соседствующих в Европе.

Теперь, когда улеглась эйфория, вызванная крушением "мировой системы социализма" и победы капиталистической системы в "холодной войне", жизнь напомнила, что противоборство двух общественных систем — лишь эпизод в исторической эволюции цивилизаций. Возможно, человечество, вышедшее на уровень глобальной взаимозависимости, движется к некоему органическому единству — мировой цивилизации. Но если это достижимо, то — в далеком будущем. Пока же в мире, и Европе в том числе, представлены различные типы обществ, различные цивилизации, а глобальному единству предшествуют процессы формирования региональных сообществ.

В Европе существуют четыре цивилизации — европейская (западная), атлантическая, евразийская и исламская. Все они вовлечены, хотя и в разной мере, в процессы европейской инте-

грации. XXI век будет веком их усиливающегося сотрудничества и взаимопроникновения. Но вместе с тем каждой культуре свойственно стремление к самосохранению, защите своей самобытности, отторжению внешних воздействий. Взаимодействие двух отмеченных тенденций будет вызывать напряженность, порождать стрессы и конфликты. Это тем более неизбежно, что все мировые цивилизации, в том числе те, что перечислены выше, находятся в состоянии кризиса. Не решаются социальные и экологические проблемы, утрачиваются верховные ценности, падает авторитет государства, традиционных партий и других общественных институтов. Все это осложняет процессы взаимодействия цивилизаций.

Европейская интеграция — это детище прежде всего европейской цивилизации. Собственно и возникла она изначально как средство защиты Западной Европы: политически — от "социалистической цивилизации", экономически — для укрепления конкурентоспособности на мировых рынках в соревновании с США, а затем и с Японией. После исторических перемен в Европе на рубеже 80-х и 90-х годов перспективы интеграции радикально изменились. Она становится подлинной европейской. Предстоящее вступление в ЕС стран Центральной, Восточной и Балканской Европы, Средиземноморья и, вероятно, Турции, а также развитие партнерства и возможное создание зоны свободной торговли с Россией, Украиной и рядом других стран СНГ означает все более активное включение в интеграционные процессы евразийской и исламской цивилизаций.

Вступая в XXI век, Европе предстоит решить массу конкретных проблем, найти оптимальные формы сотрудничества во всех областях жизнедеятельности. О сферах безопасности, внешней политики, экономики сказано достаточно много, и их важность несомненна. Однако ни в коем случае нельзя преуменьшать значение культурного сотрудничества. Именно здесь, больше чем где бы то ни было, прокладываются мосты между цивилизациями, достигается тот уровень общения, взаимопонимания и доверия, без которого невозможно построить Новую Европу демократии, мира и единства.

Проф. Майкл Эмерсон, глава представительства Комиссии Европейского союза в Москве, посвятил свое выступление проблеме соотношения политики и морали, проходящей через всю историю международных отношений". Замечательно, что историки сегодня занимаются документацией и анализом того, что на протяжении последних пятидесяти с лишним лет происходило в истории европейской интеграции, поскольку в Европе сейчас все постоянно меняется, и это относится и к Западной Европе, и к отношениям Европы с Россией. То, что вчера было для нас простым и ясным, сегодня уже таким не является, и нам нужно задуматься над главными историческими направлениями,

чтобы, по крайней мере, знать свое прошлое”, — сказал М.Эмерсон.

“Политическая философия предыдущих столетий создала основу нынешней теории международных отношений, весьма соответствующую судьбам Европейской интеграции. Особо назову два имени: Макиавелли и Руссо. Макиавелли выступал за политику силы, “сила — есть право”, считая, что в вопросах взаимоотношений между странами и вмешательства в дела других стран нравственность неуместна. Руссо настаивал на том, что закон и мораль должны быть применимы ко всем областям человеческих отношений, в том числе и к политике. Таким образом, мы имеем два противоположных политических взгляда, и можем решить, какой из них принять”.

“В теории международных отношений мы находим обе эти точки зрения, выраженные в довольно разноречивой терминологии различными авторами. Я придерживаюсь терминологии, используемой проф. Кеохейном из Гарварда, предложившим два типа международных отношений — реалистическое и институциональное. Это термины. А по существу, к реалистам он относит тех, для кого политика силы в системе межнациональных отношений значительно перевешивает морально — правовые способы регулирования, а также тех, кто с подобных позиций рассматривает, как должны быть объяснены те или иные события или с нормативной точки зрения как бы они определяли желательную политическую линию”.

“Институционалисты же — это те, чьи взгляды более подходят для интеграционной практики. Они настаивают на использовании закона, как основы любых взаимодействий, и это ведет к созданию специальных законодательных или исполнительных органов. Существует огромное количество международных правовых норм общего характера, но внутри Европейского союза их концентрация такова, что налицо процесс политической интеграции”.

“Итак, это теоретическая основа. А что же фактически происходит у нас в Европе, от западноевропейских стран до России? В течение последних нескольких лет мы разрабатывали концепцию взаимного сотрудничества между Европейским Союзом и государствами бывшего СССР, в то время, как все большее число стран восточной и центральной Европы становились кандидатами на полное присоединение к ЕС. Эти страны сделали четкий выбор в пользу интеграции. Теперь наша забота — общая забота всех собравшихся в этом зале, — как предотвратить разногласия между теми странами, которые выбрали свою дорогу в направлении Западной Европы, и теми, кто, наподобие России, имеет ряд черт и особенностей, делающих эти разногласия объективной реальностью. Мы должны предотвратить такие противоречия, которые мешают успешному развитию экономических связей и представляют опасность в сфере полити-

ческого регулирования. Недавно мы наблюдали некие политические события в России, которые подтверждают подобное мнение. Возвращаясь к терминологии международных отношений, можно сказать, что политика, выбранная Россией в эти дни, изменяет соотношение между реализмом и институционализмом в сторону так называемого реализма. В сочетании этих двух философий, выраженных на практике действиями и выступлениями правительственных и неправительственных политиков, произошло некое смещение центра тяжести, что утяжелило долю реализма и уменьшило ожидания институционализма. Скажу откровенно, я весьма обеспокоен, что люди, выступающие от имени и в интересах России или Российской внешней политики, так или иначе связывают их с усилением доли реализма, что противоречит дальнейшему углублению работы в направлении институционализма. Меня беспокоит, что эти вопросы не являются предметом очень тщательной разработки, как того требуют направления Российской национальной политики, основанные на анализе затрат-выгод. Вопрос не в том, какая политика России предпочтительна для всего мира, а в том, чтобы Россия четко, ясно и благополучно определила бы круг своих внешнеполитических интересов. По сути увеличение доли так называемого реализма в Российской внешней политике может иметь контр-продуктивный эффект. Мой давнишний друг Владимир Шемятенко использовал термин контр-продуктивность в связи с реакцией Европейского союза на чеченский кризис. Здесь действительно есть повод для дебатов, так что давайте говорить о вещах важных, стоящих того, чтобы о них говорили. Я абсолютно не согласен с таким мнением. Мы наблюдали, что большинство русского населения думает о войне в Чечне. Это опять возвращает нас к реализму, институционализму и интеграции. Интеграционный процесс включает не только институты и законы, но также и главные общечеловеческие ценности. Мы с Россией разрабатывали механизм сотрудничества, где основные общечеловеческие ценности, как например, права человека, были включены в тексты, и тексты эти были подписаны. Но в Чечне все это было проигнорировано. Хотелось бы надеяться, что этот эпизод российской истории будет разрешен, и что конец, возможно, будет лучше, чем начало”.

“Но если шире посмотреть на тот поворот истории, которому посвящена данная конференция, то вопрос заключается в том, хочет ли Россия стоять особняком, предпочитая реализм институционализму в выборе модели своих международных контактов? По этому ли пути Россия хочет идти? Не с этим были связаны надежды Европейского Союза, который хочет упрочить постоянно углубляющиеся экономические, политические, социальные, профессиональные и чисто человеческие связи. Эти связи необходимо свести в единую управляемую систему институтов. Конечно, маловероятно в обозримом будущем перевести

все экс-советские государства в Европейский Союз в качестве полноправных членов, так что здесь нужна будет другая схема организации взаимоотношений. Но я опасаясь, что тенденция возрастающей доли реализма против институционализма, которая может быть и не является необратимой, будет иметь контрпродуктивный эффект в некоторых странах, лежащих между Россией и Европейским Союзом, и не только в центральной и восточной Европе, но и, скажем, на Украине. Эти страны, которые лингвистически, исторически, а также в области культуры являются близкими или дальними родственниками России, должны иметь соответствующую структуру взаимосвязей, но эта структура, по моему мнению, должна быть подчинена скорее институциональной, нежели реалистской модели. Страны СНГ еще не закончили создание такой структуры. Последние четыре года мы наблюдали важные перемены в Российской концепции ее взаимоотношений с Европой. Я считаю, что экономические и социологические интересы России должны быть связаны с институциональным подходом ко всей остальной Европе. Меня беспокоит, что господствующее мнение сегодня выбирает другое направление, но я все же надеюсь, что эти мнения могут опять измениться соответственно духу времени," — сказал в заключение господин Эмерсон.

Завершая дискуссию, проф.Борко выделил три общих мотива, прозвучавших в выступлениях участников "круглого стола": во-первых, процесс формирования "Новой Европы" неизбежно будет трудным и длительным; во-вторых, особенно сложным будет налаживание новых отношений партнерства между Россией и интегрированной Европой, объединенной Европейским союзом; в-третьих, несмотря на эти трудности, обе стороны крайне заинтересованы в партнерстве, и достижение этой цели в огромной мере зависит от того, какой путь и какие средства будут ими избраны.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией представляет собой долгосрочную и всеобъемлющую концепцию развития качественно новых отношений. Необходимо дополнить ее конкретной программой действий и приступить к ее практическому осуществлению. Возможно, ее не удастся реализовать полностью в первое десятилетие действия соглашения, поскольку Россия еще не вышла из глубокого кризиса, и ее потенциал ограничен. Но многое можно сделать, а главное — будет накоплен бесценный опыт партнерства.

Есть и другие направления сотрудничества между Россией и европейскими государствами и их объединениями — в рамках ОБСЕ, отношений с НАТО, советом Европы и т.д. Формы такого сотрудничества не могут быть одинаковыми. Важно, однако, стремиться к синхронизации процессов европейской интеграции и общеевропейского строительства, в котором активно и полноправно будет участвовать Россия.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГУМАНИТАРНАЯ БОЛЬШАЯ ЕВРОПА

История западноевропейской интеграции — конфликтно-компромиссный динамичный процесс второй половины XX века, от таможенного союза к валютно-экономической унификации и далее к политическому союзу. В наши дни Европейский Союз — творческая лаборатория и новая модель социального и политического развития, оказывающая существенное воздействие на мировую экономику и политику. Рубеж XX—XXI веков открыл новую эпоху кардинальных изменений, создающих новые возможности и свершения и одновременно риски и опасности, поставил вопрос о новой архитектуре Большой Европы.

Уходит в прошлое формула "два мира — две системы", по которой Европа жила в послевоенный период, но остаются вековые традиции различных культурно-исторических типов общества — цивилизаций. Наша новая эпоха геополитических изменений, поисков новых социально-политических моделей и институциональных форм развития в масштабах европейского континента, нового качества и диапазона в развитии общеевропейского процесса и наше стремление создать новую архитектуру Большой Европы ставят вопрос о разработке нового геополитического мышления, модификации и углублении общей теории интеграции. Научная мысль ищет новые формы взаимодействия Запада и Востока Европы, модели общеевропейского согласия. Новые условия требуют поиска компромисса между экономическим ростом и социальной справедливостью, между геополитическими интересами и национальными устремлениями, согласия и терпимости в межрелигиозных отношениях. В целостной географической и хозяйственной, но многоликой разноцивилизационной Большой Европе, которую мы снова открываем, познаем и строим, в конечном итоге идет поиск путей человеческого примирения.

**Гуманитарная Европа — духовно-нравственная основа
общеевропейского процесса кооперации и интеграции в
Большой Европе**

Противоречия нашей эпохи не должны порождать алармистских концепций и настроений безысходности из ее новых опасностей и рисков. Ведь есть еще одна, и притом фундаментальная ее особенность, которая становится нашей практикой. Это — смена парадигмы человеческого развития, смена вех, ориентация на Человека, на цельность и данность его бытия, новые, союзнические взаимоотношения его с Природой, потребность в

его новых отношениях с государством во имя обеспечения прав человека и надлежащего качества жизни, возврат к общечеловеческим, выработанным веками идеалам.

Наука и общественное знание давно отметили эту тенденцию. Еще в конце 30-х годов академик В.Вернадский в своей теории ноосферы предсказал, что человечество вступает в некое новое общество — Царство Разума. В послевоенные годы гуманистическая активность значительно возросла, стало пробивать себе дорогу новое политическое мышление. Б.Рассел творчески разрабатывает проблемы гуманизма, свободы, демократии и ищет теоретические пути создания общества, которые сочетали бы стабильность со свободой. В 60-е годы в своем "Манифесте" Б.Рассел, взывая к людям всей Земли, обратил внимание на то, что "все они принадлежат к роду человеческому и должны забыть о всем остальном". Академик А.Д.Сахаров в своем письме к президенту Академии наук СССР А.П.Александрову отмечает наличие "...неразрывной связи международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытого общества". Наконец, французский социолог Т.Годен в своей книге "Метаморфозы будущего", анализируя процессы "очеловечивания исторического процесса", ставит вопрос о качестве новой эре "антропологической революции", в которой горизонтом человека становится сам человек¹. Научная мысль все более склонна рассматривать международные отношения в их материальной и духовной всеобщности. Их содержание все больше наполняют гуманитарные проблемы, общечеловеческие ценности и интересы, качество жизни, как их зафиксировала Парижская Хартия для новой Европы, декларируя новую эру единства и демократии. Разрабатываются концепции "новой архитектуры" Большой Европы, "общеевропейского дома", "Конфедерации Европы" и т. д. Идея демократизации мировых отношений становится реальным и стимулирующим их фактором.

Однако гуманистическая тенденция развивается в сложнейших условиях геополитического и духовного характера. Становится очевидным, что опасности, риски, перспективы смуты в XXI веке нельзя преодолеть только политико-юридическими или даже военными средствами. При этом, как показал печальный опыт бывшей Югославии и Советского Союза, международные и национальные организации оказываются недостаточно эффективными. Убежден, что выходы из тупиков могут быть найдены на путях просвещения, верности нравственным идеалам, возрождения гуманистических ценностей, создания подлинно духовной основы межкультурного объединения Большой Европы. Таким фундаментом должна стать Гуманитарная Большая Европа.

Гуманитарная Европа — не несбыточная мечта современных утопистов, не какое-то неведомое будущее, не функциональная производная от экономической или политической интеграции,

но насущная и объективная необходимость, диктуемая реалиями конца XX века. Это новый, более высокий этап развития Старого Света и одновременно конфликтно-компромиссный процесс его саморазвития, саморегулирования, приспособления к новой мировой обстановке, к новейшему этапу научно-технической революции и эволюции человечества. Это и потребность народов Европы, преодолевающих синдром ее распада и ищущих более эффективные пути созидания. Это поиски средств преодоления исторического противостояния социального и национального, тоталитарного и демократического, самоизоляции и кооперации, интеграции и дезинтеграции, поиски новой архитектуры для Европы XXI века, возможностей внедрения новой практики международного общения, широких транснациональных связей.

Разумеется, Гуманитарная Большая Европа — перспектива XXI века. На современном же уровне познания ее можно определить как духовно-нравственную основу общеевропейского процесса разносторонней кооперации и интеграции, формирования единого духовного, гуманитарного и демократического пространства, как фактор стабилизации и позитивного воздействия на общеевропейский процесс средствами интеллектуальной кооперации и интеграции на поприще науки, просвещения, культуры и религии, как новое общеевропейское социальное измерение человека, его прав, возможностей, образа жизни. Таким образом, Гуманитарная Европа становится залогом духовного сближения наций и государств. Без создания такой духовно-нравственной основы своего прогресса Европа обречена на смуту, раскол, конфликты.

Нравственный фактор играет все более важную роль в общеевропейском процессе. Действительно, ведь строительство единого территориального, демократического, гражданского общества мыслится лишь при активной роли нравственного фактора. В своем "Меморандуме" (1968 г.) А.Д.Сахаров писал о том, что в интересах спасения мира необходимо соединить науку, политику и нравственность. Русский философ П.И.Новгородцев отмечал "самостоятельное значение нравственного идеала". Тем более важны и необходимы в наше время нравственное воздействие на ход событий, нравственная ответственность за них, нравственная оценка. Не только государство и общественные структуры несут ответственность за происходящее, но и отдельная личность. Не следует рассматривать исторический процесс как некую абсолютную детерминанту, независимую от правящих элит, отдельных личностей, тех или иных обстоятельств. "Не суд истории, а суд над историей," — указывает Новгородцев². В этом плане и общеевропейский процесс, и конкретная деятельность по укреплению безопасности в его территориальном пространстве могут и должны оцениваться и корректироваться гуманистической мыслью, Гуманитарной Европой.

Некоторые основополагающие принципы

В нашем раздираемом всевозможными противоречиями мире Гуманитарная Европа должна базироваться на общечеловеческих ценностях, таких, как мораль, честь, долг, совесть, милосердие, поскольку налицо безусловные, общие нравственные понятия, объединяющие всех людей, независимо от рас, национальностей, конфессий, социальной принадлежности и профессиональной ориентации. Совокупность этих понятий и представляет основу для нравственного единства как граждан какого-либо государства, так и целых цивилизаций. Нравственные законы в принципе едины в разных цивилизациях, у христиан, мусульман или иудеев. Но Гуманитарная Европа должна быть эталоном нравственного состояния для всех, оказывать воздействие на все ветви власти, моральное влияние на все общество, формировать общественное мнение, которое влияло бы на его социально-политическое, экономическое, правовое развитие, на "Европу государств" и "Европу граждан".

Формируясь на общих принципах свободы и ответственности, Гуманитарная Европа в реальности сталкивается с различными режимами и институциональными структурами. Тоталитаризм, авторитаризм, псевдodemократия и несовершенная демократия могут сочетаться с парламентаризмом, с демократическим правлением и т. д. Беря на себя ответственность за Человека, Гуманистическая Европа как идеал для Гуманитарной Европы должна вкладывать в понятие свободы нравственное содержание. (Гуманистическая Европа видится в идеале как некое новое, справедливое, демократическое общество, Гуманитарная Европа — как некая институциональная структура, формируемая четырьмя основными элементами — наукой, образованием, культурой и религией.) Принцип свободы, за который пролито немало крови, не означает вседозволенности, власти толпы, беззакония. Свобода предпринимательства, экономическая свобода не могут означать свободу безнравственного стяжательства и спекулятивного накопления, безнаказанности мздоимства и коррупции. Свобода слова и плюрализм мнений не означают свободу дезинформации, информационной блокады или призывов к насилию.

Гуманитарная Европа — активно действующее лицо в процессе формирования единого демократического пространства. Генеральный секретарь Совета Европы К.Лялюмьер, высказываясь о "единой Европе", "общеевропейском доме" и ставя вопрос о его "фундаменте", т.е. о неких общих принципах, проверенных временем и необходимых как для индивида, так и континента в целом, относит к ним политический плюрализм, уважение прав человека, закона, дух терпимости, уважение мнений других, "даже если эти другие отличаются от нас культурой, цветом кожи или религией"³. Соглашаясь с этим тезисом, нельзя не добавить некоторые иные компоненты фундамента Боль-

шой Европы, неотъемлемые составляющие Гуманитарной Европы — нравственную внутреннюю и внешнюю политику, разумную индивидуальную свободу, коллективную ответственность партий, организаций, общественных движений и гражданское согласие, солидарность и толерантность цивилизаций.

Европа XXI века должна быть стабильна политически, а ее безопасность обеспечена военными средствами, разумеется, без использования этих средств против населения. В современных условиях умиротворяющей силой, фактором формирования политики безопасности должна стать Гуманистическая Европа. Думается, что она призвана найти баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью, атеизмом и религиозной веротерпимостью, правами личности и правами государства, гарантировать приоритет права над властью. Она призвана формировать новое гуманистическое мышление, которое ставило бы во главу угла не национальные, расовые, религиозные принципы, а общечеловеческие ценности.

Оказывая воздействие на формирование нравственной политики, Гуманитарная Европа ориентирует процесс саморазвития и саморегулирования на естественно-историческую дорогу, исключая социальную инженерию во имя различных утопических идей политического и религиозного характера. В качестве своей хозяйственной основы Гуманитарная Европа должна иметь смешанную экономику, сочетать традиционные и передовые хозяйственные структуры, обеспечивать примат производительного капитала над спекулятивным. Принципы уважения личности не могут гипертрофироваться до отождествления их с индивидуализмом и эгоизмом и должны предусматривать общественное служение, коллективную мудрость и разумные действия общества для своего саморазвития. "Общественное служение, — писал В.Соловьев, — высшая ступень человеческого бытия и народа в целом." "Христианский принцип обязанности или нравственного служения есть единственно полный или совершенный принцип политической деятельности"⁴.

История и география поставили Европу в условия цельности континента и плюрализма цивилизаций, их пересечения, взаимодействия и противодействия. Это одна из важнейших причин, в силу которых новая архитектура Европы должна строиться на основах солидарности и толерантности, формирующихся в самосознании народов Европы. Историческое и географическое единство не означает однородности цивилизаций, их ассимиляции, необходимости трансплантации, навязывания идей и образа жизни. Будущее Европы видится как определенное единство народов с различными, но взаимодополняющими традициями, типами социально-политического устройства, культурами, религиями. Общеευропейский процесс экономического и культурного единения не предполагает растворения и обезличивания наций,

народов, культур. Напротив, он влечет за собой их взаимообогащение и взаимодополнение.

Гуманитарная Европа должна отвечать новой парадигме исторического развития, ориентированной прежде всего на человеческое измерение. Ее ориентир — не только "общество благоденствия" или "общество потребления" с их гедонизмом и безразличием к окружающей среде, не слепая вера в научно-технический прогресс, в материально-технические силы развития цивилизации с технократическим мышлением и потребительской психологией, а социально-гуманное, духовно-нравственное общество. Гуманитарная Европа — это структура для всего континента, нацеленная на человеческое измерение общеевропейского процесса. Она не может ограничиваться проблемами качества жизни, правами человека, национальных меньшинств в отдельных странах и регионах, но должна быть нацелена на сохранение человеческого бытия во всем европейском и мировом масштабе, а следовательно, и на обеспечение сотрудничества различных цивилизаций и их безопасности. Гуманитарной Европе надлежит стать некоей новой моделью общества, основанной на синтезе и взаимодействии цивилизаций, на универсальных нравственных идеалах и человеческих ценностях, общеевропейском согласии, терпимости и взаимопонимании, коллективной ответственности и безопасности, особенно общеевропейской.

Мотором Гуманитарной Европы становятся интеллектуальная кооперация и интеграция. Они уже давно развиваются в Европе, преодолевая политические границы. Идут они толерантно, с учетом различия идеологий, мировоззрений, религий. Это процесс научной, просветительской, культурной конвергенции, экуменический диалог, обоюдодоприемлемый инструмент познания и воздействия. Создание Гуманитарной Европы — не силовой, но и не чисто рыночный, а духовно-нравственный процесс. В 50-60-е годы западноевропейский Общий рынок называли "Европой торговцев", "Европой монополий", и это имело под собой известные основания, поскольку в ту пору западноевропейская интеграция шла преимущественно на частномонополистическом уровне. Гуманитарную Европу, надо думать, назовут "Европой интеллектуалов", "Европой мыслителей". Это будет сфера духовного преодоления рисков и потрясений конца XX века, духовного созидания и культурного творчества, утверждения высокой нравственности. В формировании такой сферы преимущественную роль приобретают творцы духа — мыслители, деятели науки, культуры, искусства, религиозные деятели, интеллигенция. Именно творческая интеллигенция представляет движущую силу новой, Гуманитарной Европы. Естественно, это должна быть ни нигилистически, ни изоляционистски настроенная интеллигенция, а широко, конструктивно мыслящая, с универсальным, вселенским, толерантным мировосприятием.

Культурный фактор, "культурная среда" имеют здесь большое значение. Уместно привести суждение А.Тойнби: "Культурный элемент представляет собой душу, кровь, сущность цивилизаций. В сравнении с ним экономический и тем более политический кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизаций"⁵. Естественно, общечеловеческой культуры нет, как справедливо отмечали С.Трубецкой и Л.Гумилев, подчеркивая значение национальных культур. Но безусловны близость культур, взаимопонимание культур, их уважение и сбережение, необходимость избегать их обезличивания и нивелировки. Поэтому создание европейской гуманистической "культурной среды", культурных очагов для взаимодействия цивилизаций, формирования Гуманитарной Европы имеет не меньшее значение, чем создание материально-технической основы для общеевропейского процесса кооперации и интеграции.

Поскольку Гуманитарная Европа базируется на универсальных человеческих ценностях, присущих всем народам и религиям, активизация религиозного сознания представляется позитивным фактором общеевропейского процесса. И христианство, и ислам, и другие конфессии выступают как очаги духовности, социальной справедливости. Они формируют духовную основу общеевропейского процесса, властно входят в жизнь и быт народов после длительной исторической полосы угнетения и секуляризации и безусловно образуют духовный пласт цивилизации Большой Европы XXI века. Экуменический диалог, духовное единение и веротерпимость должны стать составной частью Большой Гуманитарной Европы.

Этот институт должен создаваться не только сверху, но и снизу, широкой общественностью. То, что не удастся правительствам, другим государственным структурам, возможно, удастся сделать неправительственным, общественным, религиозным организациям, выдающимся деятелям науки, культуры, просвещения и церкви. Возможно, голос именно этих организаций, деятелей народной дипломатии, объединяющей простых людей разных стран вокруг незыблемых идей общечеловеческих отношений, будет услышан, понят, и это принесет позитивные результаты. Тем самым Большая Гуманитарная Европа будет сочетать и коллективный разум, и народный здравый смысл, и индивидуальные действия.

Фундаментальные качественные перемены в Европе на рубеже веков, геополитические сдвиги, изменения в мировоззренческой сфере, актуальные духовные проблемы требуют нового знания, обновления наших взглядов и эволюции теорий интеграции, корректировки политики безопасности применительно к новой архитектуре Европы, более целостного анализа на стыке наук, системного анализа проблем Большой Европы. Теория Гуманитарной Европы как основа для формирующейся новой практики

может быть таким новым научным направлением, необходимым для лучшего осмысления проблем европейского, да и мирового развития. Особое внимание должно быть уделено роли России в Большой Европе, ее историческим традициям и особенностям, поскольку без России невозможны ни Гуманитарная Европа, ни подлинная политика безопасности.

Примечания

¹ Goden Th. Les Métamorphoses de Futur. Essai du prospectives technologique. P., 1983.

² Новгородцев П.И. О задачах философии права. Спб.1902.

³ "Независимая газета", 15 октября 1993 г.

⁴ Соловьев В. Национальный вопрос в России. Цит. по: "Новый мир", 1989 г, №1, с. 211.

⁵ Тойнби А. Постижение истории. М. 1992. С. 356.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Арзаканян Марина Цолаковна — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук, специалист по истории Франции XX в.
2. Бакен Дэвид — глава европейского бюро "Файненшл Таймс" (Париж), автор трудов по европейской интеграции.
3. Борко Юрий Антонович — зам. директора Института Европы РАН, президент Ассоциации европейских исследований; д.э.н., профессор, автор монографий и многочисленных статей и глав в коллективных трудах по истории европейской интеграции.
4. Глухарев Леонид Иванович — директор Учебно-научного центра проблем европейской интеграции и системного анализа ЕС, член правления Ассоциации европейских исследований, член Европейского общества культуры, д.э.н., профессор, автор многих монографий по проблемам европейской интеграции.
5. Грюнер Вольф — профессор кафедры им. Жана Монне Университета г. Гамбурга (Германия), специалист в области европейской истории.
6. Дейтон Анна — сотрудник колледжа Св. Антония, старший научный сотрудник университета г. Оксфорда, специалист по истории европейской интеграции.
7. Зуев Владимир Николаевич — старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, к.э.н., специализируется в области истории европейской интеграции.
8. Зуева Кира Павловна — ст. н. сотр. ИМЭМО РАН, специалист в области внешней политики Франции, российско-французских отношений и европейской интеграции, автор трех монографий и многих статей и глав в коллективных трудах.
9. Книппинг Франц — профессор кафедры европейской интеграции им. Жана Монне, Университета г. Вупперталя (Германия).
10. Ладлоу Пирс — научный сотрудник колледжа Св. Антония, университета г. Оксфорда (Великобритания), специалист по истории европейской интеграции.
11. Мельчионни Мария Грациа — профессор кафедры им. Жана Монне по истории, политике и европейской интеграции университета г. Рима "Ля Сапиенца" (Италия).
12. Лот Вильфрид — профессор новейшей истории университета г. Эссена, директор культурно-научного института в Эссене. Автор нескольких монографий, в том числе "Раздел мира. История холодной войны (1941—1955) (1980); "История Франции в XX в." (1987); "Путь к Европе. История европейской интеграции. 1939—1957 гг." (1990); "Нелюби-

мое дитя Сталина. Почему Москва не хотела создания ГДР" (1994).

13. Наринский Михаил Матвеевич — зам. директора ИВИ РАН, руководитель Центра изучения истории Франции, зав. кафедрой истории международных отношений и внешней политики России МГИМО. Доктор исторических наук, специалист в области международных отношений и истории XX в. Автор нескольких монографий и большого количества статей и глав в коллективных трудах.
14. Размеров Владимир Владимирович — ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, к.и.н., специалист в области европейских исследований и внешней политики Германии.
15. Стеландр Ив — ассистент-исследователь факультета европейской истории Католического Университета в Лувене (Бельгия), специалист по проблемам европейской интеграции.
16. Улунян Арутюн Акопович — ст. н. сотр. ИВИ РАН, д.и.н., специализируется по новейшей истории Греции и проблемам коммунистического движения. Автор четырех монографий и свыше 30 научных статей, опубликованных как в России, так и за рубежом.
17. Филитов Алексей Митрофанович — ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, д.и.н., автор монографий "Холодная война: историографические дискуссии на Западе" (М., 1991); "Германский вопрос: от раскола до объединения" (М., 1993) и статей по истории международных отношений периода второй мировой войны и послевоенного времени.
18. Флэри Антуан — генеральный секретарь Международной Ассоциации современной истории Европы, профессор университета г. Женевы, специалист по проблемам европейской истории.
19. Хесин Ефим Самуилович — ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, зав. отделом европейских исследований, д.э.н., автор нескольких монографий и многочисленных статей и глав в коллективных трудах по мировой экономике, международным экономическим отношениям, экономике и политике современной Великобритании.
20. Черкасова Екатерина Геннадиевна — старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, к.и.н., специалист по проблемам европейской интеграции, автор статей и глав в коллективных трудах.
21. Чубарьян Александр Оганович — директор Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент Международного Комитета исторических наук, автор многих монографий, статей и глав в коллективных трудах по истории Европы и истории международных отношений в XX в.

22. Шатохина-Мордвинцева Галина Алексеевна — научный сотрудник ИВИ РАН, специалист по новой и новейшей истории Нидерландов, автор статей и глав в коллективных трудах по проблемам европейской истории.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
<i>Вилфрид Лот</i> (Университет Эссена, Германия) Планы военного времени и обсуждение условий Европейского Союза (пер. с англ. А.Б.Ситниной).....	5
<i>Алексей Филитов</i> (ИВИ РАН, Москва) Европа в советских планах послевоенного устройства.....	17
<i>Михаил Наринский</i> (ИВИ РАН, Москва) План Маршалла и Советский Союз.....	30
<i>Галина Шатохина-Мордвинцева</i> (ИВИ РАН, Москва) Гаагский конгресс 1948 г.....	46
<i>Кира Зуева</i> (ИМЭМО РАН, Москва) План Шумана и Советский Союз.....	55
<i>Вольф Грюнер</i> (Гамбургский университет, Германия) Европейская интеграция и германский вопрос с 1945 г.: проблемы и перспективы (пер. с англ. А.Б.Ситниной).....	68
<i>Александр Чубарьян</i> (ИВИ РАН, Москва) Советское руководство и некоторые вопросы европейской интеграции в начале 50-х годов.....	108
<i>Франц Книппинг</i> (Вуппертальский Университет, Германия) Проект европейского оборонительного сообщества, 1950-1954 гг. (пер. с англ. Е.А.Добровой).....	118
<i>Владимир Размеров</i> Брюссельский пакт и план Плевена в советской внешнеполитической пропаганде.....	129
<i>Мария-Грация Мельчионни</i> (Университет "Ля Сапиенца", Рим, Италия) Влияние Суэцкого кризиса на переговоры в Брюсселе (пер. с франц. Н.Ф.Штыкало).....	141
<i>Екатерина Черкасова</i> (ИМЭМО РАН, Москва) Римский договор и европейская интеграция: советские интерпретации.....	160

<i>Ив Стеландр</i> (Лувенский Университет, Бельгия) Бельгия и начало Европейского Сообщества. 1950-1963 гг. (пер. с франц. Н.Ф.Штыкало).....	170
<i>Антуан Флёри</i> (Женевский университет, Швейцария) Швейцария и европейская интеграция: позиция нейтрального государства (пер. с франц. Н.А.Розанцевой)	183
<i>Марина Арзаканян</i> (ИВИ РАН, Москва) План "единой Европы" де Голля и СССР (1958-1962 гг.).....	197
<i>Арутюн Улунян</i> (ИВИ РАН, Москва) Старая площадь и "Единая Восточная Европа" в 50-е — 90-е годы. Советская коммунистическая доктрина и геополитика.....	206
<i>Пирс Ладлоу</i> (Оксфордский университет, Великобритания) К вопросу о первых успехах Европейского Сообщества и его соседи в начале 60-х годов (пер. с англ. А.Б.Ситниной).....	219
<i>Дэвид Бакен</i> ("Файненшенел Таймз") Дороги, ведущие к Маастрихту (пер. с англ. Е.А.Добровой).....	239
<i>Ефим Хесин</i> (ИМЭМО РАН, Москва) Европейское сообщество на рубеже 80-х годов.....	250
<i>Владимир Зуев</i> (ИМЭМО РАН, Москва) Горбачевская перестройка.....	257
<i>Энн Дейтон</i> (Оксфордский университет, Великобритания) История европейской интеграции: историография (пер. с англ. Е.А.Добровой).....	267
<i>Юрий Борко</i> (Институт Европы РАН, Москва) Круглый стол "Европа после холодной войны".....	281
<i>Леонид Глухарев</i> (МГУ, Москва) Западноевропейская интеграция и Гуманитарная Большая Европа.....	295
Сведения об авторах	303

**История
европейской интеграции
(1945-1994 гг.)**

**Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН**

**Оригинал-макет подготовлен
в Институте всеобщей истории РАН
Оформление: А.И.Саплин, Е.С.Токарева**

Л.Р. № 020915 от 23 сентября 1994 г.

**Подписано к печати 15 11 1995
формат 60х90 1/16
Гарнитура Имаймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 19,4 Тираж 2000 экз.
Заказная.**

**Институт всеобщей истории РАН
117334 Москва, Ленинский пр., д.32А**